Ли Чайлд

Джек Ричер, или Средство убеждения

* * *

Посвящается Джейн и береговым пташкам

Глава 01

Полицейский выбрался из своей машины ровно за четыре минуты до того, как был убит. Он двигался так, словно наперед знал свою судьбу. С трудом открыв дверь, полицейский медленно развернулся на протертом кожзаменителе сиденья и поставил обе ноги на асфальт. Затем ухватился руками за дверной проем и грузно поднялся. Постояв мгновение на прохладном, свежем воздухе, полицейский повернулся и захлопнул дверь. Постоял еще немного. Потом шагнул вперед и облокотился на капот у фары.

У него был семилетний «шевроле каприс». Черный, без каких-либо указаний на принадлежность к полиции. Но над крышей торчали три антенны, а на колесах сверкали хромированные колпаки. Большинство полицейских клянутся и божатся, что лучше «каприса» полицейской машины нет. И этот тип, казалось, придерживался того же мнения. Он был похож на ветерана, вольного выбирать себе любой агрегат с двигателем и на колесах. И на этом древнем «шевви» он ездил потому, что ему так нравилось. Потому что новые «форды» его не интересовали. По его манере держаться было видно, что это упрямый любитель старины. Широкоплечий, плотный, в простом темном костюме из плотной шерсти. Высокорослый, но сутулый. В летах. Покрутив головой, полицейский посмотрел вдоль шоссе на север и на юг, а затем, вытянув тощую шею, оглянулся на ворота колледжа. От меня до него было ярдов тридцать.

Ворота колледжа представляли собой чистую формальность, предназначенную исключительно для церемоний. Из обширной ухоженной лужайки за дорогой просто поднимались два высоких кирпичных столба. Столбы соединяли высокие двустворчатые ворота, сделанные из согнутых и переплетенных в причудливые формы стальных прутьев. Ворота сверкали черной краской. Казалось, их покрасили только что. Вероятно, их красили после каждой зимы. Но они не осуществляли никакой охранной функции. Кто хотел, мог проехать мимо ворот прямо через лужайку. Впрочем, ворота все равно были открыты. За воротами начиналась дорожка, по обе стороны которой в

восьми футах от столбов стояли маленькие чугунные кнехты с защелками. К кнехтам были прикреплены створки ворот, распахнутые настежь. Дорожка вела к горстке невысоких кирпичных строений, до которых было ярдов сто. Остроконечные крыши были покрыты мхом, строения терялись в тени деревьев. Дорожка тоже была обсажена деревьями. Деревья росли повсюду. Листья только начинали распускаться. Они были крошечные, скрученные и ярко-зеленые. Шесть месяцев спустя они станут большими, золотистыми и красными, и здесь все будет кишеть фотографами, спешащими увековечить пейзаж для рекламных проспектов колледжа.

В двадцати ярдах за полицейским и его машиной у ворот на противоположной стороне дороги стоял пикап. Стоял у самой обочины, передом ко мне, ярдах в пятидесяти. Пикап здесь казался не к месту. Выцветшего красного цвета, с могучим кенгурятником на бампере. Тусклый черный кенгурятник, похоже, несколько раз гнули, а затем выпрямляли. В кабине фургона сидели двое. Молодые, высокие, чисто выбритые, светловолосые. Они сидели совершенно неподвижно, уставившись прямо перед собой, никуда не глядя. Парни не смотрели на полицейского. Не смотрели на меня.

Я собирался ехать на юг. У меня был непримечательный коричневый фургон. Я поставил его перед музыкальным магазинчиком. Магазинчик был из тех, какие можно встретить у ворот колледжа. На стеллажах, выставленных на тротуар, лежали подержанные компакт-диски; в витринах красовались плакаты групп, о которых никто не слышал. Задние двери фургона были открыты. В салоне лежали коробки. В руках я держал ворох бумаг. Я был в плаще, потому что стояло прохладное апрельское утро. Я был в перчатках, потому что разорванные коробки ощетинились выпавшими скрепками. Я был при оружии, потому что частенько ношу с собой пистолет. Он был засунут за пояс сзади, под плащом. Кольт «анаконда», большой револьвер из нержавеющей стали под патрон 44-го калибра «магнум». Револьвер имел в длину тринадцать с половиной дюймов и весил почти четыре фунта. Оружие как раз по мне. Он был твердый, тяжелый и холодный, и я постоянно его чувствовал.

Услышав, как завелся двигатель пикапа, я оторвался от бумаг. Машина не тронулась с места. Она стояла неподвижно, а двигатель работал на холостых оборотах. Между задними колесами вился белыми колечками выхлопной дым. Воздух был холодным. В этот ранний час улица оставалась пустынной. Обойдя свой фургон, я взглянул за музыкальный магазинчик в сторону зданий колледжа. Увидел перед одним из них черный «линкольн таун кар». Рядом с машиной стояли двое. От меня до них было ярдов сто, но ни один из них не выглядел как водитель. Водители лимузинов не ходят парами, не бывают молодыми и

мускулистыми, не ведут себя настороженно. Эти ребята определенно были телохранителями.

Здание, перед которым стоял «линкольн», вероятно, было чем-то вроде общежития. Над массивной деревянной дверью надпись по-гречески. У меня на глазах дверь распахнулась и появился очень худой парень. Судя по всему, студент. У него были длинные спутанные волосы, одет он был как бездомный бродяга, но в руке держал портфель из дорогой блестящей кожи. Один из телохранителей вытянулся в струнку, а другой открыл заднюю дверь лимузина. Бросив портфель на сиденье, парень скользнул в машину. Телохранители задержались, оглядываясь по сторонам, а затем сели вперед, и лимузин тронулся. Следом за ним медленно потащился автомобиль службы охраны колледжа – держась на расстоянии тридцати ярдов, вроде бы и не сопровождающий лимузин, а просто случайно оказавшийся рядом. В машине сидели, развалившись, двое полицейских. Замученные бездельем, умирающие от скуки.

Сняв перчатки, я бросил их в кузов фургона. Шагнул на дорогу, чтобы было лучше видно. «Линкольн» неторопливо приближался. Черный, сверкающий, безукоризненный. Обилие хрома. Обилие полировки. Машина с охранниками колледжа держалась позади. Проехав в церемониальные ворота, лимузин повернул налево и поехал на юг, в направлении черного полицейского «каприса». В направлении меня.

То, что произошло дальше, заняло восемь секунд, однако показалось мне одним мгновением.

Блеклый красный пикап оторвался от обочины. Резко набрал скорость. Нагнал «линкольн» как раз тогда, когда тот поравнялся с «каприсом». Проехал в футе от коленей полицейского. Затем чуть вырвался вперед, водитель выкрутил руль, и кенгурятник углом врезался в передний бампер «линкольна». Водитель пикапа продолжал крутить руль, выталкивая лимузин на обочину. Съехав на газон, «линкольн» сбавил скорость и налетел на дерево. Послышался треск гнущегося и разрывающегося металла, разлетелось вдребезги стекло фары, над капотом поднялось облако белого пара, и маленькие зеленые листочки на дереве шумно затрепетали в неподвижном утреннем воздухе.

Тут двое из пикапа начали стрелять. У них были черные пистолеты-пулеметы, и они стреляли по «линкольну». Грохот стоял оглушительный; на черную крышу лимузина хлынул дождь латунных гильз. Затем нападавшие бросились к дверям «линкольна». Распахнули их. Один, нагнувшись, нырнул в салон и вытащил паренька. Другой продолжал стрелять по передним сиденьям. Потом сунул левую руку в карман и достал гранату. Швырнул ее в машину, захлопнул двери и, схватив своего дружка и паренька за плечи, заставил их пригнуться. В

салоне «линкольна» сверкнула яркая вспышка. Прогремел взрыв. Все шесть окон разбились вдребезги. Я был больше чем в двадцати ярдах и все равно ощутил удар взрывной волны. Повсюду разлетелись осколки стекла, заискрившиеся на солнце тысячами радуг. Затем тот, кто бросил гранату, подбежал к правой двери пикапа, а другой, запихнув в кабину паренька, торопливо влез следом за ним. Двери захлопнулись, и паренек оказался зажат на переднем сиденье. Его лицо исказилось от ужаса. Стало белым как полотно. Даже через грязное лобовое стекло я увидел, как рот паренька раскрылся в немом крике. Водитель включил передачу, взревел двигатель, и пикап, визжа шинами, понесся прямо на меня.

Это была «тойота». Я успел разглядеть на решетке за кенгурятником буквы «TOYOTA». Подвеска была высокой, и мне был виден большой черный дифференциал переднего моста. Размером с футбольный мяч. Полноприводная машина. Большие широкие шины. Поблекшая, облупившаяся краска, которую не мыли с тех пор, как машина покинула завод. Она неслась прямо на меня.

У меня было меньше секунды на размышления.

Откинув полу плаща, я выхватил кольт. Тщательно прицелился и выстрелил в радиатор «тойоты». Большой револьвер с ревом дернулся у меня в руке. Массивная пуля 44-го калибра разнесла радиатор. Я выстрелил второй раз, в левую переднюю шину. Покрышка разорвалась в клочья черной резины. Во все стороны разлетелись ярды лопнувшего корда. Пикап пошел юзом и остановился водительской дверью ко мне. В десяти ярдах. Пригнувшись за свой фургон, я захлопнул задние двери, высунулся на тротуар и выстрелил в левую заднюю шину. Тот же результат. Повсюду резина. Накренившись, пикап осел на ободья. Распахнув свою дверь, водитель выскочил на асфальт и упал на колено. Пистолет у него был не в той руке. Я выждал, чтобы быть уверенным в том, что он действительно целится в меня. Затем обхватил левой рукой правое запястье, надежно удерживая четыре фунта кольта, прицелился в центр массы, как меня учили давным-давно, и нажал на спусковой крючок. Грудь нападавшего взорвалась большим кровавым облаком. Тощий паренек сидел в машине. Он в ужасе уставился на меня. Но второй тип выскочил из машины и стал обегать капот, наводя на меня оружие. Повернувшись влево, я выждал миг и прицелился ему в грудь. Выстрелил. Тот же результат. Нападавший отлетел спиной на бампер в облаке красного тумана.

Наконец парень зашевелился. Бросившись к нему, я вытащил его из кабины прямо через труп первого нападавшего. Побежал к фургону, увлекая паренька за собой. От шока и смятения его движения были заторможенными. Запихнув паренька в кабину, я захлопнул за ним дверь и поспешил за руль. Краем глаза увидел, как ко мне приближается

кто-то третий. Засовывает руку в карман. Высокий широкоплечий тип в темном костюме. Опустив кольт, я выстрелил. Ярко-алый цветок разорвался у него на груди в тот самый миг, когда я понял, что это ветеран-полицейский из «каприса» и он лез в карман за своим значком. Полицейский значок, золотой щит в потрепанном кожаном футляре, вывалился у него из руки и, ударившись о бордюрный камень, упал на асфальт прямо перед фургоном.

Время застыло.

Я не мог оторвать взгляд от полицейского. Он лежал на спине на обочине. Вся его грудь превратилась в сплошное красное месиво. Кровь была повсюду. Грудь не вздымалась и не опускалась. Никаких признаков сердцебиения. На рубашке зияла рваная дыра. Полицейский лежал совершенно неподвижно, повернув голову, вжимаясь щекой в асфальт. Он широко раскинул руки с синеющими на них прожилками. Я особенно остро прочувствовал черноту полосы асфальта, зелень молодой травы, ослепительную голубизну неба. Сквозь отголоски громких раскатов выстрелов, звеневших у меня в ушах, до меня доходил шелест листвы на ветру. Тощий паренек испуганно посмотрел на распростертого полицейского, затем перевел взгляд на меня. Из ворот колледжа выезжала машина с охранниками. Она ехала гораздо медленнее, чем следовало бы. Как-никак прогремели десятки выстрелов. Быть может, охранники не могли принять решение, стоит ли им вмешиваться в то, что не относится напрямую к их обязанностям. Быть может, они просто перепугались до смерти. Сквозь лобовое стекло я разглядел их бледные лица. Машина свернула в нашу сторону. Поползла со скоростью миль пятнадцать в час прямо на меня. Я взглянул на золотой полицейский значок, сверкающий на асфальте, – за долгие годы металл был отполирован до блеска. Взглянул на свой фургон, не двигаясь с места. Еще давным-давно я накрепко усвоил, что убить человека совсем не трудно. А вот вернуть к жизни абсолютно невозможно.

Машина с охранниками медленно катилась ко мне. Я слышал шелест покрышек по асфальту. Это был единственный звук, нарушавший полную тишину. Время возобновило свой ход, и мой внутренний голос закричал: «Давай, давай, давай!» Повинуясь ему, я вскочил в кабину своего фургона, бросил револьвер на среднее сиденье, завел двигатель и сделал такой крутой разворот, что машина поднялась на два колеса. Тощего паренька швырнуло в сторону. Выкрутив руль, я надавил на газ и понесся на юг. Вид в зеркало заднего обзора был ограниченным, и все же я разглядел, что охранники из колледжа зажгли мигалки и помчались следом. Мальчишка не проронил ни звука. Его рот был приоткрыт. Похоже, все его внимание было сосредоточено только на том, чтобы удержаться на сиденье. А все мое внимание было

сосредоточено на том, чтобы ехать как можно быстрее. К счастью, шоссе было почти пустынным. В такой ранний час городок Новой Англии еще не проснулся. Разогнав фургон до семидесяти миль в час, я стиснул рулевое колесо с такой силой, что побелели костяшки пальцев, и уставился на дорогу перед собой, как будто не хотел видеть то, что происходит у меня за спиной.

– Насколько они отстали? – спросил я паренька.

Он молчал. Не пришедший в себя от шока мальчишка забился в угол, словно стараясь как можно больше отдалиться от меня. Уставившись в потолок, он вцепился правой рукой в дверь. Бледная кожа, длинные пальцы.

– Насколько они далеко? – повторил я.

Двигатель ревел на пределе.

– Вы убили полицейского, – наконец сказал мальчишка. – Ведь тот пожилой мужчина был полицейским, вы знаете?

– Знаю.

– Вы его убили.

– Случайно, – сказал я. – Насколько они отстали?

– Он показывал свой значок.

– Насколько они отстали?

Зашевелившись, паренек обернулся и отвел голову, чтобы заглянуть в крошечное зеркало заднего вида.

– Футов на сто, – сказал он. В его голосе прозвучал неприкрытый страх. – Они совсем близко. Один из них высунулся из окна с пистолетом.

Тотчас послышался отдаленный хлопок выстрела, перекрывший рев двигателя и визг покрышек. Я взял с соседнего сиденья кольт. И тут же отбросил его. Револьвер был разряжен. Я уже сделал шесть выстрелов. Один в радиатор, два в колеса, два в плохих парней. И один в полицейского.

– Бардачок, – приказал я.

– Вы должны остановиться, – сказал парнишка. – И все объяснить. Вы помогали мне. Произошла трагическая ошибка.

Он смотрел не на меня, а в заднее окно.

– Я убил фараона, – сказал я, пытаясь говорить как можно спокойнее. – Это все, что им известно. Это все, что они хотят знать. Им наплевать, как и почему это случилось.

Мальчишка промолчал.

– Бардачок, – повторил я.

Он дрожащей рукой открыл ящичек. Там лежала еще одна «анаконда». Абсолютно такая же. Сверкающая нержавеющая сталь, полностью снаряженный барабан. Я взял револьвер у мальчишки. До конца опустил стекло в своей двери. В кабину ураганом ворвался холодный воздух, донесший звуки выстрелов позади, размеренных и частых.

– Проклятье, – выругался я.

Мальчишка молчал. Выстрелы продолжались, громкие и настойчивые. Как можно мазать с такого расстояния?

– Ложись на пол, – велел я мальчшике.

Сам я сдвинулся в сторону, упершись левым плечом в дверь, и вытянул правую руку так, чтобы высунуть новый револьвер в окно и направить его назад. Сделал один выстрел. В ужасе посмотрев на меня, мальчишка сполз на пол между сиденьем и приборной панелью и обхватил голову руками. Через мгновение в десяти футах за ним взорвалось заднее стекло.

– Проклятье, – снова выругался я.

Свернул ближе к обочине, чтобы изменить угол обстрела. Выстрелил еще раз.

– Мне нужно, чтобы ты следил за ними, – сказал я. – Держись как можно ниже.

Мальчишка не двинулся с места.

– Поднимайся! – рявкнул я. – Живо! Мне нужно, чтобы ты следил за ними.

Чуть приподнявшись, мальчишка обернулся назад. Его взгляд задержался на разбитом заднем стекле. Он понял, что его голова находилась как раз напротив того места, куда попала пуля.

– Сейчас я чуть сбавлю скорость, – сказал я. – Прижмусь к обочине, чтобы они меня обогнали.

– Не надо, – взмолился паренек. – У вас еще есть надежда все объяснить.

Я пропустил его слова мимо ушей. Сбросил скорость где-то до пятидесяти и вильнул вправо, и машина с охранниками, непроизвольно дернувшись влево, поравнялась с нами. Я выпустил в нее три оставшиеся пули. Лобовое стекло разлетелось вдребезги. Машину занесло и развернуло поперек дороги – я попал или в водителя, или в колесо. Пробив капотом полоску кустов, она скатилась с обочины и скрылась из виду. Бросив разряженный револьвер на сиденье рядом с собой, я поднял стекло и снова нажал на газ. Паренек молчал, уставившись назад. В разбитое стекло с жутким воем засасывало воздух.

– Вот и отлично, – сказал я, пытаясь отдышаться. – Теперь можем ехать спокойно.

Мальчишка повернулся ко мне лицом.

– Вы сошли с ума?

– Ты знаешь, что бывает с теми, кто убивает полицейских? – ответил я вопросом на вопрос.

На это у него не было ответа. Мы ехали молча где-то секунд тридцать, больше полумили, усиленно моргая, тяжело дыша, уставившись прямо перед собой словно зачарованные. В салоне воняло пороховой гарью.

– Произошел несчастный случай, – снова заговорил я. – Беднягу уже не вернешь. Надо свыкнуться с этим.

– Кто вы такой? – спросил мальчишка.

– Нет, это ты кто такой? – спросил я.

Он умолк, учащенно дыша. Я взглянул в зеркало. Дорога за нами была совершенно пустынной. И впереди тоже. Ни одного населенного пункта поблизости. Минут десять до развилки с автострадой.

– Я объект для насильственного задержания.

Было очень странно слышать эту официальную фразу из его уст.

– Меня пытались похитить, – продолжал мальчишка.

– Ты думаешь?

Он кивнул.

– Такое уже случалось.

– Почему?

– Из-за денег, – усмехнулся он. – Разве могут быть другие причины?

– Ты богат?

– Мой отец богат.

– Кто он?

– Так, человек.

– Богатый человек, – уточнил я.

– Он импортирует ковры.

– Ковры? – переспросил я. – Обычные ковры?

– Восточные ковры.

– А что, можно разбогатеть, импортируя восточные ковры?

– И еще как, – подтвердил мальчишка.

– А имя у тебя есть?

– Ричард. Ричард Бек.

Я снова взглянул в зеркало заднего вида. Дорога за нами по-прежнему оставалась пустынной. И впереди тоже никого. Чуть сбросив скорость, я выехал на середину полосы, стараясь вести машину как нормальный человек.

– А что это были за типы? – спросил я.

Ричард Бек покачал головой.

– Понятия не имею.

– Они знали, где тебя ждать. И когда.

– Я должен был ехать домой на празднование дня рождения матери. Оно состоится завтра.

– Кто мог об этом знать?

– Не знаю. Все, кто знаком с моей семьей. Наверное, все, кто торгует коврами. У нас тесный круг.

– Вы все знакомы друг с другом? Торговцы коврами?

– Мы конкуренты. Одни источники, один рынок. Разумеется, мы знакомы друг с другом.

Я молчал. Ехал вперед, шестьдесят миль в час.

– А у вас имя есть? – наконец спросил мальчишка.

– Нет, – ответил я.

Он кивнул. Умный парнишка.

– Что вы собираетесь делать дальше? – спросил Ричард Бек.

– Высажу тебя неподалеку от автострады. Попросишь кого-нибудь подбросить или вызовешь такси и побыстрее забудешь обо мне.

Мальчишка молчал.

– Полиции я тебя передать не могу, – продолжал я. – Об этом не может быть и речи. Ты ведь все понимаешь, так? Я убил одного из них. Возможно, троих. У тебя на глазах.

Мальчишка молчал. *Время принятия решения.* До автострады осталось шесть минут.

– Они не станут долго размышлять, – снова заговорил я. – Я напортачил, и, хотя это был несчастный случай, меня никто и слушать не будет. Полиция в таких случаях никого не слушает. Так что не проси подвезти тебя к полицейскому участку. Я не свидетель, я никто. Меня здесь нет и никогда не было. Тут все ясно?

Он по-прежнему молчал.

– И не описывай мою внешность, – продолжал я. – Скажешь, что совсем меня не запомнил. Скажешь, что был в шоке. В противном случае я тебя из-под земли достану.

Он молчал.

– Я тебя где-нибудь высажу, – сказал я. – И мы сделаем вид, что никогда друг друга не видели.

Наконец он зашевелился. Развернулся и посмотрел мне в лицо.

– Отвезите меня домой. До самого дома. Мы вам заплатим. Поможем выкрутиться. Если хотите, спрячем вас. Мои родные будут вам признательны. Я вам очень благодарен. Поверьте. Вы меня спасли. А тот полицейский – это ведь был несчастный случай, так? Просто несчастный случай. Вам не повезло. Вы действовали в чрезвычайных обстоятельствах. Я все понимаю. Мы будем молчать.

– Мне не нужна ваша помощь, – сказал я. – Я хочу лишь поскорее отделаться от тебя.

– Но я должен попасть домой, – настаивал парень. – Так мы поможем друг другу.

До автострады оставалось четыре минуты.

– Где ты живешь? – спросил я.

– В Эбботе.

– Эббот – это где?

– Эббот, штат Мэн, – пояснил он. – На побережье. Между Кеннебанком и Портлендом.

– Мы едем в противоположном направлении.

– Можно будет повернуть на север на автостраде.

– До твоего дома минимум двести миль.

– Мы вам заплатим. Вы не пожалеете.

– Я могу высадить тебя где-нибудь рядом с Бостоном, – сказал я. – Оттуда до Портленда ходят автобусы.

Парень лихорадочно затряс головой, словно с ним случился приступ.

– Об этом не может быть и речи. Я не могу ехать на автобусе. Я не могу оставаться один. Только не сейчас. Возможно, за мной все еще следят.

– Только не те двое. Они мертвы, – заметил я. – Как и полицейский.

– У них могли быть соратники.

Еще одно странное слово. Парень казался каким-то маленьким, худым и перепуганным до смерти. На шее у него пульсировала жилка. Обеими руками убрав назад волосы, он повернулся ко мне, показывая свое левое ухо. Уха не было. Лишь рубец, похожий на комок сырого теста.

– Его отрезали и отправили по почте, – объяснил парень. – Это было в первый раз.

– Когда?

– Мне тогда было пятнадцать.

– Твой отец не заплатил?

– Заплатил, но недостаточно быстро.

Я промолчал. Ричард Бек сидел неподвижно, показывая мне свой шрам, потрясенный и испуганный, дыша словно паровая машина.

– С тобой все в порядке? – спросил я.

– Отвезите меня домой, – сказал он чуть ли не с мольбой в голосе. – Я больше не могу оставаться один.

До автострады осталось две минуты.

– Пожалуйста, – не унимался паренек. – Помогите мне.

– Проклятье, – в третий раз выругался я.

– Пожалуйста! Мы сможем помочь друг другу. Вам необходимо спрятаться.

– Нам нельзя оставаться в этом фургоне, – сказал я. – Будем исходить из того, что его описание передано по всему штату.

Мальчишка с надеждой посмотрел на меня. До автострады осталась одна минута.

– Нам нужно найти машину, – продолжал я.

– Где?

– Где угодно. Здесь повсюду полно машин.

К югу и западу от развилки раскинулся гигантский торговый центр. Огромные буро-желтые здания без окон с яркими неоновыми вывесками. Огромные автостоянки, наполовину заполненные машинами. Свернув с шоссе, я объехал весь торговый центр. Он был размером с небольшой городок. Повсюду суетились люди. От их вида мне стало не по себе. Развернувшись, я проехал мимо ряда мусорных контейнеров к заднему входу большого магазина.

– Куда мы направляемся? – спросил Ричард.

– На стоянку для сотрудников, – объяснил я. – Покупатели приезжают и уезжают, когда им вздумается. Непредсказуемо. Но сотрудники останутся здесь до конца рабочего дня. Так безопаснее.

Он непонимающе взглянул на меня. Я свернул к ряду из восьми машин, выстроившихся вдоль глухой стены. Заметил свободное место рядом с трехлетним «ниссаном максимой» неприметного цвета. Сойдет. Машина, не привлекающая к себе внимание. На стоянке царили тишина и спокойствие. Подъехав к свободному месту, я сдал задом. Подогнал фургон задней дверью вплотную к стене.

– Надо спрятать разбитое стекло, – объяснил я.

Мальчишка молчал. Сунув оба разряженных кольта в карманы плаща, я вылез из кабины. Подергал двери «максимы».

– Найди мне проволоку, – сказал я. – Что-нибудь вроде электрического шнура или плечиков.

– Вы собираетесь угнать эту машину?

Я молча кивнул.

– А это разумно?

– Разумно для человека, который только что случайно убил полицейского.

Паренек какое-то время недоуменно таращился на меня, затем прошел по стоянке, смотря по сторонам. Вытащив из револьверов двенадцать стреляных гильз, я бросил их в мусорный контейнер. Вернулся Ричард с трехфутовым отрезком электрического шнура, найденного среди мусора. Стащив зубами изоляцию, я сделал на конце маленький крючок и просунул проволоку под резиновый уплотнитель на двери «максимы».

– Ты стоишь на стреме, – сказал я.

Мальчишка отошел в сторону, испуганно озираясь вокруг. Я пропихнул проволоку в дверь, поводил ею из стороны в сторону и наконец зацепил за защелку. Дверь открылась. Выбросив проволоку в контейнер, я нагнулся к рулевой колонке и снял пластмассовый кожух. Перебрал провода и, найдя два нужных, соединил их. Взвыл стартер, двигатель сразу же схватился и заработал ровно. Похоже, мои действия произвели на мальчишку впечатление.

– Загубленное детство, – сказал я.

– А это разумно? – повторил он.

Я кивнул.

– Ничего более разумного я придумать не могу. Машины не хватятся часов до шести вечера, а то и до восьми. До тех пор, пока будет работать магазин. К этому времени ты уже давно будешь дома.

Мальчишка постоял, положив руку на дверную ручку, затем, тряхнув головой, нырнул в машину. Отодвинув водительское сиденье назад, я подогнал под себя зеркало заднего вида и выехал со стоянки. Не спеша поехал через торговый центр. Впереди ярдах в ста медленно тащилась полицейская машина. Свернув на первое же свободное место, я постоял, не глуша двигатель, дожидаясь, когда полицейские уедут. Затем поспешно проскочил к выезду, покрутился на развязке, и две минуты спустя мы уже ехали на север по широкой гладкой автостраде, держа почтительные шестьдесят миль в час. В салоне «ниссана» сильно пахло духами, а в бардачке лежали два пакета с какими-то тряпками. На заднем стекле болтался лохматый медвежонок с прозрачными присосками вместо лап. На заднем сиденье лежала бейсбольная перчатка, а из багажника доносился стук алюминиевой биты.

– На этой машине разъезжает почтенная мать семейства, – заметил я.

Мальчишка промолчал.

– Не беспокойся, – продолжал я. – Машина наверняка застрахована.

– Вы нисколько не переживаете? – спросил он. – Насчет полицейского?

Я мельком взглянул на него. Тощий, бледный, он отодвинулся как можно дальше от меня, вцепившись одной рукой в дверь. Длинные пальцы напоминали пальцы музыканта. Похоже, паренек пытался заставить себя проникнуться ко мне симпатией, но мне это было не нужно.

– Всякое бывает, – заметил я. – Сейчас уже поздно рвать на себе волосы.

– Что это за ответ, черт побери?

– Другого у меня нет. Произошла неприятная случайность. Переживать бесполезно. Итог: раз мы ничего не можем с этим поделать, надо двигаться дальше.

Ричард снова промолчал.

– Так или иначе в случившемся виноват твой папаша, – добавил я.

– Чем? Тем, что он богат и у него есть сын?

– Тем, что нанял дерьмовых телохранителей.

Мальчишка отвернулся. Ничего не сказал.

– Значит, это действительно были телохранители?

Он кивнул. Молча.

– Разве ты не переживаешь из-за них? – сказал я.

– Немного. Впрочем, я их почти не знал.

– От них не было никакого толку.

– Все произошло так быстро.

– Плохие ребята ждали у самых ворот, – возразил я. – Старый, помятый пикап стоит перед таким навороченным колледжем? Каким же надо быть телохранителем, чтобы не обратить на него внимание? Они никогда не слышали об угрозах?

– А вы, значит, обратили?

Я кивнул.

– Обратил.

– Неплохо для водителя фургона.

– Я служил в армии. В военной полиции. Я знаю толк в охране.

Мальчишка неуверенно кивнул.

– А имя у вас до сих пор не появилось? – помолчав, спросил он.

– Это кое от чего зависит, – сказал я. – Я должен понять твою точку зрения. Меня могут ждать очень большие неприятности. По крайней мере один полицейский мертв, а теперь я еще и угнал машину.

Он молчал. Я незаметно следил за ним, давая ему время подумать.

Мы уже почти выехали из Массачусетса.

– Мои родители высоко ценят преданность, – наконец сказал Ричард. – Вы оказали их сыну услугу. Тем самым оказали услугу им самим. Не сомневаюсь, они даже не подумают вас выдать.

– Тебе нужно будет с ними связаться?

Он покачал головой.

– Они меня ждут. Раз я приеду домой сам, звонить им не обязательно.

– С ними свяжется полиция. Она считает, ты попал в беду.

– У нее нет номера нашего телефона. Его ни у кого нет.

– В колледже должен быть твой домашний адрес. По нему установят номер телефона.

Мальчишка снова покачал головой.

– Адреса в колледже нет.

Его ни у кого нет. Мы очень тщательно следим за такими вещами.

Пожав плечами, я молча проехал еще милю.

– Ну а ты сам? – спросил я. – Ты меня не выдашь?

Он потрогал правое ухо. То, которое еще было на месте.

Несомненно, это был чисто подсознательный жест.

– Ты спас мою задницу, – наконец сказал Ричард Бек. – Нет, я тебя не выдам.

– Отлично, – сказал я. – Моя фамилия Ричер.

Мы потратили несколько минут на то, чтобы срезать крохотный уголок штата Вермонт, а затем понеслись на северо-восток через Нью-Гемпшир. Дорога нас ждала дальняя. У меня иссяк адреналин, мальчишка

преодолел последствия шока, и в конце концов нас обоих начало клонить в сон. Я приоткрыл окно, впуская свежий воздух и выпуская запах духов. В салоне стало шумно, но зато так было легче бороться с дремотой. Мы немного поговорили. Ричард Бек сказал, что ему двадцать лет. Он учится на первом курсе. Специализируется на какой-то разновидности современного искусства, в чем я совершенно не разбирался. С людьми сближается плохо. В семье он единственный ребенок. К родителям у него отношение двойственное. Похоже, семья представляет собой тесный клан. Какая-то частица Ричарда хочет освободиться от докучливой опеки, а другая, наоборот, стремится остаться в семье. Предыдущее похищение оставило глубокую психологическую травму. У меня мелькнула мысль, ограничилось ли дело тем, что ему отрезали ухо. Возможно, ему пришлось пережить нечто худшее.

Я рассказал мальчишке про армию. Описывая свои навыки телохранителя, я здорово загнул. Мне хотелось, чтобы он хотя бы на время почувствовал, что находится в надежных руках. Я ехал быстро и уверенно. Бензобак «максимы» был полон под завязку. Заправляться нам было не нужно. От предложения перекусить Ричард отказался. Я остановился один раз, чтобы сбегать в туалет. Двигателя не глушил, чтобы снова не возиться с проводами. Вернувшись, застал мальчишку в том же положении, в каком оставил. Выехав на автостраду, мы проехали Конкорд и, покинув Нью-Гемпшир, оказались в Мэне. Время шло. По мере того как мы приближались к Портленду, Ричард становился все более спокойным. И все более подавленным. Опять двойственность.

Миль за двадцать до Портленда мальчишка вдруг засуетился, оглянулся, тщательно проверяя, не едет ли кто за нами, и объяснил мне, где сворачивать. Мы повернули на узкую дорогу, ведущую строго на восток к Атлантическому океану. Дорога нырнула под автострадой I-95, а затем миль пятнадцать шла по гранитному мысу к морю. Наверное, летом здешние места выглядят потрясающе. Но пока что тут было холодно и пустынно. Чахлые деревья, истерзанные солеными ветрами, и обнаженные каменные россыпи, откуда ветер и штормовые волны согнали всю почву. Дорога извивалась и петляла, словно пытаясь забраться на восток, насколько только можно. Наконец впереди показался океан. Серый как сталь. Слева и справа от нас остались бухточки. Я успел разглядеть узкие полоски песчаных пляжей. Затем дорога повернула налево, потом тотчас же направо и взобралась на мысок, имеющий форму ладони. «Ладонь» быстро сужалась, превращаясь в одинокий «палец», выступающий в море. Этот каменистый мысок шириной ярдов в сто простирался где-то на полмили. На машину обрушились порывы ветра. Въехав на мысок, я увидел впереди цепочку чахлых, скрюченных вечнозеленых деревьев, которые пытались скрыть высокую гранитную стену, но не имели для

этого достаточного роста и густоты. Стена была высотой футов восемь. Сверху ее венчали большие кольца колючей проволоки. Через равные промежутки на ней стояли прожектора. Стена пересекала поперек весь стоярдовый «палец». Она уходила обоими концами в море, где ее массивный фундамент покоился на огромных каменных блоках. Блоки зеленели налетом водорослей. В стене имелись чугунные ворота, прямо посредине. Они были заперты.

– Вот мы и приехали, – сказал Ричард Бек. – Здесь я живу.

Дорога вела прямо к воротам. За ними она переходила в длинную прямую дорожку, заканчивающуюся у особняка из серого камня. Он стоял на самом конце «пальца», прямо на берегу океана. Рядом с воротами был одноэтажный домик. Построенный в том же стиле и из того же камня, что и особняк, но только гораздо меньше и ниже. Домик стоял на том же фундаменте, что и стена. Заранее сбросив скорость, я плавно остановился перед воротами.

– Посигналь, – сказал Ричард Бек.

Я ткнул пальцем в большую подушку в центре руля, и раздался вежливый гудок. Видеокамера наблюдения, установленная на стойке ворот, повернулась и наклонилась. Казалось, на нас уставился стеклянный глаз. После долгой паузы отворилась дверь домика. Появился тип в темном костюме. Несомненно, костюм был из магазина для высоких и широкоплечих, наверное, самого большого из имевшихся размеров, и тем не менее своему владельцу он был узок в плечах и короток в рукавах. Охранник был гораздо крупнее меня, что ставило его в категорию людей необычных. Он был просто великан. Подойдя к воротам, охранник уставился на машину. Он очень долго разглядывал меня и почти не взглянул на мальчишку. Затем отпер ворота и распахнул створки.

– Езжай прямо к дому, – сказал Ричард. – Не останавливайся здесь. Я этого типа терпеть не могу.

Я въехал в ворота. Не останавливаясь. Но я ехал медленно, оглядываясь по сторонам. Попадая в такое место, первым делом надо искать пути отхода. Стена обоими краями уходила в неспокойное море. Она была слишком высока, чтобы через нее перепрыгнуть, а колючая проволока наверху не позволяла через нее перелезть. За стеной была расчищенная полоса шириной ярдов тридцать. Ничейная земля. Или минное поле. Прожектора были расставлены так, чтобы заливать ее светом. Другого пути, кроме как через ворота, не было. Великан как раз запирал их у нас за спиной. Я видел его в зеркало.

Дорожка до особняка была довольно длинной. С трех сторон океан. От самого´ строения веяло стариной. Возможно, жилище какого-то

капитана, поселившегося здесь еще в те времена, когда убийством китов можно было заработать приличное состояние. Особняк был весь из камня, с затейливыми архитектурными деталями. Весь северный фасад был покрыт серым лишайником. На остальных стенах кое-где были зеленые пятна. Здание имело три этажа. И не меньше дюжины печных труб. Крыша была сложной формы. Повсюду были фронтоны с короткими сточными желобами и десятками толстых железных труб для отвода дождевой воды. Дорожка закончилась просторным кругом. Развернувшись в нем против часовой стрелки, я остановился прямо перед крыльцом. Дверь открылась, и появился другой тип в темном костюме. Этот был одного телосложения со мной, то есть значительно меньше охранника у ворот. Но мне он понравился ничуть не больше первого. У него были пустые глаза и каменное лицо. Охранник открыл правую дверь «максимы» так, словно знал, кто сидит в машине, – впрочем, скорее всего, так оно и было, потому что его наверняка предупредил тип у ворот.

– Пожалуйста, подожди здесь, – попросил меня Ричард.

Выскользнув из машины, он скрылся в полумраке дома, а охранник в костюме закрыл дубовую дверь и остался стоять перед ней. Он не смотрел на меня, но я чувствовал, что нахожусь где-то в периферийной зоне его зрения. Разорвав соединенные провода зажигания, я заглушил двигатель и стал ждать.

Ждать пришлось довольно долго, минут сорок. После того как двигатель перестал работать, в салоне быстро стало прохладно. Свежий ветер с моря гулял вокруг особняка. Я смотрел прямо перед собой. Машина была развернута передом в сторону северо-запада, и воздух был прозрачно-чистым. Вдалеке слева изгибалась береговая линия. Милях в двадцати в небо поднималось бледно-бурое пятно. Вероятно, загрязненная атмосфера над Портлендом. Сам город прятался за мыском.

Наконец дубовая дверь снова открылась, охранник ловко отскочил в сторону, и на крыльцо вышла женщина. Это была мать Ричарда Бека. Тут не могло быть никаких сомнений. Абсолютно никаких сомнений. То же щуплое телосложение, то же бледное лицо. Те же длинные пальцы. На ней были джинсы и теплый рыбацкий свитер. Волосы растрепаны ветром. Ей было лет пятьдесят. Она выглядела усталой и взволнованной. Женщина остановилась футах в шести от машины, словно давая понять, что по правилам приличия мне следует выйти из машины ей навстречу. Поэтому я открыл дверь и шагнул на дорожку. От долгой неподвижности мое тело затекло. Я сделал шаг вперед, и женщина протянула мне руку. Я пожал ее. Холодная как лед рука состояла из одних костей и сухожилий.

– Мой сын рассказал мне о случившемся, – сказала женщина. В ее тихом голосе звучал налет хрипотцы, как будто она была заядлой курильщицей или недавно ей пришлось много плакать. – Не могу выразить вам, насколько я признательна за вашу помощь.

– С ним все в порядке? – спросил я.

Женщина нахмурилась, будто не знала, что ответить.

– Он прилег.

Я кивнул. Выпустил ее руку. Рука безвольно упала вниз. Последовала неуютная пауза.

– Я Элизабет Бек, – представилась женщина.

– Джек Ричер, – сказал я.

– Мой сын рассказал о ваших неприятностях, – продолжала она.

Милое нейтральное слово. Я промолчал.

– Муж вернется домой вечером, – сказала Элизабет Бек. – Он придумает, как нам быть.

Я кивнул. Снова последовала пауза. Я ждал.

– Не хотите ли пройти в дом? – наконец предложила женщина.

Развернувшись, она вошла в холл. Я последовал за ней. Когда я проходил в дверь, пискнул звуковой сигнал. Оглянувшись, я увидел металлодетектор, встроенный в дверную коробку.

– Вы не возражаете? – спросила Элизабет Бек.

Виновато разведя руками, она повернулась к отвратительному верзиле в костюме. Тот шагнул вперед, готовый обыскать меня.

– Два револьвера, – сказал я. – Разряженных. В карманах плаща.

Верзила вытащил оружие ловким умелым жестом, говорившим о том, что ему частенько приходится обыскивать здесь гостей. Положив револьверы на столик, он присел на корточки и прошелся руками по моим ногам, затем выпрямился и ощупал мои руки, талию, грудь, спину. Он делал все очень тщательно и не слишком вежливо.

– Извините, – сказала Элизабет Бек.

Тип в костюме отступил назад, и снова воцарилось неловкое молчание.

– Вам ничего не нужно? – спросила Элизабет Бек.

Я мог бы долго перечислять ей то, что было мне нужно.

Но я лишь покачал головой.

– Если честно, я устал, – сказал я. – День выдался длинный. Я был бы не прочь вздремнуть.

Элизабет Бек улыбнулась, как будто она была очень довольна, как будто присутствие в доме личного убийцы повышало ее социальный статус.

– Ну конечно, – сказала она. – Дьюк проводит вас в вашу комнату.

Она еще на мгновение задержала на мне взгляд. Сквозь бледность и усталость проступала красота. Правильные черты лица, гладкая кожа. Тридцать лет назад Элизабет Бек, наверное, приходилось отгонять ухажеров палкой. Развернувшись, она скрылась в глубинах особняка. Я повернулся к типу в костюме. Судя по всему, это и был Дьюк.

– Когда я получу револьверы назад? – спросил я.

Верзила ничего не ответил. Просто кивнул в сторону лестницы и последовал за мной. Указал на следующую лестницу, и мы поднялись на третий этаж. Верзила подвел меня к двери и толкнул ее. Шагнув вперед, я очутился в квадратной комнате, обшитой дубовыми досками. Повсюду старинная массивная мебель. Кровать, шкаф, стол, кресло. На полу восточный ковер. На вид тонкий и вытертый. Быть может, на самом деле старинная вещичка, не имеющая цены. Протиснувшись мимо меня, Дьюк прошел через комнату и показал мне, где находятся удобства. Он вел себя словно портье в гостинице. Снова протиснувшись мимо меня, Дьюк направился к двери.

– Ужин в восемь, – сказал он.

И больше ничего.

Выйдя в коридор, Дьюк закрыл за собой дверь. Щелчка замка я не услышал, но, дернув за ручку, я обнаружил, что дверь заперта снаружи. Внутри замочной скважины не было. Подойдя к окну, я взглянул на открывающийся вид.

Комната находилась в задней части особняка, и я увидел лишь океан. Я смотрел строго на восток, и от меня до самой Европы не было ничего, кроме воды. Я перевел взгляд вниз. В пятидесяти футах подо мной вокруг острых скал пенились волны. Начинался прилив.

Вернувшись к двери, я приложил к ней ухо и прислушался. Никаких звуков. Я исследовал потолок, карнизы и мебель, очень тщательно, дюйм за дюймом. Ничего. Никаких камер наблюдения. На микрофоны мне было наплевать. Я не собирался шуметь. Сев на кровать, я снял правый ботинок. Перевернул его и ногтями вытащил из каблука шпильку. Повернул резиновый каблук, словно маленькую дверцу, и

встряхнул ботинок. На кровать вывалился маленький прямоугольник из черной пластмассы, подпрыгнув один раз. Это было устройство беспроводной электронной почты. Ничего премудрого. Обыкновенный товар, который можно купить в любом радиомагазине. Однако это устройство было перепрограммировано так, чтобы отправлять сообщения только на один адрес. Оно было размером с большой пейджер. На нем имелась клавиатура с крошечными кнопками. Включив питание, я набрал короткое сообщение и нажал клавишу «Отправить».

Сообщение гласило: «Я в игре».

Глава 02

Если честно, к этому времени я был в игре уже целых одиннадцать дней, с того сырого субботнего вечера в Бостоне, когда у меня на глазах покойник прошел по тротуару и сел в машину. Это не был обман зрения. Я не обознался. Это был не двойник, не брат-близнец и не кузен. Это был человек, умерший десять лет назад. В этом не было никаких сомнений. Он постарел на соответствующее количество лет, и на нем были шрамы от ран, ставших причиной его смерти.

Я не спеша шел по Хантингтон-авеню; мне предстояло пройти еще с милю до бара, о котором я был наслышан. Было уже поздно. Симфонический зал как раз выпускал своих посетителей. Я был слишком упрям, чтобы перейти на противоположную сторону улицы и не толкаться в толпе. Я просто упорно пробирался вперед. Это были хорошо одетые, хорошо пахнущие люди, в основном пожилые. Вдоль тротуара в два ряда стояли дорогие машины и такси. Бесшумно работали двигатели, отрывисто шевелились щетки стеклоочистителей. Из служебной двери слева от меня вышел мужчина. Он был в толстом кашемировом пальто и перчатках, шею прикрывал шарф. Головного убора не было. Мужчине было лет пятьдесят. Мы с ним едва не столкнулись. Я остановился. Он тоже остановился. Посмотрел на меня в упор. Произошла одна из тех уличных встреч, когда оба постояли в нерешительности, тронулись дальше и снова остановились. Сначала мне показалось, мужчина меня не узнал. Затем у него по лицу промелькнула тень. Ничего определенного. Я отступил в сторону, мужчина прошел мимо меня и сел на заднее сиденье черного «кадиллака девиль», ждавшего у тротуара. Я остался стоять на месте, наблюдая, как лимузин вливается в транспортный поток. Шины громко прошелестели по мокрому асфальту.

Я запомнил номерной знак. Никакой паники не было. Я не задавал вопросы. Я был готов поверить своим глазам. История десяти прошедших лет перевернулась с ног на голову за одну секунду. Этот человек был жив. Следовательно, у меня возникли огромные проблемы.

Это был день номер один. Я начисто забыл о баре. Вернувшись прямиком в гостиницу, я начал звонить по полузабытым номерам телефонов, оставшимся в памяти с тех дней, когда я служил в военной полиции. Мне был нужен человек, которого я знал и которому доверял, но к этому времени я уже был не у дел больше шести лет. Субботний вечер перешел в ночь, так что шансы были не в мою пользу. В конце концов я добрался до человека, заявившего, что он слышал обо мне, – что, возможно, сказалось на том, чем все это закончилось, а может быть, и нет. Это был уоррент-офицер по фамилии Пауэлл.

– Мне нужно, чтобы вы установили по номеру машины ее владельца, – сказал я. – Чисто дружеское одолжение.

Пауэлл знал, кто я такой, поэтому он не стал уверять меня, что ничем не может мне помочь. Я сообщил ему подробности. Сказал, что, на мой взгляд, эта машина практически наверняка зарегистрирована на частное лицо, а не принадлежит агентству проката. Записав номер, Пауэлл пообещал перезвонить на следующее утро, то есть это уже должен был стать день номер два.

Он мне не перезвонил. Вместо этого он меня продал. Полагаю, при данных обстоятельствах на его месте так поступил бы каждый. День номер два был воскресеньем, и я встал рано. Попросив принести завтрак в номер, я сидел и ждал звонка. Вместо этого раздался стук в дверь. В десять утра. Прижавшись к глазку, я увидел мужчину и женщину, стоявших рядом, чтобы их было хорошо видно в пластмассовую линзу. Темные костюмы. Без плащей. Мужчина держал в руке чемоданчик. Оба показали мне свои удостоверения, наклонив их так, чтобы на них падал свет.

– Федеральные агенты, – произнес мужчина достаточно громко, чтобы я расслышал его через дверь.

В подобной ситуации бессмысленно притворяться, что тебя нет дома. Мне самому достаточно часто приходилось бывать в роли этих ребят в коридоре. Один из них остается перед дверью, а второй идет к дежурному администратору за служебным ключом. Поэтому я отпер дверь и отступил в сторону, пропуская агентов в номер.

Сначала они вели себя настороженно, но быстро успокоились, увидев, что я без оружия и не похож на маньяка. Протянув мне свои удостоверения, они вежливо засуетились, давая мне возможность разобраться в том, что было написано на этих документах. Верхняя надпись гласила: «Министерство юстиции Соединенных Штатов». Нижняя уточняла: «Отдел по борьбе с наркотиками». Посреди красовались всевозможные подписи, печати и водяные знаки. Фотографии и отпечатанные фамилии. Мужчину звали Стивен Элиот, с

одним «л», как у поэта-классика. «Апрель – коварный месяц самый…» Это уж точно. Фотография полностью соответствовала оригиналу. Стивену Элиоту на вид было от тридцати до сорока; плотного телосложения, смуглый и лысоватый, он обладал улыбкой, которая выглядела дружелюбной на снимке и была еще лучше в жизни. Женщина значилась как Сьюзен Даффи. Сьюзен Даффи была чуть моложе Элиота. И чуть выше. Бледная, стройная и очень привлекательная, она успела сменить прическу с тех пор, как сфотографировалась на удостоверение.

– Валяйте, – предложил я. – Обыскивайте номер. Мне уже давно нечего прятать от таких, как вы, ребята.

Я вернул агентам удостоверения, и те убрали их во внутренние карманы, позаботившись о том, чтобы при этом распахнуть полы пиджаков и показать оружие. Оно покоилось в аккуратных кобурах под мышками. Я узнал ребристую рукоятку «Глока-17» у Элиота. У Даффи был «Глок-19», та же самая вещица, только чуть поменьше, уютно вжавшаяся ей в правую грудь. Должно быть, Даффи была левшой.

– Мы не собираемся обыскивать номер, – сказала она.

– Мы пришли поговорить о номерных знаках, – пояснил Элиот.

– У меня нет машины, – сказал я.

Мы все еще стояли маленьким правильным треугольником у двери. Элиот держал в руке чемоданчик. Я попытался определить, кто из них старший. Наверное, ни тот ни другой. Наверное, у них одинаковое звание. И довольно высокое. Они были хорошо одеты, но казались уставшими. Возможно, работали всю ночь, а потом летели откуда-то на самолете. Возможно, из Вашингтона.

– Быть может, нам лучше сесть? – предложила Даффи.

– Конечно, – согласился я.

Однако в дешевом гостиничном номере сделать это было непросто. Стул был всего один. Он был задвинут под небольшой письменный стол с маленьким телевизором, втиснутый между стеной и шкафом. Вытащив стул, Даффи развернула его лицом к кровати. Я уселся на кровать рядом с подушкой. Элиот примостился в ногах, положив чемоданчик на покрывало. У него на лице по-прежнему сияла дружелюбная улыбка, и я не мог обнаружить в ней ни тени фальши. Даффи выглядела замечательно, сидя на стуле. Стул имел для нее как раз нужную высоту. На ней была короткая юбка и темные колготки, более светлые на коленях, где нейлон натянулся.

– Вы Ричер? – спросил Элиот.

Я оторвал взгляд от ног Даффи и кивнул, решив, что это им все равно уже известно.

– Этот номер зарегистрирован на некоего Колхауна, – сказал Элиот. – Оплачен наличными, всего на одну ночь.

– Привычка, – сказал я.

– Вы уезжаете сегодня?

– Я провожу под одной крышей только одну ночь.

– Кто такой Колхаун?

– Вице-президент в администрации Джона Куинси Адамса, – объяснил я. – Я посчитал, он как раз то, что подходит для этого места. Всех президентов я уже перебрал давным-давно. Теперь настал черед вице-президентов. Колхаун был человек необычный. Он ушел в отставку, чтобы выставить свою кандидатуру в Сенат.

– И его избрали?

– Понятия не имею.

– Зачем вымышленная фамилия?

– Привычка, – повторил я.

Сьюзен Даффи смотрела на меня не отрываясь. Но не так, как если бы я был придурком, а так, словно я чем-то ее заинтересовал. Возможно, она пришла к выводу, что это очень полезный метод ведения допросов. В прошлом, когда я сам вел допросы, я делал то же самое. Девяносто процентов умения задавать вопросы состоит в том, чтобы слушать ответы.

– Мы говорили с военным полицейским по фамилии Пауэлл, – наконец сказала Даффи. – Вы попросили его проследить один номерной знак.

У нее был негромкий теплый голос, чуть с хрипотцой. Я промолчал.

– В компьютере на этот номер стоит защита, – продолжала Даффи. – Как только Пауэлл сделал запрос, нам сразу же стало об этом известно. Мы связались с ним, и он объяснил, чем вызван его интерес. Пауэлл сказал, что за его интересом стоите вы.

– Надеюсь, он сделал это неохотно, – вставил я.

Она улыбнулась.

– Он опомнился достаточно быстро и дал нам ложный номер вашего телефона. Так что можете не беспокоиться по поводу солдатской дружбы.

– Но в конце концов он назвал правильный номер.

– Мы ему пригрозили, – объяснила Даффи.

– Значит, военная полиция сильно изменилась с тех пор, как я из нее ушел, – констатировал я.

– Для нас это очень важно, – сказал Элиот. – И Пауэлл это понял.

– Так что теперь и вы для нас очень важны, – добавила Даффи.

Я отвел взгляд. Мне столько раз приходилось бывать в переделках, что страшно было об этом вспоминать, и все же при звуках ее голоса, произнесшего эти слова, у меня по коже мурашки пробежали. Я начинал приходить к выводу, что старшая из них двоих она. И она чертовски хорошо владеет искусством допроса.

– Человек с улицы звонит насчет номерного знака, – сказал Элиот. – С чего бы? Возможно, он столкнулся с машиной, на которой висел этот знак. А та скрылась с места аварии. Но разве этим занимается не полиция? К тому же вы сами только что признались, что у вас нет машины.

– Так что, возможно, вы увидели *кого-то* в этой машине, – сказала Даффи.

Она не стала договаривать до конца, но все было ясно и без этого.

Если человек в машине мой друг, значит, я, вероятно, ее враг. Если же человек в машине мой враг, она готова стать моим другом.

– Ребята, вы завтракали? – спросил я.

– Да, – ответила Даффи.

– И я тоже, – сказал я.

– Знаем, – подтвердила она. – Завтрак в номер, оладьи с яйцом. И большой кофейник с черным кофе. Заказ был сделан в семь сорок пять и доставлен в семь пятьдесят четыре. Вы расплатились наличными и дали коридорному на чай три доллара.

– Завтрак мне понравился?

– Вы его съели.

Щелкнув замками на чемоданчике, Элиот поднял крышку. Достал стопку бумаги, перетянутую резинкой. Бумага была новой, но буквы расплывались. Ксерокопии факсов, возможно выполненные ночью.

– Ваш послужной список, – пояснил Элиот.

Я разглядел в чемоданчике фотографии. Глянцевые, черно-белые, восемь на десять. Судя по всему, дело обещало быть серьезным.

– В течение тринадцати лет вы служили в военной полиции, – сказал Элиот. – Быстрое продвижение по службе от младшего лейтенанта до майора. Благодарности и медали. Вами были довольны. Вы хорошо знали свое дело. Очень хорошо.

– Спасибо.

– Если точнее, даже лучше, чем очень хорошо. Несколько раз вам доверяли очень серьезную работу.

– Наверное.

– И тем не менее вас отпустили.

– Я попал под СВС, – объяснил я.

– Под СВС? – переспросила Даффи.

– Сокращение вооруженных сил. В армии очень любят аббревиатуры. Холодная война закончилась, военные расходы были урезаны, армия стала меньше. И ей перестало требоваться такое количество ребят, которым можно доверить очень серьезную работу.

– Армия никуда не делась, – возразил Элиот. – Под сокращение попали далеко не все.

– Согласен.

– Но почему уволили именно вас?

– Вы не поймете.

Он не стал настаивать.

– Вы можете нам помочь, – снова заговорила Даффи. – Вы видели кого-нибудь в машине?

Я ничего не ответил.

– В армии есть наркотики? – спросил Элиот.

Я улыбнулся.

– Все армии обожают наркотики. Так ведется испокон веку. Морфий, бензедрин. Германский бундесвер изобрел «экстази». Это вещество создавалось как средство для подавления чувства голода. ЦРУ изобрело ЛСД и опробовало его на американской армии. Армии всего мира питаются через вены.

– Недостаток развлечений?

– Средний возраст новобранцев – восемнадцать лет. Что вы хотите?

– Это создавало проблемы?

– Мы не считали эту проблему серьезной. Если какой-нибудь парень отправлялся в гости к своей подружке и выкуривал там пару косячков, мы не обращали на это внимания. Лучше пара сигарет с марихуаной, чем пара упаковок пива. Мы предпочитали, чтобы наши подопечные вели себя смирно, а не агрессивно.

Даффи взглянула на Элиота, и тот, подцепив фотографии ногтем, вытащил их из чемоданчика. Протянул мне. Фотографий было четыре. Все четыре зернистые и чуть смазанные. На всех четырех тот самый «кадиллак девиль», который я видел вчера вечером. Я узнал его по номеру. Лимузин находился в гараже. У багажника стояли двое мужчин. На двух снимках крышка багажника была закрыта. На двух – поднята. Мужчины смотрели на то, что находилось в багажнике. Сказать, на что именно, не представлялось никакой возможности. Один из мужчин был похож на мексиканского бандита. Другой, в годах, одетый в дорогой костюм, был мне незнаком.

Судя по всему, Даффи следила за выражением моего лица.

– Среди них нет того, кого вы видели? – спросила она.

– Я не говорил, что кого-то видел.

– Этот мексиканец – крупный наркоторговец, – пояснил Элиот. – Можно сказать, он крупнейший делец в Лос-Анджелесе. Разумеется, доказать это нельзя, но нам известно о нем все. Его доходы составляют несколько миллионов долларов в неделю. Он живет как султан. И этот человек приехал в штат Мэн, в Портленд, только чтобы встретиться с тем другим типом.

Я ткнул пальцем в один из снимков.

– Значит, это сделано в Портленде?

Даффи кивнула.

– В гараже в центре города. Около девяти недель назад. Я фотографировала сама.

– А кто этот второй?

– Точно мы не знаем. Естественно, мы проследили номера «кадиллака». Машина зарегистрирована на некую корпорацию «Большой базар». Руководство находится в Портленде, штат Мэн. Насколько мы смогли

установить, корпорация начинала с торговли тем-сем с Ближним Востоком. В настоящий момент специализируется на импорте восточных ковров. Как нам удалось узнать, владеет корпорацией некий тип по имени Захария Бек. Предположительно именно он и снят на этих фотографиях.

– То есть мы имеем дело с гигантом, – сказал Элиот. – Если наш мексиканец из Лос-Анджелеса пересек всю страну для того, чтобы встретиться с ним, этот тип должен быть выше его по крайней мере на две ступеньки. А тот, кто стоит на две ступеньки выше мексиканца из Лос-Анджелеса, уже находится в стратосфере. Поверьте. Значит, этот Захария Бек – самая главная шишка, и он нас дурачит. Импортирует не ковры, а наркоту. И издевается над нами.

– Извините, – сказал я. – Я никогда прежде не видел этого человека.

– Не извиняйтесь, – произнесла Даффи, подавшись вперед на стуле. – Для нас как раз лучше, чтобы он был не тем, кого вы видели. Его мы уже знаем. Для нас было бы лучше, если бы вы увидели одного из его подручных. Тогда можно будет попытаться добраться до Бека с этой стороны.

– А нельзя действовать напрямую?

Последовало короткое молчание. Федералов явно что-то смущало.

– У нас есть кое-какие проблемы, – наконец вздохнул Элиот.

– Мне показалось, у вас готово дело на этого игрока из Лос-Анджелеса. И есть снимки, привязывающие его к этому типу Беку.

– Снимки нечистые, – сказала Даффи. – Я совершила ошибку.

Опять тишина.

– Этот гараж является частной собственностью, – снова заговорила она. – Он находится под офисным зданием. У меня не было ордера. Четвертая поправка[1] делает эти снимки незаконными.

– А нельзя сказать, что вы находились за пределами гаража?

– Это физически неосуществимо. Адвокаты раскусят ложь за одну минуту, и наше дело рухнет.

– Нам нужно знать, кого вы видели, – сказал Элиот.

Я не ответил.

– Нам очень нужно это знать, – сказала Даффи.

Она произнесла это тем негромким голосом, от которого мужчинам хочется перепрыгнуть через небоскребы. Но в ее тоне не было ни фальши, ни преувеличения. Она сама не сознавала, как у нее хорошо получилось. Ей действительно было очень нужно знать правду.

– Зачем? – спросил я.

– Потому что я должна исправить свою ошибку.

– Все ошибаются.

– Мы направили по следу Бека одного нашего агента, – продолжала Даффи. – Секретного. Женщину. Она исчезла.

Молчание.

– Когда? – спросил я.

– Семь недель назад.

– Вы ее искали?

– Мы не знаем, где искать. Нам неизвестно, где Бек бывает. Мы даже не знаем, где он живет. На его имя не зарегистрирована никакая недвижимость. Должно быть, его дом принадлежит какой-то мифической компании. Это все равно что искать иголку в стогу сена.

– Вы не пробовали за ним следить?

– Пробовали. У Бека слишком хорошие шоферы и телохранители.

– Неужели Министерство юстиции не в силах с ними справиться?

– Мы не в силах. После того как я совершила эту грубейшую ошибку, операция была свернута.

– Даже несмотря на исчезновение агента?

– Никто не знает о том, что она исчезла. Мы пустили ее по следу, уже когда дело было закрыто. Никакой информации в архивах об этом нет.

Я молча посмотрел на Даффи.

– В архивах ничего нет, – уточнила она.

– Так как же вы работаете?

– Я возглавляю отдел. Никто каждый день не заглядывает мне через плечо. Я делаю вид, будто занимаюсь чем-то другим. Но на самом деле я работаю над этим делом.

– Значит, никто не знает об исчезновении той женщины?

– Только мой отдел. Семь человек. А теперь еще вы.

Я промолчал.

– Мы пришли прямо к вам, – сказала Даффи. – Нам нужна хоть какая-нибудь зацепка. Как вы думаете, почему мы прилетели сюда в воскресенье?

В номере воцарилась тишина. Я переводил взгляд с Элиота на Даффи и обратно. Я им нужен. Они нужны мне. И они мне понравились. Очень понравились. Открытые, обаятельные люди. Похожие на лучших из тех, с кем мне приходилось работать.

– Предлагаю сделку, – наконец заговорил я. – Информация в обмен на информацию. Посмотрим, что у нас получится. А там будет видно, как быть дальше.

– Что вам нужно?

Я попросил достать архивы десятилетней давности всех больниц городка под названием Юрика, штат Калифорния. Объяснил, что именно надо искать. Сказал, что останусь в Бостоне до тех пор, пока они не вернутся. Предупредил, чтобы они не делали никаких записей. После этого Элиот и Даффи ушли, и на этом завершились события дня номер два. В день номер три не произошло никаких событий. Как и в день номер четыре. Я слонялся по городу. Пару дней Бостон еще можно было вытерпеть. Я называю такие города 48-часовыми. Если задержаться в них больше чем на двое суток, это начинает надоедать. Разумеется, для меня это верно в отношении большинства населенных пунктов. Я человек непоседливый. Так что к началу дня номер пять я начал сходить с ума. Я уже был готов предположить, что Элиот и Даффи начисто обо мне забыли. Я был готов забыть об уговоре и снова тронуться в путь. Я начал подумывать о Майами. Там сейчас должно было быть гораздо теплее. Но ближе к полудню зазвонил телефон. В трубке прозвучал голос Даффи. Я был очень рад его слышать.

– Мы уже в пути, – сказала она. – Встречаемся с вами у большой конной статуи не знаю кого, это где-то в середине авеню Свободы. В три часа.

Указания были не слишком точные, но я понял, что она имела в виду. Встреча должна была состояться в северной части города, рядом с церковью. На дворе стояла весна, и было еще слишком прохладно, чтобы тащиться в такую даль без цели, но все же я пришел на место заранее. Я сел на скамейку рядом с пожилой женщиной, кормившей воробьев и голубей кусками хлеба. Смерив меня взглядом, женщина перебралась на соседнюю скамейку. Птицы копошились у ее ног, ссорясь

из-за хлебных крошек. Водянистое солнце воевало в небе с тучами. Как оказалось, на коне сидел Пол Ревир[2].

Даффи и Элиот появились точно в назначенный час. На обоих были черные плащи с поясами, пряжками и кармашками. С таким же успехом они могли повесить себе на шею таблички с надписью: «Федеральные агенты из Вашингтона». Они сели, Даффи слева от меня, Элиот – справа. Я откинулся назад, а они наклонились вперед, опершись локтями о колени.

– Из Тихого океана выловили одного типа, – начала Даффи. – Десять лет назад, на побережье к югу от Юрики, штат Калифорния. Белого мужчину лет сорока, получившего две пули в голову и одну в грудь. Калибр маленький, предположительно двадцать второй. После того как в мужчину всадили три пули, его сбросили со скалы в океан.

– Когда его выловили, он оказался живым? – спросил я, хотя уже знал ответ.

– Едва дышал, – сказала Даффи. – Одна пуля засела рядом с сердцем, у него был проломлен череп. А также сломаны рука, обе ноги и кости таза. К тому же он наглотался воды. Его оперировали пятнадцать часов подряд. Затем он пролежал месяц в реанимации, а потом еще шесть месяцев приходил в себя в больнице.

– Его личность была установлена?

– При нем не нашли никаких документов. В медицинской карточке он значился как Джон Доу[3].

– А опознание не производилось?

– Отпечатки пальцев в картотеке не значились, – ответила Даффи. – В числе пропавших без вести никого похожего не было. За ним никто не пришел.

Я кивнул. Компьютер на запрос об отпечатках пальцев выдает то, что ему велено отвечать.

– И что дальше? – спросил я.

– Он поправился, – продолжала Даффи. – Прошло полгода. Врачи стали думать, как быть с ним дальше, но тут он сам выписал себя. С тех пор его никто не видел.

– Он ничего не рассказывал про себя?

– Ему поставили диагноз амнезия, что было естественно вследствие травмы. Врачи считали, он действительно мог ничего не помнить о само́м несчастном случае и предшествующих двух-трех днях. Однако

более ранние события он должен был помнить, и у врачей сложилось сильное подозрение, что он притворялся, изображая полную потерю памяти. Его история болезни весьма объемистая. Отчеты психиатров и тому подобное. Осматривали его регулярно. Но он вел себя очень упрямо. Так и не сказал о себе ни слова.

– Каково было его физическое состояние, когда он покинул больницу?

– Довольно приличное. На лице остались шрамы от огнестрельных ранений, но больше ничего серьезного.

– Хорошо, – сказал я.

Закинув голову, я уставился в небо.

– Кто этот человек?

– Ваши предположения? – спросил я.

– Ранения пулями маленького калибра в голову и грудь? – сказал Элиот. – А потом сброшен в океан? Дело рук организованной преступности. Заказное убийство. С ним расправился профессиональный киллер.

Я ничего не сказал.

– Кто этот человек? – повторила Даффи.

Глядя в небо, я вернулся на десять лет назад, в совершенно другой мир.

– Вы разбираетесь в танках? – наконец спросил я.

– В боевых танках? С гусеницами и пушками? Не слишком.

– Тут нет ничего сложного, – сказал я. – То есть, конечно, хочется, чтобы танк ездил быстро, был надежным, ну, не помешает и экономия горючего. Но если у меня есть танк и у вас есть танк, какой единственный вопрос меня интересует?

– И какой?

– Смогу я подбить вас до того, как вы подобьете меня? Вот что будет интересовать меня в первую очередь. Если мы находимся друг от друга на расстоянии мили, достанет ли вас снаряд из моего орудия? И достанет ли меня снаряд из вашего орудия?

– Ну и?

– Разумеется, против законов физики не попрешь, так что разумно будет предположить, что если я смогу поразить вас на расстоянии мили, то и вы сможете меня поразить. Таким образом, все сводится к боеприпасам. Если я отъеду дальше на пару сотен ярдов, так чтобы ваш снаряд

отскочил от меня, не причинив никакого вреда, можно ли создать снаряд, который не отскочит от вас? Вот что главное в танках. Тип, которого выудили из океана, был сотрудником военной разведки, он пытался шантажировать специалиста по танковому вооружению.

– Почему он оказался в океане?

– Вы смотрели по телевизору войну в Персидском заливе? – спросил я.

– Ну, я смотрел, – сказал Элиот.

– Забудьте о самонаводящихся бомбах, – продолжал я. – Настоящей звездой этого шоу стал основной боевой танк «Абрамс M1A1». Счет встречи был четыреста – ноль в его пользу, а иракцы выставили все лучшее, что только смогли достать. Но поскольку войну показывали по телевидению, это означало, что мы раскрыли свои карты всему миру, так что нам пришлось к следующему разу изобрести что-нибудь новенькое. Что и было сделано.

– Что именно? – спросила Даффи.

– Если вы хотите, чтобы снаряд летел дальше и причинял при ударе больше вреда, можно увеличить заряд. Или сделать снаряд легче. Или сделать и то и другое. Разумеется, для того, чтобы сделать снаряд легче, надо предпринять что-то радикальное. Именно это и придумали наши специалисты. Они убрали из снаряда взрывчатку. Звучит странно, правда? Вроде бы зачем нужен такой снаряд? Подумаешь, ударится о броню и отскочит. Но была изменена форма снаряда. Было придумано что-то похожее на гигантский дротик для игры в дартс. С оперением. Все это отливается целиком из вольфрама и обедненного урана. Металлов с самой высокой удельной плотностью, какие только есть. Такой снаряд летит очень быстро и очень далеко. Его окрестили «длинной пробивной штуковиной».

Взглянув на меня из-под полуопущенных век, Даффи одновременно улыбнулась и покраснела. Я улыбнулся в ответ.

– Официально он называется по-другому, – поспешил успокоить ее я. – БПСО. Как я уже говорил, в армии любят аббревиатуры. Бронебойно-подкалиберный со стабилизирующим оперением. Как правило, такой снаряд имеет свой собственный реактивный двигатель. Он попадает в неприятельский танк, обладая огромной кинетической энергией. Эта кинетическая энергия превращается в тепловую, как нас и учили в средней школе. За долю секунды снаряд плавит броню, прокладывая себе дорогу, и врывается внутрь неприятельского танка струей раскаленного металла, которая убивает танкистов и поджигает все горючее и взрывающееся. Штука просто бесподобная. Любое попадание обязательно приводит к желаемому результату. Если

вражеская броня оказалась слишком толстой или вы стреляли со слишком большого расстояния, снаряд просто застревает в броне, словно дротик, и расщепляется, при этом внутренний слой брони разлетается вдребезги, осыпая все вокруг осколками, словно граната. Экипаж вражеского танка после этого напоминает лягушек, прошедших через мясорубку. Это оружие стало поистине революционным прорывом.

– А при чем тут тот тип из океана?

– Он получал от того инженера, которого шантажировал, копии чертежей, – сказал я. – Постепенно, в течение длительного времени. Мы за ним следили. Нам было известно, чем он занимается. Мерзавец собирался продать свою информацию иракской разведке. Иракцы намеревались к следующему раунду уравнять силы. Американская армия не собиралась этого допустить.

Элиот пристально взглянул на меня.

– И поэтому тот тип был убит?

Я покачал головой.

– Мы отправили пару военных полицейских, чтобы его арестовать. Поверьте мне, все должно было быть сделано в рамках закона. Но произошли непредвиденные осложнения. Этому типу удалось бежать. Он мог исчезнуть. Но американская армия очень этого не хотела.

– И тогда его попытались убить?

Я снова уставился в небо, ничего не ответив.

– Это уже было не в рамках закона, так? – спросил Элиот.

Я молчал.

– В архивах данных об этом нет, – продолжал он.

Я снова ничего не сказал.

– Но он не умер, – сказала Даффи. – Как его звали?

– Куин, – ответил я. – На мой взгляд, самый плохой человек из всех, кого я знал.

– И именно его вы видели в воскресенье в машине Бека?

Я кивнул:

– Шофер увез его от симфонического зала.

Я сообщил Даффи и Элиоту все известные мне подробности. Но мы понимали, что эта информация бесполезна. Нельзя было даже помыслить, что Куин оставил свою прежнюю фамилию. Так что я смог только предоставить описание внешности ничем не примечательного белого мужчины лет пятидесяти с двумя шрамами от пуль 22-го калибра на лбу. Лучше, чем ничего, но все же пользы от этого никакой.

– Почему мы не нашли в архивах его пальчиков? – спросил Элиот.

– Все данные о нем стерли, – сказал я. – Как будто Куина никогда не было.

– Почему он остался в живых?

– Двадцать второй калибр с глушителем, – объяснил я. – Оружие стандартное для тайных операций. Но не слишком мощное.

– Этот Куин до сих пор представляет собой опасность?

– Только не для армии, – сказал я. – Это уже дело прошлое. С тех пор минуло больше десяти лет. Бронебойно-подкалиберный снаряд скоро отнесут в музей. Как и танк «Абрамс».

– Тогда зачем же он вам нужен?

– Потому что в зависимости от того, что именно Куин помнит, он может быть опасным для того, кто его брал.

Элиот кивнул, ничего не сказав.

– Куин произвел на вас впечатление важной персоны? – спросила Даффи. – В субботу, в машине Бека?

– Определенно он выглядел человеком состоятельным, – сказал я. – Дорогое кашемировое пальто, кожаные перчатки, шелковый шарф. Он произвел на меня впечатление человека, привыкшего к тому, что его возит личный шофер. Он просто сел в машину, словно это было что-то само собой разумеющееся.

– Он поздоровался с шофером?

– Я не заметил.

– Нам необходимо точно определить его место, – сказала Даффи. – Попытайтесь восстановить весь контекст. Как вел себя этот Куин? Он пользовался машиной Бека. При этом он вел себя так, будто машина была его по праву? Или как если бы кто-то сделал ему одолжение?

– Он вел себя так, будто машина была его по праву, – подумав, сказал я. – Будто он пользуется ею каждый день.

– Значит, он ровня Беку?

Я пожал плечами.

– Возможно, он босс Бека.

– В лучшем случае партнер, – возразил Элиот. – Наш парень из Лос-Анджелеса не отправился бы в такой дальний путь лишь для того, чтобы встретиться с чьим-то подручным.

– Не могу себе представить Куина чьим-либо партнером, – заметил я.

– Что он собой представлял?

– Был нормальным человеком, – сказал я. – Для офицера военной разведки. В основном.

– Но только он стал шпионом, – заметил Элиот.

– Да, – согласился я. – Он стал шпионом.

– А также он чем-то провинился, и его решили убить втихую.

– И это тоже.

Даффи умолкла, над чем-то размышляя. У меня возникло сильное подозрение, что она пытается придумать, как можно меня использовать. И я совершенно не возражал против этого.

– Вы еще задержитесь ненадолго в Бостоне? – наконец спросила она. – Где мы сможем вас найти?

Я сказал, что задержусь, и на этом закончился день номер пять.

Познакомившись в спортивном баре со спекулянтом билетами, я провел большую часть дней номер шесть и семь на стадионе, наблюдая за тем, как бейсбольная команда «Ред сокс» пытается набрать форму в начале сезона. В пятницу в матче было одиннадцать периодов, и он закончился очень поздно. Поэтому почти весь день номер восемь я проспал, а вечером отправился к симфоническому залу, чтобы посмотреть на выходивших после концерта зрителей. Вдруг Куин приобрел абонемент на сезон. Но он так и не показался. Я прокрутил в памяти то, какой именно взгляд он бросил на меня неделю назад. Такой взгляд мог бросить простой прохожий, недовольный толпой, запрудившей улицу. Но может быть, за этим стояло что-то еще.

Сьюзен Даффи перезвонила мне утром дня номер девять, в воскресенье. Ее голос прозвучал совершенно иначе – как голос человека, который много думал. И придумал какой-то план.

– Вестибюль гостиницы, в полдень, – сказала она.

Даффи приехала в машине. Одна. У нее был «форд таурус», самая простая модель. Салон мрачный. Такие машины выдает своим служащим правительство. На Даффи были вытертые джинсы, дорогие ботинки и видавшая виды кожаная куртка. Вымытые волосы были зачесаны назад. Я сел рядом с ней. Даффи пересекла шестиполосную магистраль и нырнула в тоннель, ведущий к Масс-Пайку.

– У Захарии Бека есть сын, – сказала Даффи.

Машина быстро промчалась по подземному повороту, тоннель закончился, и мы снова очутились на бледном апрельском солнце.

– Он учится на предпоследнем курсе колледжа, – заговорила Даффи. – Какое-то захудалое заведение художественного толка, как выяснилось, находится здесь неподалеку. Мы поговорили с однокурсником этого сынка. Он многое нам поведал в обмен на обещание замять дело о марихуане. Сынка зовут Ричард Бек. Всеобщей любовью на курсе не пользуется, вообще парень со странностями. Похоже, его психику очень травмировало одно происшествие, случившееся около пяти лет назад.

– И что это было?

– Его похитили.

Я промолчал.

– Видишь? – продолжала Даффи. – Знаешь ли ты, как часто в наши дни похищают детей обычных людей?

– Нет, – ответил я.

– Этого практически не происходит, – сказала она. – Это вымирающий вид преступлений. Значит, похоже, мы имеем дело с преступными разборками. Похищение мальчишки практически доказывает, что у его отца рыльце в пушку.

– Это только предположение.

– Ну хорошо, однако доказательства весьма убедительны. Заявления о похищении не было. В ФБР о нем нет никаких данных. Все было устроено тихо, с глазу на глаз. И не слишком хорошо. Однокурсник утверждает, что у Ричарда Бека нет уха.

– И?

Даффи ничего не ответила. Она просто ехала дальше на запад. Вытянувшись на сиденье, я краем глаза следил за ней. Посмотреть было на что. Она была высокая, стройная и красивая, и в ее глазах горела

жизнь. Косметикой Даффи не пользовалась. Она принадлежала к тем женщинам, которым это абсолютно не требуется. Я был очень счастлив, что она катала меня на машине. Но на самом деле она меня не катала. Она меня куда-то везла. Это было очевидно. Она приехала за мной, имея план.

– Я изучила твой послужной список, – снова заговорила Даффи. – В мельчайших деталях. Ты произвел на меня впечатление.

– Ты мне льстишь.

– И у тебя большой размер ноги, – сказала она. – Это тоже хорошо.

– Почему?

– Увидишь.

– И все же скажи.

– Мы очень похожи друг на друга, – сказала она. – Ты и я. У нас много общего. Я хочу подобраться к Захарии Беку, чтобы вернуть своего агента. Ты хочешь подобраться к нему, чтобы найти Куина.

– Твой агент мертв. Прошло восемь недель, можно надеяться только на чудо. Ты должна взглянуть правде в глаза.

Даффи промолчала.

– И мне наплевать на Куина.

Мельком взглянув на меня, она покачала головой.

– Неправда, – сказала она. – Он тебе нужен. Я это чувствую. Этот Куин гложет тебе душу. Он для тебя – незавершенное дело. А ты, насколько я успела понять, терпеть не можешь незавершенные дела. – Она помолчала. – Ну а я буду исходить из предположения, что мой агент до сих пор жив – до тех пор, пока ты не представишь мне убедительных доказательств обратного.

– Я? – переспросил я.

– Своих людей я использовать не могу, – объяснила Даффи. – Это ведь ты понимаешь, правильно? С точки зрения Министерства юстиции вся эта затея противозаконна. Так что все свои дальнейшие шаги я буду делать как частное лицо. А ты, как мне кажется, как раз тот человек, который прекрасно разбирается в подобных делах. И не имеет ничего против. Больше того, по-моему, ты даже предпочитаешь работать сам по себе.

– И?

– Мне нужно, чтобы мой человек попал в дом к Беку. И я решила, что этим человеком будешь ты. Ты станешь моим бронебойно-подкалиберным снарядом.

– Как?

– Тебя туда введет Ричард Бек.

Даффи свернула с магистрали милях в сорока к западу от Бостона и направилась на север в глубь Массачусетса. Мы проезжали мимо живописных селений Новой Англии. Пожарные в депо у дороги начищали до блеска свои машины. Щебетали птицы. Фермеры засевали поля и стригли кустарники. В воздухе висел запах костров.

Мы остановились у одинокого мотеля, затерявшегося в сельской глуши. Безукоризненно чистое местечко с аккуратными кирпичными фасадами и ослепительно белыми наличниками. На стоянке стояли пять машин, перегораживавших двери пяти крайних номеров. Все машины были служебными. В среднем номере нас ждали Стивен Элиот и пятеро других мужчин. Они притащили с собой стулья из своих номеров и расселись полукругом. Даффи провела меня в номер и кивнула Элиоту. Я предположил, что этот кивок означал: «Я ему все рассказала, и он не ответил «нет». Пока». Пройдя к окну, Даффи развернулась лицом к собравшимся. Ее силуэт четко вырисовывался на фоне яркого солнечного света. При этом черты ее лица потерялись в тени. Даффи кашлянула, прочищая горло. В номере воцарилась тишина.

– Так, ребята, не будем терять время и сразу перейдем к делу, – сказала Даффи. – Напоминаю последний раз, что то, чем нам предстоит заняться, не санкционировано законом. Мы будем заниматься этим в свое свободное время, на свой страх и риск. Если кому-то это не нравится, еще не поздно выйти из игры.

Никто не тронулся с места. Никто не вышел из номера. Я оценил предпринятую Даффи тактику. Мне сразу было показано, что у них с Элиотом есть еще по крайней мере пять человек, которые пойдут за ними в преисподнюю и обратно.

– У нас меньше сорока восьми часов, – заговорила Даффи. – Послезавтра Ричард Бек уезжает к себе домой на день рождения матери. Наш источник говорит, это происходит каждый год. Он просто пропускает занятия. Отец присылает за ним машину с двумя профессиональными телохранителями, потому что мальчишка до смерти боится нового похищения. Мы сыграем на этом страхе. Мы уберем телохранителей и похитим мальчишку.

Она остановилась. Все молчали.

– Наша цель состоит в том, чтобы проникнуть в дом Захарии Бека, – продолжила Даффи. – Можно предположить, что самим посетителям там вряд ли будут рады. Так что наш друг Ричер сразу же вырвет мальчишку из рук предполагаемых похитителей. Все произойдет очень быстро: похищение, спасение и так далее. Мальчишка преисполнен признательности, и Ричера встречают как героя у семейного очага.

Некоторое время собравшиеся молчали. Затем зашевелились. В плане было столько дыр, что по сравнению с ним швейцарский сыр казался чем-то сплошным. Я пристально посмотрел на Даффи. Затем поймал себя на том, что уставился в окно. Есть много способов латать дыры. Мой мозг пришел в движение. Мне стало интересно, как много дыр уже успела заметить сама Даффи. Как много ответов у нее уже есть. Как она узнала, что такое мне по нраву.

– Зрительская аудитория будет состоять из одного человека, – вновь заговорила Даффи. – Значение имеет только то, что подумает Ричард Бек. Все будет шито белыми нитками от начала и до конца, но его необходимо убедить в реальности происходящего.

Элиот посмотрел на меня.

– Слабые места?

– Два, – сказал я. – Во-первых, как вы собираетесь убрать телохранителей, не расправляясь с ними физически? Полагаю, настолько далеко вы заходить не собираетесь.

– Быстрота, шок, неожиданность, – сказал Элиот. – У похитителей будут пистолеты-пулеметы и море холостых патронов. Плюс шоковая граната. Как только мальчишку вытащат из машины, мы бросим туда гранату. Вспышка, грохот. Очень эффектно. Телохранители будут оглушены, но и только. Однако мальчишка решит, что они превратились в фарш.

– Хорошо, – согласился я. – Но остается второе. Все должно выглядеть совершенно логично, так? Я просто оказываюсь поблизости и совершенно случайно спасаю мальчишку. То есть я человек умный и ловкий. Так почему же я не тащу его в ближайший полицейский участок? Или не жду, когда к нам приедут фараоны? Почему я просто не остаюсь на месте, не даю свидетельские показания и не помогаю следствию? С чего бы мне срочно сматываться с места преступления, забрав мальчишку с собой?

Элиот посмотрел на Даффи.

– Мальчишка будет напуган до смерти, – сказала та. – Он захочет, чтобы вы отвезли его домой.

– Но почему я должен буду согласиться? Не важно, чего хочет он. Главное – какой мой шаг будет логичным. Потому что наша аудитория состоит не из одного человека. Она состоит из двух человек. Из Ричарда Бека и Захарии Бека. Ричард Бек присутствует при происходящем, Захария Бек появляется позднее. Он будет смотреть на все в ретроспективе. Нам необходимо убедить и его тоже.

– Мальчишка наверняка попросит тебя не обращаться в полицию. Как и в прошлый раз.

– Но почему я стану его слушать? Если я человек нормальный, я в первую очередь должен буду подумать о полиции. Я буду делать все как положено.

– Мальчишка станет тебя уговаривать.

– А я не буду обращать на него внимания. С чего бы умному и ловкому взрослому слушать ополоумевшего от страха мальчишку? Это неправильно. Я выставляю себя чересчур покладистым, чересчур готовым помочь, и в этом чувствуется фальшь. Подход слишком прямолинейный. Захария Бек раскусит нас за минуту.

– А что, если ты посадишь мальчишку к себе в машину, а потом за вами будет погоня?

– Я поеду прямиком в полицейский участок.

– Черт! – выругалась Даффи.

– План неплохой, – заметил я. – Но нужно подправить его так, чтобы он стал похож на правду.

Я снова выглянул в окно. На улице ярко светило солнце. Повсюду была зелень. Деревья, кусты, лесистые холмы вдалеке, покрытые пылью молодой листвы. Уголком глаз я видел, что Элиот и Даффи сидят, уныло уставившись в пол. Остальные пятеро сидели неподвижно. Кажется, ребята были способные. Двое чуть моложе меня, высокие и светловолосые. Двое одних лет со мной, ничем не примечательные с виду. Еще один уже в годах, седой и сутулый. Я думал долго и напряженно. Похищение, спасение, дом Бека. Мне нужно попасть домой к Беку. Непременно. Потому что я должен найти Куина. Игра обещает быть долгой. Я попытался взглянуть на все с точки зрения мальчишки. Затем с точки зрения его отца.

– План неплохой, – наконец снова заговорил я, – но его нужно доработать. Я должен стать человеком, который не будет обращаться в полицию. – Я помолчал. – Нет, еще лучше: прямо на глазах у Ричарда Бека я должен стать человеком, который *не может* обратиться в полицию.

– И как ты собираешься этого добиться? – спросила Даффи.

Я посмотрел ей в глаза.

– Я должен еще кого-нибудь убить. Случайно, в суматохе. Другого прохожего. Человека совершенно постороннего. Ситуация должна быть двусмысленной. Например, я кого-то собью на машине. Какую-нибудь пожилую даму, выгуливающую собачку. Задавлю насмерть. Тогда я запаникую и поспешу смыться.

– Срежиссировать это слишком сложно, – возразила Даффи. – К тому же этого все-таки недостаточно для того, чтобы заставить тебя смыться. Я хочу сказать, в таких ситуациях случайности происходят сплошь и рядом.

Я кивнул. Все молчали. Закрыв глаза, я снова начал думать, и наконец у меня перед глазами стали вырисовываться наброски того, как все это должно быть.

– Хорошо, – сказал я. – А как вам нравится вот это? Я убиваю полицейского. Случайно.

Все молчали. Я открыл глаза.

– Это гениальный ход, – продолжил я. – Вы согласны? Все безукоризненно. Захария Бек не усомнится в том, почему я не поступил так, как должен был поступить на моем месте нормальный человек, и не обратился в полицию. К полицейским не обращаются, только что убив одного из них, даже если это произошло случайно. Бек это поймет. Кроме того, у меня появится причина остаться у него дома. Чего мы как раз и добиваемся. Бек решит, что мне нужно спрятаться. Он будет признателен мне за спасение сына; а поскольку он преступник, его совесть будет молчать.

Никаких возражений не последовало. Опять тишина, а затем медленно нарастающий неразборчивый гул согласия, одобрения, поддержки. Я разложил все по полочкам, от начала и до конца. Необходимо просчитать все на много ходов вперед. Я улыбнулся.

– Больше того, – снова заговорил я, – есть вероятность, что Бек возьмет меня к себе на работу. Я уверен, что у него возникнет соблазн это сделать. Потому что мы создадим иллюзию, будто его семейство внезапно оказалось под ударом, он разом лишится двоих телохранителей, а я, на его взгляд, буду лучше, чем они, потому что они проиграли, а я одержал верх. Так что Бек будет просто счастлив нанять меня: раз я убил полицейского, а он меня укрывает, он сочтет, что я ему принадлежу.

Даффи тоже улыбнулась.

– Что ж, давайте за работу, – сказала она. – У нас осталось меньше сорока восьми часов.

Двое молодых ребят были выбраны на роли похитителей. Мы решили, что они воспользуются пикапом «тойота» со стоянки задержанных машин федерального управления по борьбе с наркотиками. «Похитители» будут вооружены конфискованными «узи» с холостыми патронами. Шоковую гранату позаимствовали в арсенале отряда специального назначения. Затем мы начали репетировать мою роль спасателя. Подобно всем мошенникам, мы решили, что мне нужно будет постараться держаться как можно ближе к правде. Поэтому мне предстояло стать бывшим военным, бродягой, оказавшимся в нужное время в нужном месте. Я должен был быть вооружен, что для штата Массачусетс было бы незаконным, однако соответствовало бы моей роли и повышало мои баллы в глазах Бека.

– Мне будет нужен большой старый револьвер, – сказал я. – Что-нибудь такое, что подойдет простому гражданину. Нам надо будет разыграть большую драму. «Тойота» мчится на меня, я должен ее остановить. Я буду в нее стрелять. Значит, мне будут нужны три боевых патрона и три холостых, заряженные в определенной последовательности. Три боевых патрона на машину, затем три холостых на людей.

– Мы сможем зарядить так любое оружие, – сказал Элиот.

– Но мне нужно будет видеть патронник, – возразил я. – Перед каждым выстрелом. Я не буду стрелять смешанными боеприпасами, не проверив визуально каждый патрон. Так что мне будет нужен револьвер. Не маленький пугач, а что-нибудь большое, чтобы я видел отчетливо.

Элиот понял, что я имел в виду. Сделал заметку. Затем мы выбрали пожилого на роль полицейского. Даффи предложила, что он просто случайно попадет под пулю.

– Нет, – сказал я. – Это должна быть ошибка. Не просто случайный выстрел. Мы должны произвести впечатление на Бека-старшего. Я должен убить полицейского сознательно, но не нарочно. Мне нужно показать себя сумасшедшим, но сумасшедшим, умеющим стрелять.

Даффи согласилась, и Элиот, мысленно перебрав список имеющихся в распоряжении транспортных средств, предложил мне старый фургон. Сказал, что я смогу выдавать себя за человека, развозящего товар. Это даст мне законное право болтаться на улице. Мы стали составлять различные списки, как на бумаге, так и в уме.

Двое парней моего возраста, оставшиеся без дела, похоже, были этим недовольны.

– Вы будете полицейскими прикрытия, – предложил я. – Предположим, мальчишка даже не увидит, как я убил первого. Ну, например, свалится в обморок. Мало ли что? Вы погонитесь за нами на машине, и я расправлюсь с вами тогда, когда буду уверен, что мальчишка на меня смотрит.

– Никаких полицейских прикрытия, – возразил пожилой. – Вы только подумайте, на что это будет похоже? Вдруг оказывается, что это глухое место кишмя кишит полицейскими.

– Это будут охранники колледжа, – вставила Даффи. – Все учебные заведения нанимают охрану из числа полицейских. И они случайно окажутся поблизости. Где им еще находиться?

– Замечательно, – подхватил я. – Они выедут прямо из студенческого городка. Оставаясь сзади, они смогут контролировать все по рации.

– Как ты собираешься с ними расправиться? – спросил меня Элиот так, как будто с этим могли возникнуть проблемы.

Я кивнул, понимая, что он имеет в виду. К этому моменту я уже должен буду выпустить шесть пуль.

– Перезаряжать револьвер я не смогу, – согласился я. – Не в то время, пока веду машину. И не холостыми. Мальчишка может заметить.

– А что, если ты пойдешь на таран? Столкнешь их с дороги?

– Только не на старом разбитом фургоне. У меня должен быть второй револьвер. Заряженный и спрятанный в фургоне. Скорее всего, в бардачке.

– Ты собираешься разъезжать с двумя пушками? – спросил пожилой. – Для Массачусетса это будет выглядеть довольно странно.

Я кивнул.

– Это слабое место. Но мы должны пойти на риск.

– Значит, я буду в штатском, – сказал пожилой. – Стрелять в полицейского в форме – это уже не случайная оплошность. Тогда слабых мест станет два.

– Хорошо, – согласился я. – Замечательно. Ты детектив в штатском, ты вытаскиваешь свой значок, а я думаю, что это пистолет. Такое случается.

– Но как мы будем умирать? – спросил пожилой. – Просто схватимся за животы и повалимся на землю, как в старом кино про Дикий Запад?

– Это не будет убедительно, – возразил Элиот. – Все должно выглядеть как надо. У Ричарда Бека не должно возникнуть никаких сомнений.

– Нам будут нужны реквизиты из Голливуда, – сказала Даффи. – Кевларовые бронежилеты и презервативы с фальшивой кровью, взрывающиеся по радиосигналу.

– Ты сможешь это достать?

– Надеюсь, в Нью-Йорке или Бостоне найдется что-нибудь подходящее.

– У нас очень мало времени.

– Можешь мне не напоминать об этом, – усмехнулась Даффи.

На этом завершился день номер девять. Даффи хотела, чтобы я перебрался в мотель, и предложила отправить кого-нибудь за моими вещами, оставшимися в гостинице в Бостоне. Я успокоил ее, сказав, что у меня нет никаких вещей. Она искоса посмотрела на меня, но промолчала. Я устроился в номере рядом с пожилым. Кто-то съездил за пиццей. Все вокруг суетились и постоянно звонили кому-то по сотовым телефонам. Меня оставили в покое. Я лег на кровать и мысленно прокрутил все от начала до конца. Составил перечень того, что мы упустили из виду. Перечень получился длинным. Но больше всего меня беспокоил один пункт. Строго говоря, не имевший отношения к этому перечню. Как бы параллельный ему. Встав с кровати, я отправился на поиски Даффи. Она как раз приехала и шла со стоянки в свой номер.

– Захария Бек тут не главный, – сказал я. – Он не может быть главным. Если в дело замешан Куин, он босс. Второй скрипкой он не будет. Если только этот Бек не негодяй еще почище Куина, но об этом мне даже не хочется говорить.

– А может быть, твой Куин стал другим, – возразила Даффи. – Как-никак он получил две пули в голову. Быть может, это как-то затронуло его мозг. Сделало его не таким ретивым.

Я ничего не ответил. Даффи заторопилась прочь. Я вернулся к себе в номер.

День номер десять начался с того, что прибыли транспортные средства. Пожилому достался семилетний «шевроле каприс», с которым он должен был разыгрывать свою роль полицейского в штатском. Машина была с мотором от «корвета», последнего года выпуска этой модели. Внешний вид у нее был как раз такой, какой требовался. Пикап оказался старой, облупившейся колымагой красного цвета. Впереди красовался кенгурятник. Я краем уха услышал, как молодые ребята обсуждали, можно ли будет этим воспользоваться. Мне предстояло сесть за руль непримечательного коричневого фургона. Это была самая не привлекающая к себе внимания машина, какую мне только доводилось

видеть. Салон без окон; в задней двери два небольших окошка. Я проверил, есть ли бардачок. Есть.

– Все в порядке? – спросил Элиот.

Я похлопал фургон по капоту, как это делают водители грузовиков, и толстый металл глухо загудел в ответ.

– Замечательно, – сказал я. – Я хочу, чтобы револьверы были под мощные патроны сорок четвертого калибра «магнум». Мне нужно три патрона с тяжелыми пулями с мягкими наконечниками и девять холостых. Постарайтесь, чтобы холостые были как можно громче.

– Хорошо, – кивнул Элиот. – А почему именно с мягкими наконечниками?

– Меня беспокоит рикошет, – объяснил я. – Я не хочу задеть кого-нибудь случайно. Пули с мягким наконечником деформируются и застревают в том, во что попали. Я выстрелю один раз в радиатор и два раза по колесам. Подкачайте шины, чтобы они при попадании взорвались. Это будет более зрелищно.

Элиот бросился выполнять мои пожелания. Ко мне подошла Даффи.

– Тебе понадобится вот это. – Она протянула плащ и перчатки. – Так ты будешь выглядеть более естественно. Как-никак, по утрам здесь еще довольно прохладно. К тому же плащ скроет револьвер.

Я примерил плащ. Он сидел на мне как влитой. Похоже, Даффи прекрасно определяла размеры одежды на взгляд.

– Не надо забывать про психологию, – продолжила она. – Ты должен быть готов действовать гибко. С мальчишкой может случиться ступор. И тебе потребуется добиваться от него какой-либо ответной реакции. В идеале будет, если он очнется и начнет говорить. Полагаю, в этом случае тебе придется немного поупрямиться и не сразу согласиться влезать в его дела еще больше. В идеале он сам должен уговорить тебя отвезти его домой. Но в то же время ты должен держать все в своих руках. Необходимо действовать быстро, чтобы мальчишка не успел сосредоточить внимание на том, что видит.

– Хорошо, – согласился я. – В таком случае я меняю запрос на боеприпасы. Второй патрон во втором пистолете должен быть боевым. Я прикажу мальчишке лечь на пол, а потом вышибу стекло в задней двери. Он решит, что это в нас стреляют охранники колледжа. Потом я снова заставлю его выпрямиться. Это увеличит у него ощущение страха и в то же время приучит его делать то, что я говорю. К тому же он будет рад видеть, как охранники получат по шее. Потому что я не хочу, чтобы он

начал драться, пытаясь меня остановить. В этом случае все может кончиться аварией, и тогда нам обоим придется худо.

– Вообще-то вам неплохо будет сблизиться друг с другом, – заметила Даффи. – Нам нужно, чтобы мальчишка обрисовал тебя своим родителям в самых лучших красках. Я согласна: если тебя наймут на работу, это будет попаданием в яблочко. Ты получишь доступ к Беку. Так что попытайся произвести на мальчишку впечатление. Но действуй очень ненавязчиво. Не нужно, чтобы он проникся к тебе симпатией. Необходимо только, чтобы он принял тебя за крутого парня, который знает, что делает.

Я отправился к Элиоту и двум парням, которым предстояло быть охранниками колледжа. Мы договорились, что они сначала будут палить в меня холостыми, затем я сделаю один холостой выстрел, после этого боевым патроном разобью заднее окно фургона, потом сделаю еще один холостой выстрел и наконец израсходую один за другим три последних холостых патрона. В момент последнего выстрела они боевым патроном высадят стекло в своей машине и свалятся под откос, как будто я попал в колесо или в водителя.

– Только не перепутай холостые и боевые, – попросил меня один из парней.

– И вы тоже.

Пообедали мы снова пиццей, а затем отправились знакомиться с местом действия. Остановившись в миле от колледжа, мы склонились над картами. Затем рискнули трижды проехать на двух машинах мимо ворот. Я предпочел бы потратить больше времени на знакомство, но мы не хотели привлекать внимание. В молчании вернувшись в мотель, мы собрались в номере Элиота.

– Вроде бы все в порядке, – сказал я. – В какую сторону они повернут?

– Мэн на севере, – заметила Даффи. – Мы можем предположить, Бек живет где-то неподалеку от Портленда.

Я кивнул.

– Но на мой взгляд, они должны повернуть на юг. Так ближе до автострады. А стандартные меры предосторожности требуют как можно быстрее попасть на оживленную дорогу.

– Это рулетка.

– Они повернут на юг, – уверенно заявил я.

– Что-нибудь еще? – спросил Элиот.

– Я буду полным кретином, если не избавлюсь от фургона, – сказал я. – Старик Бек проникнется ко мне бо́льшим доверием, если я брошу фургон и угоню другую машину.

– Где? – спросила Даффи.

– Если верить карте, рядом с автострадой есть супермаркет.

– Хорошо, мы приготовим там для тебя новую машину.

– Ключи спрятать под бампером? – предложил Элиот.

Даффи покачала головой.

– Чересчур грубо. Нужно, чтобы все выглядело абсолютно убедительно. Ричер должен угнать эту машину по-настоящему.

– Я не знаю, как это делается, – сказал я. – Мне еще никогда не приходилось угонять машину.

В номере воцарилась тишина.

– Я знаю только то, чему меня учили в армии, – объяснил я. – Военные машины никогда не запираются. И у них нет ключей зажигания. Они заводятся кнопкой.

– Хорошо, – сказал Элиот. – Неразрешимых проблем не бывает. Машину мы оставим незапертой. Но ты притворишься, будто она заперта. Сделаешь вид, что возишься с замком. Мы оставим поблизости моток проволоки и проволочные плечики. Ты попросишь мальчишку что-нибудь найти. Сделаешь его соучастником. Это поможет создать иллюзию. Затем повозишься с замком, и – оп! – дверь откроется. Мы разберем кожух рулевой колонки. Зачистим нужные провода – только нужные. Ты их отыщешь и соединишь вместе – и разом станешь плохим парнем.

– Гениально! – похвалила Даффи.

Элиот улыбнулся.

– Стараюсь.

– Давайте устроим перерыв, – предложила Даффи. – Продолжим после ужина.

Последние элементы мозаики встали на свое место после ужина. Вернулись двое и привезли недостающее снаряжение. Мне досталась пара одинаковых кольтов «анаконда». Это были большие мощные револьверы. На вид дорогие. Я не стал спрашивать, откуда они. Вместе с револьверами мне дали коробку боевых патронов 44-го калибра

«магнум» и коробку холостых. Холостые были куплены в хозяйственном магазине. Они предназначались для мощного молотка. Такие молотки используются для забивания костылей в бетон. Откинув барабаны обеих «анаконд», я острием ножниц нацарапал крестик против одного гнезда. У револьверов системы «Кольт» барабан вращается по часовой стрелке в отличие от «смит-вессонов», у которых барабан вращается против часовой стрелки. Крестиком был отмечен первый патрон, с которого я начинал стрельбу. Я поверну барабан так, чтобы крестик остановился на десяти часах – чтобы он был мне виден. При первом нажатии на спусковой крючок барабан провернется на один шаг, и этот патрон встанет под курок.

Даффи принесла мне ботинки. Они оказались мне впору. В каблуке правого ботинка имелось углубление. Даффи дала мне устройство беспроводной электронной почты, аккуратно вошедшее в углубление.

– Вот почему я обрадовалась, что у тебя большой размер ноги, – объяснила она. – С большим ботинком будет проще.

– Устройство надежное?

– Должно быть, – сказала Даффи. – Новая штуковина, принята на вооружение. Теперь с помощью таких устройств осуществляют связь все федеральные ведомства.

– Отлично, – сказал я.

В моей практике на отказы техники приходилось больше провалов, чем на все остальные причины, вместе взятые.

– Это лучшее, что мы можем предложить, – объяснила Даффи. – Все остальное непременно найдут. Тебя обязательно досконально обыщут. А так, если верить теории, даже если радиоэфир прослушивается, будет слышен лишь короткий писк модема. Скорее всего, его спишут на помехи.

Кроме того, были привезены искусственные пятна крови из нью-йоркского магазина театральных реквизитов. Это были довольно громоздкие штуки. Каждая комплектовалась куском кевлара площадью с квадратный фут, который крепился на груди «жертвы». Пятна крови состояли из мягких резиновых резервуаров с «кровью», радиоприемников и зарядов с батарейками.

– Ребята, надевайте свободные рубашки, – посоветовал Элиот.

Радиопередатчик с отдельными кнопками мне предстояло прилепить скотчем к правому запястью. От него шли провода к батарейкам, которые я должен был положить во внутренний карман. Кнопки были достаточно большими, чтобы их можно было нащупать через плащ,

пиджак и рубашку. Я решил, что будет выглядеть очень убедительно, если я при стрельбе буду поддерживать правую руку левой. Мы отрепетировали последовательность. Сначала водитель пикапа. Кнопка, ближайшая к запястью. Я нажму ее указательным пальцем левой руки. Затем пассажир пикапа. Средняя кнопка. Средний палец. Последним пожилой мужчина, изображающий полицейского. Кнопка, ближайшая к локтю, и безымянный палец.

– Потом тебе обязательно нужно будет избавиться от всего этого, – заметил Элиот. – Дома у Бека тебя непременно обыщут. По дороге где-нибудь зайдешь в туалет.

Мы до бесконечности повторяли предстоящий спектакль. К полуночи все выучили свои роли так хорошо, как только это было в человеческих силах. По нашим расчетам, от начала до конца все должно было занять восемь секунд.

– Окончательное решение принимаешь ты, – сказала Даффи. – Если в тот момент, когда «тойота» помчится на тебя, ты почувствуешь что-то неладное, забудь обо всем и пропусти ее. Мы придумаем, как выкрутиться. Но помни, что тебе предстоит сделать три выстрела в людном месте, и я не хочу, чтобы ты зацепил случайного прохожего или велосипедиста. У тебя будет меньше секунды на то, чтобы принять решение.

– Понял, – сказал я, хотя и не представлял себе, как можно будет выпутаться, если дело зайдет так далеко.

Наконец Элиот сделал пару звонков и подтвердил, что охрана колледжа одолжит свою машину, а на служебной стоянке торгового центра будет стоять подержанный «ниссан максима». «Максима» был конфискован у одного мелкого торговца марихуаной из штата Нью-Йорк. Там были еще очень строгие законы о наркотиках. На «ниссан» прикрутили фальшивые номера штата Массачусетс и положили в него всякие безделушки, какие возят в машинах женщины.

– А теперь спать, – подвела итог Даффи. – Завтра у нас трудный день.

Так завершился день номер десять.

Рано утром дня номер одиннадцать Даффи принесла мне в номер пончики и кофе – мой завтрак. Мы были одни, я и она. Мы в последний раз прошли через все. Даффи показала мне фотографии агента, которую пятьдесят восемь дней назад послали по следу Бека. Это была светловолосая тридцатилетняя женщина по имени Тереза Даниэль, которой удалось устроиться в фирму «Большой базар». Она была миниатюрная, но производила впечатление человека находчивого. Я

пристально всмотрелся в фотографии, запоминая изображенное на них лицо, однако у меня перед глазами стояло лицо другой женщины.

– Я исхожу из предположения, что она до сих пор жива, – сказала Даффи. – У меня нет выбора.

Я промолчал.

– Очень постарайся, чтобы тебя взяли на работу, – продолжила она. – Мы проверили твое прошлое, как это может сделать Бек. Картинка получилась довольно расплывчатая. Многих деталей недостает, что меня беспокоит, однако его, думаю, это нисколько не будет волновать.

Я вернул ей фотографии и сказал:

– У меня есть все шансы на победу. Иллюзия будет сама подпитывать себя. Бек лишится людей, при этом он будет считать, что его семья находится под ударом. Но излишнюю настойчивость я проявлять не буду. Больше того, я собираюсь немного поупрямиться. По-моему, любая другая моя реакция будет выглядеть фальшивой.

– Хорошо, – сказала Даффи. – Перед тобой стоят семь задач, из которых первая, вторая и третья таковы: будь очень осторожен. Можно предположить, что мы имеем дело с чрезвычайно опасными людьми.

– Не просто предположить, – заметил я. – Если в этом замешан Куин, это можно гарантировать.

– Так что веди себя соответственно, – сказала Даффи. – Принимайся за дело серьезно с самого начала.

– Да, – согласился я.

Неожиданно я поймал себя на том, что правой рукой растираю левое плечо, и остановился в удивлении. Военный психиатр как-то сказал мне, что этот непроизвольный жест свидетельствует об уязвимости. Он является защитным, связан с попыткой спрятаться, укрыться. Это первый шаг к тому, чтобы свернуться клубком на полу. Судя по всему, Даффи читала те же самые книги, потому что, заметив мой жест, она пристально посмотрела на меня.

– Ты боишься этого Куина? – спросила она.

– Я никого не боюсь, – заверил ее я. – Но мне определенно было легче на душе, когда он был мертв.

– Еще не поздно остановиться.

Я покачал головой.

– Поверь, я не стану упускать возможность его найти.

– Что случилось во время его задержания?

Я снова покачал головой.

– Не хочу об этом говорить.

Она не стала настаивать. Просто отвернулась, выждала немного, снова повернулась ко мне и продолжила последний прогон перед спектаклем. Тихий голос, четкая дикция.

– Задача номер четыре – найти моего агента, – сказала Даффи. – И вернуть ее.

Я кивнул.

– В-пятых, достань мне солидные доказательства, чтобы можно было пригвоздить этого Бека.

– Хорошо.

Она снова умолкла.

– В-шестых, найди Куина и сделай с ним то, что считаешь нужным. И наконец, в-седьмых, выбирайся оттуда поскорее ко всем чертям.

Я молча кивнул.

– Следить за тобой мы не будем, – продолжала Даффи. – Малыш может нас засечь. К тому времени у него начнется мания преследования. И мы не будем ставить в «ниссан» пеленгатор, потому что его, скорее всего, найдут. Как только определишь свое местонахождение, сообщи нам по электронной почте.

– Хорошо, – подтвердил я.

– Слабые места? – спросила она.

Сделав над собой усилие, я перестал думать о Куине.

– Я вижу три. Два незначительных и одно серьезное. Начнем с мелочей. Во-первых, я собираюсь выбить выстрелом заднее окно фургона, после чего у мальчишки будет около десяти минут на то, чтобы сообразить, что в салоне нет битого стекла и нет соответствующего отверстия в лобовом стекле.

– Тогда не надо этого делать.

– Думаю, лучше все же сделать. Нам нужно поддерживать панику на высоком уровне.

– Хорошо, мы положим в салон коробки. Коробки и так должны там быть, ты ведь что-то развозишь. Они частично скроют заднюю дверь. А в

остальном придется надеяться, что мальчишка за десять минут не успеет понять, что к чему.

Я кивнул.

– Вторая мелочь. Старик Бек обязательно свяжется со здешней полицией. Не знаю когда, не знаю как. Возможно, и с прессой. Он будет искать любую информацию, которая может оказаться полезной.

– Мы напишем полиции сценарий, как ей себя вести. Подкинем что-нибудь газетчикам. Они нам помогут. А что за серьезная неприятность?

– Телохранители, – сказал я. – Как долго вы собираетесь их держать? Их нельзя допустить до телефона, так как они сразу же позвонят Беку. Значит, официально арестовать их не получится. Нельзя натравить на них систему. Значит, вам придется держать их без общения с внешним миром, совершенно противозаконно. Как долго вы сможете продержаться?

Даффи пожала плечами.

– Четыре-пять дней максимум. Защищать тебя дольше мы не сможем. Так что ты должен будешь поторопиться.

– Я не собираюсь прохлаждаться. Надолго хватит аккумуляторов в моем передатчике?

– Дней на пять. К тому времени ты уже должен будешь быть на свободе. Зарядное устройство мы тебе дать не можем. Это выглядело бы слишком подозрительно. Но если раздобудешь где-нибудь зарядное устройство для сотового телефона, можешь им воспользоваться.

– Хорошо.

Даффи молча посмотрела на меня. Говорить больше было не о чем. Затем она нагнулась и поцеловала меня в щеку. Это произошло совершенно неожиданно. У нее были нежные губы. Они оставили на моей щеке налет сахарной пудры от пончиков.

– Удачи, – сказала Даффи. – Надеюсь, мы ничего не упустили.

Но мы упустили многое. В наших расчетах зияли огромные дыры, и сейчас я видел их с ужасом, очень отчетливо.

Глава 03

Дьюк, телохранитель, вошел ко мне в комнату без пяти минут семь, что для ужина было слишком рано. Я услышал его шаги по коридору и тихий щелчок замка. Я сидел на кровати. Устройство электронной почты вернулось в ботинок, а ботинок вернулся на ногу.

– Выспался, осел? – спросил Дьюк.

– Почему меня заперли? – ответил я вопросом на вопрос.

– Потому что ты пришил фараона.

Я отвел взгляд. Возможно, Дьюк сам служил в полиции, перед тем как стать охранником. Очень даже возможно. Многие бывшие полицейские уходят работать в охранные конторы консультантами и частными сыщиками. Определенно у Дьюка был на меня зуб, что могло доставить много хлопот. Однако это означало, что он без вопросов купился на рассказ Ричарда Бека, а это уже был плюс. Дьюк молча оглядел меня с ног до головы, но его лицо осталось непроницаемым. Затем он знаком приказал мне выйти из комнаты и провел вниз по лестнице на первый этаж, а затем темными коридорами к северному фасаду особняка. Я почувствовал запах соленого морского воздуха и сырых ковров. Ковры были повсюду. Кое-где они застилали пол в два слоя. Остановившись перед дверью, Дьюк толкнул ее и отступил в сторону, пропуская меня в комнату. Она оказалась просторной, квадратной, обшитой темным дубом. Повсюду на полу ковры. Маленькие окна в глубоких нишах. За ними темнота, скалы и серый океан. В глубине комнаты стоял длинный дубовый стол. На нем лежали мои две «анаконды», разряженные. С откинутыми барабанами. Во главе стола сидел мужчина. В массивном дубовом кресле с высокой спинкой. Это был человек с фотографий, сделанных Сьюзен Даффи.

Во плоти он выглядел неприметно. Не высокий, но и не маленький. Футов шесть роста, вес около двухсот фунтов. Седые волосы, не густые и не редкие, не короткие и не длинные. Ему было лет пятьдесят. На нем был серый костюм, сшитый из дорогой ткани без каких-либо намеков на стиль. Рубашка была белой, а галстук совсем не имел цвета, как бензин. Руки и лицо у него были бледные, как будто его естественной средой обитания являлись подземные автостоянки, где он по ночам разглядывал что-то в багажнике своего «кадиллака».

– Садитесь, – сказал мужчина.

Его тихий голос прозвучал натянуто, словно донесся откуда-то из трахеи. Я сел на другом конце стола.

– Я Захария Бек, – представился мужчина.

– Джек Ричер, – сказал я.

Осторожно прикрыв дверь изнутри, Дьюк прижался к ней своей тушей. В комнате воцарилась тишина. Я мог разобрать шум океана. Не ритмичный гул волн, который слышишь на пляже. Это был непрекращающийся неравномерный грохот прибоя о скалы. В промежутках между взрывами разбивающихся волн слышался шелест

гальки. Я начал считать волны. Говорят, особенно сильной бывает каждая седьмая.

– Итак, – сказал Бек.

На столе перед ним стояла рюмка. Приземистая, из толстого стекла, с какой-то жидкостью янтарного цвета. Тягучей, словно виски или бурбон. Захария Бек кивнул Дьюку. Тот взял вторую рюмку. Рюмка ждала меня на столике у стены. В ней была та же самая тягучая янтарная жидкость. Дьюк неуклюже взял ее за основание большим и указательным пальцами. Пересек комнату и, наклонившись, осторожно поставил рюмку передо мной. Я улыбнулся. Я знал, для чего это.

– Итак, – повторил Бек.

Я ждал.

– Мой сын рассказал о ваших неприятностях, – сказал он.

Это была дословно та самая фраза, которую произнесла его жена.

– Закон неумышленных последствий, – заметил я.

– Я поставлен в трудное положение, – продолжал Бек. – Я простой бизнесмен и пытаюсь определить, чем я вам обязан.

Я ждал.

– Естественно, мы вам благодарны, – поспешил заверить меня он. – Пожалуйста, не поймите меня превратно.

– Но?

– У вас возникли определенные нелады с законом, – раздраженно произнес Бек, словно он стал жертвой неподвластных ему обстоятельств.

– Речь идет не о космических технологиях, – заметил я. – Мне нужно, чтобы вы закрыли глаза на это. По крайней мере на время. Добро за добро. Если, конечно, ваша совесть сможет это вытерпеть.

В комнате снова воцарилась полная тишина. Я слушал океан. Я мог различить весь спектр звуков. Я слышал даже шелест жестких водорослей по граниту и шорох гальки, откатывающейся вместе с отступающим прибоем на восток. Взгляд Захарии Бека метался по всему помещению. Он смотрел на стол, затем на пол, потом в пустоту. У него было узкое лицо. Почти никакого подбородка. Близко посаженные глаза. Сосредоточенно наморщенный лоб. Тонкие поджатые губы. Голова Бека чуть двигалась. В целом картина напоминала правдоподобный образчик обычного бизнесмена, ломающего голову над сложной проблемой.

– Это была ошибка? – наконец спросил Бек.

– Полицейский? – уточнил я. – Разумеется. Но тогда я просто старался довести дело до конца.

Он провел еще какое-то время в раздумье, затем кивнул.

– Хорошо. В данных обстоятельствах мы, возможно, согласимся помочь вам выпутаться из этой передряги. Вы оказали нашему семейству большую услугу.

– Мне нужны деньги, – сказал я.

– Зачем?

– Мне придется путешествовать.

– Когда?

– Прямо сейчас.

– Разумно ли это?

Я покачал головой.

– Не очень. Я бы предпочел переждать здесь пару дней, пока не уляжется паника. Но мне бы не хотелось злоупотреблять вашим хорошим отношением.

– Сколько денег?

– Думаю, хватит пяти тысяч долларов.

Бек ничего не ответил. Снова начал игру глазами. На этот раз в его взгляде было больше сосредоточенности.

– У меня есть к вам несколько вопросов, – наконец заговорил он. – Мне хотелось бы узнать ответы на них до того, как вы нас покинете. Если вы вообще нас покинете. Два момента первостепенной важности. Во-первых, кто это был?

– А вы не знаете?

– У меня много соперников и врагов.

– Которые готовы зайти настолько далеко?

– Я занимаюсь импортом ковров, – сказал Бек. – Я не собирался превращать это занятие в дело всей жизни, но так распорядилась судьба. Вероятно, вы считаете, что я имею дело только с магазинами и художественными салонами, но в действительности мне приходится общаться со всевозможными неприятными типами в различных

зарубежных подпольных мастерских, где порабощенные дети вынуждены трудиться по восемнадцать часов в день, стирая в кровь пальцы. Хозяева этих малолетних рабов убеждены, что я граблю их страны и насилую их культуру, и, сказать по правде, возможно, в этом они правы, хотя я виновен в таком положении дел ничуть не меньше их самих. Эти люди не сахар. Для того чтобы мой бизнес процветал, мне необходимо проявлять в отношении их определенную твердость. И, надо признаться, так же поступают мои конкуренты. В нашем бизнесе царят очень жесткие порядки. Так что я могу назвать полдюжины разных людей, начиная от моих поставщиков до конкурентов, которые пошли бы на похищение моего сына, чтобы добраться до меня. В конце концов, один из них уже проделал это пять лет назад, о чем, насколько я понимаю, мой сын вам рассказал.

Я молчал.

– Мне нужно знать, кто это, – твердо произнес Бек.

Выждав мгновение, я рассказал ему все, секунда за секундой, миля за милей. Я точно, в мельчайших подробностях описал двух высоких светловолосых помощников Даффи из «тойоты».

– Мне эти люди ничего не говорят, – заметил Бек.

Я промолчал.

– Вы запомнили номер «тойоты»? – спросил он.

Подумав, я сказал ему правду:

– Я видел пикап только спереди. Номера не было.

– Так значит, машина была из штата, в котором передний номер не требуется. Что ж, полагаю, это несколько сужает круг поисков.

Я ничего не сказал. Помолчав, Бек тряхнул головой.

– Информация очень скудная. Мой помощник связался с местным полицейским управлением окольными путями. Один полицейский убит, один охранник колледжа убит, двое неопознанных мужчин в лимузине «линкольн» убиты, двое неопознанных мужчин в пикапе «тойота» убиты. Единственным оставшимся в живых свидетелем случившегося является второй охранник, но он до сих пор не пришел в себя после автокатастрофы, происшедшей в пяти милях от колледжа. Пока что никто не знает, что произошло. Никто не знает, почему это произошло. Известно только то, что имела место кровавая бойня, причем без каких-либо видимых причин. Полиция полагает, речь идет о гангстерских разборках.

– Что будет после того, как проверят номера «линкольна»? – спросил я.

Бек замялся.

– Машина зарегистрирована на компанию. Напрямую сюда она не выведет.

Я кивнул.

– Хорошо. И все же к тому времени, как второй охранник очнется, я хочу убраться на Западное побережье. Он наверняка успел хорошенько меня разглядеть.

– А я хочу узнать, кто за этим стоит.

Я взглянул на лежащие на столе «анаконды». Револьверы были вычищены и слегка смазаны. Внезапно я очень обрадовался тому, что выбросил стреляные гильзы. Я взял рюмку. Стиснул ее всеми пятью пальцами и понюхал содержимое. Я понятия не имел, что это может быть. Сейчас я предпочел бы чашку кофе. Я поставил рюмку на стол.

– С Ричардом все в порядке? – спросил я.

– Жить будет, – уклончиво ответил Бек. – Я хочу знать, кто именно нанес удар.

– Я рассказал вам все, что видел, – сказал я. – Документы мне никто не предъявлял. Этих ребят я видел первый раз в жизни. Сам я там оказался совершенно случайно. Какой ваш второй первостепенный вопрос?

Последовала долгая пауза. За окнами шумел и грохотал прибой.

– Я человек очень осторожный, – наконец сказал Бек. – И мне бы не хотелось вас обижать.

– Но?

– Но мне очень интересно, кто вы такой на самом деле.

– Я тот, кто спас вашему мальчишке второе ухо, – сказал я.

Бек взглянул на Дьюка. Тот шагнул вперед и ловко подхватил мою рюмку. Взяв ее тем же самым неуклюжим движением, зажимая большим и указательным пальцами за основание.

– А теперь у вас есть и мои пальчики, – заметил я. – Все чисто и аккуратно.

Бек снова кивнул, словно человек, принимающий ответственное решение. Он указал на лежащие на столе револьверы.

– Хорошее оружие.

Я ничего не ответил. Протянув руку, Бек уперся в одну «анаконду» костяшками пальцев. Резко толкнул ее мне. Тяжелая сталь издала глухой звук, скользя по дубовой поверхности.

– Ты не хочешь рассказать мне, почему одно из гнезд отмечено нацарапанным крестиком?

Я вслушался в шум океана.

– Понятия не имею, – сказал я. – Мне они достались уже такими.

– Ты купил их подержанными?

– В Аризоне.

– В оружейном магазине?

– Не совсем.

– Почему?

– Не люблю, когда копаются в моем прошлом, – объяснил я.

– Ты не поинтересовался насчет царапин?

– Я решил, это какие-то отметки, – сказал я. – Возможно, какой-нибудь умник протестировал револьверы и отметил самое точное гнездо. Или самое неточное.

– А что, гнезда барабана как-то различаются?

– Все различается, – заверил его я. – Таковы особенности производства.

– Даже когда речь идет о револьверах стоимостью восемьсот долларов?

– Все зависит от того, насколько вы придирчивы. Если дойти до стотысячных долей дюйма, в мире не найдется двух совершенно одинаковых вещей.

– Это так важно?

– Только не для меня, – сказал я. – Когда я направляю на кого-то оружие, меня не интересует, в какую именно клеточку организма я попаду.

Какое-то время Бек молчал. Затем сунул руку в карман и достал патрон. Сверкающая латунная гильза, матовая свинцовая пуля. Бек поставил патрон вертикально на стол, словно маленький артиллерийский снаряд. Затем повалил его и покатал пальцем. Потом аккуратно положил и щелчком толкнул ко мне. Патрон описал широкую изящную дугу, гулко гремя по дереву. Это был патрон 44-го калибра «ремингтон магнум». Пуля без оболочки, тяжелая, больше трехсот гран. Страшная штуковина.

Вероятно, патрон стоил почти доллар. Вынутый из кармана, он хранил тепло тела Бека.

– Тебе когда-нибудь приходилось играть в русскую рулетку? – спросил Захария Бек.

– Мне нужно избавиться от угнанной машины, – сказал я.

– От нее уже избавились.

– Как?

– Она там, где ее не найдут.

Он умолк. Я ничего не ответил. Просто смотрел на него, словно размышляя: так ли ведет себя обычный бизнесмен? И почему лимузин зарегистрирован на компанию? Откуда ему известна цена кольта «анаконда»? Зачем он снял отпечатки пальцев своего гостя?

– Тебе приходилось когда-нибудь играть в русскую рулетку? – повторил Бек.

– Нет, – сказал я. – Никогда не приходилось.

– Мне нанесли удар, – продолжал он. – И я только что потерял двоих человек. А сейчас мне нужно людей приобретать, а не терять.

Я выждал пять секунд, десять, делая вид, будто пытаюсь понять, к чему он клонит.

– Вы предлагаете мне наняться к вам? – наконец спросил я. – Не знаю, смогу ли я задержаться в ваших краях.

– Я ничего не прошу, – сказал Бек. – Я хочу принять решение. Ты мне кажешься человеком полезным. Эти пять тысяч долларов ты мог бы получить за то, что останешься.

Я молчал.

– Эй, если я тебя захочу, я тебя получу, – сказал Бек. – На тебе висит убитый полицейский в Массачусетсе, у меня есть твое имя и твои пальчики.

– Но?

– Но я не знаю, кто ты такой.

– Привыкайте к этому, – сказал я. – Как вообще можно узнать, кто есть кто?

– Я это узнаю, – сказал он. – Я проверяю людей. Предположим, я попрошу тебя убить еще одного фараона. Доказать свою преданность.

– Я откажусь. Повторяю, первый стал результатом роковой случайности, о чем я очень сожалею. И я начну гадать, такой ли уж вы обычный бизнесмен, каким пытаетесь себя представить.

– Тебя не должен волновать мой бизнес.

Я промолчал.

– Сыграй в русскую рулетку, – предложил Бек.

– И что это докажет?

– Федеральный агент на это не пойдет.

– Почему вы так беспокоитесь насчет федеральных агентов?

– Это тоже не должно тебя заботить.

– Я не федеральный агент, – сказал я.

– Так докажи это. Сыграй со мной в русскую рулетку. Я уже и так, образно говоря, играю с тобой в русскую рулетку, поскольку впустил тебя в свой дом, не зная, кто ты такой.

– Я спас вашего сына.

– И я очень признателен за это. Настолько признателен, что до сих пор разговариваю с тобой вежливо. Настолько признателен, что, возможно, предложу тебе убежище и работу. Потому что мне нравятся люди, доводящие дело до конца.

– Я не ищу работу, – сказал я. – Я хочу только укрыться где-нибудь на пару дней, а затем двинуться дальше в путь.

– Мы о тебе позаботимся. Тебя никто не найдет. Здесь ты будешь в полной безопасности. Если пройдешь испытание.

– Вы имеете в виду русскую рулетку?

– Безотказное испытание. Насколько я могу судить.

Я промолчал. В комнате воцарилась тишина. Захария Бек подался вперед.

– Ты либо со мной, либо против меня, – сказал он. – И сейчас ты покажешь, кто ты на самом деле. Искренне надеюсь, ты сделаешь мудрый выбор.

Дьюк отошел к двери. Под его ногами скрипнула половица. Я прислушался к шуму океана. Брызги взлетали вверх, ветер набрасывался на них словно сумасшедший, и тяжелые капли пены, ленивыми дугами изгибаясь в воздухе, барабанили в оконное стекло.

Гулко обрушилась на скалы седьмая волна, более мощная, чем предыдущие. Я взял лежавшую передо мной «анаконду». Достав из-под мышки пистолет, Дьюк направил его на меня на тот случай, если я был настроен на что-то отличное от рулетки. У него был «Штейр СПП», по сути дела пистолет-пулемет «Штейр ТМП», укороченный до пистолета. Эта редкая штучка из Австрии даже в его лапе казалась огромной и отвратительной. Оторвав от нее взгляд, я сосредоточил внимание на кольте. Воткнув патрон большим пальцем в гнездо барабана, я закрыл барабан и крутанул его. В тишине отчетливо прозвучало мягкое ворчание храповика.

– Играй, – предложил Бек.

Крутанув барабан еще раз, я поднял револьвер и приставил дуло к виску. Сталь была холодной. Глядя Беку прямо в глаза, я затаил дыхание и надавил на спусковой крючок. Барабан повернулся, курок взвелся. Движение было мягким, словно шелк скользил по шелку. Я нажал на спусковой крючок до конца. Курок упал. Послышался громкий щелчок. Я прочувствовал удар курка через сталь ствола до самого виска. И больше ничего. Выдохнув, я опустил револьвер и, не разжимая пальцы, положил руку на стол. Затем перевернул руку и вытащил указательный палец из спусковой скобы.

– Ваша очередь, – сказал я.

– Я просто хотел взглянуть, как у тебя получится, – сказал Бек.

Я улыбнулся и предложил:

– Хотите посмотреть еще раз?

Бек промолчал. Взяв револьвер, я снова крутанул барабан и дал ему остановиться. Приставил дуло к виску. Ствол был такой длинный, что мне пришлось максимально отставить локоть. Я нажал на спусковой крючок быстро и решительно. В тишине отчетливо прозвучал громкий щелчок. Звук точного механизма стоимостью восемьсот долларов, работающего так, как ему положено. Опустив револьвер, я крутанул барабан в третий раз. Поднял револьвер. Нажал на спусковой крючок. Ничего. Я проделал то же самое в четвертый раз, быстро. Ничего. В пятый раз, еще быстрее. Ничего.

– Хватит, – сказал Бек.

– Расскажите мне о восточных коврах, – сказал я.

– Рассказывать особенно нечего. Их стелют на пол. Люди их покупают. Иногда за очень большие деньги.

Я улыбнулся. Снова поднял револьвер.

– Ставки шесть к одному, – заметил я.

Я крутанул барабан в шестой раз. В комнате стало абсолютно тихо. Я приставил дуло к виску. Нажал на спусковой крючок. Услышал шлепок курка, ударившего по пустому гнезду. И больше ничего.

– Достаточно, – сказал Бек.

Опустив кольт, я откинул барабан и вытряс патрон на стол. Аккуратно выровнял его и катнул обратно Беку. Латунь прогремела по дереву. Остановив патрон основанием ладони, Бек молча сидел минуты две-три и глядел на меня так, словно я был хищным зверем в зоопарке. Словно он жалел о том, что нас не разделяет решетка.

– Ричард сказал, ты служил в военной полиции, – наконец сказал он.

– Тринадцать лет, – подтвердил я.

– И у тебя хорошо получалось?

– Лучше, чем у тех громил, которых вы прислали за ним.

– Мальчишка отзывается о тебе очень хорошо.

– А как же иначе, – сказал я. – Как-никак, я его спас. При этом сам вляпался по уши.

– Тебя нигде не хватятся?

– Нигде.

– А родные?

– У меня никого нет.

– На работе?

– Теперь я не могу на нее вернуться.

Какое-то время Бек играл с патроном, катая его по столу указательным пальцем. Затем положил его на ладонь.

– Кому я могу позвонить? – спросил он.

– Зачем?

– Чтобы получить рекомендации с места работы, – объяснил Бек. – У тебя ведь был хозяин?

Ошибки, которые настигают тебя.

– Я сам себе хозяин, – сказал я.

Бек положил патрон на стол.

– Лицензированный и зарегистрированный в налоговой полиции? – уточнил он.

Я помедлил мгновение.

– Не совсем.

– Почему?

– Были причины.

– Документы на фургон есть?

– Куда-то подевались.

Бек снова покатал патрон по столу, не отрывая от меня взгляда. Я буквально видел его мыслительный процесс. Он лихорадочно думал. Обрабатывал информацию. Пытался сопоставить ее с тем суждением, которое уже составил обо мне. Я читал его мысли. «Крутой парень, бывший военный, на старом фургоне, который ему не принадлежит. Угнал машину. Убил полицейского». Захария Бек улыбнулся.

– Подержанные компакт-диски, – сказал он. – Я видел тот магазинчик.

Я промолчал. Спокойно выдержал его взгляд.

– Дай предположить. Ты распространял краденые компакт-диски.

«Рыбак рыбака...» Я покачал головой.

– Пиратские копии. Я не вор. Я бывший военный, пытаюсь заработать на жизнь. И я верю в свободу самовыражения.

– Черта с два, – буркнул Бек. – Ты думаешь только о том, чтобы урвать лишний доллар.

Родственная душа.

– Об этом тоже, – согласился я.

– И как у тебя получалось?

– Достаточно неплохо.

Бек сгреб патрон и швырнул его Дьюку. Тот поймал его одной рукой и бросил в карман пиджака.

– Дьюк у меня возглавляет службу безопасности, – сказал Бек. – Ты будешь работать на него начиная с этой минуты.

Я взглянул на Дьюка, затем на его босса.

– А если я не хочу на него работать?

– У тебя нет выбора. За тобой числится убитый полицейский в Массачусетсе, а у нас есть твое имя и пальчики. Тебе назначается испытательный срок до тех пор, пока мы не поймем, что ты за человек. Но ты взгляни на это со светлой стороны. Думай о пяти тысячах долларов. Это ведь уйма пиратских компактов.

Разница между почетным гостем и сотрудником, принятым на испытательный срок, заключалась в том, что ужинал я на кухне с другой прислугой. Верзила из домика привратника на ужине не показывался, но зато были Дьюк и другой тип, которого я определил в механики на все руки или в подручные. Кроме того, на ужине были горничная и кухарка. Мы впятером сидели вокруг простого стола и ели те же блюда, что и хозяева в гостиной. А может быть, и лучше, потому что кухарка, возможно, плюнула им в кастрюлю, а вот нам она вряд ли бы плюнула. Я много времени провел среди рядовых и сержантов и знал, что к чему.

Разговор за ужином не клеился. Кухарка была угрюмой женщиной лет под шестьдесят. Горничная держалась робко. Мне показалось, она здесь относительно недавно и еще не знает, как себя вести. Она была молодая и некрасивая. На ней были надеты хлопчатобумажная сорочка и шерстяной свитер. На ногах громыхающие ботинки на толстой подошве. Механик был средних лет, худой, седой, молчаливый. Дьюк тоже молчал, потому что думал. Бек озадачил его проблемой, и он не знал, как к ней подступиться. Можно ли меня как-то использовать? Можно ли мне верить? Дьюк был неглуп. Это было очевидно. Он видел все тонкие места и был готов потратить какое-то время на то, чтобы их внимательно исследовать. Дьюк был мой ровесник. Быть может, чуть моложе, быть может, чуть старше. У него было грубое, некрасивое лицо, скрывающее возраст. Мы с ним были примерно одной комплекции. Возможно, у меня кость чуть пошире, возможно, он чуть более громоздкий. Вес наш различался не больше чем на фунт-два. Я сидел рядом с Дьюком, молча ел и пытался точно рассчитать время, когда нормальный человек должен был бы задать вопрос.

– Ну, расскажи мне про восточные ковры, – наконец сказал я, своим тоном показывая, что я уже догадался о том, что Бек занимается чем-то совсем другим.

– Не сейчас, – ответил Дьюк тоном, ясно подразумевающим: «Не перед прислугой».

Затем он посмотрел на меня так, словно хотел сказать: «В любом случае мне не хочется обсуждать это с сумасшедшим, рискнувшим шесть раз подряд сыграть с судьбой в русскую рулетку».

– Патрон ведь был муляжом, так? – спросил я.

– Что?

– В нем не было пороха, – уточнил я. – Наверное, набит ватой.

– Почему он должен был быть муляжом?

– Я мог бы выстрелить в Бека.

– А у тебя были такие мысли?

– Нет, но он человек осторожный. Он не стал бы рисковать.

– Я держал тебя под прицелом.

– Я мог бы сначала прикончить тебя. А затем воспользоваться твоей пушкой.

Дьюк напрягся, но ничего не сказал. Он чувствовал во мне конкурента. Дьюк мне не нравился. По моим оценкам, ему в самом ближайшем времени предстояло пополнить списки потерь.

– Держи, – сказал Дьюк.

Достав из кармана патрон, он протянул его мне.

– Жди здесь.

Встав из-за стола, он вышел с кухни. Я поставил патрон перед собой, как это делал Бек. Доел ужин. Десерта не было. Кофе тоже. Вернулся Дьюк, покручивая на указательном пальце одну из моих «анаконд». Пройдя мимо меня к двери черного входа, он кивком предложил мне присоединиться. Взяв патрон, я зажал его в кулаке. Вышел следом за Дьюком. Когда мы проходили в дверь, она пискнула. Еще один металлодетектор, аккуратно встроенный в косяк. Но охранной сигнализации не было. Безопасность определялась морем, стеной и колючей проволокой.

За дверью оказалось холодное, сырое крыльцо, а за ним калитка, ведущая во дворик, представлявший собой лишь кончик скалистого «пальца». Шириной ярдов сто, он раскинулся полукругом перед нами. Дворик был темным, и лишь отсвет из окон особняка выхватывал серый гранит. Ветер усилился, и в море белели барашки. Грохотал прибой. Сквозь низкие, быстро несущиеся тучи проглядывала луна. Бесконечный горизонт был черным. Похолодало. Обернувшись, я различил наверху окно своей комнаты.

– Патрон, – приказал Дьюк.

Повернувшись, я отдал ему патрон.

– Смотри.

Он вставил патрон в кольт. Дернул рукой, закрывая барабан. Прищурился, глядя на серый лунный свет, и повернул барабан так, чтобы гнездо с патроном оказалось на десяти часах.

– Смотри, – повторил Дьюк.

Выпрямив руку, он навел револьвер чуть ниже горизонта на плоские гранитные глыбы, спускающиеся к морю. Нажал на спусковой крючок. Барабан повернулся, курок упал. Сверкнула вспышка, раздался грохот. Револьвер дернулся.

Среди каменных глыб блеснула искра, и тотчас же донесся безошибочный металлический лязг рикошета, растворившийся в тишине. Пуля, наверное, отлетела ярдов на сто в Атлантику. Быть может, убила рыбу.

– Это был не муляж, – сказал Дьюк. – Я действую достаточно быстро.

– Ладно, – сказал я.

Открыв барабан, он вытряс стреляную гильзу. Она со звоном упала на камни ему под ноги.

– Ты осел, – сказал Дьюк. – Осел, убивший полицейского.

– Ты служил в полиции?

Он кивнул.

– Было время.

– Дьюк – это твое имя или фамилия?

– Фамилия.

– Зачем торговцу коврами нужна вооруженная охрана?

– Как тебе уже объяснили, это очень жесткий бизнес. В нем крутится много денег.

– Ты действительно хочешь, чтобы я здесь остался?

Дьюк пожал плечами.

– Возможно. Если станет по-настоящему туго, нам понадобится пушечное мясо. Пусть лучше это будешь ты, чем я.

– Я спас мальчишку.

– И что с того? Уйми свою прыть. Мы все в свое время вытаскивали мальчишку из беды. Как и миссис Бек, и самого мистера Бека.

– Сколько у вас человек?

– Недостаточно, – буркнул Дьюк. – Если на нас действительно напали.

– Это что, война?

Он ничего не ответил. Просто молча прошел мимо меня в дом. Повернувшись спиной к беспокойному океану, я последовал за ним.

На кухне делать было нечего. Механик исчез, а кухарка и горничная убирали стол. Они укладывали посуду в большую посудомоечную машину, которая пришлась бы к месту в крупном ресторане. Горничная была как на иголках. Она не понимала, что происходит. Я оглянулся, ища кофе. Его по-прежнему не было. Дьюк снова сел за стол. Никаких неотложных дел у него не было. А я чувствовал, как утекает время. Я не слишком доверял оптимистичному обещанию Сьюзен Даффи насчет пяти дней спокойствия. Пять дней – это очень большой срок, когда приходится держать взаперти двух здоровых мужчин, причем в обход закона. Мне было бы приятнее, если бы Даффи сказала про три дня. В этом случае ее реализм произвел бы на меня большее впечатление.

– Отправляйся спать, – распорядился Дьюк. – Тебе надо будет приступить к службе в половине седьмого утра.

– Что я должен буду делать?

– То, что я тебе скажу.

– Дверь моей комнаты будет заперта?

– Можешь не сомневаться, – заверил меня Дьюк. – Я отопру ее в шесть пятнадцать. В шесть тридцать ты уже должен быть здесь.

Я лежал на кровати до тех пор, пока не услышал, как Дьюк поднялся следом за мной и запер дверь. Затем я подождал еще, убеждаясь, что он больше не вернется. После этого я снял ботинок и проверил, нет ли мне сообщений. Крохотный зеленый экранчик ожил радостным уведомлением: «Для вас почта!» Сообщение было только одно. От Сьюзен Даффи. Оно состояло из единственного слова-вопроса: «Местонахождение?» Нажав клавишу ответа, я набрал: «Эббот, штат Мэн, 20 миль к югу от Портленда, одинокий особняк на длинном каменистом мысу». Этого будет достаточно. Все равно почтового адреса и точных географических координат у меня нет. Если Даффи немного повозится с крупномасштабной картой этих мест, она найдет то, что нужно. Я нажал клавишу «Отправить».

Затем я уставился на крошечный экран. Я не знал, как именно работает электронная почта. Соединение устанавливается мгновенно, как при телефонном звонке? Или моему ответу придется ждать в каком-нибудь отстойнике, прежде чем он попадет к Даффи? Я предположил, она ждет от меня вестей. Наверное, они с Элиотом дежурят круглосуточно, сменяя друг друга.

Через девяносто секунд на экране снова заморгало уведомление: «Для вас почта!» Я улыбнулся. Возможно, у нас получится. На этот раз сообщение Даффи было длиннее. Всего двадцать пять слов, и тем не менее мне пришлось листать страницы экрана, чтобы прочитать его полностью. «Спасибо, будем работать с картами. Отпечатки пальцев показывают, что 2 телохранителя, задержанные нами, служили в армии. У нас все в порядке. А ты? Есть прогресс?»

Нажав клавишу ответа, я набрал: «Возможно, нанят». Затем, задумавшись, мысленно представил Куина и Терезу Даниэль и добавил: «Пока больше ничего». Еще немного подумав, написал: «Относительно телохранителей попросите Пауэлла из военной полиции 10–29, 10–30, 10–24, 10–36 лично от меня». После чего нажал клавишу «Отправить». Дождавшись, когда машина доложит: «Ваше сообщение отправлено», я уставился в темноту, гадая, говорит ли по-прежнему поколение Пауэлла на том языке, на котором говорило мое. Сообщение 10–29, 10–30, 10–24, 10–36 было составлено с использованием стандартных радиокодов военной полиции, которые сами по себе ничего не значили. Код 10–29 означал: «Слабый сигнал». Это была стандартная жалоба на неисправное оборудование. Код 10–30 означал: «Прошу помощи, ничего экстренного». Код 10–24 означал: «Подозрительная личность». Код 10–36 означал: «Пожалуйста, передайте дальше мое сообщение». Сообщение, помеченное кодом 10–30, не привлечет ничьего внимания. Его запишут и занесут в архив, после чего о нем забудут. Однако в целом эта цепочка на специальном жаргоне имела другое значение. По крайней мере так было, когда я носил форму. «Слабый сигнал» означало: «Молчи и не поднимай лишнего шума». Вместе с кодом о запросе помощи получалось: «Это должно остаться между нами». Значение кода «Подозрительная личность» не требовало объяснения. Последний код означал: «Держи меня в курсе». Так что если Пауэлл не забыл, что к чему, он поймет мое сообщение так: «Без лишнего шума проверь этих ребят и сообщи мне». И я очень надеялся, что Пауэлл не откажется выполнить эту просьбу. Он был передо мной в долгу. И по-крупному. Он меня продал. На мой взгляд, Пауэлл должен был искать способ загладить свою вину.

Я снова посмотрел на крошечный экран: «Для вас почта!» Это была Даффи. «Хорошо, поторопись». Ответив: «Стараюсь», я выключил

устройство связи и запихнул его ногтем в каблук. Затем пошел осматривать окно.

Это была стандартная скользящая рама из двух половин. Нижняя, расположенная снаружи, поднималась вверх. Сетки от комаров не было. Внутри краска была положена тонким аккуратным слоем. Снаружи, где рама подвергалась воздействию непогоды и ее приходилось постоянно перекрашивать, слой краски был толстый и неряшливый. Окно запиралось латунным шпингалетом. Никаких современных охранных систем не было. Сдвинув шпингалет, я попытался поднять окно вверх. Рамы разбухли от краски, но двигались. Приоткрыв окно дюймов на пять, я ощутил дуновение холодного морского воздуха. Перегнувшись через подоконник, я осмотрел его, ища датчики системы сигнализации. Их не было. Подняв окно до конца, я внимательно изучил раму. Никаких признаков охранных систем. Но это было понятно. Окно находилось в пятидесяти футах над скалами и океаном. А сам особняк был недоступен благодаря высокой стене и воде.

Высунувшись в окно, я посмотрел вниз. Я нашел то место, где стояли мы с Дьюком, когда он стрелял из револьвера. Минут пять я свешивался в окно, опираясь локтями на подоконник, вдыхая соленый воздух и размышляя насчет того патрона. Я нажал на спусковой крючок шесть раз. Должна была бы получиться кровавая каша. Моя голова лопнула бы, словно переспелый арбуз. Дорогие ковры на полу были бы безнадежно испорчены, дубовая обивка расщеплена. Я зевнул. От размышлений на свежем воздухе меня потянуло в сон. Нырнув обратно в комнату, я опустил раму и лег в кровать.

Я успел встать, принять душ и одеться, когда в пятнадцать минут седьмого послышался щелчок замка, который отпер Дьюк. Начинался день номер двенадцать, среда, день рождения Элизабет Бек. Я уже проверил электронную почту. Сообщений для меня не было. Ни одного. Меня это ничуть не встревожило. Я провел десять спокойных минут у окна. Прямо передо мной вставало солнце, океан был безмятежен. Он казался серым, маслянистым и подавленным. Отлив был в самом разгаре. Обнажились скалы. Тут и там блестели лужицы воды. На берегу копошились птицы. Это были черные кайры. Они как раз меняли оперение. Черное вместо серого. У них были ярко-красные ноги. Вдалеке кружили в воздухе бакланы и чайки с черными спинами. Над самой водой носились серебристые чайки, выискивая завтрак.

Дождавшись, когда шаги Дьюка затихнут в коридоре, я спустился вниз, прошел на кухню и столкнулся лицом к лицу с верзилой из домика привратника. Он стоял перед раковиной и пил воду из стакана. Вероятно, запивал ежедневную горсть стероидов. Верзила был просто необъятный. Во мне шесть футов пять дюймов роста, и мне приходится

быть осторожным, входя в стандартный дверной проем шириной тридцать дюймов, чтобы не задеть плечами за косяк. Но этот тип был по крайней мере на шесть дюймов выше меня и дюймов на десять шире в плечах. И весил он фунтов на двести больше моего. А может быть, и еще больше. Меня до мозга костей проняла неприятная дрожь, что бывает всегда, когда я сталкиваюсь с великаном, рядом с которым чувствую себя маленьким. Казалось, весь мир чуть сместился.

– Дьюк в тренажерном зале, – сказал верзила.

– А где этот зал?

– Внизу.

У него был высокий пронзительный голос. Должно быть, верзила годами глотал стероиды, как леденцы. У него были пустые матовые глаза и плохая кожа. Ему было лет тридцать с небольшим. Сальные светлые волосы, футболка, сквозь которую проступали бугры мышц, и спортивные трусы. Его руки были толще моих ног. В целом он производил впечатление карикатуры.

– Мы занимаемся перед завтраком, – пояснил верзила.

– Замечательно, – заметил я. – Ступай в зал.

– И ты тоже.

– Я никогда не занимаюсь.

– Дьюк тебя ждет. Если ты будешь работать у нас, тебе придется заниматься вместе со всеми.

Я взглянул на часы. Двадцать пять минут седьмого. Время неудержимо бежит.

– Как тебя зовут? – спросил я.

Верзила не ответил. Только посмотрел на меня так, словно я пытался заманить его в ловушку. Это еще одна проблема стероидов. В большом количестве они плохо влияют на способность соображать. А у верзилы, похоже, по этой части и отправная точка была недалеко от нуля. Он был жестокий и глупый. Пожалуй, лучше не скажешь. Сочетание ужасное. Это было написано у него на лице. Он мне не понравился. Пока что мне никак не удавалось проникнуться симпатией к своим новым коллегам.

– По-моему, это нетрудный вопрос, – заметил я.

– Поли, – сказал верзила.

Я кивнул.

– Рад познакомиться, Поли. Моя фамилия Ричер.

– Знаю, – буркнул тот. – Ты служил в армии.

– Это тебя чем-то не устраивает?

– Терпеть не могу офицеров.

Я кивнул. Значит, меня проверили. Теперь они знают, какое у меня было звание. То есть у них есть доступ к закрытым системам.

– И почему? – спросил я. – Ты не смог сдать экзамен на офицерское звание?

Поли промолчал.

– Пойдем искать Дьюка, – предложил я.

Поставив стакан, Поли провел меня по коридору через дверь до деревянной лестницы в подвал. Под особняком находился еще целый подземный этаж. Должно быть, его выдолбили в скале. Стены были из камня, местами заплатанного и выровненного штукатуркой. Воздух здесь был сырой и затхлый. Под самым потолком в клетках из проволоки болтались голые лампочки. Комнат было много. Одно помещение, выкрашенное белой краской, оказалось достаточно просторным. Пол был застелен белым линолеумом. В помещении стоял сильный запах застарелого пота. Вдоль стены выстроились велотренажер, беговая дорожка и силовой тренажер, а к крюку под потолком были подвешены тяжелая боксерская груша и рядом другая груша поменьше. На полке лежали боксерские перчатки. В стойке стояли грифы от штанг, а на полу рядом со скамейкой возвышались круги. У тренажеров стоял Дьюк. На нем был все тот же темный костюм. Он выглядел очень уставшим, словно ему пришлось провести на ногах всю ночь. Утром он не успел вымыться. Его спутанные волосы выглядели ужасно, костюм был весь помят, особенно пиджак сзади.

Поли сразу же начал выполнять какие-то заумные упражнения. Из-за огромной мускулатуры движения его рук и ног были ограниченны. Он не мог достать до плеч пальцами. У него были слишком большие бицепсы. Я посмотрел на силовой тренажер. Всевозможные рычаги, рукоятки, захваты. Мощные черные тросы тянулись через блоки к высокой стопке свинцовых пластин. Для того чтобы сдвинуть все это с места, надо иметь огромную силищу.

– Ты занимаешься? – спросил я у Дьюка.

– Не твое дело, – ответил тот.

– И я тоже нет.

Повернув свою слоновью шею, Поли посмотрел на меня. Затем улегся спиной на скамейку и поерзал так, чтобы плечи оказались под штангой, лежащей на подставке. На штангу с каждой стороны было надето по толстой пачке дисков. Покряхтев, Поли обвил руками гриф и высунул язык, словно готовясь к чему-то очень ответственному. Затем напряг руки и приподнял штангу с подставки. Гриф прогнулся и задрожал. Вес дисков был такой большой, что гриф выгнулся дугой, как в старом кино про советских штангистов на Олимпиаде. Поли снова закряхтел и выпрямил руки, поднимая штангу до конца. Продержав ее так пару секунд, он расслабил руки, и штанга с грохотом упала на подставку. Поли повернул голову и пристально посмотрел на меня, как будто это должно было произвести на меня впечатление. Он действительно произвел на меня впечатление, но не то, на которое надеялся. Штанга была тяжелая, и у Поли была могучая мускулатура. Но мышцы, накачанные стероидами, лишены своего главного качества. Выглядят они потрясающе, и, если применять их против статической нагрузки, получается замечательно. Но они очень медлительные и тяжелые и утомляют своего обладателя уже тем, что их приходится носить.

– Ты сможешь отжать в положении лежа четыреста фунтов? – спросил Поли.

От напряжения он немного запыхался и не мог отдышаться.

– Никогда не пробовал.

– Хочешь попробовать прямо сейчас?

– Нет, – сказал я.

– Эй ты, тряпка, это тебе поможет накачаться.

– Ты забыл, что я офицер, – сказал я. – Мне не нужно качать мышцы. Если мне понадобится отжать в положении лежа четыреста фунтов, я просто найду какую-нибудь здоровенную глупую гориллу и прикажу ей сделать это вместо меня.

Поли сверкнул глазами. Не обращая на него внимания, я посмотрел на тяжелую грушу. Стандартное оборудование тренажерного зала. Не новая. Я толкнул грушу ладонью, и она мягко закачалась на цепи. Дьюк внимательно следил за мной. Затем он посмотрел на Поли. Я не понял, что означает этот обмен взглядами. В свое время мы широко использовали такие тяжелые груши для отработки навыков рукопашного боя. Чаще всего мы в обычной одежде отрабатывали удары ногами. Однажды много лет назад я распорол грушу каблуком. Из дыры посыпался песок. Наверное, на Поли это произвело бы впечатление. Но я не собирался повторять это сейчас. У меня в ботинке было спрятано устройство электронной почты, и я не хотел его сломать. У меня

мелькнула абсурдная мысль сказать Даффи, чтобы в следующий раз она прятала такое устройство в каблук левой ноги. Впрочем, Даффи левша. Возможно, она была уверена, что как раз делает так, как нужно.

– Ты мне не нравишься, – вдруг сказал Поли.

Он смотрел мне в глаза, поэтому я предположил, что он обращается ко мне. У него были крохотные глазки. Кожа блестела. Он был ходячим складом химических препаратов. Экзотические соединения буквально лезли у него из ушей.

– Нам надо побороться руками, – продолжал Поли.

– Что?

– Заняться армрестлингом, – объяснил он.

Поли легко и бесшумно приблизился ко мне. Рядом с ним я ощутил себя карликом. Он практически закрыл свет. От него несло резким запахом пота.

– У меня нет желания заниматься армрестлингом, – сказал я.

Я заметил, что Дьюк следит за мной. Затем я взглянул на руки Поли, сжатые в кулаки. Они были не такими уж огромными. Стероиды не влияют на силу рук; эти мышцы нужно разрабатывать специальными упражнениями, а большинству качков это даже в голову не приходит.

– Козел, – сказал Поли.

Я молчал.

– Козел, – повторил он.

– Что получает победитель? – спросил я.

– Удовлетворение.

– Хорошо.

– Что хорошо?

– Хорошо, давай попробуем.

Похоже, Поли был удивлен, но тем не менее он быстро вернулся к скамейке со штангой. Сняв пиджак, я бросил его на руль велотренажера. Расстегнул манжету на правой руке и закатал рукав до плеча. По сравнению с рукой Поли моя казалась тощей. Однако моя ладонь была даже чуть шире. И пальцы длиннее. Кроме того, тем немногим мышцам, что были у меня, я был обязан наследственности, а не фармацевтической промышленности.

Опустившись на колени друг напротив друга, мы поставили локти на скамью. Лучевые кости Поли были чуть длиннее моих, то есть он должен был выгибать запястье, что было очком в мою пользу. Сложив ладони, мы сплели пальцы. Рука Поли была холодной и влажной. Дьюк занял место у торца скамьи, словно рефери.

– Начали! – сказал он.

Я пошел на обман с самого начала. Суть армрестлинга состоит в том, чтобы усилием локтевого и плечевого суставов развернуть руку вниз, увлекая вместе с этим руку соперника. У меня не было никаких шансов сделать это. Только не в единоборстве с этим верзилой. Совсем никаких шансов. В лучшем случае мне удалось бы просто удержать свою руку на месте. Поэтому я даже не стал стараться завалить руку Поли. Я просто стиснул его ладонь. Миллион лет эволюции сделал большой палец человека противостоящим остальным четырем пальцам, таким образом дав возможность использовать руку как клещи. Обхватив костяшки пальцев Поли, я безжалостно сжал их. А руки у меня очень сильные. Я сосредоточился на том, чтобы удерживать свою руку в вертикальном положении. Уставился прямо в глаза Поли и стиснул его руку с такой силой, что у него хрустнули пальцы. Потом я нажал сильнее. Еще сильнее. Поли не сдавался. Он был невероятно силен. Он давил на меня. Я обливался потом и учащенно дышал, стараясь изо всех сил не проиграть. Так продолжалось около минуты. Мы молча напрягали руки, чуть дрожавшие от усилий. Затем я нажал сильнее. Дал боли разлиться по руке Поли. Увидел, как она отразилась у него на лице. После этого нажал еще сильнее. Это действует безотказно. Когда противник начинает думать, что боль достигла предела, становится еще хуже. А потом еще и еще, словно затягивается храповик. Все хуже и хуже, как будто впереди ждет целая бесконечная вселенная мучений, нарастающих, нарастающих и нарастающих с неумолимостью машины. Противник теперь может думать только о своих страданиях. И у него в глазах мелькают первые признаки паники. Он понимает, что я действую обманом, но ничего не может с этим поделать. Нельзя же просто беспомощно воскликнуть: «Он делает мне больно! Это нечестно!» В этом случае козлом станет он, а не я. А этого допустить нельзя. Поэтому противник глотает боль, гадая только о том, станет ли еще хуже. А хуже становится. Обязательно. Впереди еще много боли. Не отрывая взгляда от глаз Поли, я стискивал его руку сильнее и сильнее. От пота его ладонь взмокла, поэтому моим пальцам было легко скользить, сжимаясь все туже и туже. Внимание Поли не отвлекалось на зажатую кожу. Вся боль была сосредоточена в костяшках пальцев.

– Достаточно! – крикнул Дьюк. – Ничья.

Я не разжимал руку. Поли не ослабил давления. Его рука была непоколебимой, словно дерево.

– Я сказал, достаточно! – повторил Дьюк. – Болваны, вас ждет работа.

Я приподнял локоть, чтобы Поли не смог застать меня врасплох последним отчаянным рывком. Он отвел взгляд, убирая руку со скамьи. Мы разжали пальцы. Рука Поли была покрыта отчетливыми белыми и красными пятнами. Подушечка моего большого пальца горела огнем. Поднявшись с колен, Поли выпрямился и быстро вышел из зала. Послышались его грузные шаги по деревянной лестнице.

– Это была большая глупость, – заметил Дьюк. – Ты только что нажил себе еще одного врага.

Я никак не мог отдышаться.

– Что, я должен был проиграть?

– Возможно, так было бы лучше.

– Я так не привык.

– Значит, ты дурак.

– Ты начальник охраны, – сказал я. – Тебе следовало бы приказать Поли перестать играть в детство.

– Это не так-то просто.

– Тогда избавься от него.

– Это тоже не так-то просто.

Я медленно поднялся. Опустил рукав и застегнул манжету. Взглянул на часы. Уже почти семь часов утра. Время неумолимо идет.

– Чем я буду заниматься сегодня? – спросил я.

– Водить грузовик, – сказал Дьюк. – Ты ведь умеешь водить грузовик?

Я кивнул, потому что отпираться было бы глупо. Спасая Ричарда Бека, я был за рулем фургона.

– Мне нужно принять душ, – сказал я. – И переодеться.

– Обратись к горничной, – устало бросил Дьюк. – Я что тебе, черт побери, лакей?

Смерив меня взглядом, он направился к лестнице, оставив меня одного. Встав, я потянулся, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов и тряхнул кистью, разминая ее. Затем подхватил пиджак и отправился на поиски Терезы Даниэль. Теоретически она могла содержаться взаперти где-то здесь. Но я ее не нашел. Подземный этаж представлял собой лабиринт помещений, высеченных в скале. Назначение большинства из

них было очевидно. Я увидел котельную с гудящим котлом и сплетением труб. Рядом была прачечная с большой стиральной машиной, установленной на высоком деревянном столе, чтобы вода под действием силы тяжести сливалась в трубу, уходящую в стену на уровне колена. Затем шли кладовые. Две комнаты были заперты. Двери очень прочные. Я внимательно прислушался, но не услышал ни звука. Я даже осторожно постучал, но ответа не было.

Поднявшись наверх, я застал в коридоре первого этажа Ричарда Бека и его мать. Ричард вымыл голову и зачесал волосы налево, чтобы скрыть отрезанное ухо. Приблизительно так же поступают мужчины в годах, скрывая лысину на макушке. У него на лице по-прежнему проступала борьба противоречивых чувств. Ему было уютно в безопасном полумраке дома, но я видел, что он ощущает себя словно в ловушке. Казалось, Ричард был рад видеть меня. И не только потому, что я его спас; похоже, для него я был олицетворением внешнего мира.

– С днем рождения, миссис Бек, – сказал я.

Элизабет Бек улыбнулась, польщенная тем, что я не забыл. Сегодня она выглядела лучше, чем вчера. Она была лет на десять старше меня, но если бы мы случайно встретились где-нибудь в баре, клубе или в поезде дальнего следования, я, наверное, обратил бы на нее внимание.

– Какое-то время вы поживете у нас, – сказала миссис Бек.

Затем до нее дошло, почему именно я задержусь у них в гостях. Я прятался, потому что убил полицейского. Смутившись, она отвела взгляд и быстро пошла прочь. Ричард последовал за ней, один раз обернувшись на меня. Я снова отыскал кухню. Поли там не было. Вместо него я застал там Захарию Бека.

– Какое у них было оружие? – без предисловий начал он. – У тех типов из «тойоты»?

– У них были «узи», – сказал я. Подобно всем хорошим обманщикам, надо максимально придерживаться правды. – И граната.

– Какие именно «узи»?

– «Микро», – сказал я. – Самые маленькие.

– Магазины?

– Короткие. На двадцать патронов.

– Ты уверен?

Я кивнул.

– Ты хорошо разбираешься в оружии?

– Эти пистолеты-пулеметы были разработаны лейтенантом израильской армии, – сказал я. – Его звали Узиэль Гал. Он был мастер на все руки. Ковырялся со старыми пистолетами-пулеметами чехословацкого производства модель двадцать три и модель двадцать пять до тех пор, пока не получилось что-то совершенно новое. Это было еще в тысяча девятьсот сорок девятом году. Первый «узи» пошел в серийное производство в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году. По лицензии выпускался в Бельгии и Германии. Мне достаточно часто приходилось встречаться с ними.

– И ты абсолютно уверен, что это были модели «микро» с короткими магазинами?

– Абсолютно.

– Хорошо, – сказал Бек таким тоном, словно это имело для него большое значение.

Затем он вышел с кухни. Я остался стоять на месте, размышляя о той срочности, с которой Захария Бек задал свои вопросы, и о мятом костюме Дьюка. Это сочетание меня сильно встревожило.

Отыскав горничную, я сказал ей, что мне нужна одежда. Та ответила, что отправляется в магазин за продуктами, и показала длинный список. Я попытался объяснить, что вовсе не прошу ее купить мне одежду. Пусть принесет мне чью-нибудь. Залившись краской, горничная затрясла головой и ничего не сказала. Затем откуда-то появилась кухарка. Сжалившись надо мной, она приготовила мне яичницу с беконом. И сварила кофе, что пролило луч света на весь предстоящий день. Я съел яичницу, выпил кофе и поднялся в свою комнату. Горничная оставила в коридоре на полу перед дверью аккуратно сложенную одежду. Черные джинсы и черную джинсовую рубашку. Черные носки и белое нижнее белье. Все было свежевыстиранное и тщательно отутюженное. Я решил, одежда принадлежит Дьюку. Вещи Бека или Ричарда были бы мне малы, а в одежде Поли я выглядел бы так, словно нацепил на себя палатку. Подобрав вещи, я зашел в комнату. Заперся в ванной, снял ботинок и проверил устройство электронной почты. Мне поступило одно сообщение. От Сьюзен Даффи. «Твое местонахождение установлено по карте. Мы устроимся в мотеле на шоссе I-95 в 25 милях к ю-з от тебя. Ответ от Пауэлла кавычки только для твоих глаз, оба УД после 5, 10-2, 10–28, кавычки закрываются. Как успехи?»

Я улыбнулся. Пауэлл не забыл наш жаргон. «Оба УД после 5» означало, что телохранители прослужили в армии пять лет, после чего были уволены досрочно. Пять лет – это слишком большой срок, чтобы

увольнение можно было объяснить врожденной непригодностью к службе или недостатками подготовки. Такое проявилось бы значительно раньше. Вылететь из армии, прослужив пять лет, можно, только если ты очень плохой человек. Ну а коды 10-2 и 10–28 не вызывали сомнений. Код 10–28 был стандартным ответом на запрос о качестве радиоприема и означал: «Сигнал сильный и отчетливый». Код 10-2 означал: «Срочно необходима медицинская помощь». Но на жаргоне военной полиции оба кода вместе означали: «Этих ребят необходимо убрать». Пауэлл заглянул в архив, и ему не понравилось то, что он там увидел.

Нажав клавишу «Ответ», я набрал: «Пока что никаких успехов, ждите новостей». Отослав сообщение, я убрал устройство в каблук. Под душем я пробыл недолго. Смыл пот тренажерного зала и переоделся в свежее белье. Обувь, пиджак и плащ я оставил свои. Спустившись вниз, я застал в коридоре Захарию Бека и Дьюка. Оба были в плащах. Дьюк держал ключи от машины. Он до сих пор так и не помылся. Он по-прежнему казался усталым. Увидев меня, Дьюк недовольно нахмурился. Возможно, ему было неприятно видеть меня в своей одежде. Входная дверь была распахнута, и я увидел, как мимо проехала в старом запыленном «саабе» горничная, направляющаяся за покупками. Быть может, ей предстоит купить торт имениннице.

– Пошли, – сказал Бек таким тоном, будто нас ждала работа, а времени было в обрез.

Мы прошли через входную дверь. Металлодетектор пискнул дважды, по одному разу на Бека и Дьюка, а на меня промолчал. Воздух на улице был прохладный и свежий. На небе не было ни облака. На кругу у крыльца ждал черный «кадиллак» Бека. Дьюк открыл заднюю дверь, и Бек устроился сзади. Дьюк сел за руль. Я сел рядом с ним. Что показалось мне самым подходящим. Все молчали.

Дьюк завел двигатель, включил передачу и поехал по дорожке. Я увидел, как Поли вдалеке отпирает ворота для «сааба» горничной. Он снова надел костюм. Мы пронеслись мимо него и направились на запад, прочь от моря. Обернувшись, я увидел, как Поли закрывает за нами ворота.

Проехав пятнадцать миль в глубь материка, мы свернули на север, на шоссе, ведущее к Портленду. Уставившись вперед, я гадал, куда меня везут. И что будет со мной, когда меня доставят на место.

Меня привезли в морской порт, расположенный на окраине города. Над водой поднимался лес мачт, труб и надстроек, на причалах суетились огромные краны. На заросших бурьяном пустырях громоздились брошенные контейнеры. Вдоль низких пакгаузов сновали туда и сюда грузовики. В воздухе кружились чайки. Дьюк въехал в ворота на маленький дворик, залитый растрескавшимся бетоном, кое-где

заплатанным асфальтом. Во дворе не было ничего, кроме сиротливого автофургона в центре. Это был грузовик средних размеров, переделанный из бортового пикапа, на раму которого установили большой фургон. Фургон был шире кабины и нависал над ней. Машина, какую можно найти в любом агентстве проката. Не самая маленькая, не самая большая. На фургоне не было никаких надписей. Грузовик был выкрашен синей краской, сквозь которую проступали ржавые подтеки. Он был старым и всю жизнь прожил на соленом воздухе.

– Ключи в кармане на двери, – сказал Дьюк.

Подавшись вперед, Бек протянул мне листок бумаги. На нем были указания, как найти какой-то адрес в Нью-Лондоне, штат Коннектикут.

– Отгонишь грузовик строго по указанному адресу, – сказал Бек. – Это стоянка, похожая на ту, где мы сейчас находимся. Там будет ждать другая абсолютно такая же машина. Ключи также в кармане на двери. Оставишь эту, а ту пригонишь сюда.

– И не заглядывай ни в ту ни в другую, – добавил Дьюк.

– Поедешь медленно, – продолжал Бек. – Не нарушай правила. Не привлекай внимание.

– А в чем дело? – спросил я. – Что в этих машинах?

– Ковры, – ответил у меня за спиной Бек. – Я думаю о тебе, вот и все. Тебя разыскивает полиция. Так что лучше вести себя тихо. Не торопись. Остановись, перекуси и выпей кофе. Веди себя естественно.

На этом инструктаж закончился. Я вышел из «кадиллака». В воздухе пахло морем, мазутом, автомобильными выхлопами и рыбой. Дул ветер. Со всех сторон доносились невнятный промышленный гул и крики чаек. Я направился к синему грузовику. Обошел его сзади и увидел, что рукоятка дверцы фургона опломбирована свинцовой пломбой. Я открыл водительскую дверь. Нашел ключи. Сел за руль и завел двигатель. Пристегнулся, устроился поудобнее, включил передачу и выехал со стоянки. Бек и Дьюк, оставаясь в «кадиллаке», проводили меня взглядом. Их лица оставались равнодушными. Постояв на первом перекрестке, я повернул налево и поехал на юг.

Глава 04

Время неумолимо идет. Я мог думать только об этом. Мне предстояло пройти какое-то испытание, и это должно было отнять у меня по меньшей мере десять драгоценных часов. Лишние десять часов, которых у меня не было. А грузовик был хуже осла. Старый, упрямый. Двигатель громко ревел, трансмиссия скрипела и визжала. Подвеска была изношена, и машина моталась и раскачивалась. Но в зеркала заднего

вида, огромные прямоугольники, прикрученные к дверям, было прекрасно видно все, что находилось сзади меня дальше чем на десять ярдов. Я направлялся по I-95 на юг, и все было спокойно. Я был уверен, что за мной никто не следит. Уверен, но не убежден наверняка.

Сбросив скорость, я вывернулся на сиденье, поставил левую ногу на педаль газа и разул правую ногу. Бросил ботинок на колени и одной рукой вытащил устройство электронной почты. Прижал его к рулевому колесу и, не отрываясь от дороги, набрал: «Срочно встречайте меня первая стоянка I-95 на южном выезде из Кеннебанка выезжайте немедленно захватите паяльник и свинцовый припой». Нажав клавишу «Отправить», я бросил устройство на соседнее сиденье. Сунул правую ногу в ботинок, поставил ее на педаль и выпрямился. Снова проверил зеркала. Ничего. Тогда я занялся математикой. От Кеннебанка до Нью-Лондона миль двести, может быть, чуть больше. Четыре часа со скоростью пятьдесят миль в час. Два часа пятьдесят минут со скоростью семьдесят, а семьдесят было максимум, что можно было выжать из этого драндулета. Поэтому у меня было не больше часа десяти минут на то, чтобы выполнить намеченное.

Я ехал вперед. Держал ровно пятьдесят в правом ряду. Все меня обгоняли. Никто не ехал за мной следом. Хвоста за мной не было. Я не мог решить, хорошо это или плохо. Возможно, альтернатива была еще хуже. Через двадцать девять минут я проехал мимо Кеннебанка. В миле за городом увидел знак стоянки. Он обещал еду, бензин и место для отдыха через семь миль. На семь миль у меня ушло восемь с половиной минут. Наконец я увидел узкую дорожку, отходящую от шоссе вправо и поднимающуюся вверх по склону через густые заросли деревьев. Видимость оставляла желать лучшего. Листочки были еще молодые и маленькие, но их было так много, что разглядеть что-либо было очень трудно. Стоянку я не видел. Взобравшись на гребень, я спустился на самую обычную стоянку у автомагистрали. По сути дела, это была широкая полоса асфальта с расчерченными по косой местами для машин, и небольшая кучка приземистых кирпичных строений справа. За строениями виднелась заправка. Перед зданиями стояло с дюжину машин. Одним из них был «таурус» Сьюзен Даффи. Он был последним в левом ряду. Рядом с ним стояли сама Даффи и Элиот.

Медленно проехав мимо, я подал рукой знак обождать и остановился за четыре места от «тауруса». Заглушил двигатель и немного посидел в благодатной тишине. Убрал устройство электронной почты в каблук и зашнуровал ботинок. Затем постарался изобразить из себя нормального человека. Потянувшись, я открыл дверь, вылез из кабины и попрыгал на месте, словно разминая затекшие ноги и наслаждаясь свежим лесным воздухом. Пару раз обойдя вокруг машины, я осмотрел всю стоянку, после чего застыл на месте, не отрывая взгляда от подъездной дороги.

На ней не было ни души. Со стороны шоссе доносился шум редких машин. Шоссе было достаточно близко, но все же его загораживали деревья, поэтому на стоянке чувствовалось спокойствие и уединение. Я отсчитал семьдесят две секунды, что на скорости пятьдесят миль в час составляет милю. На дороге так никто и не появился. А следить на удалении больше мили не имеет смысла. Тогда я побежал прямиком к Даффи и Элиоту. Элиот был без костюма и в такой одежде, похоже, чувствовал себя неловко. На Даффи были те же самые потертые джинсы и ношеная кожаная куртка, которые я уже видел. Выглядела она в них восхитительно. Федеральные агенты не стали тратить время на приветствия, чем я остался доволен.

– Куда ты направляешься? – спросил Элиот.

– В Нью-Лондон, штат Коннектикут, – сказал я.

– Что в фургоне?

– Не знаю.

– Хвоста нет, – заметила Даффи.

Это было утверждение, а не вопрос.

– Возможно, электроника, – предположил я.

– Где она может быть?

– В фургоне, если у них хватило ума. Вы привезли паяльник?

– Пока нет, – сказала Даффи. – Но его уже везут. Зачем он?

– На фургоне свинцовая пломба, – объяснил я. – Надо будет поставить ее на место.

Она нетерпеливо взглянула на подъездную дорогу.

– Такую штуку быстро не достанешь.

– Давайте пока проверим то, что можно, – предложил Элиот. – Чтобы не терять времени впустую.

Мы бегом вернулись к грузовику. Нагнувшись, я заглянул снизу. Грузовик был покрыт толстым спекшимся слоем древней серой грязи, кое-где исчерченной подтеками масла.

– Только не здесь, – сказал я. – Для того чтобы добраться до металла, понадобится зубило.

Элиот обнаружил устройство в кабине через пятнадцать секунд после того, как начал поиски. Оно было прилеплено к поролону пассажирского сиденья с помощью маленькой полоски изоленты. Это

была крошечная металлическая коробочка размером с четвертак и толщиной с полдюйма. От нее отходил тонкий проводок длиной дюймов восемь, судя по всему, передающая антенна. Зажав устройство в кулак, Элиот вылез из кабины и уставился на подъездную дорогу.

– В чем дело? – встревожилась Даффи.

– Странно, – сказал он. – В таких штуковинах батарейка от слухового аппарата. Маленькая мощность, небольшая дальность. Дальше чем за две мили ее не поймаешь. Так где же тот, кто за тобой следит?

Подъездная дорога оставалась пустой. Я был последним, кто приехал сюда. Мы стояли, уставившись в пустоту. Наши глаза слезились на холодном ветру. За деревьями шелестели машины, но на дороге никто не появлялся.

– Сколько ты уже здесь? – спросил Элиот.

– Минуты четыре, – ответил я. – Может быть, пять.

– Ничего не понимаю, – сказал он. – Это значит, что тот тип должен был отстать от тебя на четыре или пять миль. А на таком расстоянии он ничего не услышит.

– Может быть, никого нет, – предположил я. – Может быть, мне доверяют.

– Тогда зачем ставить эту штуку?

– Может быть, ее и не ставили. Может быть, она здесь уже много лет. Может быть, про нее забыли.

– Слишком много «может быть», – сказал Элиот.

Резко развернувшись, Даффи всмотрелась в рощицу.

– Он мог остановиться на съезде с шоссе, – предположила она. – Смотрите, это как раз на одном уровне с нами.

Мы с Элиотом тоже повернулись направо и всмотрелись в рощицу. Да, предположение Даффи имело смысл. Глупо сворачивать на стоянку и ставить машину рядом с объектом наблюдения.

– Давайте посмотрим, – предложил я.

За узкой полоской стриженой травы следовала такая же узкая полоска, где край леса был укрощен аккуратными насаждениями. Дальше шли просто деревья. С востока их ограничивало шоссе, с запада стоянка, но в промежутке высились сорокафутовые великаны, растущие здесь, вероятно, с незапамятных времен. Пробраться сквозь эти густые заросли было проблематично. Повсюду были вьющийся плющ, колючие

кустарники и низко опущенные ветки. Сейчас на дворе стоял еще апрель. В июле или в августе роща, наверное, становится просто непроходимой.

Мы остановились на самой опушке леса. Далее начинался засеянный травой луг вокруг развилки шоссе. Стараясь оставаться за деревьями, мы посмотрели направо и налево. На обочине ни одной машины. Развилка была пустынной. Движение по шоссе было редким. Случались промежутки секунд по пять, когда в поле зрения не оставалось вообще ни одной машины. Элиот снова пожал плечами, показывая, что он ничего не понимает. Мы развернулись и стали продираться назад.

– Чертовщина какая-то, – пробормотал Элиот.

– У них не хватает людей, – предположил я.

– Нет, они на федеральной магистрали номер один, – вдруг сказала Даффи. – Иных вариантов нет. Она тянется параллельно I-95 вдоль побережья. Идет от Портленда на юг. Наверное, почти на всем протяжении между дорогами не больше двух миль.

Мы снова повернулись на восток, как будто можно было увидеть сквозь деревья машину, остановившуюся на обочине далекого параллельного шоссе.

– Лично я поступила бы именно так, – сказала Даффи.

Я кивнул. Объяснение было вполне логичным. Конечно, имелись определенные технические проблемы. Если шоссе действительно отстоят друг от друга на две мили, любое смещение назад или вперед, обусловленное дорожными условиями, приведет к тому, что передатчик окажется вне зоны действия приемника. С другой стороны, Беку необходимо отследить мой маршрут лишь в самых общих чертах.

– Вполне возможно, – согласился я.

– Нет, вероятно, – сказал Элиот. – Даффи права. Этого требует здравый смысл. Они постараются как можно дольше не показываться в твоих зеркалах.

Я снова кивнул.

– В любом случае следует исходить из предположения, что они здесь. Как далеко автострада номер один идет параллельно I-95?

– До бесконечности, – ответила Даффи. – По крайней мере, дальше Нью-Лондона. Они расходятся вокруг Бостона, но затем снова сближаются.

– Хорошо, – сказал я, сверяясь с часами. – Я уже провел здесь около девяти минут. Достаточно для того, чтобы сходить в туалет и выпить чашку кофе. Пора возвращать электронику на дорогу.

Я попросил Элиота положить передатчик в карман и на «таурусе» Даффи ехать на юг, держа стабильные пятьдесят миль в час. Нам же предстояло догнать его на грузовике где-то перед Нью-Лондоном. Беспокоиться о том, как вернуть передатчик на место, будем потом. Элиот уехал со стоянки, и мы остались вдвоем с Даффи. Мы проводили взглядом скрывшийся в сторону юга «таурус», после чего повернулись к подъездной дороге. У меня остался час и одна минута, и мне был нужен паяльник. Время неумолимо шло вперед.

– Как там? – спросила Даффи.

– Кошмар.

Я рассказал про гранитную стену высотой восемь футов, про колючую проволоку, ворота и металлодетекторы в дверях, про комнату, которая запирается только снаружи. Рассказал про Поли.

– Моего агента не видел? – спросила Даффи.

– Я только что попал туда, – напомнил я.

– Она там. Я должна надеяться на это.

Я промолчал.

– Нам нужно какое-либо продвижение вперед, – сказала она. – С каждым часом, проведенным там, ты вязнешь все глубже и глубже. И тянешь за собой Терезу.

– Знаю.

– Что ты можешь сказать про Бека? – спросила Даффи.

– Он по ту сторону закона.

Я рассказал про отпечатки пальцев на бокале, про исчезнувшую «максиму». Затем рассказал про русскую рулетку.

– И ты играл?

– Шесть раз, – подтвердил я, не отрывая взгляда от подъездной дороги.

Она изумленно вытаращилась на меня.

– Ты с ума сошел! Шесть к одному – ты должен быть трупом!

Я улыбнулся.

– А тебе приходилось играть?

– Я никогда не пойду на это. Мне не нравится чересчур высокая вероятность размозжить голову.

– Ты думаешь так же, как и большинство людей. И Бек так думает. Он полагал, вероятность один к шести. Но на самом деле вероятность один к шестистам. Или к шести тысячам. Если зарядить один тяжелый патрон в хорошо сработанный, ухоженный револьвер вроде «анаконды», будет просто чудо, если барабан остановится с патроном в верхнем положении. Вращательная инерция постарается развернуть его патроном вниз. Этому помогут точный механизм, немного смазки, сила тяжести. Я не идиот. Русская рулетка значительно менее опасна, чем думают люди. И ради того, чтобы меня наняли на работу, стоило пойти на такой риск.

Даффи помолчала мгновение.

– Какие у тебя мысли? – спросила она.

– Бек похож на торговца коврами, – сказал я. – Весь его чертов особняк завален этим товаром.

– Но?

– Но он не торговец коврами. Ставлю свою пенсию. Я попросил его рассказать про ковры, и он ограничился парой слов. Похоже, его это нисколько не интересует. Как правило, людям очень нравится говорить о своей работе. Если они начинают о ней рассказывать, их нельзя остановить.

– А ты получаешь пенсию?

– Нет.

В этот момент на гребне подъездной дороги показался серый «таурус», за исключением цвета полностью идентичный тому, на котором приехала Даффи. Водитель сбавил скорость, оглядывая стоянку, затем дал газу и подлетел прямо к нам. За рулем сидел пожилой агент, тот, кого я оставил в сточной канаве у ворот колледжа. Он резко затормозил рядом с моим синим грузовиком, открыл дверь и грузно вывалился из машины, точно так же, как вывалился из полицейского «каприса». У него в руке была черно-красная сумка из радиомагазина, наполненная громоздкими коробками. Показав сумку, пожилой агент улыбнулся и шагнул ко мне, протягивая руку. Он сменил рубашку, но костюм остался прежний. На месте застиранных подтеков фальшивой крови темнели пятна. Я представил себе, как агент стоит в ванной мотеля и трет пиджак губкой. Получилось у него неважно. Пиджак выглядел так, словно его обладатель пролил на себя кетчуп.

– Тебя уже посылают на задание? – спросил агент.

– Пока что не знаю. На пути к разгадке свинцовая пломба.

Он кивнул.

– Я так и подумал. С таким списком покупок что еще это могло быть?

– Тебе уже приходилось заниматься этим?

– Я воспитанник старой школы. В свое время мы делали это по десять раз на дню. Машина сворачивает к придорожной закусочной, и мы успеваем все провернуть еще до того, как парень закажет себе суп.

Присев на корточки, он вывалил содержимое пакета на асфальт. Достал паяльник и моток тусклого припоя. И переходник, чтобы подключиться к автомобильному прикуривателю. Это означало, что двигатель должен будет работать. Пожилой агент завел машину и сдал чуть назад, чтобы дотянулся провод.

Пломба представляла из себя вытянутую свинцовую проволоку с большими напаянными каплями на концах. Капли сжали друг с другом с помощью какого-то приспособления, так что получилась большая приплюснутая таблетка. Пожилой агент оставил сплюснутые концы в покое. Я понял, что он уже не раз проделывал это. Включив паяльник, он дал ему нагреться. Проверил температуру, плюнув на кончик. Удовлетворившись, вытер жало о рукав своего пиджака и прижал к проволоке. Свинец расплавился и разорвался. Пожилой агент расширил разрыв, словно открывая крошечные наручники, и вытащил пломбу из ушков. Нырнул в свою машину и аккуратно уложил ее на приборную панель. Я быстро повернул рычаг двери фургона.

– Ну, что мы имеем? – спросила Даффи.

Мы имели ковры. Дверь со скрежетом поднялась вверх, внутрь фургона хлынул солнечный свет, и мы увидели сотни две ковров, аккуратно скатанных, перетянутых бечевками и поставленных вертикально. Ковры были разных размеров; более высокие стояли у кабины, короткие ближе к двери. Они высились перед нами, подобно какому-то древнему скалистому образованию из базальта. Ковры были скатаны лицом внутрь, так что нам были видны лишь изнанки, грубые и однообразные. Они были связаны прочными лубяными бечевками, пожелтевшими от времени. В фургоне стоял сильный запах свежей шерсти, к которому примешивался более слабый аромат растительных красителей.

– Надо их проверить, – сказала Даффи.

В ее голосе прозвучало разочарование.

– Сколько у нас времени? – спросил пожилой агент.

Я взглянул на часы.

– Сорок минут.

– Тогда лучше проверить выборочно.

Мы вытащили пару ковров из первого ряда. Они были скатаны очень плотно. Без картонных трубок внутри. И туго стянуты бечевками. Один ковер был с бахромой. От него веяло застарелой плесенью. Узлы на бечевках от времени расплющились и набухли. Мы попробовали подцепить их ногтями, но у нас ничего не получилось.

– Наверное, их разрезают, – предположила Даффи. – Но для нас это исключено.

– Да, исключено, – согласился пожилой агент.

Я еще раз посмотрел на бечевку. Мне уже давно не приходилось видеть такой. Она была из какого-то натурального волокна. Джута или пеньки.

– Ну, что будем делать? – спросил пожилой агент.

Я вытащил другой ковер. Покачал его на руках, прикидывая вес. Похоже, он весил столько, сколько должен весить обычный ковер. Я его сжал. Он подался, но лишь немного. Поставив ковер на асфальт, я попытался согнуть его пополам. Он почти не прогнулся, как и должно быть с обычным туго скатанным ковром.

– Это просто ковры, – сказал я.

– А под ними ничего нет? – предположила Даффи. – Быть может, длинные сзади на самом деле вовсе не длинные. Быть может, они на чем-то стоят.

Мы вытащили ковры из фургона, укладывая их на асфальте в том порядке, в котором нам предстояло ставить их на место. Проложили случайным образом зигзагообразный проход в переднюю часть фургона. Длинные ковры были именно тем, чем они казались, – длинными коврами, плотно скатанными, стянутыми бечевками, поставленными вертикально. Среди них ничего не было спрятано. Выбравшись из фургона, мы встали среди беспорядочной кучи ковров и недоуменно переглянулись.

– Это «кукла», – сказала наконец Даффи. – Бек предположил, что ты найдешь способ заглянуть в фургон.

– Возможно, – согласился я.

– А может быть, он просто хотел на время избавиться от тебя.

– И заняться чем?

– Проверить тебя, – сказала она. – Чтобы убедиться наверняка.

Я посмотрел на часы.

– Пора убирать все обратно. Мне и так придется гнать как сумасшедшему.

– Я поеду с тобой, – сказала Даффи. – Я имею в виду, пока мы не догоним Элиота.

Я кивнул.

– Я сам хотел это предложить. Нам надо поговорить.

Мы загрузили ковры обратно в фургон, толкая и пиная их ногами до тех пор, пока они не встали на свои места. Затем я опустил дверь, и пожилой агент снова взял паяльник. Пропустив разорванную пломбу в ушки, он сдвинул концы проволоки. Нагрел паяльник, соединил жалом концы и прикоснулся припоем. Разрыв заполнился большой серебристой каплей. Она сильно отличалась по цвету и была значительно толще. С ней проволока стала похожа на рисунок, изображающий удава, проглотившего кролика.

– Не волнуйся, – успокоил меня агент.

Работая жалом паяльника, как крохотной кисточкой, он принялся разглаживать каплю, время от времени вытирая жало, очищая его от излишков припоя. Работа была очень тонкая. Пожилому агенту потребовалось три долгих минуты, чтобы пломба стала снова выглядеть так, как она выглядела до его появления. Наконец он дал ей немного остыть, после чего сильно подул. Новый серебристый цвет тотчас же сменился на серый. Мне еще не приходилось видеть такой качественной работы. Определенно, сам я так не сумел бы.

– Хорошо, – сказал я. – Отлично. Но тебе предстоит повторить это еще раз. Я должен буду пригнать назад другой грузовик. Нам придется осмотреть и его. Встречаемся на первой стоянке на выезде из Портсмута, штат Нью-Гемпшир.

– Когда?

– Будь там через пять часов.

Оставив пожилого агента на стоянке, мы с Даффи помчались на юг так быстро, как только я мог разогнать старую колымагу. Больше семидесяти она не выжимала. Грузовик имел форму кирпича, и сопротивление воздуха сводило на нет все попытки ехать быстрее. Но семьдесят миль в час тоже было неплохо. У меня в запасе оставалось несколько минут.

– Ты видел кабинет Бека? – спросила Даффи.

– Еще нет. Надо будет обязательно его осмотреть. Вообще нам нужно проверить всю деятельность Бека в порту.

– Мы уже работаем над этим, – сказала она. Ей приходилось говорить громко. На семидесяти рев двигателя и скрежет коробки передач стал вдвое хуже, чем был на пятидесяти. – К счастью, Портленд в этом отношении уже давно не дурдом. По грузообороту этот порт занимает в Штатах сорок четвертое место. Около четырнадцати миллионов тонн импортных грузов в год. То есть около четверти миллиона тонн в неделю. На долю Бека, похоже, приходится тонн десять, два или три контейнера.

– Таможня осматривает его товар?

– Так же, как она осматривает все остальное. Сейчас проверяется около двух процентов всех грузов. Если Бек получает в год сто пятьдесят контейнеров, быть может, три из них подвергнутся досмотру.

– Так как же ему удается остаться непойманным?

– Ну, например, он может провозить свою гадость только в одном контейнере из десяти. В этом случае вероятность нарваться на проверку снизится до ноля целых двух десятых. Таким образом можно продержаться несколько лет.

– Бек держится уже много лет. Не иначе он кому-то платит.

Даффи молча кивнула.

– Нельзя устроить так, чтобы к нему присмотрелись внимательнее? – спросил я.

– Без веских оснований нельзя, – сказала она. – Не забывай, мы действуем неофициально. Нам нужны убедительные доказательства. А потенциальное существование купленного таможенника превращает все в минное поле. Мы можем нарваться не на того, на кого нужно.

Мы ехали дальше. Двигатель ревел, подвеска раскачивалась. Теперь мы обгоняли всех. Я уже искал в зеркалах заднего вида не хвост, а полицейских. Наверное, удостоверение Даффи помогло бы решить все проблемы, но я не хотел терять время на переговоры с дорожной полицией.

– Какой была реакция Бека? – спросила Даффи. – Первое впечатление?

– Он был озадачен. И огорчен. Так мне показалось. Ты обратила внимание на то, что в колледже Ричарда Бека не охраняли?

– Безопасное место.

– Ничего подобного. Похитить парня из колледжа было бы проще простого. Отсутствие охраны означает отсутствие опасности. На мой взгляд, телохранители по дороге домой – это лишь ответ на манию преследования, которой страдает мальчишка. По-моему, это чистая блажь. Не думаю, что старик Бек считает это необходимым, иначе он позаботился бы и насчет охраны в колледже. Или вообще не пустил бы сына в школу.

– То есть?

– То есть, на мой взгляд, в прошлом была заключена какая-то сделка. Возможно, после первого похищения. И эта сделка являлась гарантией безопасности. Отсюда отсутствие охраны в общежитии. Отсюда недовольство и обида Бека. Он вел себя так, будто кто-то нарушил соглашение.

– Ты так думаешь?

Я кивнул, не отрываясь от дороги.

– Он был удивлен, озадачен и раздражен. Его основной вопрос был: «Кто?»

– Очевидный вопрос.

– Но только в устах Бека он звучал скорее: «Как они посмели?» В нем был особый подтекст. Как будто кто-то нарушил свои обязательства. Это был не вопрос. Это было обвинение в чей-то адрес.

– Что ты ему сказал?

– Описал пикап. Описал твоих ребят.

Она улыбнулась.

– Достаточно безопасно.

Я покачал головой.

– У Бека есть тип по фамилии Дьюк. Имени не знаю. Бывший полицейский. Глава службы охраны. Я встретил этого Дьюка сегодня утром. Он не спал всю ночь. Устал до предела и даже не успел принять душ. Его пиджак был мятый, внизу сзади.

– И что с того?

– Это означает, он всю ночь провел за рулем. По-моему, Дьюк ездил в Бостон, чтобы взглянуть на «тойоту». Проверить задний номерной знак. Куда вы ее поставили?

– Передали полиции штата. Чтобы быть ближе к правде. Мы не могли забрать ее в гараж нашего ведомства. Так что «тойота» где-то на полицейской стоянке.

– Куда приведет номер?

– В Хартфорд, штат Коннектикут, – сказала Даффи. – Мы там накрыли мелкую шайку, торговавшую наркотиком «экстази».

– Когда?

– На прошлой неделе.

Некоторое время я вел машину молча. Движение становилось все более оживленным.

– Наша первая ошибка, – наконец сказал я. – Бек обязательно проверит «тойоту». И задумается, почему какие-то мелкие торговцы «экстази» попытались похитить его сына. А потом обязательно задаст себе вопрос, как эти мелкие торговцы из Коннектикута могли пытаться похитить его сына через неделю после того, как их посадили за решетку.

– Проклятье! – выругалась Даффи.

– Это еще не все, – продолжал я. – По-моему, Дьюк видел и «линкольн». У машины смят перед и нет одного стекла, но в дверях ни одной пулевой пробоины. И салон совсем не выглядит так, будто в нем взорвалась настоящая граната. «Линкольн» – живое свидетельство того, что все похищение было полной туфтой.

– Нет, – остановила меня Даффи. – «Линкольн» спрятан. Мы не передали его полиции вместе с «тойотой».

– Ты уверена? Потому что сегодня утром Бек первым делом попросил меня рассказать подробно про «узи». У меня сложилось такое впечатление, словно он пытается заставить меня проклясть себя собственными устами. Два «узи микро», магазины по двадцать патронов, сделано сорок выстрелов, а в машине ни одного пулевого отверстия?

– Нет, – повторила Даффи. – Можешь не беспокоиться. «Линкольн» спрятан.

– Где?

– В Бостоне. Машина в нашем гараже, но по бумагам она находится в здании окружного морга. Она якобы является местом преступления. Телохранители якобы размазаны по салону. Мы заботились о достоверности. Мы все продумали.

– Кроме номеров «тойоты».

Даффи понуро опустила голову.

– Но с «линкольном» все в порядке. Он за сотню миль от «тойоты». Этому твоему Дьюку пришлось бы провести за рулем всю ночь.

– На мой взгляд, он как раз провел за рулем всю ночь. И почему Бек так заинтересовался «узи»?

Даффи помолчала.

– Нам нужно сворачиваться, – наконец сказала она. – Из-за «тойоты». Не из-за «линкольна». С «линкольном» все в порядке.

Я посмотрел на часы. Взглянул на дорогу впереди. Грузовик с ревом несся вперед. Скоро мы должны были нагнать Элиота. Я сопоставил время и расстояние.

– Нам нужно сворачиваться, – повторила Даффи.

– А как же твой агент?

– Твоя смерть ей никак не поможет.

Я подумал про Куина.

– Обсудим это позже, – сказал я. – А пока что мы остаемся в деле.

Мы нагнали Элиота еще через восемь минут. Его «таурус» упрямо, как скала, держался в правом ряду, сохраняя скромные пятьдесят. Я обогнал его и сбавил скорость. Мы обогнули Бостон и свернули на первую же стоянку к югу от города. Здесь жизнь была значительно оживленнее. Мы с Даффи семьдесят две секунды наблюдали за подъездной дорогой. Следом за нами на стоянку свернули четыре машины. Никто из водителей не обратил на нас внимания. В двух машинах были пассажиры. Все вели себя как и полагается на стоянке: потягивались, зевали, оглядывались вокруг и шли к туалетам и кафе.

– Где второй грузовик? – спросила Даффи.

– На стоянке в Нью-Лондоне.

– Ключи?

– В машине.

– Значит, там кто-нибудь будет. Грузовик не оставят просто так, с ключами. Тебя будут ждать. Мы не знаем, какой приказ получили эти люди. Нужно давать отбой.

– В западню я не зайду, – заверил ее я. – Это не в моем духе. А во второй машине, возможно, будет кое-что получше.

– Ладно, проверим в Нью-Гемпшире. Если тебе удастся до него добраться.

– Ты могла бы одолжить мне свой «глок».

Даффи непроизвольно пощупала под мышкой.

– Надолго?

– До тех пор, пока он будет мне нужен.

– А что с кольтами?

– Их отобрали.

– Не могу, – подумав, сказала она. – Я не могу отдать тебе табельное оружие.

– Мы уже нарушили кое-какие положения.

Даффи помолчала.

– Проклятье, – наконец выругалась она.

Достав из кобуры «глок», она протянула пистолет мне. Он хранил тепло ее тела. Я подержал его в руке, наслаждаясь ощущением. Порывшись в сумочке, Даффи достала две запасные обоймы. Я убрал обоймы в один карман, а пистолет в другой.

– Спасибо.

– Увидимся в Нью-Гемпшире, – сказала она. – Мы осмотрим грузовик. И примем решение.

– Хорошо, – сказал я, хотя для себя уже все решил.

К нам подошел Элиот. Он достал передатчик из кармана. Даффи освободила сиденье, и Элиот закрепил передатчик на место. Затем они с Даффи вернулись к служебному «таурусу». Выждав немного, я снова тронулся в путь.

Нью-Лондон я нашел без проблем. Это был грязный старый городишко. Мне никогда не приходилось здесь бывать. У меня не было на то причин. Нью-Лондон – город военных моряков. Кажется, здесь строят подводные лодки. Или где-то поблизости. Возможно, в Гротоне. Указания, полученные от Бека, заставили меня свернуть с шоссе при въезде в город и направиться в умирающий промышленный район. Повсюду вокруг были старый кирпич, сырость, копоть и гниение. Я

свернул на боковую дорогу приблизительно за милю до того места, где, по моим расчетам, должна была находиться стоянка. Повернул направо, налево, попытался объехать это место кругом. Остановившись у разбитого счетчика, я проверил пистолет Даффи. Это был «Глок-19», выпущенный не больше года назад. Полностью снаряженная обойма. Запасные обоймы тоже были полностью снаряженные. Я вышел из машины. Со стороны пролива доносились гудки. Отходил паром. Ветер гнал по пустынной улице мусор. Выглянувшая из подворотни проститутка улыбнулась мне. Нью-Лондон – город военных моряков. Она не унюхала во мне армейского полицейского, как меня раскусили бы ее сестры по ремеслу во всех других городах.

Я завернул за угол, и передо мной открылась почти вся стоянка, на которую я направлялся. Местность спускалась к морю, и я оказался на некотором возвышении. Я увидел грузовик, который меня ждал. Это был брат-близнец того, на котором я приехал. Та же марка, тот же почтенный возраст. Тот же цвет. Грузовик одиноко стоял в самом центре стоянки, представлявшей из себя пустой квадрат, заросший травой и засыпанный битым кирпичом. Лет двадцать назад здесь снесли какое-то старое здание, после чего на этом месте так ничего и не построили.

Я не заметил никого, кто меня бы ждал, хотя поблизости было не меньше тысячи грязных окон, и теоретически за каждым мог скрываться наблюдатель. Однако я ничего не почувствовал. Чувствовать – это гораздо хуже, чем знать наверняка, но иногда приходится довольствоваться и этим. Я стоял неподвижно до тех пор, пока не начал мерзнуть, а затем вернулся к своему грузовику. Объехал на нем вокруг квартала и свернул на стоянку. Остановился нос к носу со вторым грузовиком. Вытащил ключ из замка зажигания и бросил его в карман на двери. Оглянулся вокруг последний раз и вышел из кабины. Сунул руку в карман, стиснув рукоятку пистолета Даффи. Вслушался. Ничего, кроме шума ветра и отдаленных звуков умирающего города, пытающегося изо всех сил протянуть еще один день. Все было чисто, если только кто-то не собирался свалить меня выстрелом из снайперской винтовки. Но от этого «Глок-19» в кармане защитить не мог.

Новый грузовик оказался холодным и застывшим. Дверь была не заперта, а ключ лежал в кармане. Я попрыгал на сиденье и поправил зеркала. Сделал вид, будто уронил ключ на пол, и проверил под сиденьями. Передатчика не было. Лишь обертка из-под жевательной резинки и хлебные крошки. Я завел двигатель. Сдал назад от грузовика, на котором приехал, выехал со стоянки и направился назад к шоссе. Я так никого и не увидел. Никто не поехал за мной следом.

Новый грузовик вел себя на дороге чуть лучше предыдущего. Он ехал чуть тише и чуть быстрее. Возможно, он лишь один раз накрутил полный спидометр. Грузовик глотал мили, везя меня назад на север. Я смотрел прямо перед собой в лобовое стекло, и мне казалось, будто я вижу одинокий особняк на скалистом мысу, увеличивающийся с каждой минутой. Он одновременно притягивал и отталкивал меня с одинаковой силой. Поэтому я сидел неподвижно, держа руль одной рукой, широко открыв глаза. В Род-Айленде все было тихо. Никто меня не преследовал. Массачусетс явился для меня одной большой петлей вокруг Бостона, за которой следовал бросок на северо-восток. Слева оставались такие грязные дыры, как Лоуэлл, а далеко справа были милые местечки вроде Ньюберипорта, Кейп-Энн и Глостера. Затем начался Нью-Гемпшир. I-95 проходит по штату всего миль двадцать, и конечным пунктом остается Портсмут. Проскочив мимо, я стал следить за дорожными знаками. Первый знак, предупреждающий о месте отдыха, оказался уже за границей Мэна. Он сообщил мне, что Даффи, Элиот и пожилой агент в испачканном костюме ждут меня в восьми милях.

Меня встретили не только Даффи, Элиот и пожилой агент. На этот раз они захватили с собой проводника со служебной собакой. Наверное, если дать правительственным сотрудникам достаточно времени, они обязательно придумают что-нибудь совершенно неожиданное. Въехав на стоянку, очень похожую на ту, что была под Кеннебанком, я увидел два служебных «тауруса» в конце ряда и рядом с ними микроавтобус без маркировки. Поставив грузовик за четыре машины от них, я прошел через обычную рутину ожидания и наблюдения, но следом за мной на стоянку никто не заезжал. Об обочине шоссе я не беспокоился. Меня надежно скрывали деревья. Деревья здесь были повсюду. В Мэне полно деревьев, это уж точно, черт побери.

Я вышел из кабины, и пожилой агент, подогнав свою машину, взял в руки паяльник. Даффи тронула меня за плечо, увлекая в сторону.

– Я сделала несколько звонков, – сказала она, показывая мне сотовый телефон, словно в подтверждение своих слов. – Есть новость хорошая и новость плохая.

– Сначала хорошая, – сказал я. – Подними мне настроение.

– Судя по всему, с «тойотой» все в порядке.

– Да?

– Дело запутанное. Таможня сообщила нам график доставки контейнеров Бека. Весь свой товар он получает из Одессы. Это на Украине, на Черном море.

– Знаю.

– Правдоподобная точка для отправки ковров. Они поступают туда из Турции. Но с нашей точки зрения, Одесса является перевалочным пунктом героина. Все, что не попадает в Штаты прямиком из Колумбии, поступает из Афганистана и Туркмении через Каспийское море и Кавказ. Так что если Бек переправляет свой товар через Одессу, это означает, что он занимается героином, а раз он занимается героином, он ни черта не смыслит в «экстази». Бек не знает дельцов ни в Коннектикуте, ни где бы то ни было. Героин и «экстази» никак не связаны между собой. Абсолютно никак. Это совершенно разные сферы деятельности. Так что Беку придется начинать с чистого листа. Я хочу сказать, номера «тойоты» сообщат ему адрес и фамилию, но для него это не будет иметь никакого смысла. Потребуется несколько дней, чтобы выяснить, с кем он столкнулся.

– Это и есть твоя хорошая новость?

– Она достаточно хорошая. Поверь, эти люди живут в разных мирах. А несколько дней – это все равно максимум, чем ты располагаешь. Мы не можем держать телохранителей вечно.

– Ну а плохая новость?

Даффи ответила не сразу.

– Не исключено, что кто-то видел «линкольн».

– Что случилось?

– Ничего определенного. Просто охрана в гараже оказалась не совсем такой надежной, какой могла бы быть.

– Что это значит?

– Это значит, что мы не можем сказать наверняка, случилось ли что-то плохое.

Послышался лязг открываемой двери фургона грузовика. Через мгновение нас окликнул взволнованный Элиот. Мы поспешили к нему, ожидая найти что-нибудь хорошее. Вместо этого мы увидели еще один передатчик. Такая же крошечная металлическая коробочка с такой же восьмидюймовой проволокой-антенной. Она была приклеена изнутри на стену фургона, рядом с дверью, на уровне глаз.

– Отлично, – сказала Даффи.

Фургон был забит коврами, совершенно такими же, как те, что мы уже видели. Казалось, мы открыли тот же грузовик. Плотно скатанные, туго

стянутые бечевками ковры, поставленные вертикально по убыванию роста.

– Будем проверять? – спросил пожилой агент.

– Нет времени, – сказал я. – Если за передатчиком следят, у меня есть минут десять, не больше.

– Зовите собаку, – сказала Даффи.

Незнакомый мне парень открыл микроавтобус и вывел ищейку на поводке. Это было маленькое толстенькое создание на коротких ножках в рабочей упряжи. У него были длинные уши и нетерпеливое выражение на морде. Я люблю собак. Порой я подумываю о том, чтобы завести собаку. Вдвоем нам было бы веселей. Эта собака не обратила на меня внимания. Она протащила проводника прямиком к синему грузовику и остановилась, ожидая указаний. Проводник подсадил ее в фургон, поднял на лес ковров, щелкнул пальцами, произнес какую-то команду и снял поводок. Собака принялась бегать по коврам взад и вперед. Короткие ноги не позволяли ей быстро перебираться с одного уровня на другой. Но собака обнюхала каждый дюйм и вернулась назад. Она остановилась с горящими глазами, виляя хвостом, разинув пасть в глуповатой улыбке, словно вопрошая: «Ну и где же тут веселье?»

– Ничего, – сказал проводник.

– Законный груз, – уточнил Элиот.

Даффи кивнула.

– Но почему он возвращается на север? В Одессу ковры не возят. Зачем?

– Это было испытание, – сказал я. – Для меня. Бек хотел узнать, загляну ли я в фургон.

– Заделывай пломбу, – распорядилась Даффи.

Проводник увел ищейку. Элиот, привстав на цыпочки и вытянувшись, ухватился за дверь и опустил ее. Пожилой агент снова взял паяльник. Даффи опять отвела меня в сторону.

– Какое решение? – спросила она.

– Что предлагаешь ты?

– Выходить из игры. «Линкольн» – это темное место. Он может тебя погубить.

Глядя ей через плечо, я наблюдал, как работает пожилой агент. Он уже разглаживал место спайки.

– Бек купился на спектакль, – сказал я. – Иначе быть не может. Спектакль был разыгран классно.

– Твой Дьюк мог видеть «линкольн».

– Не могу представить, зачем Беку это нужно.

Пожилой агент закончил работу. Он нагнулся, собираясь подуть на спайку, сделать ее тускло-серой. Даффи положила руку мне на плечо.

– Почему Бек заговорил об «узи»? – спросила она.

– Не знаю.

– Готово, – окликнул нас пожилой.

– Какое решение? – повторила Даффи.

Я подумал о Куине. Вспомнил его взгляд, скользнувший по моему лицу, не быстро и не медленно. Вспомнил шрамы от пуль 22-го калибра, похожие на две дополнительные глазницы слева на лбу.

– Я возвращаюсь, – сказал я. – На мой взгляд, это достаточно безопасно. Если бы у Бека были какие-то сомнения, со мной расправились бы еще сегодня утром.

Даффи промолчала. Не стала спорить. Она просто убрала руку с моего плеча, отпуская меня.

Глава 05

Даффи отпустила меня, не попросив вернуть пистолет. Быть может, она сделала это подсознательно. Быть может, она хотела оставить его мне. Я засунул «глок» сзади за пояс. С ним было уютнее, чем со здоровенным кольтом. Запасные обоймы я спрятал в носке. Затем я выехал на шоссе и вернулся на стоянку рядом с портлендским портом ровно через десять часов после того, как покинул ее. На стоянке меня никто не ждал. Никаких черных «кадиллаков». Я поставил грузовик туда же, где до этого стоял его двойник. Бросил ключ в карман на двери и вылез из кабины. После пятисот миль на шоссе я устал и немного оглох.

Было уже шесть часов вечера, и слева от меня солнце опускалось за город. Воздух был холодный, и со стороны моря веяло сыростью. Застегнув пиджак, я постоял с минуту, проверяя, не следят ли за мной. Затем вышел со стоянки, пытаясь делать вид, будто бесцельно прогуливаюсь. Но я выдерживал общее направление на север и внимательно разглядывал все встречные здания. Стоянка была окружена приземистыми офисными зданиями, похожими на трейлеры

без колес, дешевыми в строительстве и неухоженными. Перед ними толпились грузовики средних размеров. Весь район выглядел по-деловому и очень приземленно. Здесь шла настоящая торговля. Никаких навороченных офисов, никакого мрамора, никаких скульптур – просто обычные люди, напряженно работающие за немытыми окнами, закрытыми сломанными жалюзи.

Некоторые конторы представляли собой пристройки, прилепившиеся к небольшим складам. Сами складские помещения были преимущественно современными сборными металлическими конструкциями. Перед ними на уровне талии возвышались погрузочные платформы. Стоянки обозначались толстыми бетонными столбами, покрытыми соскобленной автомобильной краской всех существующих цветов и оттенков.

Черный «кадиллак» Бека я нашел приблизительно через пять минут. Он стоял на прямоугольнике потрескавшегося асфальта наискось от склада, рядом с дверью конторы. Дверь выглядела так, словно ее сняли с особняка в пригороде. Твердые породы дерева, колониальный стиль. Дверь никогда не красили, и от соленого воздуха ее поверхность стала темно-серой и зернистой. К ней была прикручена выцветшая табличка: «Большой базар». Надпись была выведена от руки и очень напоминала афишу рок-концерта шестидесятых. Как будто «Большой базар» выступал на разогреве у таких мэтров, как «Джефферсон эрплейн» или «Грейтфул дэд».

Услышав шум машины, я нырнул за соседнее здание и стал ждать. Это была большая машина, ехавшая медленно. Было слышно, как жирные мягкие шины плюхаются в дорожные рытвины, заполненные водой. Это был «линкольн таун кар», черный и сверкающий, идентичный тому, который мы изуродовали у ворот колледжа. Вероятно, лимузины вместе ползли по конвейеру, капот к багажнику. «Линкольн» медленно проехал мимо «кадиллака» Бека, завернул за угол и остановился у склада. Из-за руля вылез тип, которого я до этого не видел. Он потянулся и зевнул, как будто ему только что тоже пришлось проехать пятьсот миль. Тип был среднего роста, широкоплечий, с коротко остриженными черными волосами. Вытянутое лицо, плохая кожа. Он производил впечатление человека опасного. И в то же время как бы младшего по положению. Будто на тотемном столбе он находился где-то внизу. Именно поэтому он был особо опасен. Нагнувшись в салон, тип достал портативный радиопеленгатор с длинной хромированной антенной и динамиком, который начнет выть и пищать, если в паре миль от пеленгатора будет находиться определенный передатчик.

Обойдя здание склада, тип толкнул некрашеную дверь. Я остался стоять на месте. Мысленно прокрутил заново последние десять часов. Радионаблюдение могло показать только то, что я останавливался три

раза. Все остановки были достаточно недолгими, чтобы не вызывать подозрений. Визуальное наблюдение было совсем другим делом. Но я был практически уверен, что за всю дорогу ни разу не видел черный «линкольн». Я был склонен согласиться с Даффи. Тип со сканером ехал по магистрали номер один.

Я выждал с минуту. Затем шагнул на открытое место и подошел к двери. Толкнул ее. Коридор сразу же поворачивал налево. Он привел меня в небольшое помещение, заставленное письменными столами и шкафами. Здесь никого не было. Люди ушли. Но совсем недавно. Это не вызывало сомнений. За столами работали. Их было три, и все были завалены тем, что остается на столах в конце рабочего дня. Недописанные бумаги, чашки из-под кофе с темными кольцами на стенках, заметки-напоминания, сувенирные стаканчики с карандашами, папки. На стенах висели электрические обогреватели; воздух в помещении был горячий и душный, приправленный ароматом косметики.

В задней части помещения была закрытая дверь, из-за которой доносились голоса. Я узнал голоса Бека и Дьюка. Они говорили с третьим, как я предположил, с тем типом с радиопеленгатором. Я не мог разобрать слов. Не мог разобрать даже интонаций. В голосах звучало напряжение. Спор. Разговор велся не на повышенных тонах, однако это было не обсуждение последнего пикника.

Я посмотрел на стены и столы. На одной стене были повешены две карты. Одна из них была карта мира. Черное море находилось приблизительно в центре. Слева от Крымского полуострова примостилась Одесса. На этой карте не было никаких пометок, но я мысленно проложил путь, по которому могло следовать небольшое грузовое судно: через Босфор, Эгейское море, Средиземное море, мимо Гибралтара и далее на всех парах через Атлантику в Портленд, штат Мэн. Вся дорога займет недели две. Может быть, три. Грузовые корабли плавают медленно.

На другой карте были изображены Соединенные Штаты. Портленд скрылся под грязным, засаленным пятном. Я предположил, на него ставили мизинец, а затем отставляли большой палец, прикидывая время и расстояние. Растопыренная рука приблизительно соответствует одному дню езды на машине. Портленд являлся не лучшим местом для центра поставок. От него было далеко до чего бы то ни было.

Бумаги, лежавшие на столах, были для меня китайской грамотой.

Максимум я мог разобраться в датах. Кое-где были указаны цены на товар. В одних случаях высокие, в других низкие. Напротив цен стояли какие-то коды. Возможно, обозначавшие ковры. Возможно, что-то другое. Но в целом помещение выглядело как невинная торговая контора. У меня мелькнула мысль, не здесь ли работала Тереза Даниэль.

Я снова прислушался к голосам. Теперь в них были слышны гнев и беспокойство. Я, пятясь, вернулся в коридор. Вытащил «глок» из-за пояса и убрал его в карман, сунув палец в спусковую скобу. «Глок» не имеет специального предохранителя. Его функцию выполняет особая кнопка на спусковом крючке. Это крошечная защелка, отходящая назад под нажатием пальца. Я надавил на нее. Почувствовал, как она подалась назад. Я хотел быть готовым ко всему. Наверное, первым надо будет стрелять в Дьюка. Затем в типа с пеленгатором. Потом в Бека. Бек, похоже, из всех троих самый нерасторопный, а таких можно оставлять напоследок.

Я убрал в карман и левую руку. Человек, спрятавший в карман одну руку, производит впечатление вооруженного и опасного. Человек, убравший в карманы обе руки, кажется расслабленным и ленивым. От него не исходит никакой угрозы. Выдохнув, я шумно вошел в контору.

– Эй, есть тут кто? – окликнул я.

Дверь в задней части конторы тотчас же распахнулась. Из нее высунулись все трое. Бек, Дьюк и новый тип. Все без оружия.

– Как ты сюда попал? – спросил Дьюк.

Он выглядел уставшим.

– Дверь была открыта, – объяснил я.

– А как ты узнал, какая именно дверь? – спросил Бек.

Я не вынимал рук из карманов. Я не мог сказать, что заметил вывеску, потому что название фирмы Бека сказала мне Даффи, а не он сам.

– У дверей стоит ваша машина, – ответил я.

Бек кивнул.

– Хорошо.

Он не стал спрашивать меня о том, как прошел день. Об этом наверняка уже рассказал тип с пеленгатором. Теперь он пристально разглядывал меня. Он был моложе Бека. Моложе Дьюка. Моложе меня. Ему было лет тридцать пять. Он по-прежнему выглядел опасным. У него были плоские скулы и пустые глаза. Он был похож на сотню плохих парней, с которыми мне приходилось иметь дело в армии.

– Как прокатился? – спросил я у него.

Он промолчал.

– Я видел, как ты нес пеленгатор, – продолжал я. – Первый жучок я отыскал. Под сиденьем.

– Почему ты стал его искать? – спросил он.

– Привычка. Где был второй?

– В фургоне. Ты не останавливался на обед.

– Денег нет, – объяснил я. – До сих пор никто не заплатил мне ни цента.

Тип с пеленгатором даже не улыбнулся.

– Добро пожаловать в штат Мэн, – сказал он. – Здесь деньги никому не дают. Их надо заработать.

– Ладно, – согласился я.

– Я Энджел Долл, – произнес он таким тоном, будто его имя должно было произвести на меня впечатление.

Однако я слышал его впервые.

– Джек Ричер.

– Убийца полицейского, – недобрым тоном произнес он.

Долл долго таращился на меня и наконец отвел взгляд.

Я никак не мог определить его место. Бек был босс, а Дьюк возглавлял охрану, но этот юнец чересчур спокойно разговаривал через их головы.

– У нас деловой разговор, – сказал Бек. – Подожди на улице, у машины.

Жестом пригласив остальных вернуться в комнату, он закрыл дверь у меня перед носом. Одно это уже дало мне понять, что в конторе поживиться нечем. Поэтому я не спеша направился назад, по пути внимательно разглядывая систему сигнализации. Она была достаточно примитивная, но действенная. На двери и окнах были контактные датчики. Маленькие прямоугольные коробочки. От них отходили белые провода толщиной со спагетти, тянущиеся вдоль стен. Провода сходились к металлическому ящику, установленному на стене рядом с доской объявлений. Доска была завешана уведомлениями о страховках, планами противопожарной сигнализации и схемами эвакуации. На ящике имелись клавиатура и две маленькие лампочки. Красная, подписанная «включено», и зеленая, подписанная «отключено». Никаких отдельных зон охраны. Никаких датчиков, реагирующих на движение. Эта грубая система защищала только от проникновения извне.

Я не стал ждать у машины. Я побродил вокруг, знакомясь с окрестностями. Весь этот район был местом аналогичных торговых операций. Сюда подходила извилистая подъездная дорога. Я решил, система действует однонаправленно. Контейнеры доставляют сюда с

причалов, расположенных севернее, и сгружают на склады. Затем здесь загружаются грузовики, которые увозят товар на юг. Склад Бека был расположен на самом виду. Он был средним из пяти, выстроившихся в ряд. Но у него не было загрузочной платформы на улице. Вместо этого подъемные ворота. Сейчас их загораживал «линкольн» Энджела Долла. В них свободно проезжал грузовик. Это позволяло обеспечить скрытность.

Внешняя охрана отсутствовала. Ничего похожего на военно-морскую базу. Ни заборов с колючей проволокой, ни ворот, ни шлагбаумов. Ни часовых в будках. Только пространство площадью сто акров, застроенное в беспорядке, растрескавшийся асфальт в лужах и обилие укромных закутков. Я предположил, жизнь не затихает здесь круглосуточно. Насколько активная, я сказать не мог. Но вероятно, достаточная для того, чтобы скрыть деятельность, которая не должна была привлекать внимание.

Когда троица вышла из конторы, я уже стоял рядом с «кадиллаком», прислонившись к капоту. Сначала вышли Бек и Дьюк, а Долл задержался в дверях. Я по-прежнему держал руки в карманах. По-прежнему был готов расправиться в первую очередь с Дьюком. Но в их движениях не было агрессивности. Не было настороженности. Бек и Дьюк просто подошли к машине. Они казались уставшими и озабоченными. Долл остался стоять в дверях, как будто был здесь хозяином.

– Пошли, – сказал Бек.

– Нет, подождите, – откликнулся Долл. – Сначала я должен поговорить с Ричером.

Бек остановился. Но не обернулся.

– Пять минут, – сказал Долл. – Только и всего. Потом я сам все запру.

Бек ничего не ответил. Как и Дьюк. Похоже, они были недовольны этим вмешательством, но не собирались возражать. Не вынимая рук из карманов, я вернулся назад. Долл провел меня через контору в комнату за ней. Затем еще через одну дверь в стеклянную кабинку уже в здании склада. Я увидел погрузчик и стальные стеллажи с коврами. Стеллажи поднимались футов на двадцать в высоту; все ковры были плотно скатаны и перетянуты бечевками. Из кабинки на улицу вела своя дверь. Внутри стоял металлический стол с компьютером. Стул перед столом был протерт до дыр. Из швов торчал грязно-желтый поролон. Сев на стул, Долл посмотрел на меня, скривив рот в неком подобии улыбки. Остановившись у края стола, я спокойно выдержал его взгляд.

– В чем дело? – спросил я.

– Видишь этот компьютер? С него можно подключиться к базе данных любого отдела транспортных средств страны.

– И?

– И я могу проверить номерные знаки.

Я промолчал. Долл достал из кармана пистолет. Неуловимо быстрым движением. Впрочем, это был карманный пистолет. Советский ПСМ[4], небольшой автоматический пистолет, специально сделанный плоским и компактным, чтобы не бросаться в глаза под одеждой. Стреляет особыми патронами российского производства, достать которые очень трудно. Рычажок предохранителя сзади на затворе. На пистолете Долла он был сдвинут вперед. Я не помнил, что это за положение: «предохранитель» или «огонь».

– Что ты хочешь? – спросил я.

– Хочу кое-что уточнить с тобой, – ответил Долл. – Прежде чем обнародовать это и подняться на пару ступеней.

Наступила тишина.

– И как ты собираешься это сделать? – наконец спросил я.

– Скажу им то, чего они о тебе еще не знают. Быть может, этим я заслужу жирную премию. Ну, например, те пять штук, что предназначались тебе.

Не вынимая руку из кармана, я надавил на предохранитель «глока». Взглянул налево. За окном кабинета виднелись Бек и Дьюк, стоявшие у «кадиллака». Спиной ко мне. До них было футов сорок. Слишком близко.

– Я нарыл информацию на твою «максиму», – сказал Долл.

– Где?

– Не важно.

Он снова улыбнулся.

– И что? – спросил я.

– Ты ведь ее угнал, так? Выбрал случайно на стоянке у торгового центра.

– И?

– На ней были номера Массачусетса, – продолжал Долл. – Они оказались липовыми. Такие номера никогда никому не выдавались.

Ошибки, которые настигают тебя. Я молчал.

– Тогда я проверил ВИН. Идентификационный номер транспортного средства. Такой имеют все машины. Он выбит на металлической табличке, закрепленной на передней стенке капота.

– Знаю, – сказал я.

– По ВИН я установил, что это действительно «максима», – сказал Долл. – Пока что все в порядке. Вот только зарегистрирована она была в штате Нью-Йорк. На одного нехорошего парня, арестованного пять недель назад федеральными органами.

Я молчал.

– Как ты это объяснишь? – спросил Долл.

Я ничего не ответил.

– Быть может, мне разрешат лично пришить тебя, – сказал он. – Я сделаю это с огромным удовольствием.

– Ты думаешь?

– Мне уже приходилось убивать, – произнес Долл таким тоном, будто хотел что-то доказать.

– Много?

– Достаточно.

Я снова выглянул в окно. Отпустил «глок» и достал руки из карманов. Пустые.

– Наверняка данные ОТС Нью-Йорка устарели, – сказал я. – Машина старая. Возможно, ее уже год как продали в другой штат. Ты проверил код аутентификации?

– Где?

– Он появляется на экране вверху справа. В нем указывается, насколько свежие данные. Я служил в военной полиции. В ОТС Нью-Йорка я лазил гораздо чаще, чем ты.

– Ненавижу военных полицейских, – бросил Долл.

Я следил за его пистолетом.

– Мне наплевать на твои пристрастия, – сказал я. – Я просто говорю тебе, что знаю, как работает эта система. И я сам допускал ту же ошибку. Причем не раз.

Долл помолчал.

– Чушь собачья, – наконец неуверенно произнес он.

Теперь уже я улыбнулся.

– Валяй, выставляй себя на посмешище. Мне на это наплевать.

Какой-то момент он колебался. Затем переложил пистолет из правой руки в левую и завозился с мышью. Водя курсором по экрану и щелкая клавишами, Долл старался следить за мной. Я шагнул к нему, делая вид, будто заинтересован тем, что появилось на экране. Долл вызвал поисковую страницу ОТС штата Нью-Йорк. Ввел по памяти номер «максимы». Нажал клавишу «Искать». Изображение на экране сменилось. Я снова переместился, словно собирался указать Доллу на его ошибку.

– Где? – спросил он.

– Вот здесь, – сказал я, показывая на монитор.

Но я показывал обеими руками и всеми десятью пальцами, и они не достигли экрана. Правая рука остановилась на шее Долла. Левая выбила пистолет из его левой руки. ПСМ упал на пол, издав именно такой звук, какой должен был издать фунт металла, ударившись о деревянный пол, покрытый линолеумом. Я не отрывал взгляда от окна. Бек и Дьюк по-прежнему стояли ко мне спиной. Обвив обеими руками шею Долла, я надавил что есть силы. Он вырывался как сумасшедший. Пытался ударить меня. Стул, на котором он сидел, опрокинулся. Я надавил сильнее, следя за окном. Бек и Дьюк стояли у машины спиной ко мне. Их дыхание вырывалось облачками пара. Долл вцепился ногтями мне в запястья. Я надавил еще сильнее. Тогда он сделал хитрый ход и, отпустив мои запястья, попытался вцепиться мне в глаза. Откинув его голову назад, я подсунул одну руку ему под подбородок, а вторую положил ладонью на скулу. Рывком вывернул подбородок вправо и пригнул голову вниз и влево, ломая ему шею.

Подняв стул, я поставил его перед столом. Подобрал пистолет Долла и вытащил обойму. Она была полной. Восемь похожих на маленькие бутылочки советских патронов калибра 5,45 мм. Они чем-то похожи на патроны 22-го калибра: пуля летит медленно, но обладает большой убойной силой. Советские подразделения специального назначения были очень довольны этим оружием. Я проверил патронник. Патрон был уже дослан. Я взглянул на предохранитель. Он был переведен в положение «огонь». Оставив пистолет взведенным, я убрал его в левый карман.

Затем я обшарил одежду Долла. У него в карманах было все то, что я и ожидал найти. Бумажник, сотовый телефон, большая связка ключей. Я оставил все на месте. Открыл заднюю дверь и выглянул на улицу. Бека и Дьюка скрывал угол здания. Я не видел их, они не могли видеть меня. Больше вокруг никого не было. Подойдя к «линкольну» Долла, я открыл водительскую дверь. Нащупал рычаг открывания багажника. Язычок тихо щелкнул, и крышка приподнялась на дюйм. Вернувшись в кабинку, я схватил труп за шиворот и вытащил на улицу. Полностью поднял крышку багажника и запихнул труп внутрь. Мягко захлопнул крышку и закрыл дверь. Взглянул на часы. Пять минут истекли. Процедуру вывоза мусора придется завершить как-нибудь потом. Я вернулся в стеклянную кабинку, прошел через кабинет, через контору и вышел на улицу. Услышав мои шаги, Бек и Дьюк обернулись. Похоже, Бек был очень недоволен задержкой. Мне захотелось узнать, почему же он в таком случае согласился ждать. Дьюк ежился от холода и зевал, его глаза слезились. Он выглядел именно так, как должен был выглядеть человек, не спавший в течение тридцати шести часов. Я решил, что для меня в этом обстоятельстве тройная выгода.

– Если хотите, машину поведу я, – предложил я.

Дьюк заколебался. Ничего не сказал.

– Вы же знаете, что я умею водить, – продолжал я. – Я и так по вашей милости сегодня весь день провел за рулем. Я выполнил все, что вы хотели. Долл это подтвердил.

Дьюк молчал.

– Это было еще одно испытание? – спросил я.

– Ты нашел жучок, – сказал он.

– А вы думали, я его не найду?

– Возможно, если бы ты его не нашел, то вел бы себя по-другому.

– С какой стати? Я хотел только поскорее вернуться сюда, живой и невредимый. Десять часов подряд я был у всех на виду. Для меня это был не подарок. Я рисковал гораздо больше вас, чем бы вы ни занимались.

Дьюк промолчал.

– Ладно, мое дело маленькое, – бросил я равнодушным тоном.

Поколебавшись мгновение, он шумно выдохнул и протянул мне ключи. Это была первая выгода. В передаче ключей есть что-то символичное. Демонстрация доверия, включение в круг избранных. Я переместился ближе к центру круга их деятельности. Стал уже не совсем посторонним.

А связка была большой. Кроме ключей от машины здесь были ключи от дома, ключи от конторы. Всего не меньше дюжины. Много металла. Осязаемый символ. Передача ключей происходила на глазах у Бека, но он не сказал по этому поводу ни слова. Просто развернулся и устроился на заднем сиденье. Дьюк плюхнулся спереди справа. Я сел за руль и завел двигатель. Поправил плащ так, чтобы оба пистолета в карманах лежали у меня на коленях. Я был готов воспользоваться одним из них, если только зазвонит сотовый телефон. С вероятностью пятьдесят на пятьдесят следующий звонок, который получат Бек или Дьюк, будет насчет обнаруженного тела Долла. Поэтому следующий звонок станет для них и последним. Я ничего не имел против вероятности один к шестистам и один к шести тысячам, но пятьдесят на пятьдесят было для меня слишком жирно.

Однако по дороге домой телефоны так и не зазвонили. Я вел машину аккуратно и спокойно, правильно находя все повороты. Свернув на восток, я направился к океану. Уже совсем стемнело. Выехав на мыс в форме ладони, я проехал по скалистому «пальцу» прямо к особняку. Стена была залита ярким светом. Колючая проволока блестела. Поли ждал нас у распахнутых ворот. Увидев меня за рулем, он сверкнул глазами. Не обращая на него внимания, я проехал по дорожке и остановился на кругу перед крыльцом. Бек сразу же вышел из машины. Дьюк тряхнул головой, сбрасывая дрему, и последовал за ним.

– Куда поставить машину? – окликнул его я.

– В гараж, осел, – бросил он. – Это с той стороны.

В этом была моя вторая выгода. Я получил возможность побыть пять минут наедине с собой.

Описав перед крыльцом полный круг, я поехал вдоль особняка на юг. Обособленное здание гаража стояло в небольшом дворике, обнесенном стеной. Вероятно, когда особняк только построили, здесь находились конюшни. Дворик был вымощен гранитным булыжником. Над крышей возвышался купол со щелями, чтобы давать выход запахам. Стойла для лошадей были объединены в четыре гаража. Кладовую для сена переоборудовали в жилое помещение. Я предположил, что здесь живет молчаливый механик.

Ворота левого гаража были распахнуты настежь. Внутри было пусто. Я загнал туда «кадиллак» и заглушил двигатель. В гараже было темно. На стенах висели полки, заставленные тем хламом, который есть в любом гараже. Канистры с маслом, бутылки из-под автокосметики. В углу на стопке старых ковров стоял электрический компрессор. Убрав ключи в карман, я вылез из машины. Прислушался к доносящимся из особняка звукам, пытаясь определить, не звонит ли телефон. Ничего. Подойдя к коврам, я перебрал их. Достал один небольшой, размером с полотенце

для рук. Потемневший от грязи и машинного масла. Я вытер им воображаемое пятно на переднем бампере «кадиллака». Оглянулся вокруг. Никого. Я завернул в коврик ПСМ Долла, «глок» Даффи и две запасные обоймы. Засунул сверток под плащ. Возможно, стоило попробовать пронести оружие в дом. Возможно. Я мог бы подойти к двери, недоуменно заморгать, услышав писк металлодетектора, и достать связку ключей. Показать их с таким видом, будто они все объясняли. Классический пример ошибочного срабатывания. Возможно, этот обман мне бы удался. Возможно. Все зависело бы от степени настороженности. Однако в любом случае вынести оружие из дома оказалось бы очень сложно. Если предположить, что никаких тревожных звонков не будет, я в следующий раз буду выходить из дома в обществе Дьюка или Бека, и нет никакой гарантии, что у меня снова будет большая связка ключей. Передо мной стоял выбор. Рискнуть или пойти по безопасному пути? Я решил пойти по безопасному пути и оставить оружие на улице.

Выйдя из дворика перед гаражом, я не спеша пошел к особняку. Остановился у угла забора. Постоял на месте и, повернув на девяносто градусов, направился вдоль стены к скалам, словно желая посмотреть на океан. Он по-прежнему оставался спокойным. С юго-востока небо затягивало темной маслянистой тучей. Вода казалась черной и бесконечно глубокой. Я долго смотрел на нее, а затем, быстро присев, сунул завернутые в коврик пистолеты в узкую щель у самой стены. Вокруг все заросло тощими сорняками. Для того чтобы случайно обнаружить мой клад, нужно было на него наступить.

Я вернулся назад, кутаясь в плащ, пытаясь изобразить из себя уставшего человека, урвавшего пару минут спокойствия. Стояла тишина. Морские птицы исчезли. Для них было уже слишком темно. Они попрятались по своим гнездам. Развернувшись, я направился к двери черного входа. Поднялся на крыльцо и прошел на кухню. Металлодетектор пискнул. Дьюк, механик и кухарка дружно посмотрели на меня. Я постоял, изображая недоумение, затем достал из кармана ключи. Показал их. Все отвернулись. Шагнув вперед, я бросил связку на стол перед Дьюком. Он даже не пошевельнулся, чтобы их взять.

Третья выгода усталости Дьюка медленно разворачивалась в течение всего ужина. Он едва держался на ногах. Не произнес ни слова. На кухне было жарко и душно, и мы ели блюда, которые уморили бы кого угодно. Нам подали жирный бульон, жаркое и картошку. В больших количествах. На тарелках высились горы. Кухарка работала как конвейер. А на столе стояла еще одна нетронутая порция. Быть может, у кого-то была привычка ужинать дважды.

Я ел быстро, прислушиваясь к телефонным звонкам. Я решил, что, пока будет звучать первый, я успею схватить ключи от машины и выскочить на улицу. До того как начнется второй, вскочу в «кадиллак». К третьему проеду половину дорожки. Я собирался выбить ворота. Раздавить Поли. Но телефон так и не зазвонил. Во всем особняке не было слышно никаких звуков, кроме жующих челюстей. Кофе не подали. Я уже начинал принимать это за личную обиду. Я люблю кофе. Вместо этого мне пришлось пить воду. Из крана над мойкой, пахнущую хлоркой. Когда я допивал второй стакан, из семейной гостиной вернулась горничная. Она подошла ко мне, неуклюже шагая в немодной обуви. Она очень стеснялась. Это была настоящая ирландка. Похоже, она приехала в Бостон прямиком из Коннемары и не смогла найти там работу.

– Мистер Бек хочет вас видеть, – сказала горничная.

Я второй раз слышал ее голос. В нем звучал ирландский акцент.

– Сейчас? – удивился я.

– Кажется, да, – подтвердила она.

Бек ждал меня в квадратной комнате с дубовым столом, в которой я играл в русскую рулетку.

– «Тойота» была из Хартфорда, штат Коннектикут, – сказал Бек. – Сегодня утром Энджел Долл проследил номер.

– Да, в Коннектикуте передних номеров нет, – сказал я, потому что мне нужно было что-то сказать.

– Нам известны владельцы, – продолжал он.

Наступило молчание. Я пристально смотрел на него. Мне потребовалась доля секунды на то, чтобы его понять.

– Откуда?

– У нас с ними деловые отношения.

– По части ковров?

– Тебя это не касается.

– Кто они?

– Это тебя тоже не касается.

Я промолчал.

– Но тут возникает одна проблема, – после паузы сказал Бек. – Те, кого ты описал, не являются владельцами машины.

– Вы уверены?

Он кивнул.

– Ты сказал, они были высокие и светловолосые. А «тойота» принадлежит испанцам. Смуглым и маленьким.

– Так кто были те, кого я видел? – спросил я, потому что должен был что-то спросить.

– Две возможности, – сказал Бек. – Во-первых, пикап могли угнать.

– Или?

– Во-вторых, мои знакомые набрали себе новых людей.

– Оба варианта вполне вероятны, – сказал я.

Бек покачал головой.

– Только не первый. Я попробовал связаться с этими людьми. Мне никто не ответил. Тогда я кое-кого поспрашивал. Они исчезли. Люди не исчезают только потому, что у них угоняют машину.

– Значит, они расширили свою команду.

Он кивнул.

– И решили куснуть руку, которая их кормит.

Я промолчал.

– Ты уверен, что у них были «узи»? – вдруг снова спросил Бек.

– На зрение я не жалуюсь.

– Не МП5К?

– Нет, – сказал я.

Никакого сходства. Даже отдаленного. МП5К – это короткий пистолет-пулемет, разработанный компанией «Хеклер и Кох» в начале семидесятых. У него две толстые рукоятки, отлитые из дорогой пластмассы. Он выглядит очень футуристически. Как киношный реквизит. Рядом с ним «узи» напоминает творение слепого, наспех сколоченное из подручных материалов в сарае.

– Никаких сомнений, – произнес я.

– А может быть, похитители действовали наугад? – спросил Бек.

– Вероятность этого один к миллиону.

Он снова кивнул.

– Значит, они объявили войну. И залегли. Прячутся.

– Почему?

– Понятия не имею.

Наступила тишина. Со стороны моря не доносилось ни звука. Волны накатывались и отступали бесшумно.

– Вы попытаетесь их найти? – спросил я.

– Можешь в этом не сомневаться.

Дьюк ждал меня на кухне. Он злился. Ему не терпелось проводить меня наверх и запереть на ночь. Я ничего не имел против. Запертая снаружи дверь является очень хорошим алиби.

– Завтра в шесть тридцать, – сказал Дьюк на прощание. – Снова на работу.

Прислушавшись, я дождался, пока не щелкнул замок и утихли его шаги. Затем занялся ботинком. Меня уже ждало сообщение. Оно было от Даффи: «Все в порядке?» Я набрал: «Оставь машину в миле от дома. Ключ на сиденье. Подъезжай тихо, без фар».

Я нажал «Отправить». Последовала небольшая пауза. Я предположил, что Даффи использует портативный компьютер. Представил себе, как она ждет в номере мотеля с включенным и загруженным компьютером. Сейчас у нее на экране появилось сообщение: «Внимание! Для вас почта!»

Даффи ответила: «Зачем? Когда?»

Я послал ей: «Не спрашивай. В полночь».

Последовала долгая пауза. Наконец Даффи прислала: «Хорошо».

Я послал: «Заберешь в шесть утра, тихо».

Она ответила: «Хорошо».

Я послал: «Бек знает владельцев «тойоты».

Через девяносто мучительных секунд пришел ответ: «Откуда?»

Я послал: «Деловые отношения».

Даффи спросила: «Уточнения?»

Я ответил: «Никаких».

Она ответила одним простым словом: «Черт!»

Я ждал. Даффи больше ничего не присылала. Вероятно, говорила с Элиотом. Я представил себе, как они сидят, не глядя друг на друга, и быстро говорят, пытаясь найти решение. Я послал вопрос: «Сколько человек вы взяли в Хартфорде?» Даффи ответила: «Всех, то есть троих». Я спросил: «Они говорят?» Она ответила: «Молчат глухо». Я спросил: «Адвокаты?» Она ответила: «Адвокатов нет».

Вести разговор подобным образом было непривычно. Однако это давало мне уйму времени подумать. Адвокаты были бы равносильны смерти. Бек легко мог бы связаться с адвокатами. Рано или поздно ему может прийти в голову поинтересоваться, не за решеткой ли его дружки.

Я послал: «Можете их изолировать?»

Она ответила: «Да, на два или три дня».

Я попросил: «Сделайте это».

Последовала долгая пауза. Затем Даффи спросила: «Что думает Бек?»

Я послал: «Что они объявили войну и залегли на дно».

Она спросила: «Что ты собираешься делать?»

Я ответил: «Точно не знаю».

Она прислала: «Машину оставим. Советую удрать на ней».

Я ответил: «Может быть».

Последовала новая долгая пауза. Затем Даффи прислала: «Выключи устройство, побереги батарейку». Я мысленно улыбнулся. Даффи была очень практичной женщиной.

В течение трех часов я лежал в кровати полностью одетый, прислушиваясь к телефонному звонку. Я его так и не услышал. Около полуночи я встал, закатал восточный ковер и, опустившись на пол, приложил ухо к дубовым половицам и вслушался. Это лучший способ уловить самые слабые звуки в здании. Я услышал шум отопительной системы. Услышал завывание ветра за окном. Океан был тих. В доме царила тишина. Это было прочное каменное строение. Ни шороха, ни потрескиваний. И никаких признаков человеческой деятельности. Я решил, что Дьюк спит как убитый. Это была третья выгода от его усталости. Меня тревожил он один. Он один был профессионалом.

Туго зашнуровав ботинки, я снял пиджак. На мне по-прежнему были черные джинсы и рубашка, которые дала мне горничная. Подняв окно

до конца, я сел на подоконник лицом к комнате. Посмотрел на пол. Вывернулся и посмотрел на улицу. На небе сияла узкая долька луны. И звезды. Поднимался ветер, гнавший облака с серебристыми каемками. Воздух был холодный и соленый. Океан дышал медленно и равномерно.

Свесив ноги в ночную темноту, я сместился вбок. Затем перевернулся на живот и начал шарить по стене ногами до тех пор, пока не нашел выступ в каменной кладке. Я оперся на него ногами, не отпуская подоконник, и вытащил свое тело на улицу. Одной рукой опустил раму так, чтобы осталась щель дюйма два шириной. Подался в сторону и нащупал водосточную трубу, отходящую от слива под крышей. Нашел ее в футе от окна. Это была жирная кованая чугунная труба диаметром дюймов шесть. Я ухватился за нее правой рукой. Труба показалась мне прочной. Но до нее было далеко. Я не могу похвастаться своей ловкостью. На Олимпийских играх я мог бы выступить в борьбе, боксе или тяжелой атлетике. Но не в гимнастике.

Отпустив трубу, я стал переступать по выступу в стене вправо. Протянул левую руку вдоль подоконника так, чтобы можно было крепко ухватиться за оконную раму. Вытянул правую руку. Обхватил водосточную трубу. Крашеный чугун на ощупь был холодный и влажный от росы. Я обвил трубу пальцами. Попробовал, крепкая ли хватка. Подался еще чуть вправо. Я был распят на стене. Уравновесив нагрузку на руки, я потянулся вперед. Сбросил ноги с выступа и обвил ими трубу. Снова потянулся вперед, отпустил подоконник и присоединил левую руку к правой. Теперь я держался за трубу обеими руками. Держался прочно. Мои ноги прижимались к стене. Задница висела в пятидесяти футах над скалами. Холодный ветер растрепал мне волосы.

Боксер, но не гимнаст. Я мог бы провисеть здесь всю ночь. Без проблем. Но я не знал, как спуститься вниз. Я напряг руки и прижался к стене. При этом сполз вниз дюймов на шесть. Опустил на такое же расстояние ноги. Перенес вес тела. Кажется, получилось. Я повторил то же самое. Пополз вниз, по шесть дюймов за один прием, вытирая по очереди ладони, мокрые от росы. Несмотря на холод, я взмок от пота. Правая рука болела после стычки с Поли. Я все еще находился в сорока пяти футах над землей. Я медленно полз вниз, дюйм за дюймом. Поравнялся со вторым этажом. Мое продвижение было очень медленным, но безопасным. Вот только каждые несколько секунд я прилагал к старой чугунной трубе нагрузку в двести пятьдесят фунтов. Вероятно, труба имела возраст лет сто. А чугун от времени ржавеет и трескается.

Труба шевелилась. Качалась, тряслась и дрожала. И была скользкой. Мне приходилось сплетать пальцы позади нее, чтобы ухватиться наверняка. Скоро я ободрал костяшки о каменную стену. Я полз вниз, по шесть дюймов за прием. Я выработал размеренный ритм. Я

подтягивался, сползал вниз, пытаясь погасить удар, выпрямляя руки, принимая всю силу плечами. Затем сгибался в талии, опускал ноги на шесть дюймов вниз, и все начиналось сначала. Я добрался до окон первого этажа. Здесь труба была прочнее. Возможно, она была вмонтирована в бетонное основание. Я пополз быстрее. Добрался до земли. Почувствовал под ногами твердую скалу и, облегченно вздохнув, отступил от стены. Вытер ладони о штаны и постоял неподвижно, прислушиваясь. Мне было так хорошо от сознания того, что я покинул пределы дома. Воздух был похож на бархат. Холодный. Бодрящий. Я ничего не услышал. В окнах не горел свет. Ощутив холод на зубах, я поймал себя на том, что улыбаюсь. Я взглянул на полную луну. Встряхнулся и бесшумно отправился за своим оружием.

Оно по-прежнему лежало завернутым в ковер в щели под стеной среди сорняков. ПСМ Долла я оставил на месте. Я предпочитал «глок». Развернув пистолет, я тщательно осмотрел его – по привычке. Семнадцать патронов в пистолете, по семнадцать в двух запасных обоймах. Пятьдесят один девятимиллиметровый патрон «Парабеллум». Если я израсходую один, вероятно, мне придется израсходовать все. К тому моменту, как патроны закончатся, кто-то одержит победу, а кто-то потерпит поражение. Убрав обоймы в карманы, я засунул пистолет за пояс и обошел сзади все здание гаража, чтобы предварительно издалека взглянуть на стену. Она по-прежнему была ярко освещена. Фонари бросали резкий голубоватый и злой свет, как на стадионе. Домик привратника купался в сиянии. Колючая проволока сверкала и искрилась. Свет, яркий как день, казался твердой преградой глубиной тридцать ярдов, за которой начиналась непроницаемая темнота. Ворота были заперты и скованы цепью. В целом это напоминало внешнюю стену тюрьмы девятнадцатого века. Или сумасшедшего дома.

Я рассматривал стену до тех пор, пока не придумал, как ее преодолеть, после чего направился на вымощенный брусчаткой дворик. В жилом помещении над гаражом было темно и тихо. Все ворота гаража были закрыты, но не заперты. Большие створки были из толстого дерева. Их установили еще тогда, когда никто и не думал угонять машины. Четыре пары створок, четыре отделения. В левом стоял «кадиллак». Там я уже побывал. Поэтому я осмотрел остальные, не спеша и без шума. Во втором отделении стоял еще один «линкольн таун кар», черный, такой же, как у Энджела Долла, такой же, как тот, в котором были телохранители. Машина была надраена до блеска; все двери были заперты.

В третьем гараже было совершенно пусто. Абсолютно ничего. Пол подметен. На маслянистых подтеках виднелись следы от метлы. Кое-где лежал ворс от ковров. Тот, кто убирал в гараже, его упустил. Ворс был короткий и жесткий.

В темноте я не смог разобрать окраску. Казался он серым. Выдернутым из джутовой основы. Для меня это совершенно ничего не значило. Поэтому я отправился дальше.

То, что мне было нужно, я нашел в четвертом гараже. Широко раскрыв ворота, я впустил внутрь достаточно лунного света для того, чтобы оглядеться. В этом отделении был запыленный старый «сааб», на котором ездила за покупками горничная. Машина стояла передом, вплотную к верстаку. Над верстаком в стене имелось маленькое грязное окошко. За ним серый лунный свет над океаном. Верстак был завален инструментом, а в углу к нему были прикручены тиски. Инструмент был старый. Деревянные рукоятки потемнели от времени и грязи. Я нашел шило. Это был просто заточенный стальной стержень, вставленный в рукоятку. Толстая рукоятка была выточена на токарном станке из дуба. Жало имело в длину дюйма два. Я вставил его на четверть дюйма в тиски. Туго закрутил губки. Надавил на рукоятку и аккуратно согнул жало под прямым углом. Освободил тиски, проверил свою работу и убрал шило в карман рубашки.

Затем я нашел долото. Оно было шириной полдюйма, с изящной ясеневой рукояткой. Долоту было лет семьдесят. Поискав, я нашел наждачный брусок и ржавую банку с жидкостью для заточки. Капнул несколько капель на брусок и размазал по всей поверхности кончиком долота. Поводил сталью туда-сюда так, чтобы она заблестела. Одной из школ, в которых мне пришлось учиться, было старомодное заведение на острове Гуам. Преподаватель труда заставлял всех мальчишек учиться работать разным инструментом, который в первую очередь требовалось затачивать. В последнем мы особенно преуспели. Это занятие нас очень интересовало. У мальчишек в нашем классе были самые острые ножи, какие мне только доводилось видеть. Перевернув долото, я занялся второй стороной. Кончик получился прямой и ровный. Похоже, долото было сделано из высококачественной питтсбургской стали. Я вытер его о джинсы. Не стал проверять кончик о палец. Мне не хотелось порезаться. Я понял, что долото острое как бритва, лишь взглянув на него.

Выйдя во дворик, я присел на корточки у стены и загрузил карманы. Долото нужно было мне на тот случай, если все пройдет тихо, а «глок» – если начнется шум. Затем я расставил приоритеты. Сначала дом. Вполне возможно, другого случая осмотреть его мне больше не представится.

Наружная дверь на кухню была заперта, но замок оказался примитивным. Простой механизм с тремя сувальдами. Вставив в замочную скважину согнутое жало шила, я, как ключом, нащупал сувальды. Они были большие, такие, что не ошибешься. На то, чтобы открыть дверь, мне потребовалось меньше минуты. Я остановился и прислушался. Мне не хотелось наткнуться на кухарку. Вдруг она

задержалась допоздна, чтобы приготовить праздничный пирог. А может быть, здесь торчит девчонка-ирландка. Однако на кухне царила полная тишина. Войдя внутрь, я опустился на корточки перед внутренней дверью. Такой же примитивный замок. Такая же непродолжительная задержка. Отступив на фут, я распахнул дверь. Почувствовал доносящиеся с кухни запахи. Снова прислушался. Помещение было холодным и пустынным. Я положил шило на пол. Рядом долото. Добавил «глок» и запасные обоймы. Металлодетектор не должен сработать. В ночной тишине его звук разнесется пожарной сиреной. Я протолкнул шило по полу, прижимая его к половицам. Поступил так же с долотом. Почти все бытовые металлодетекторы имеют у самого пола мертвую зону. Делается это потому, что в подошву дорогих мужских ботинок вставляется стальной стержень, обеспечивающий обуви прочность и гибкость. И металлодетекторы делаются с таким расчетом, чтобы не реагировать на ботинки. И это разумно, потому что в противном случае каждый раз, когда в дверь проходил бы мужчина в приличной обуви, звучал бы сигнал тревоги.

Я протолкнул в мертвую зону «глок», а затем по очереди обе обоймы. Затем встал и прошел сам. Закрыл дверь за собой. Подобрал свою экипировку и рассовал ее по карманам. Подумал о том, не разуться ли. Бесшумно красться в одних носках проще. Но в случае чего обувь может стать отличным оружием. Удар ногой в ботинке выводит противника из строя. Если же нога босая, можно сломать палец. А обуваться снова – процесс достаточно длительный. Если мне придется срочно выбираться отсюда, лучше не прыгать по скалам босиком. Лазать по стене без обуви тоже плохо. Я решил оставить ботинки на ногах, но ступать осторожно. Дом построен прочно. Можно рискнуть. Я принялся за работу.

Первым делом я осмотрел кухню в поисках фонаря. Ничего не нашел. В таких местах, расположенных в конце линий электропередач, перебои с энергией дело обычное, поэтому те, кто в них живет, всегда имеют что-то под рукой на всякий случай. Но у Беков, похоже, ничего не было. Мне пришлось довольствоваться коробком спичек. Я чиркнул одной. В свете дрожащего огонька поискал большую связку ключей, которую оставил на столе. Эти ключи мне бы очень помогли, однако их нигде не было. Ни на столе, ни на крючке у двери – нигде. Я не очень этому удивился. Если бы я нашел ключи, это было бы слишком большой удачей, чтобы можно было в нее поверить.

Задув спичку, я отыскал в темноте дорогу на лестницу в подвал. Осторожно спустился вниз и зажег еще одну спичку о ноготь большого пальца. Последовал вдоль сплетения проводов к коробке с предохранителями. На полке рядом лежал фонарь. Очень распространенная глупость. Если предохранитель вылетит, коробка будет конечной, а не отправной точкой пути.

Длинный и черный фонарь был похож на полицейскую дубинку. Внутри шесть батареек «Д». Мы пользовались такими в армии. Считается, что их невозможно сломать, но мы обнаружили, что все зависит от того, по чему ударять и с какой силой. Я зажег фонарь и задул спичку. Плюнул на обгорелый кончик и убрал ее в карман. Посветив фонарем, осмотрел коробку с предохранителями. За серой металлической дверцей находилось двадцать рубильников-автоматов. Ни один из них не был подписан «домик привратника». Должно быть, домик запитан отдельно, что разумно. Какой смысл тянуть провода до особняка, а затем отводить назад к воротам. Проще сделать отдельный отвод. Я нисколько не был удивлен, но все же ощутил смутное беспокойство. Как было бы хорошо иметь возможность отключить иллюминацию на стене! Пожав плечами, я закрыл коробку и направился осматривать те две запертые двери, что обнаружил утром.

Теперь они уже не были заперты. Перед тем как вступить в поединок с замком, первым делом необходимо проверить, заперт ли он. Нет ничего глупее, чем отпирать незапертый замок. Замки на этих дверях не были заперты. Обе двери открылись после легкого нажатия на ручку.

В первой комнате было совершенно пусто. Она представляла собой практически правильный куб со стороной футов восемь. Я поводил лучом фонаря. Гранитные стены, бетонный пол. Окон нет. Комната была похожа на кладовку. Она была безукоризненно чистой. На полу абсолютно ничего. Ни коврового ворса. Даже ни пылинки. Комната была подметена и пропылесосена, вероятно, сегодня днем. В ней было сыро и холодно. Именно так, как должно быть в каменном подвале. Я различил отчетливый запах пылесборника пылесоса. И кое-что еще. Едва различимый запах на самом пороге чувствительности. Он показался мне смутно знакомым. Насыщенный, чем-то напоминающий запах бумаги. Я должен был знать, что это такое. Встав посреди комнаты, я погасил фонарь. Закрыл глаза и, стоя в абсолютной темноте, постарался сосредоточиться. Запах исчез. Казалось, мои движения привели к возмущению молекул воздуха и та одна частица на миллиард, которая меня интересовала, растворилась в сыром холоде подземного гранитного мешка. Я старался изо всех сил, но тщетно. Так что в конце концов я сдался. Это как воспоминание. Гоняться за ним – значит его потерять. А у меня не было лишнего времени.

Включив фонарь, я вышел в коридор и тихо закрыл дверь. Постоял, прислушиваясь. Услышал, как работает котел отопления. И больше ничего. Я заглянул в другую комнату. Она тоже была пустой. Но только в том смысле, что в настоящий момент в ней никого не было. Однако здесь лежали различные вещи. Это была спальня.

Она была чуть более просторной, чем кладовка. Футов двенадцать на десять. Луч фонарика высветил гранитные стены и бетонный потолок.

Окна отсутствовали. На полу лежал тонкий матрас. На нем смятая простыня и старое одеяло. Подушки не было. В комнате было холодно. Я различил запах протухшей еды, старой косметики, сна, пота и страха.

Я тщательно обыскал комнату. В ней было грязно. Что-то заслуживающее внимания я нашел только тогда, когда отодвинул матрас. Под ним на бетонном полу было нацарапано одно слово: «ПРАВОСУДИЕ». Неровными, вытянутыми прописными буквами. Но смысл не вызывал сомнений. Надпись была очень выразительная. Под буквами были цифры. Шесть цифр, тремя группами по две. День, месяц, год. Вчерашнее число. Буквы и цифры были процарапаны глубже, чем это можно сделать булавкой, ногтем или кончиком ножниц. Я предположил, их нацарапали зубцом вилки. Положив матрас на место, я посмотрел на дверь. Дубовая, толстая и прочная. Изнутри замочной скважины нет. Это была не спальня, а тюремная камера.

Выйдя в коридор, я закрыл за собой дверь и снова постоял, вслушиваясь. Никаких звуков. Потратив еще пятнадцать минут на остальную часть подвала, я больше ничего не нашел, как и ожидал. В противном случае меня не оставили бы здесь одного сегодня утром. Поэтому я выключил фонарь и в кромешной темноте бесшумно поднялся по лестнице. Вернулся на кухню и нашел большой черный мешок для мусора. Еще мне было нужно полотенце. Лучшим, что я смог найти, оказался протертый квадрат льняной ткани, которым вытирали посуду. Аккуратно сложив оба предмета, я убрал их в карманы. Затем вернулся в коридор и отправился изучать те части дома, в которых я еще не бывал.

Выбор у меня был большой. Особняк представлял из себя настоящий лабиринт. Я начал с прихожей, через которую впервые попал в здание вчера днем. Большая дубовая дверь была плотно закрыта. Я обошел ее стороной, так как не знал, насколько чувствителен металлодетектор. Некоторые чувствуют на расстоянии фута. Пол из толстых дубовых половиц был застелен коврами. Я ступал осторожно, но на самом деле шум меня не беспокоил. Ковры, драпировка и деревянная обшивка стен должны были поглотить любые звуки.

Я обследовал весь первый этаж. Мое внимание привлекло лишь одно помещение. С севера от той комнаты, где я дважды встречался с Беком, была запертая дверь. Она находилась напротив обеденного зала для членов семьи. Это была единственная запертая дверь на этаже, следовательно, меня заинтересовала только эта комната. Большой бронзовый замок был изготовлен еще в те времена, когда мастер вкладывал в такие изделия гордость и тщеславие. Затейливые накладки были прикручены к дереву шурупами. За сто пятьдесят лет полировки головки шурупов оказались почти стерты. Вероятно, этот замок был здесь с того момента, как построили особняк. Наверное, какой-нибудь ремесленник из Портленда в девятнадцатом веке выточил его вручную в

промежутке между изготовлением корабельной оснастки. Мне потребовалось всего полторы секунды, чтобы открыть замок.

За дверью оказалось логово. Не кабинет, не офис, не спальня. Я дюйм за дюймом исследовал помещение лучом фонарика. Здесь не было ни телевизора, ни письменного стола, ни компьютера. Это была просто комната, обставленная в старинном стиле. Окна, занавешенные тяжелыми бархатными шторами. Массивное кресло, обтянутое красной кожей. Шкаф со стеклянными дверцами. И ковры. Они устилали пол в три слоя. Я взглянул на часы. Времени было уже почти час ночи. Я провел на свободе больше часа. Шагнув в комнату, я бесшумно прикрыл за собой дверь.

Шкаф имел в высоту почти шесть футов. Внизу были два ящика во всю ширину, над ними – закрытые стеклянные дверцы. За стеклом красовались пять пистолетов-пулеметов «томпсон». Классическое оружие гангстеров двадцатых годов, с дисковыми магазинами, какое можно увидеть на старых зернистых черно-белых фотографиях боевиков Аль Капоне. «Томпсоны» лежали поочередно левой и правой сторонами, на специально выточенных подставках из дорогих пород дерева. Они были одинаковые. И казались совершенно новыми. Они выглядели так, словно из них никогда не стреляли. И даже не трогали. Кресло стояло напротив шкафа. Больше в комнате не было ничего примечательного. Я уселся в кресло и задумался, какое удовольствие можно получить, разглядывая эти пять старых «масленок».

И вдруг я услышал шаги. Легкая поступь, наверху, прямо у меня над головой. Три шага, четыре, пять. Быстрые, осторожные шаги. И дело было не только в уважении к позднему часу. Кто-то действительно пытался ступать бесшумно. Я встал с кресла. Застыл. Выключил фонарь и переложил его в левую руку. Взял в правую долото. Послышался звук закрывшейся двери. После чего наступила тишина. Я прислушался, ловя малейшие звуки. Фон работающей системы отопления превратился в моих ушах в рев. Собственное дыхание было оглушительным. Но сверху не доносилось ни звука. Затем снова послышались шаги.

Они направлялись к лестнице. Я заперся изнутри. Опустился на колени, подцепил согнутым шилом сувальды – раз, два, – затем прислушался к скрипам на лестнице. Это был не Ричард. Двадцатилетние парни спускаются не так. В походке чувствовалась размеренная осторожность. Какая-то скованность. Спустившись вниз, неизвестный замедлил шаг и стал ступать тише. Затем шаги затихли в коридоре. Я представил себе, как кто-то стоит на толстом ковре, окруженный тяжелыми шторами и деревянной обивкой, оглядывается вокруг и прислушивается. Возможно, направляется в мою сторону. Я снова взял фонарь и долото. «Глок» оставался за поясом. Я не сомневался в том, что смогу проложить себе дорогу из особняка. Нисколько не сомневался. Но приблизиться к

предупрежденному Поли через несколько сотен ярдов открытого пространства в свете прожекторов стадиона будет непросто. А перестрелка навсегда покончит с моим пребыванием здесь. И Куин снова исчезнет.

Из коридора не доносилось ни звука. Лишь оглушительная тишина. Затем открылась входная дверь. Я различил позвякивание цепочки, щелчок язычка замка и чавкающий звук уплотнителя, отпускающего край двери. Через секунду дверь снова закрылась. Массивная дубовая створка ударилась о косяк, и я ощутил легкую дрожь, передавшуюся стенами дома. Металлодетектор промолчал. Тот, кто вышел в дверь – кем бы он ни был, – не имел при себе оружия. И даже ключей от машины.

Я стал ждать. Дьюк наверняка крепко спит. И он не из тех, кто доверяет. Вряд ли он стал бы разгуливать ночью без оружия. Как и Бек. Но и у того и у другого могло хватить ума просто открыть и закрыть дверь, оставаясь в коридоре, сделав вид, что он вышел на улицу. Хотя на самом деле он остался бы дома. И по-прежнему стоял прямо напротив двери в ту комнату, где я находился, держа пистолет наготове, уставившись в темноту, дожидаясь, когда я покажусь.

Я присел боком на красное кожаное кресло. Достал из-за пояса «глок» и направил его на дверь. Как только она приоткроется больше чем на девять миллиметров, я выстрелю. А до тех пор буду ждать. Ждать я умею. Если неизвестный надеялся взять меня измором, он не на того нарвался.

Но через час в коридоре продолжала царить абсолютная тишина. Никаких звуков. Там никого не было. Определенно, там не было Дьюка. Он уже давно бы заснул и свалился бы на пол. Там не было и Бека. Бек любитель. А для того, чтобы провести совершенно неподвижно и бесшумно целый час, требуется громадная выдержка. Значит, открывшаяся и закрывшаяся дверь не была ловушкой. Кто-то вышел без оружия в ночь.

Опустившись на колени, я снова завозился с шилом. Лег на пол, протянул руку и потянул на себя дверь, открывая ее. Осторожность. Если бы кто-то ждал меня за дверью, он сосредоточил бы взгляд на уровне головы. Я увидел бы этого человека раньше, чем он меня. Но меня никто не ждал. В коридоре было пусто. Поднявшись на ноги, я запер за собой дверь. Бесшумно спустился в подвал и положил фонарь на место. Ощупывая дорогу, поднялся обратно. Прокрался на кухню и протолкнул свое «железо» по полу на крыльцо. Запер за собой дверь, нагнулся, подобрал свое хозяйство и огляделся по сторонам. Не увидел ничего,

кроме пустынного серого мира освещенных лунным светом скал и океана.

Заперев за собой наружную дверь, я стал красться, прижимаясь к стене дома. Нырнул в черную тень и добрался до забора дворика. Отыскал щель, завернул в обрывок ковра долото и шило. Они порвут полиэтиленовый мешок для мусора. Я пошел вдоль забора к океану, собираясь спуститься к скалам прямо за гаражом, там, где меня не будет видно из особняка.

Я преодолел больше половины пути. И вдруг застыл.

На камнях сидела Элизабет Бек. На ней был белый махровый халат, накинутый поверх белой ночной рубашки. Она была похожа на привидение или ангела. Опустив локти на колени, Элизабет Бек сидела, уставившись в темноту на востоке, неподвижная, словно изваяние.

Я не шевелился. Нас разделяло не больше тридцати футов. Я был во всем черном, но если Элизабет Бек взглянет налево, она увидит мой силуэт на фоне горизонта. Поэтому я стоял неподвижно. Океан накатывал на скалы, негромко и лениво. Очень умиротворяющий звук. Гипнотизирующее движение. Элизабет Бек не отрывала взгляда от воды. Наверное, ей было холодно. Дул легкий ветерок, и было заметно, как он играет ее волосами.

Я начал дюйм за дюймом нагибаться вниз, словно намереваясь слиться со скалой. Подогнул колени, растопырил пальцы и опустился на четвереньки. Элизабет сделала движение. Просто озабоченно дернула головой, словно осененная какой-то мыслью. Посмотрела прямо на меня. Не выказала никакого удивления. Она смотрела на меня в упор, минута за минутой. Ее длинные пальцы были сплетены вместе. Бледное лицо освещалось лунным светом, отраженным от ряби на воде. Глаза были открыты, но она определенно ничего не видела. Или же я казался ей валуном или тенью.

Элизабет Бек просидела так минут десять, не отрывая от меня взгляда. Наконец поежилась от холода. Решительно отвернулась от меня, уставившись на море. Расплела пальцы, подняла руки и закинула волосы назад. Обратила лицо к небу. Медленно поднялась на ноги. Она была босиком. Элизабет Бек вздрогнула, словно замерзла или была чем-то опечалена. Раскинула руки в стороны, будто канатоходец, и шагнула в мою сторону. Острые камни впивались ей в ступни. Это не вызывало сомнений. Ей приходилось удерживать равновесие с помощью рук и ощупывать землю перед каждым шагом. Она прошла в ярде от меня, не оборачиваясь. Направилась прямо к дому. Я проводил ее взглядом. Ветер распахнул халат. Ночная рубашка облепила тело. Элизабет Бек скрылась за забором, которым был обнесен дворик. Прошло какое-то время, и я услышал, как открылась входная дверь.

Последовала крохотная пауза, затем раздался мягкий удар закрывшейся двери. Припав к земле, я перекатился на спину. Уставился на звезды.

Я лежал так очень долго. Наконец встал и, спотыкаясь о камни, преодолел последние пятьдесят футов до берега моря. Достал мешок для мусора, разделся и аккуратно сложил в него свои вещи. «Глок» и запасные обоймы завернул в рубашку. Засунул носки в ботинки и положил их сверху, прикрыв маленьким льняным полотенцем. Затем туго завязал мешок. Вошел в воду, таща мешок за собой.

Вода оказалась холодной. Я ожидал этого. Как-никак это было побережье Мэна, апрель месяц. Но вода была очень холодная. Ледяная. Мое тело горело, и в то же время члены немели. У меня перехватило дыхание. За считанные секунды я промерз до мозга костей. В пяти ярдах от берега у меня уже неудержимо клацали зубы, а соленая вода разъедала глаза.

Я заработал ногами, отплывая от берега на десять ярдов, так, чтобы мне стала видна стена, залитая ярким светом. Пройти сквозь нее я не мог. Перелезть через нее тоже не мог. Поэтому я вынужден был обойти стену. Без вариантов. Я начал рассуждать сам с собой. Мне нужно проплыть четверть мили. Я сильный, но не быстрый, к тому же мне придется тащить мешок, так что это займет минут десять. Максимум пятнадцать. И все. Никто не умирает, пробыв на холоде пятнадцать минут. Никто. И уж я точно не умру. Только не сегодня.

Борясь с холодом и волнением, я выработал своеобразный стиль плавания. Я тянул мешок левой рукой, делая десять ударов ногами. Затем перекладывал его в правую руку и снова работал ногами. Я ощущал слабое течение. Начинался прилив. Он мне помогал. Но и замораживал тоже. Он накатывался от самых Больших отмелей. Вода была холодной, как в Арктике. Моя кожа потеряла чувствительность. Дыхание с шумом вырывалось из груди. Сердце бешено колотилось. Я начал беспокоиться насчет переохлаждения. Вспомнил то, что читал о «Титанике». Те, кому не хватило места в шлюпках, умерли в течение часа.

Но я не собирался проводить в воде час. И айсбергов поблизости все же не было. Я упорно продвигался вперед. Поравнялся со стеной. Полоса света заканчивалась, не доходя до меня. Я был без одежды, бледный после зимы, но мне казалось, что я невидим. Я миновал стену. Полдороги позади. Я работал ногами. Поднял руку над водой, проверяя время. Я провел в воде уже шесть минут.

Мне пришлось плыть еще столько же. Я рассекал воду, толкая мешок перед собой. Оглянулся назад. Стена осталась далеко позади. Я повернул к берегу. Нащупал под ногами скользкие камни, покрытые

водорослями. Бросил мешок на песчаный берег. Выбрался из воды на четвереньках. Простоял так целую минуту, учащенно дыша и ежась от холода. У меня стучали зубы. Я развязал мешок. Достал полотенце. Принялся лихорадочно растираться. Мои руки стали синими. Одежда не хотела налезать на влажную кожу. Натянув ботинки, я убрал «глок». Сложил мокрый мешок и полотенце и сунул их в карман. Побежал, так как хотел согреться.

Я бежал почти десять минут, прежде чем нашел машину. Это был «таурус» пожилого агента, в лунном свете казавшийся серым. Он был развернут от дома, готовый к тому, чтобы ехать без промедления. Я в очередной раз отметил практичность Даффи. Улыбнулся. Ключ лежал на сиденье. Я завел двигатель и медленно поехал вперед. Не включал свет и не трогал педаль тормоза до тех пор, пока не выехал с мыса и не свернул на шоссе, ведущее в глубь материка. Только тогда я включил фары, включил печку на полную мощность и надавил на газ.

Через пятнадцать минут я уже был у доков Портленда. Я оставил «таурус» на тихой улочке в миле от склада Бека. Прошел остальную часть пути пешком. Приближался момент истины. Если труп Долла нашли, на складе сейчас творится столпотворение. В этом случае я бесследно исчезну, чтобы больше не возвращаться. В противном случае мне предстоит новая борьба.

Дорога заняла у меня почти двадцать минут. На складе никого не было. Ни полицейских, ни карет «скорой помощи», ни желтой ленты оцепления, ни судебно-медицинских экспертов. И никаких темных личностей в «линкольнах». Я обошел вокруг склада Бека, держась от него на порядочном удалении и следя за ним из переулков через промежутки между строениями. Во всех окнах конторы горел свет. Но так и было, когда я отсюда уходил. Машина Долла по-прежнему стояла у двери склада. Именно так, как стояла.

Я отошел от склада и приблизился к нему с другой стороны, оттуда, где не было ни одного окна. Достал «глок». Прижал его к ноге, чтобы оружие было незаметно. Машина Долла стояла ко мне передом. Слева от нее была дверь, ведущая в стеклянную кабинку на складе. За кабинкой была контора. Пройдя мимо машины, я упал на четвереньки и прополз под окном. Поднял голову и заглянул внутрь. Никого. Приемная также была пуста. Полная тишина. Выпустив задержанный вдох, я убрал пистолет. Вернулся к машине Долла. Открыл водительскую дверь и отпер багажник. Труп был на месте. Он никуда не делся. Я достал у него из кармана ключи. Захлопнул багажник и направился к двери в кабинку. Отыскал нужный ключ и запер дверь за собой.

Я был готов рискнуть пятнадцатью минутами. Пять я провел в стеклянной кабинке, пять в конторе, пять в приемной. Все, к чему я прикасался, я вытирал льняным полотенцем, чтобы не оставлять после себя отпечатков пальцев. Мне не удалось найти никаких следов Терезы Даниэль. Или Куина. Впрочем, здесь вообще не было никаких фамилий. И товар, и люди проходили под кодовыми названиями. Мне удалось достоверно установить только одно. «Большой базар» ежегодно продавал товара общим количеством несколько десятков тонн, нескольким сотням отдельных покупателей, на общую стоимость в несколько десятков миллионов долларов. Мне так и не удалось выяснить, что это был за товар и кто были эти покупатели. Цены можно было разделить на три группы: около пятидесяти долларов, около тысячи долларов и значительно более крупные. Никаких свидетельств того, что Бек пользовался услугами перевозчиков. Ни почты, ни служб доставки. Несомненно, товар развозился клиентам собственными силами. Однако из страхового полиса я узнал, что корпорации принадлежат только два грузовика.

Вернувшись в стеклянную кабинку на складе, я выключил компьютер. Прошел ко входной двери, выключая за собой свет и убеждаясь в том, что все остается в полном порядке. Проверил связку ключей Долла и нашел тот, который подходил к входной двери. Вернулся к коробке сигнализации.

Очевидно, Доллу доверяли закрывать помещение, из чего следовало, что он знал, как включать сигнализацию. Я был уверен, что время от времени это приходится делать и Дьюку. Как и Беку, несомненно. А также двум-трем клеркам. Итого огромная толпа народу. И у одного из них наверняка дырявая память. Я взглянул на доску объявлений рядом с коробкой. Перебрал записки, приколотые в три слоя. Внизу уведомления из мэрии о новых правилах парковки двухлетней давности были написаны четыре цифры. Я ввел их с клавиатуры. На коробочке замигала красная лампочка, послышался писк. Я улыбнулся. Этот способ никогда не подводит. Компьютерный пароль, номер незарегистрированного телефона, код системы сигнализации – это обязательно будет где-нибудь записано.

Я вышел через входную дверь и закрыл ее за собой. Писк прекратился. Я обошел здание и сел в «линкольн» Долла. Завел двигатель и уехал. Я оставил машину в гараже в центре города. Возможно, том самом, который был на снимках Сьюзен Даффи. Я вытер все, к чему прикасался, запер машину и положил ключ в карман. Подумал о том, чтобы поджечь ее. В баке было полно бензина, а у меня еще остались две сухие спички, захваченные на кухне. Поджигать машины – занятие захватывающее. К тому же это еще больше напугает Бека. Но в конце концов я просто ушел из гаража. Возможно, это было правильное

решение. Пройдут целые сутки, прежде чем кто-то обратит внимание на эту машину. Следующие сутки уйдут на то, чтобы решить, что с ней делать. Еще день полиция будет разбираться с этим делом. Выйдет по номерам «линкольна» на одну из компаний Бека. Машину заберут из гаража для дальнейшего расследования. Наверняка вскроют багажник, опасаясь террористов или из-за запаха, но к этому времени уже истекут другие сроки и меня уже не будет и в помине.

Я вернулся пешком к «таурусу», а затем проехал до особняка и оставил машину в миле от ворот. Ответил на любезность Даффи, развернувшись к шоссе. После этого проделал предыдущую процедуру в обратном порядке. Разделся на песчаном берегу и сложил вещи в мешок. Вошел в море. Мне совсем не хотелось это делать. Вода ничуть не стала теплее. Но прилив сменился отливом. Океан снова мне помогал. Я плыл те же самые двенадцать минут. Обогнул край стены и вылез на скалы за гаражом. Меня трясло от холода, зубы снова клацали. Но на душе у меня было приятно. Я как мог вытерся влажным полотенцем и быстро оделся, пока еще не замерз окончательно. Положил «глок», запасные обоймы и ключи Долла к ПСМ, долоту и шилу. Свернул мешок и полотенце и запихнул их под камень. Затем направился к своей водосточной трубе. Меня все еще била дрожь.

Подниматься оказалось проще, чем спускаться. Я перебирал руками по трубе и ногами по стене. Поравнявшись со своим окном, ухватился левой рукой за подоконник. Бросил ноги на каменный уступ. Перекинул правую руку и толкнул створку окна вверх. Как мог бесшумно подтянулся и забрался в комнату.

В комнате было холодно. Окно оставалось открытым несколько часов. Я плотно закрыл его, затем разделся. Моя одежда была влажной. Развесив ее на батарее, я пошел в ванную. Долго стоял под горячим душем. Заперся в туалете вместе с ботинками. Было уже шесть часов утра. Как раз сейчас забирают «таурус». Вероятно, это поручили Элиоту и пожилому агенту. Наверное, Даффи осталась в мотеле. Достав устройство электронной почты, я отправил вопрос: «Даффи?» Через девяносто секунд пришел ответ: «Я здесь. Ты как?» Я послал: «Отлично. Проверь эти имена, где только сможешь, в том числе через Пауэлла из ВП: Энджел Долл, его возможный знакомый Поли, возможно, оба служили в армии».

Даффи прислала: «Сделаю».

Затем я послал ей вопрос, который не давал мне покоя уже пять с половиной часов: «Настоящая фамилия Терезы Даниэль?»

Последовала обычная полутораминутная пауза, после чего Даффи ответила: «Тереза Джастис»[5].

Глава 06

Ложиться спать не было никакого смысла, поэтому я просто встал у окна и наблюдал за рассветом. Он не заставил себя ждать. Вскоре солнце поднялось над морем. Воздух был чистым и прозрачным. Видимость составляла миль пятьдесят. Я долго следил за полярной крачкой, прилетевшей с севера. Она низко кружила над берегом, огибая скалы. Я решил, что птица выбирает место для гнезда. Низко висящее над горизонтом солнце отбрасывало от крачки огромную тень, словно от стервятника. Наконец крачке надоело искать укрытие, и она, сделав круг, отвесно упала прямо в океан. Прошло какое-то время, прежде чем крачка, вынырнув, снова взмыла вверх, роняя серебристые капли ледяной воды. У нее в клюве ничего не было. Однако выглядела она достаточно счастливой. Наверное, птица приспособилась к жизни в этих краях лучше меня.

После того как крачка улетела, больше смотреть было не на что. Где-то далеко кружили несколько чаек. Прищурившись, я попытался разглядеть на залитой солнцем водной глади китов или дельфинов, но ничего не увидел. Водовороты носили по поверхности моря кучи водорослей. В пятнадцать минут седьмого в коридоре послышались шаги Дьюка, затем щелкнул замок в моей двери. Дьюк не стал заходить ко мне. Он опять просто ушел. Повернувшись к двери, я глубоко вздохнул. День номер тринадцать, четверг. Возможно, было бы лучше, если бы тринадцатый день выпал на пятницу. Хотя вряд ли. Так или иначе, нужно было двигаться вперед. Еще раз вздохнув, я вышел из комнаты и направился вниз по лестнице.

Все было совсем не так, как вчера. Дьюк был свеж и полон сил, а я валился с ног от усталости. Поли отсутствовал. Я спустился в подвал в спортивный зал, но там никого не было. Дьюк не остался на завтрак. Он куда-то исчез. Зато на кухню спустился Ричард Бек. За столом за завтраком сидели только мы с ним. Механика не было. Кухарка возилась у плиты. Ирландка ходила в гостиную и обратно. Она двигалась быстро. В воздухе висело напряжение. Что-то должно было произойти.

– Прибывает большая партия товара, – заметил Ричард. – Так бывает всегда. Все радуются деньгам, которые заработают.

– Ты возвращаешься в колледж? – спросил я.

– В воскресенье, – ответил он, похоже нисколько не переживая по этому поводу.

А вот мне было о чем беспокоиться. До воскресенья осталось всего три дня. Это будет пятый день моего пребывания здесь. Последний срок. Что бы ни случилось, это случится до воскресенья. А значит, мальчишка попадет под перекрестный огонь.

– Ты ничего не имеешь против? – спросил я.

– Против того, чтобы вернуться?

Я кивнул:

– После того, что произошло.

– Теперь нам известно, кто стоит за этим, – сказал Ричард. – Какие-то ослы из Коннектикута. Больше это не повторится.

– Ты в этом так уверен?

Он посмотрел на меня как на недоумка.

– Моему отцу постоянно приходится иметь дело с подобной дрянью. А если к воскресенью все не уладится, я просто останусь здесь.

– Твой отец ведет дело один? Или у него есть партнер?

– Один, – улыбнулся Ричард.

Его двойственное отношение исчезло. Он радовался тому, что находится дома, окруженный спокойствием и уютом, и гордился своим отцом. Весь его мир сжался до полуакра голого уединенного гранита, ограниченного беспокойным морем и высокой каменной стеной с колючей проволокой наверху.

– Не думаю, что ты действительно убил того фараона, – вдруг сказал Ричард.

В кухне наступила полная тишина. Я молча уставился на него.

– По-моему, ты его только ранил, – продолжил Ричард. – По крайней мере, я очень на это надеюсь. Знаешь, быть может, он сейчас поправляется. Лежит в больнице. Вот как я стараюсь думать. Ты должен попробовать делать то же самое. Пытайся искать светлые стороны. Так лучше. Тогда можно найти добро без худа.

– Не знаю, – сказал я.

– Тогда делай вид, – не сдавался он. – Пытайся мыслить позитивно. Повторяй себе: «Я сделал доброе дело, и никакой обратной стороны».

– Твой отец связывался с полицейским участком, – сказал я. – Похоже, места для сомнений не осталось.

– Тогда просто делай вид, – повторил Ричард. – Лично я так и поступаю. Если не вспоминать о плохом, значит, на самом деле его не было.

Отставив тарелку, он поднес руку к левой стороне головы. Широко улыбнулся, однако его подсознание именно сейчас как раз вспоминало плохое. В самых ярких красках.

– Ладно, – согласился я. – Я просто его задел.

– Сквозное ранение, – подхватил Ричард. – Пустяки.

Я промолчал.

– Пуля ничего не зацепила, – гнул свое Ричард. – Это было просто чудо.

Я кивнул. Действительно, это могло быть только чудом. Если попасть человеку в грудь пулей 44-го калибра «магнум» с мягким наконечником, дыра будет размером со штат Род-Айленд. Смерть, как правило, последует мгновенно. Сердце сразу же остановится, в основном потому, что от него просто ничего не останется. Я решил, что мальчишке еще никогда не приходилось видеть смерть. Затем я подумал, что он, может быть, уже видел ее. Но увиденное ему совсем не понравилось.

– Позитивное мышление, – повторил Ричард. – Вот ключ. Просто будем считать, что полицейский сейчас находится в тепле и уюте и дело идет на поправку.

– Какой товар сегодня привозят? – спросил я.

– Вероятно, подделки, – ответил он. – Из Пакистана. Там для нас готовят персидские ковры двухсотлетней давности. Люди такие болваны.

– Неужели?

Внимательно посмотрев на меня, Ричард кивнул.

– Они видят то, что хотят увидеть.

– Вот как?

– И это происходит постоянно.

Я отвел взгляд. Кофе не было. Через какое-то время понимаешь, что к кофеину вырабатывается зависимость. Я испытывал раздражение. И усталость.

– Чем ты занимаешься сегодня? – спросил Ричард.

– Пока что не знаю.

– А я буду читать. Быть может, прогуляюсь немного. Пройдусь вдоль берега, посмотрю, что выбросило ночью.

– Море что-нибудь выбрасывает?

– Иногда. Понимаешь, то, что падает в воду с лодок.

Я пристально посмотрел на него. Неужели он пытается что-то мне сказать? Мне приходилось слышать о том, что контрабандисты кидают в море тюки с марихуаной, которые выбрасывает на берег в безлюдных местах. Возможно, то же самое можно делать и с героином. Неужели Ричард пытается что-то мне сказать? Или он меня предостерегает? А что, если ему известно о припрятанном свертке с железом? И что он плел про «убитого» полицейского? Это была просто психологическая бредятина? Или же Ричард играет со мной?

– Но это бывает в основном летом, – продолжал он. – Сейчас еще слишком холодно, чтобы лодки выходили в море. Так что, наверное, я останусь дома. Порисую.

– Ты рисуешь?

– Я же учусь в художественном колледже, – сказал он. – Я говорил об этом.

Я кивнул и уставился в затылок кухарке, словно мог телепатическим внушением заставить ее приготовить мне кофе. Тут на кухню вошел Дьюк. Он подошел к тому месту, где сидел я. Положил одну руку на спинку моего стула, а другой оперся на стол. Нагнулся, словно собирался вести конфиденциальный разговор.

– Сегодня тебе повезло, осел, – сказал он.

Я промолчал.

– Ты будешь возить миссис Бек, – пояснил Дьюк. – Она собирается отправиться за покупками.

– Куда?

– Ты повезешь ее туда, куда она скажет.

– Это на весь день?

– Лучше, если будет так.

Я кивнул. «Не доверяй незнакомцам в день доставки товара».

– Возьми «кадиллак». – Дьюк бросил ключи на стол. – Позаботься о том, чтобы миссис Бек не спешила вернуться назад.

«А может быть, не доверяй миссис Бек в день доставки товара».

– Хорошо.

– Тебе это очень понравится, – пообещал Дьюк. – Особенно первая часть. Я до сих пор каждый раз получаю массу удовольствия.

Я понятия не имел, о чем он, и у меня не было времени строить догадки на этот счет. Я просто сидел, уставившись на пустой кофейник. Дьюк вышел с кухни, и через какое-то время послышалось, как открылась и закрылась входная дверь. Металлодетектор пискнул дважды. Дьюк и Бек, ключи и оружие. Ричард встал из-за стола и вышел, и мы остались вдвоем с кухаркой.

– У вас есть кофе? – спросил я.

– Нет.

Я сидел на кухне до тех пор, пока до меня вдруг не дошло, что прилежный шофер должен быть всегда наготове. Я встал и вышел через заднюю дверь. Металлодетектор вежливо пискнул на ключи. Прилив был в самом разгаре. Воздух был свежий и прохладный. В нем чувствовался запах соли и водорослей. Ветер утих, и был слышен шум прибоя. Подойдя к гаражу, я завел «кадиллак» и сдал задом. Подъехал к кругу перед крыльцом и стал ждать, не глуша двигатель и включив отопитель. Машина была обращена передом на северо-восток, и на горизонте виднелись крохотные корабли, направлявшиеся в Портленд и из него. Они невыносимо медленно ползли вдоль той линии, где небо встречается с водой, наполовину скрытые из виду. У меня мелькнула мысль, не везет ли один из них товар для Бека. А может быть, корабль уже в порту, стоит у причала в ожидании разгрузки. А сотрудник таможни проходит мимо него к следующему кораблю, даже не поворачивая голову, с пачкой новых хрустящих купюр в кармане.

Через десять минут из дома вышла Элизабет Бек. На ней была шерстяная клетчатая юбка по колено и тонкий белый свитер с накинутым сверху шерстяным пальто. Ее ноги были голые, без колготок. Волосы были зачесаны назад и перехвачены резинкой. Казалось, ей было холодно. Но при этом она выглядела настороженной, непокорной и обреченной. С таким видом поднимается на эшафот знатная дворянка. Я решил, Элизабет Бек привыкла к тому, что ее возит Дьюк. И сейчас, наверное, ее беспокоило то, что ей придется ездить с человеком, убившим полицейского. Я вышел из машины и предупредительно открыл перед миссис Бек заднюю дверь. Она решительно прошла мимо.

– Я поеду спереди.

Она устроилась на место рядом с водителем. Я сел за руль.

– Куда? – вежливо поинтересовался я.

Она отвернулась к окну.

– Поговорим об этом, когда выедем за ворота.

Ворота были закрыты, и перед ними стоял Поли. Он казался еще более огромным. Плечи и руки бугрились мышцами, словно под пиджак запихнули баскетбольные мячи. Лицо его раскраснелось от холода. Поли ждал нас. Я остановился в шести футах от него. Он даже не двинулся в сторону ворот. Я смотрел сквозь него. Не обращая на меня внимания, Поли подошел к окну Элизабет Бек. Улыбнулся, постучал по стеклу костяшками пальцев и махнул рукой. Она смотрела прямо перед собой, делая вид, что не замечает его. Поли снова постучал по стеклу. Элизабет Бек повернулась. Он поднял брови. Снова махнул рукой. Ее буквально передернуло. От этого движения машина закачалась на рессорах. Элизабет Бек уставилась на свои ногти. Затем положила руку на дверь и нажала кнопку опускания стекла. Поли присел, держась правой рукой за дверь.

– Доброе утро, – сказал он.

Наклонившись в салон, он провел указательным пальцем по щеке Элизабет Бек. Та не шелохнулась. Продолжала сидеть, уставившись перед собой. Поли поправил ей выбившийся локон.

– Мне очень понравилась наша поездка вчера вечером, – сказал Поли.

Элизабет Бек снова передернуло, словно она ужасно замерзла. Поли уронил руку ей на грудь. Обхватил ее. Стиснул. Элизабет Бек сидела совершенно неподвижно. Я нажал кнопку стеклоподъемника. Стекло с жужжанием поползло вверх. Наткнулось на огромную лапищу Поли, сработал защитный механизм, и стекло стало опускаться. Открыв дверь, я вышел из машины. Обошел вокруг капота. Поли по-прежнему стоял пригнувшись. Его рука по-прежнему была в машине. Она опустилась чуть ниже.

– Отойди, – бросил Поли, не оглядываясь на меня.

Я чувствовал себя дровосеком, которому предстояло иметь дело с огромной секвойей, не имея ни топора, ни бензопилы. С чего начать? Я лягнул Поли по почкам. От удара такой силы футбольный мяч улетел бы через трибуны стадиона до самой автостоянки. И свалил бы там фонарный столб. Для большинства людей такого удара хватило бы, чтобы отправить их в больницу. Кое для кого он стал бы смертельным. Но на Поли мой удар произвел такое же впечатление, как и дружеское похлопывание по плечу. Поли даже не издал ни звука. Он просто положил руки на дверь и медленно распрямился. Повернулся ко мне лицом.

– Успокойся, офицер, – сказал он. – Я просто по утрам так здороваюсь с дамой.

Затем он отошел от машины, повернулся ко мне спиной и отпер ворота. Я следил за каждым его движением. Поли сохранял полное спокойствие. Казалось, я к нему даже не притронулся. Я стоял не шелохнувшись, давая возможность схлынуть адреналину. Затем посмотрел на машину. На багажник, на капот. Обойти вокруг багажника будет означать: «Я тебя боюсь». Поэтому я обошел вокруг капота, позаботившись, однако, о том, чтобы Поли никак не смог до меня дотянуться. У меня не было ни малейшего желания обеспечивать работой на шесть месяцев какого-нибудь хирурга, которому пришлось бы восстанавливать кости моего лица. Ближе пяти футов я к Поли не подходил. Он даже не двинулся в мою сторону. Просто распахнул ворота настежь и вежливо отошел в сторону, пропуская нас.

– Об этом ударе мы поговорим позже, хорошо? – окликнул он меня.

Я ничего не ответил.

– И не пойми превратно, офицер, – сказал Поли. – Даме это нравится.

Я сел в машину. Элизабет Бек подняла свое стекло. Она смотрела прямо перед собой, бледная, молчаливая и униженная. Я выехал в ворота. Направился на запад, следя за Поли в зеркало. Он закрыл ворота и вернулся в домик привратника. Скрылся из виду.

– Сожалею, что вам пришлось стать свидетелем всего этого, – тихо промолвила Элизабет Бек.

Я промолчал.

– И спасибо за то, что вмешались, – продолжала она. – Но это бесполезно. Боюсь, вы навлекли на себя массу неприятностей. Поли и так уже ненавидит вас. И нельзя сказать, что в своих поступках он всегда руководствуется здравым смыслом.

Я молчал.

– Разумеется, это все показное, – помолчав, снова заговорила Элизабет Бек. Казалось, она не обращается ко мне, а пытается убедить себя. – Это была лишь демонстрация силы. И больше ничего. Никакого секса за этим не стоит. Поли на это неспособен. Полагаю, во всем виноват избыток стероидов. Он меня только лапает.

Я молчал.

– Поли заставляет меня раздеваться. Расхаживать перед ним обнаженной. Он меня лапает. Но никакого секса нет. Поли импотент.

Я молчал. Медленно вел машину вперед, повторяя изгибы шоссе.

– Обычно это продолжается около часа, – сказала Элизабет Бек.

– Вы говорили об этом мужу? – спросил я.

– А что он сможет поделать?

– Выгнать мерзавца.

– Это невозможно.

– Почему?

– Потому что Поли работает не на моего мужа.

Я посмотрел на нее. Вспомнил, как сам предлагал Дьюку: «Тогда избавься от него». На что тот ответил: «Это не так-то просто».

– А на кого он работает? – спросил я.

– На другого человека.

– На кого?

Элизабет Бек покачала головой.

– Я не могу противиться тому, что требуют от меня, как и мой муж не может противиться тому, что требуют от него. Понимаете, никто ничему не может противиться. Вот в чем дело. И вы тоже лишены права голоса. Дьюку, разумеется, и в голову не придет выступать против. Он животное.

Я ничего не сказал.

– Мне остается только благодарить Господа за то, что Он дал мне сына, а не дочь.

Я молчал.

– Вчера ночью было совсем плохо, – сказала она. – Я надеялась, что он наконец оставит меня в покое. Теперь, когда я стала старой.

Я снова мельком взглянул на нее. Не нашелся что сказать.

– Вчера был мой день рождения, – напомнила Элизабет Бек. – Это был подарок Поли.

Я молчал.

– Мне исполнилось пятьдесят. Наверное, никому не доставит удовольствия глазеть на пятидесятилетнюю старуху, разгуливающую по комнате голой.

Я не знал, что ответить.

– Но я держу себя в форме, – продолжала она. – Когда никого нет, я занимаюсь в тренажерном зале.

Я молчал.

– Он связывается со мной по пейджеру, – сказала Элизабет Бек. – Я вынуждена постоянно носить с собой пейджер. Вчера он загудел среди ночи. И я должна была встать и пойти к Поли. Если бы я заставила его ждать, было бы еще хуже.

Я молчал.

– Вы меня увидели как раз тогда, когда я возвращалась от него. Там, на скалах.

Я свернул на обочину. Плавно затормозил. Перевел переключатель передач на парковку.

– Я думаю, вы работаете на правительство, – сказала Элизабет Бек.

Я покачал головой.

– Вы ошибаетесь. Я обычный человек с улицы.

– В таком случае я разочарована.

– Я просто человек с улицы, – повторил я.

Она промолчала.

– Не надо говорить мне такие вещи, – сказал я. – Я и так уже порядочно вляпался.

– Да, – подтвердила она. – Вас убьют.

– Ну, по крайней мере, попытаются, – согласился я. Помолчал. – Вы поделились своими подозрениями?

– Нет.

– И не надо. К тому же вы все равно ошиблись.

Она молчала.

– Будет сражение, – сказал я. – За мной придут, но я не сдамся без боя. Кто-то пострадает. Возможно, Ричард.

Элизабет Бек пристально посмотрела на меня.

– Вы собираетесь торговаться со мной?

Я снова покачал головой.

– Я вас предупреждаю. Сам я буду победителем.

Она горько усмехнулась.

– Вы даже не представляете себе, что завязли с головой. Вам необходимо немедленно бежать отсюда.

– Я просто человек с улицы, – сказал я. – Мне нечего скрывать.

Налетевший порыв ветра качнул машину. Вокруг нас были только гранит и деревья. В радиусе нескольких миль не было ни единой души.

– Мой муж преступник, – помолчав, сказала Элизабет Бек.

– Я уже догадался, – согласился я.

– Он очень жестокий человек, – продолжала она. – И безжалостный.

– Но он не сам себе хозяин, – заметил я.

– Да, – подтвердила она. – Вы правы. И он буквально трясется перед тем, кто его хозяин.

Я промолчал.

– Знаете, есть такое выражение: «Почему несчастье свалилось на хорошего человека?» Но в случае моего мужа несчастье свалилось на плохого человека. В этом есть своеобразная ирония, вы не находите? Вот только речь идет о *настоящем* несчастье.

– Кому принадлежит Дьюк?

– Моему мужу, – сказала она. – Но Дьюк такой же плохой, как и Поли, только по-своему. Я бы не хотела выбирать между ними. Дьюк служил в полиции, в федеральном агентстве, но преступил закон. На его руках человеческая кровь. Он сидел в тюрьме.

– Он единственный?

– Кому платит мой муж? Ну, были еще два телохранителя. Они подчинялись ему. По крайней мере, хотя бы формально. Но они были убиты. Перед колледжем. Людьми из Коннектикута. Так что теперь остался один Дьюк. Кроме механика, разумеется. Но тот занимается чисто техническими вопросами.

– А сколько человек у того, другого типа?

– Точно не могу сказать. Они приходят и уходят.

– Что именно импортирует фирма?

Элизабет Бек отвернулась.

– Раз вы не работаете на правительство, полагаю, вас это не должно интересовать.

Я проследил за ее взглядом, устремленным на отдаленные деревья. «Думай, Ричер!» Возможно, это сложная многоходовая игра, задача которой состоит в том, чтобы вывести меня на чистую воду. И в этом случае, вероятно, в ней задействованы все. Рука привратника на груди жены – для Бека слишком маленькая цена за жизненно важную информацию. А я готов был поверить в сложную многоходовую игру. В конце концов, именно этим занимался я сам.

– Я не работаю на правительство, – сказал я.

– Что ж, в таком случае я разочарована, – повторила Элизабет Бек.

Я включил передачу, не снимая ноги с педали тормоза.

– Куда? – спросил я.

– Как вы думаете, черт побери, неужели меня волнует, куда мы поедем?

– Вы не хотите кофе?

– Кофе? – переспросила она. – Хочу. Поехали на юг. Давайте сегодня держаться подальше от Портленда.

Не доезжая мили до автострады I-95, я свернул на магистраль номер один и поехал на юг. Дорога была очень приятная, какими раньше были все дороги. Мы проехали через местечко под названием Олд-Орчард-Бич. Аккуратные тротуары были вымощены булыжником, а уличные фонари сохранились с Викторианской эпохи. Дорожные знаки показывали, что слева пляж. Повсюду висели выцветшие французские флаги. Я предположил, что в недавнем прошлом франко-канадцы из Квебека проводили здесь отпуск, но дешевые авиабилеты во Флориду и на острова Карибского моря изменили их вкусы.

– Почему вчера ночью вы выходили из дома? – спросила Элизабет Бек.

Я промолчал.

– Вы не можете это отрицать, – настаивала она. – Вы решили, что я вас не заметила?

– Вы никак не отреагировали, – сказал я.

– Я находилась в настроении для общения с Поли, – сказала она. – Я приучила себя ни на что не реагировать.

Я ничего не ответил.

– Ваша комната была заперта, – заметила Элизабет Бек.

– Я вылез из окна. Мне не нравится, когда меня запирают.

– И чем вы занимались на улице?

– Прогулялся. Я полагал, вы вышли для того же.

– А потом забрались обратно к себе?

Я молча кивнул.

– Стена представляла для вас главную проблему, – задумчиво произнесла она. – Она ярко освещена, сверху по ней проходит колючая проволока, но это еще не все. На земле расставлены чувствительные датчики. Поли узнал бы о вашем приближении еще за тридцать ярдов.

– Я просто хотел подышать свежим воздухом, – сказал я.

– Под дорожкой датчиков нет, – продолжала Элизабет Бек. – Не удалось найти такие, которые работали бы сквозь слой асфальта. Но на домике привратника установлена видеокамера наблюдения. А на самих воротах сигнализация, реагирующая на движение. Вы знаете, что такое НСВ?

– Советский крупнокалиберный пулемет, устанавливается на танках, – сказал я.

– У Поли как раз такой, – подтвердила она. – Стоит у боковой двери. Поли приказано открывать огонь, если только сработает сигнализация.

Я сделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух. НСВ имеет ствол больше пяти футов длиной и весит почти пятьдесят пять фунтов. Он стреляет пулями четыре с половиной дюйма длиной и калибром полдюйма. Выпускает их со скорострельностью двенадцать штук в секунду. Предохранителя у пулемета нет. При мысли о сочетании Поли и НСВ меня мороз по коже пробрал.

– Но я думаю, вы плыли, – помолчав, сказала Элизабет Бек. – От вашей рубашки пахнет морем. Запах очень слабый. Судя по всему, вы не слишком тщательно вытерлись, когда вернулись назад.

Мы проехали мимо знака, сообщающего о том, что впереди находится городок Сако. Я свернул на обочину и снова остановился. Мимо нас с ревом проносились машины.

– Вам невероятно повезло, – снова заговорила Элизабет Бек. – Вдоль всего берега проходит сильное подводное течение. Но насколько я понимаю, вы вошли в воду за гаражом. В этом случае вы разминулись с быстриной меньше чем в десяти футах.

– Я не работаю на правительство, – повторил я.

– Вот как?

– Вам не кажется, что вы чертовски рискуете? – спросил я. – Давайте предположим: я не совсем тот, за кого себя выдаю. Я это говорю только для того, чтобы поддержать спор. Скажем, например, что я из конкурирующей организации. Теперь вы понимаете, на какой риск пошли? Как вы думаете, в этом случае вы вернетесь домой живой? После таких высказываний?

Элизабет Бек отвернулась.

– В таком случае будем считать, что это тест, – сказала она. – Если вы работаете на правительство, вы не станете меня убивать. Если не работаете – убьете.

– Я простой человек с улицы, – сказал я. – А вы втягиваете меня в беду.

– Давайте поищем, где здесь можно выпить кофе, – сказала Элизабет Бек. – Сако – очень милый городок. Когда-то здесь жили все хозяева окрестных мельниц.

В конце концов мы устроились на островке посреди реки Сако. На островке стояло огромное кирпичное здание, в котором когда-то давным-давно была мельница. Сейчас здание облагородили, превратив в сотню контор и магазинчиков. Мы отыскали заведение из стекла и хромированной стали с вывеской по-французски: «Café Café». Не слишком оригинальное название. Неудачная попытка игры слов. Однако доносящийся из кафе запах оправдал долгие поиски. Не обращая внимания на кофе с молоком и капуччино со специями, я заказал обычный черный кофе, и побольше. Затем вопросительно взглянул на Элизабет Бек. Та покачала головой.

– Оставайтесь здесь, – сказала она. – Я все же решила пройтись по магазинам. Одна. Встречаемся здесь же через четыре часа.

Я промолчал.

– Мне не нужно спрашивать у вас разрешение, – нетерпеливо продолжала она. – Вы всего лишь мой водитель.

– У меня нет денег, – сказал я.

Элизабет Бек достала из сумочки двадцатидолларовую бумажку. Заплатив за кофе, я отнес его к столику и сел. Она проводила меня, но осталась стоять.

– Четыре часа, – повторила она. – Быть может, чуть больше, но никак не меньше. Это на тот случай, если у вас есть какие-то неотложные дела.

– У меня нет никаких неотложных дел, – заверил ее я. – Я всего лишь ваш водитель.

Элизабет Бек пристально посмотрела на меня. Застегнула сумочку. В кафе было тесно. Элизабет Бек хотела поправить ремешок сумочки на плече и слегка изогнулась, чтобы не задеть столик и не пролить кофе. Послышался удар: на пол упало что-то пластмассовое. Я посмотрел вниз. Что-то вывалилось у Элизабет Бек из-под юбки. Она тоже перевела взгляд на пол, и ее лицо медленно залилось густой краской. Нагнувшись, она подобрала упавший предмет и стиснула его в руке. Бессильно опустилась на стул напротив меня, словно силы покинули ее. Словно ее только что унизили и опозорили. У нее в руке был пейджер. Черная пластмассовая коробочка размером чуть меньше моего устройства электронной почты. Элизабет Бек не отрываясь смотрела на него. Краска разлилась у нее по шее, опускаясь за вырез свитера. Наконец она заговорила со мной сдавленным шепотом.

– Он заставляет меня носить эту дрянь здесь, – сказала Элизабет Бек. – В трусиках. Он проверяет это каждый раз, когда я проезжаю в ворота. Обычно я потом вынимаю ее и убираю в сумочку. Но сегодня… понимаете, вы на меня все время смотрели…

Я молчал. Элизабет Бек встала. Заморгала, глубоко вздохнула, сглотнула комок в горле.

– Четыре часа, – повторила она. – Если у вас есть какието неотложные дела.

После чего она ушла. Я проводил ее взглядом. Выйдя из кафе, она повернула налево и скрылась. Сложная многоходовая игра? Возможно, меня попытались расколоть с помощью Элизабет Бек и ее рассказа. Возможно, что в подтверждение своих слов она засунула в трусики пейджер. Возможно, что ей удалось выронить пейджер в самый подходящий момент. Все возможно. Но нет никаких шансов на то, что ей удалось по собственному желанию изобразить эту густую краску стыда. Такое никому не под силу. Такое не смогла бы сделать лучшая в мире актриса в зените своего мастерства. Значит, Элизабет Бек сказала правду.

Я не отказался полностью от разумных мер предосторожности. Это уже впиталось мне в кровь. Я не спеша допил кофе, как беззаботный, невинный человек, располагающий всем временем на свете. Затем прогулялся по тротуарам островка, поворачивая случайным образом то налево, то направо, и убедился, что я один. Тогда я вернулся в кафе и заказал еще одну чашку кофе. Попросил ключ от туалета и заперся там. Уселся на унитаз и снял ботинок. Меня уже ждало сообщение от Даффи: «Чем вызван интерес к настоящему имени Терезы Даниэль?»

Проигнорировав его, я послал: «Где ваш мотель?» Через полторы минуты Даффи ответила: «Что ты ел на завтрак в тот первый день в Бостоне?» Я улыбнулся. Даффи женщина практичная. Она опасается, что мое устройство электронной почты могло попасть в чужие руки. Поэтому задает проверяющий вопрос. Я послал: «Оладьи с яйцом, кофе, три доллара на чай, я его съел». Любой другой ответ, и Даффи бросилась бы к своей машине. Девяносто секунд спустя она прислала: «К западу от магистрали номер один в ста ярдах к югу от реки Кеннебанк». Я прикинул, это было где-то в десяти милях от того места, где я сейчас находился. Я послал: «Увидимся через десять минут».

Мне потребовалось больше пятнадцати минут. Сначала я должен был вернуться к машине; затем я застрял в транспортном потоке на магистрали номер один, стиснутой улочками Сако. Всю дорогу я смотрел в зеркало, но не увидел ничего, что могло бы вызвать беспокойство. Переехав по мосту через Кеннебанк, я сразу же нашел мотель. Это было светлое, жизнерадостное местечко, изображавшее цепочку классических двухэтажных домиков Новой Англии. На дворе стоял апрель, и в мотеле еще было пусто. Я увидел «таурус», в котором меня увезли из Бостона, у крайнего домика. Других машин на стоянке не было. Я оставил «кадиллак» в тридцати ярдах от него, за деревянным навесом, укрывающим большой бак с пропаном. Нет смысла оставлять машину на виду у всех, кто проезжает по магистрали номер один.

Подойдя к домику, я постучал. Сьюзен Даффи тотчас же открыла дверь, и мы обнялись. Бросились друг другу в объятия. Меня это застало врасплох. По-моему, ее тоже. Наверное, мы бы ни за что так не поступили, если бы заранее обдумывали свои действия. Но полагаю, Даффи не находила себе места от беспокойства, я еще не до конца отошел от того, через что мне пришлось пройти, и все произошло как-то само собой. И получилось очень неплохо. Даффи была высокая, но очень стройная. Моя ладонь накрыла ей чуть ли не всю спину, и я почувствовал, как она задрожала. От нее пахло чистотой и свежестью. Никакой косметики. Только кожа, недавно побывавшая в душе.

– Что тебе известно о Терезе? – спросила Даффи.

– Ты одна?

Она кивнула.

– Остальные в Портленде. Таможня сообщила, сегодня Беку привозят товар.

Мы отпустили друг друга. Вошли в домик.

– Что они намереваются делать? – спросил я.

– Только наблюдать. Не беспокойся. Наши ребята знают свое дело. Их никто не заметит.

В номере не было ничего примечательного. Одна узкая кровать, стул, письменный стол, телевизор, окно, встроенный в стену кондиционер. От сотни тысяч других номеров отелей его отличали только морские пейзажи на стенах. Они придавали ему неповторимый аромат побережья Новой Англии.

– Что тебе известно о Терезе? – повторила Даффи.

Я рассказал ей про фамилию, нацарапанную на полу в комнате в подвале. И про дату. Даффи долго молча смотрела на меня. Затем закрыла глаза.

– Она жива. Спасибо.

– Ну, по крайней мере, она была жива вчера, – уточнил я.

Даффи открыла глаза.

– Как ты думаешь, она жива и сейчас?

Я кивнул.

– Все говорит за то. Она для чего-то им нужна. Зачем держать ее девять недель, а потом убивать?

Даффи промолчала.

– Думаю, ее просто перевели в другое место, – продолжал я. – Только и всего. Ничего другого предположить не могу. Утром дверь была заперта, вечером в комнате никого не было.

– Как ты думаешь, с ней хорошо обращались?

Я не стал рассказывать Даффи о том, как развлекался с Элизабет Бек Поли. У нее и так было достаточно причин для беспокойства.

– Полагаю, Тереза нацарапала свою фамилию вилкой, – сказал я. – Вчера вечером на кухне я заметил еще одну порцию ужина. Похоже, все произошло так быстро, что кухарку не успели предупредить. Так что голодом Терезу не морят. На мой взгляд, ее просто держат пленницей, только и всего.

– Куда ее перевезли?

– Думаю, ее забрал Куин.

– Зачем?

– Понимаешь, у меня складывается такое впечатление, будто мы имеем дело с одной организацией, которую поглотила другая. Бек, несомненно, человек опасный, но сейчас ему пришлось столкнуться с еще более опасным человеком.

– То же самое происходит в мире бизнеса?

– Вот именно, – подтвердил я. – Одна корпорация захватывает другую. Куин внедрил Беку своих людей. Присосался, словно паразит.

– Но зачем перевозить Терезу?

– Мера предосторожности, – сказал я.

– Это из-за тебя? Как по-твоему, они сильно встревожились?

– Есть немного, – сказал я. – Они что-то перевозят, что-то прячут.

– Но с тобой пока открытых столкновений не было.

Я кивнул.

– Они еще не решили, как ко мне относиться.

– Так почему же они идут на риск, доверяя тебе свои дела?

– Потому что я спас мальчишку.

Даффи кивнула. Умолкла. Она выглядела уставшей. Я предположил, что после того, как я ночью попросил пригнать мне машину, она не спала больше ни минуты. На ней были джинсы и мужская рубашка. Белая, без рисунка, аккуратно заправленная в джинсы. Две верхние пуговицы были расстегнуты. Туфли-лодочки на босу ногу. Обогреватель был включен на максимум. На столе рядом с телефоном стоял портативный компьютер. Я взглянул на номер на телефоне, запоминая его. Компьютер был подключен через сложный адаптер к разъему на корпусе телефона. Работала программа – сторож экрана. По экрану плавала эмблема Министерства юстиции. Доходя до края, она отскакивала под случайным углом, словно мячик в допотопном компьютерном теннисе. Звук был выключен.

– Ты уже видел Куина? – наконец спросила Даффи.

Я покачал головой.

– Ты знаешь, где он находится?

Я снова покачал головой.

– Я пока что ничего не видел. Кроме того, что вся отчетность зашифрована, а транспорта, чтобы развозить свой товар – каким бы он ни был, – у них нет. Быть может, покупатели сами приезжают за ним.

– Это было бы чистейшей воды безумием, – возразила Даффи. – Эти люди ни за что не покажут клиентам свою основную базу. Мы знаем это наверняка. Вспомни, Бек встречался с тем типом из Лос-Анджелеса в гараже.

– В таком случае, возможно, встречи устраиваются где-то на нейтральной территории. Тогда и происходит передача товара. Но это должно быть где-то поблизости, на северо-восточном побережье.

Даффи кивнула.

– Как тебе удалось посмотреть отчетность?

– Этой ночью я наведался к ним в контору. Вот для чего мне была нужна машина.

Даффи села за стол и прикоснулась к сенсорной панели управления компьютером. Сторож экрана исчез. Под ним горело мое последнее послание: «Увидимся через десять минут». Зайдя в директорию удаленных сообщений, Даффи вызвала сообщение от Пауэлла, военного полицейского, который меня продал.

– Мы навели справки об этих людях, – сказала она. – Энджел Долл отсидел восемь лет в Ливенуорте за сексуальное домогательство. Вообще-то он должен был получить пожизненное за изнасилование и убийство, но обвинение все испортило. Долл служил в подразделении связи. Он изнасиловал женщину-подполковника, и та умерла от внутреннего кровоизлияния. Очень отвратительный тип.

– Очень мертвый тип, – поправил я.

Даффи вопросительно посмотрела на меня.

– Он проверил номера «максимы», – объяснил я. – Припер меня к стенке. Это явилось большой ошибкой. Он стал первой жертвой.

– Ты его убил?

– Сломал ему шею, – подтвердил я.

Даффи промолчала.

– Он сам нарвался, – продолжал я. – Вся наша операция оказалась под угрозой.

Она побледнела.

– Что с тобой? – спросил я.

Даффи отвела взгляд.

– Если честно, я не ожидала, что будут жертвы.

– Вполне вероятно, будут и другие. Так что привыкай.

Она снова посмотрела на меня и вздохнула.

– Ну хорошо. – Она помолчала. – Извини насчет номеров. Это была непростительная ошибка.

– Насчет Поли что-нибудь есть?

Даффи повернулась к экрану.

– В Ливенуорте у Долла был приятель, некий Пол Массерелла. Культурист, отбывал восемь лет за нападение на офицера. Его защитник пытался списать агрессивность на побочное действие стероидов. Даже обвинял армию в том, что никто не следил за тем, что глотает его подзащитный.

– Сейчас и следить не надо: достаточно один раз на него взглянуть.

– Ты думаешь, это тот самый Поли?

– Должен быть. Он говорил мне, что не любит офицеров. Я лягнул его по почкам. Тебя или Элиота такой удар убил бы наповал. А Поли его даже не заметил.

– И что он собирается делать с тобой?

– Мне страшно об этом даже думать.

– Ты твердо решил возвращаться?

– Жена Бека знает, что я не тот, за кого себя выдаю.

Даффи встревоженно посмотрела на меня.

– Откуда?

Я пожал плечами.

– Быть может, не знает, а просто хочет, чтобы это было так. Быть может, она лишь пытается убедить себя.

– Она с кем-нибудь делилась своими подозрениями?

– Пока что нет. Вчера вечером она видела, как я покидал дом.

– Тебе нельзя возвращаться.

– Я не привык отступать.

– Но ты и не идиот. Дело вышло из-под контроля.

Я кивнул.

– Но окончательное решение за мной.

Даффи покачала головой.

– Решение принимаем мы совместно. Ты не можешь обойтись без нашей помощи.

– Нам нужно спасти Терезу. Поверь, Даффи, она попала в страшный переплет.

– Можно позвать на помощь отряд специального назначения. Теперь, когда ты установил, что она еще жива.

– Нам неизвестно, где она находится в настоящий момент.

– Я за нее отвечаю.

– А я отвечаю за Куина.

Даффи промолчала.

– К тому же ты не можешь звать спецназ, – продолжал я. – Официально ты не занимаешься этим делом. Для тебя приглашать спецназ – это то же самое, что просить об увольнении.

– Если дело дойдет до увольнения, я к этому готова.

– Речь идет не о тебе одной, – напомнил я. – Вместе с тобой уволят еще шестерых.

Она ничего не сказала.

– А я собираюсь вернуться в любом случае, – сказал я. – Потому что я должен расквитаться с Куином. С твоей помощью или без нее. Так что тебе лучше воспользоваться моей помощью.

– Что же Куин сделал тебе лично?

Я ничего не ответил. Даффи умолкла.

– Миссис Бек будет говорить с нами? – наконец спросила она.

– Мне бы не хотелось спрашивать у нее, – сказал я. – Тем самым я подтвержу ее подозрения. А пока что я не могу точно сказать, куда это приведет.

– Что ты собираешься сделать, когда вернешься?

– Добиться повышения по службе, – сказал я. – Вот в чем ключ. Мне нужно занять место Дьюка. Тогда я стану главным на стороне Бека. После чего мне потребуется получить какие-то завязки на стороне Куина. Без этого не обойтись. Пока что я вынужден шарить впотьмах.

– Нам необходимо какое-то продвижение вперед, – сказала Даффи. – Нам нужны доказательства.

– Знаю.

– Как ты собираешься добиться повышения по службе?

– Так же, как это делается везде.

Она ничего не сказала. Перевела программу электронной почты в режим ожидания, встала из-за стола и подошла к окну. Я следил за ее движениями. Свет из окна пробивался сквозь белую рубашку. Зачесанные назад волосы ниспадали на воротник. На мой непосвященный взгляд, прическа выглядела пятисотдолларовой, но я решил, что со своим жалованьем сотрудника федерального ведомства Даффи делает ее сама. Или обращается к своей подруге. Я представил себе, как она сидит на кухне, на табурете, накрыв плечи старым полотенцем, желающая выглядеть хорошо, но не готовая тратить на это большие деньги в салоне красоты.

Ягодицы Даффи, обтянутые джинсами, выглядели потрясающе. Я прочитал на лейбле: «Талия 24. Длина 32». То есть ее ноги были короче моих на пять дюймов, с чем я еще мог согласиться. Но талия почти на целый фут тоньше моей – это уже была какая-то нелепость. На моем теле нет жира. Только жизненно необходимые органы, плотно сгруппированные. Должно быть, у Даффи все это было в миниатюрных вариантах. Когда я вижу такую талию, мне хочется обхватить ее ладонью и насладиться этим ощущением. А потом, быть может, уткнуться головой куда-нибудь повыше. Я не мог определить, что почувствую в этом случае, имея дело с Даффи, поскольку она стояла ко мне спиной. Но я подозревал, ощущения будут самые приятные.

– Насколько велика опасность сейчас? – наконец спросила она. – Реалистическая оценка?

– Не могу сказать. Слишком много переменных величин. Миссис Бек полагается исключительно на интуицию, к которой, возможно, примешивается желание увидеть во мне сотрудника правоохранительных органов. Никаких улик у нее нет. Так что в смысле улик мое положение прочное. И даже если миссис Бек поделится с кем-либо своими подозрениями, все будет зависеть от того, как этот человек относится к женской интуиции.

– Она видела, как ты покинул дом. Это улика.

– И о чем она свидетельствует? О том, что я не могу сидеть взаперти?

– Как раз в это время был убит тот тип, Долл.

– Никому не придет в голову, что я мог перебраться через стену. К тому же Долла не найдут. Ни за что не найдут. По крайней мере в ближайшее время.

– Почему Терезу перевели в другое место?

– Предосторожность.

– Все вышло из-под контроля, – повторила Даффи.

Я пожал плечами, хотя она и не могла увидеть это движение.

– В таких делах все обязательно выходит из-под контроля. Этого следовало ожидать. Ничего не получается так, как было задумано. Все планы летят ко всем чертям после первого же выстрела.

Даффи ничего не сказала. Обернулась.

– Что ты сейчас собираешься делать? – спросила она.

Я помолчал. Свет по-прежнему падал на нее сзади. Да, ощущения будут самые приятные.

– Сейчас я собираюсь немного вздремнуть, – сказал я.

– Сколько у тебя есть времени?

Я взглянул на часы.

– Около трех часов.

– Ты устал?

Я кивнул.

– Я не спал всю ночь. В основном плавал.

– Ты проплыл мимо стены? – поразилась она. – Наверное, ты все же сумасшедший.

– Ты тоже устала? – спросил я.

– Смертельно. Последние недели выдались очень напряженными.

– Тогда ложись спать вместе со мной.

– Нехорошо как-то. Тереза неизвестно где, ей угрожает опасность.

– Я все равно пока что не могу возвращаться, – сказал я. – Мне нужно дождаться миссис Бек.

Даффи помолчала.

– Кровать только одна.

– Ничего страшного, – заверил ее я. – Ты худенькая. Много места не займешь.

– Все равно как-то нехорошо, – повторила она.

– Нам необязательно забираться в кровать. Можно просто лечь сверху.

– Рядом?

– Полностью одетыми. Я даже не буду снимать ботинки.

Даффи ничего не сказала.

– Это не противозаконно, – сказал я.

– Как знать. В некоторых штатах действуют очень странные законы, оставшиеся с давних пор. Возможно, Мэн – один из них.

– Мне сейчас нужно беспокоиться о других законах штата Мэн.

– Не сию минуту.

Я улыбнулся. Зевнул. Опустился на кровать, лег на спину. Перевернулся на бок лицом к стене и подложил руку под голову. Закрыл глаза. Я ощущал, что Даффи стоит рядом. Шли минуты. Наконец я почувствовал, что она легла рядом со мной. Поворочалась, устраиваясь поудобнее. Застыла неподвижно. Но напряжение не проходило. Я чувствовал его сквозь пружины матраса, едва различимые высокочастотные крики беспокойства.

– Не волнуйся, – сказал я. – Я слишком устал.

Однако это было не совсем так. Проблемы начались, когда Даффи, чуть подвинувшись, дотронулась до меня своими ягодицами. Прикосновение было едва ощутимым, однако мне показалось, будто в меня ткнули проводом высокого напряжения. Открыв глаза, я уставился в стену, пытаясь определить, спит ли Даффи и непроизвольно повернулась во сне, или же она сделала это нарочно. В таких размышлениях я провел пару минут. Наверное, смертельная опасность действует как сильновозбуждающее средство, потому что я поймал себя на том, что начинаю склоняться к оптимизму. Впрочем, я не был уверен, какая от меня ожидалась реакция. Что говорит по этому поводу этикет? В конце концов я остановился на том, что подвинулся на дюйм, усиливая контакт. Я решил, что этим переведу мяч на половину Даффи. Пусть теперь она будет ломать голову, как понимать мои действия.

Целую минуту не было ничего. Я уже начал было испытывать разочарование, но тут Даффи снова пошевелилась. Теперь наше соприкосновение было уже совсем прочным.

Если бы я не весил двести пятьдесят фунтов, под давлением попки Даффи я бы заскользил по атласному покрывалу. Я чувствовал спиной заклепки на задних карманах ее джинсов. *Теперь моя очередь.* Изобразив сонный звук, я перевернулся так, что мы оказались вложены друг в друга, словно две ложки, и как бы случайно положил руку Даффи на плечо. Ее волосы упали мне на лицо. Они оказались мягкими, пахнущими летом. Накрахмаленная хлопчатобумажная рубашка хрустела. Я скосил взгляд вниз. Даффи сбросила туфли. Я разглядел ее босые ноги. Десять маленьких пальчиков в ряд.

Теперь уже она издала сонный звук. Я не сомневался, что это тоже лишь притворство. После этого подалась назад, плотно прижимаясь ко мне всем телом сверху донизу. Я положил руку ей на локоть. Скользнул дальше, и моя ладонь, сорвавшись с ее запястья, оказалась у нее на талии. Кончик мизинца залез под пояс джинсов. Даффи издала еще один звук. Опять притворство. Я затаил дыхание. Ее ягодицы вжались мне в пах. У меня неистово заколотилось сердце. Закружилась голова. Больше сдерживаться я не мог. Совсем не мог. Наступило то опьяненное гормонами мгновение, ради которого можно было рискнуть восемью годами в Ливенуорте. Моя ладонь скользнула вверх и вперед, обхватывая грудь Даффи. После этого все окончательно вышло из-под контроля.

Даффи принадлежала к тем женщинам, которые значительно привлекательнее обнаженные, чем одетые. Это можно сказать далеко не про всех женщин, но в данном случае не было никаких сомнений. У Даффи было такое тело, ради которого стоит умереть. Ее кожа была без загара, но не бледная. Мягкая, словно шелк, но не прозрачная. Даффи была очень стройная, но кости у нее не торчали. Изящная и поджарая, она была словно сделана для обтягивающего купальника с большим вырезом. У нее были восхитительные ушки, щиколотки, колени и плечи. И очаровательная ямочка на затылке. Чуть влажная от пота.

И Даффи оказалась очень сильной. Я был тяжелее ее не меньше чем на сто тридцать фунтов, но она без труда выдержала мой вес. Наверное, это объяснялось ее молодостью. Она была моложе меня лет на десять. Увидев, что она отняла у меня все силы, Даффи улыбнулась. У нее была потрясающая улыбка.

– Помнишь мой гостиничный номер в Бостоне? – спросил я. – То, как ты сидела на стуле? Именно тогда я впервые захотел тебя.

– Я просто сидела на стуле. Что в этом могло быть такого?

– Не обманывай себя.

– А ты помнишь авеню Свободы? – в свою очередь спросила Даффи. – Ты рассказывал нам про «длинную пробивную штуковину»? Я впервые захотела тебя тогда.

Я улыбнулся.

– За этот заказ Министерство обороны выложило миллиард. Я рад, что по крайней мере одному гражданину нашей страны от этого была какая-то польза.

– Если бы со мной не было Элиота, я набросилась бы на тебя прямо в парке.

– Там была женщина, кормившая птиц.

– Можно было бы спрятаться в кустах.

– Нас увидел бы Пол Ревир, – напомнил я.

– Он скакал на коне всю ночь.

– Я не Пол Ревир, – сказал я.

Даффи снова улыбнулась. Я почувствовал это своим плечом.

– Все закончено, старина? – спросила она.

– Я так не говорил.

– Опасность действует возбуждающе, не так ли?

– Возможно.

– Значит, ты признаёшь, что тебе угрожает опасность?

– Да, опасность получить сердечный приступ.

– И все-таки тебе не следует возвращаться, – сказала Даффи.

– Я боюсь лишь того, что не смогу это сделать.

Даффи уселась на кровати. Сила тяжести никак не сказалась на совершенстве формы ее груди.

– Я серьезно, Ричер, – сказала она.

Я улыбнулся.

– Все будет хорошо. Надо подождать еще дня два-три. Я найду Терезу, найду Куина, после чего выйду из игры.

– Если я дам тебе такую возможность.

Я кивнул.

– Двое телохранителей.

Даффи кивнула в свою очередь.

– Вот почему тебе необходимо мое участие. Можешь забыть о геройстве. Мы отпускаем этих типов, и после одного телефонного звонка ты будешь трупом.

– Где они сейчас?

– В том мотеле в Массачусетсе, где мы разрабатывали план. Их караулят ребята из «тойоты» и машины охраны колледжа.

– Надеюсь, бдительно.

– Очень.

– Это в нескольких часах, – напомнил я.

Даффи покачала головой.

– На машине. Но не по телефону.

– Ты хочешь вытащить Терезу.

– Да, – подтвердила она. – И все же командую здесь я.

– Ты перестраховщица.

– Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось – только и всего.

– Со мной еще не случалось ничего плохого.

Склонившись над кроватью, Даффи провела пальцем по шрамам на моем теле. На груди, животе, на руках, плечах, на лбу.

– У тебя слишком много отметин для человека, с которым никогда не случалось ничего плохого.

– Просто я неуклюжий, – возразил я. – Я часто падаю.

Встав, Даффи направилась в ванную – обнаженная, изящная, начисто лишенная стыда.

– Поторопись, – окликнул ее я.

Однако Даффи не стала торопиться. Она пробыла в ванной долго, а вышла оттуда в махровом халате. Выражение ее лица сменилось. На нем появилась тень смущения. И сожаления.

– Напрасно мы с тобой… – начала было она.

– Это еще почему?

– Профессионалы так не поступают.

Даффи пристально посмотрела на меня. Я кивнул. Наверное, профессионалы действительно так не поступают.

– Но нам же было хорошо, – возразил я.

– Все равно напрасно.

– Мы взрослые люди. Живем в свободной стране.

– Мы просто искали утешения. Мы перенесли стресс, были на взводе.

– Ничего плохого в этом нет.

– Это осложнит наши отношения, – заметила Даффи.

Я покачал головой.

– Все будет зависеть от нас самих. Из случившегося вовсе не следует, что мы обязаны пожениться. Мы ничего не должны друг другу.

– Я жалею о том, что произошло.

– А я рад этому. По-моему, если что-то доставляет удовольствие, этим надо заниматься.

– Это твоя философия?

Я отвел взгляд.

– Голос опыта, – сказал я. – Однажды я сказал «нет», когда хотел сказать «да», и до сих пор жалею об этом.

Даффи плотнее закуталась в халат.

– Мне действительно было хорошо, – подтвердила она.

– И мне тоже.

– И все же сейчас нам надо обо всем забыть. Что было, то было, и никаких последствий, договорились?

– Договорились.

– А ты все-таки подумай, стоит ли тебе возвращаться.

– Договорились, – повторил я.

Я лежал на кровати, размышляя, каково говорить «нет», когда на самом деле хочется сказать «да». По большому счету лучше было сказать «да», и я ни о чем не сожалел. Даффи молчала. Казалось, мы чего-то ждали. Я

долго стоял под горячим душем, затем оделся в ванной. Мы больше не разговаривали. Все уже было сказано. Мы оба понимали, что я возвращаюсь назад. Мне нравилось то, что Даффи не пыталась меня остановить. Мне нравилось то, что мы оба люди сконцентрированные, практичные. Я зашнуровывал ботинки, когда для Даффи пришло сообщение по электронной почте. Компьютер запищал, словно накрытый тряпкой звонок. Словно микроволновка, предупреждающая о том, что блюдо готово. Никакого искусственного голоса, говорящего: «Вам пришло сообщение». Выйдя из ванной, я увидел, что Даффи сидит за компьютером и щелкает мышью.

– Сообщение из моей конторы, – сказала она. – В архивах одиннадцать бывших полицейских по фамилии Дьюк. Я сделала вчера запрос. Сколько ему лет?

– Лет сорок, – сказал я.

Она пробежала по списку.

– Южанин или северянин?

– Не южанин точно.

– Остается трое, – сказала она.

– Миссис Бек говорила, Дьюк работал и в федеральном агентстве.

Даффи снова уставилась на экран.

– Джон Чапмен Дьюк, – сказала она. – Он единственный, кто после полиции побывал в федералах. Начал в Миннеаполисе патрульным, затем был детективом. Трижды обращал на себя внимание управления собственной безопасности. Доказать ничего не удалось. Потом он перешел к нам.

– Вот как? – удивился я. – В отдел по борьбе с наркотиками?

– Нет, я имела в виду федеральное правительство, – уточнила Даффи. – Дьюк работал в Министерстве финансов.

– И чем занимался?

– Здесь об этом не говорится. Но через три года его уволили по обвинению в коррупции. Также было подозрение, что за ним числится несколько убийств, но никаких доказательств этого не было. И все же Дьюк отправился за решетку на четыре года.

– Приметы?

– Белый, примерно одних размеров с тобой. На фотографии выглядит ужасно.

– Это он, – сказал я.

Даффи снова полистала сообщение.

– Берегись, – добавила она. – Судя по всему, это тот еще тип.

– Не беспокойся, – заверил ее я.

У меня мелькнула мысль поцеловать Даффи на прощание. Но я не сделал этого, решив, что она, скорее всего, этого не хочет. Я вышел и поспешил к «кадиллаку».

Я вернулся в кафе и почти успел допить вторую чашку кофе, когда наконец появилась Элизабет Бек. У нее не было никаких подтверждений того, что она ходила по магазинам. Ни сумок, ни пакетов. Я предположил, что на самом деле она никуда не заходила. Просто убивала четыре долгих часа, давая возможность сотруднику правительственного ведомства сделать все, что нужно. Я поднял руку. Не обращая на меня внимания, Элизабет Бек направилась прямо к стойке. Заказала высокий бокал с капуччино и подсела ко мне за столик. Я уже принял решение, что ей сказать.

– Я не работаю на правительство, – начал я.

– В таком случае я разочарована, – в третий раз повторила Элизабет Бек.

– Разве это возможно? – сказал я. – Вспомните, я ведь убил полицейского.

– Да, – согласилась она.

– Сотрудники правительственных ведомств так не поступают.

– Ну, возможны непредвиденные случайности.

– Но после этого они не стали бы убегать, – настаивал я. – Они бы остались и ответили за то, что натворили.

Какое-то время Элизабет Бек молчала, потягивая капуччино.

– Я была там раз восемь или десять, – наконец заговорила она. – Я имею в виду, в колледже. Там время от времени устраивают вечера для родителей учащихся. Кроме того, я стараюсь приезжать туда в начале и в конце каждого семестра. Однажды я даже взяла напрокат маленький пикап и помогла Ричарду отвезти его вещи домой.

– Ну и?

– Колледж очень маленький, – сказала Элизабет Бек. – И все же в первый день нового семестра там царит оживление. Много учащихся, много родителей, машины, автобусы. Когда устраивают вечера для родителей, бывает еще хуже. И знаете что?

– Что?

– Я ни разу не видела там полицейского. Ни разу. Тем более детектива в штатском.

Я уставился в окно на внутренний дворик торгового центра.

– Полагаю, просто случайность, – продолжала Элизабет Бек. – Ничем не примечательный апрельский день, раннее утро, тишина и спокойствие, а прямо у ворот непонятно зачем торчит полицейский в штатском.

– К чему вы клоните? – спросил я.

– К тому, что вам ужасно не повезло. Только подумайте, какие у вас были шансы?

– Я не работаю на правительство, – повторил я.

– Вы приняли душ, – заметила она. – Вымыли голову.

– Неужели?

– Я это вижу и чувствую запах. Дешевое мыло, дешевый шампунь.

– Я ходил в сауну.

– У вас не было денег. Я оставила вам двадцать долларов. Вы купили по крайней мере две чашки кофе. То есть у вас могло остаться не больше четырнадцати долларов.

– Это была очень дешевая сауна.

– Не иначе, – согласилась Элизабет Бек.

– Я просто человек с улицы, – упрямо повторил я.

– А я очень этим разочарована.

– Вы говорите так, словно хотите натравить на вашего мужа полицию.

– Хочу.

– Он же отправится в тюрьму.

– Он и так уже живет в тюрьме. К тому же он этого заслуживает. Но в настоящей тюрьме он будет чувствовать себя более свободным, чем сейчас. Кроме того, он отправится туда не навечно.

– Вы могли бы к кому-нибудь обратиться, – предложил я. – Необязательно ждать, когда к вам придут.

Элизабет Бек покачала головой.

– Это было бы равносильно самоубийству. Для меня и для Ричарда.

– Как это будет в том случае, если вы станете говорить так обо мне с кем бы то ни было. Помните, я тихо не уйду. Кто-то пострадает. Возможно, вы с Ричардом.

Она улыбнулась.

– Вы опять со мной торгуетесь?

– Опять предупреждаю вас, – уточнил я. – Полное разоблачение.

Элизабет Бек кивнула.

– Я умею держать язык за зубами, – сказала она.

Она доказала это, не сказав больше ни слова. Мы молча допили кофе и вернулись к машине. В дороге мы не разговаривали. Я вез Элизабет Бек домой, на север и на восток, ломая голову, что же я делаю: ношу бомбу с тикающим часовым механизмом или же отворачиваюсь от единственной помощи изнутри, на которую только могу рассчитывать.

Поли ждал за воротами. Судя по всему, он следил за дорогой из окна своего домика и вышел на улицу, как только увидел вдалеке нашу машину. Я сбросил скорость и остановился. Поли пристально оглядел меня. Затем уставился на Элизабет Бек.

– Отдайте мне пейджер, – сказал я.

– Не могу.

– Отдайте.

Поли снял цепь и распахнул ворота. Элизабет расстегнула сумочку и протянула мне пейджер. Тронув машину вперед, я опустил свое стекло. Поравнявшись с Поли, собиравшимся закрывать ворота, остановился.

– Смотри! – окликнул его я.

Я швырнул пейджер под колеса машины. Бросок был выполнен левой рукой. Он получился слабым, и ему недоставало совершенства. Но с задачей я справился. Маленькая коробочка из черной пластмассы описала в воздухе дугу и шлепнулась прямо посреди дороги футах в двадцати перед машиной. Поли проводил ее взглядом и вдруг застыл, осознав, что это было.

– Эй! – воскликнул он.

Он шагнул за коробочкой. Я тронулся за ним. Я вдавил педаль газа в пол, завизжали покрышки, и машина рванула с места. Я целился правым углом переднего бампера Поли под левое колено. Мне это едва не удалось. Но он оказался невероятно проворным. Подхватив пейджер с асфальта, Поли отпрянул назад, и я проскочил мимо него в целом футе. Машина пронеслась вперед, и я не стал останавливаться. Прибавил газу, следя за Поли в зеркало. Он остался стоять на дорожке, провожая меня взглядом. Вокруг поднимался сизый дым от горелых покрышек. Я был страшно разочарован. Раз уж мне суждено драться с верзилой, который весит на двести фунтов больше меня, я бы предпочел, чтобы он выходил на поединок, предварительно покалеченный. Или, по крайней мере, чтобы он не был таким проворным.

Остановившись на кругу перед крыльцом, я выпустил Элизабет Бек из машины. Затем отогнал «кадиллак» в гараж и направился на кухню, но тут меня перехватили Захария Бек и Джон Чапмен Дьюк. Они были возбуждены и шли быстро. Похоже, они были чем-то расстроены. Я решил, меня ждет нагоняй за Поли. Но я ошибся.

– Энджел Долл пропал, – сказал Бек.

Я остановился. Ветер дул со стороны океана. Ленивый прибой сменился большими и шумными волнами, такими, какие встретили меня здесь в первый вечер. В воздухе висела водяная пыль.

– Последним он говорил с тобой, – сказал Бек. – После этого он запер контору и уехал, и с тех пор его нигде не видели.

– Что он хотел от тебя? – спросил Дьюк.

– Не знаю, – ответил я.

– Не знаешь? Вы же пробыли вместе пять минут!

Я кивнул.

– Долл проводил меня в кабинку на складе.

– И?

– И все. Он собрался было о чем-то заговорить, но тут зазвонил его сотовый телефон.

– Кто ему звонил?

Я пожал плечами.

– Откуда я могу знать? Но это было что-то важное. Долл все пять минут проговорил по телефону. Он заставлял ждать меня и вас, так что в конце концов я встал и вернулся к вам.

– О чем он говорил по телефону?

– Я не прислушивался. Это было бы невежливо.

– Ты слышал какие-либо имена? – спросил Бек.

Повернувшись к нему, я снова покачал головой.

– Никаких имен. Однако Долл хорошо знал звонившего. Это было очевидно. Вообще-то Долл не столько говорил, сколько слушал. Мне показалось, он получает какие-то инструкции.

– Какие инструкции?

– Понятия не имею.

– И это было что-то важное?

– Мне так показалось. Долл начисто забыл про меня. Он даже не попытался остановить меня, когда я направился к выходу.

– Это все, что тебе известно?

– Я предположил, они обсуждали какой-то план. План действий на следующий день.

– То есть на сегодня?

Я снова пожал плечами.

– Я могу только строить догадки. Разговор был односторонним.

– Чертовски замечательно, – буркнул Дьюк. – Знаешь, ты нам очень помог!

Бек отвернулся к океану.

– Значит, Доллу срочно позвонили на сотовый, после чего он запер контору и уехал. Это все, что ты можешь нам сказать?

– Я не видел, как он запирал контору, – возразил я. – И не видел, как он уезжал. Когда я уходил, Долл все еще разговаривал по телефону.

– Несомненно, он все запер, – заметил Бек. – И несомненно, он уехал. Сегодня утром все было в полном порядке.

Я промолчал. Повернувшись на девяносто градусов, Бек уставился на восток. Налетевший с моря ветер облепил его одежду вокруг тела. Бек

переступил с места на место, постукивая носками ботинок о гальку, словно пытаясь согреться.

– Только этого нам сейчас не хватало, – сказал он. – Честное слово, только этого нам не хватало.

Я молчал. Разом развернувшись, Бек и Дьюк направились назад в дом, оставив меня одного.

Я с ног валился от усталости, но отдохнуть мне было не суждено. Это было очевидно. В воздухе висело напряжение, и размеренная рутина, которую я наблюдал в течение двух предыдущих вечеров, отправилась ко всем чертям. На кухне не было еды. Никакого ужина. Кухарки тоже не было. Из коридора постоянно доносились шаги. На кухню заглянул Дьюк и, пройдя мимо меня, вышел через дверь черного входа. У него в руках была большая синяя спортивная сумка. Я вышел следом за ним и, остановившись у угла особняка, увидел, что Дьюк зашел во второй гараж. Пять минут спустя оттуда выехал задом черный «линкольн». Я отметил, что Дьюк успел сменить номерные знаки. Прошлой ночью я видел шестизначные номера штата Мэн. Теперь это были семизначные номера Нью-Йорка. Вернувшись на кухню, я стал искать кофе. Наконец мне удалось найти кофеварку, но фильтровальной бумаги нигде не было. В конце концов я решил остановиться на стакане простой воды. Я успел выпить половину, когда на кухню зашел Бек. У него в руках тоже была спортивная сумка. По тому, как она оттягивала ручки, и по грохоту, который раздался, когда Бек задел ею себя по ноге, я заключил, что в сумке лежат тяжелые металлические предметы. Возможно, пистолеты. Как минимум два.

– Выводи «кадиллак», – бросил Бек. – Живо. Захватишь меня у крыльца.

Достав из кармана ключи, он бросил их на стол передо мной. Затем нагнулся и расстегнул сумку. Достал пару номеров штата Нью-Йорк и отвертку. Протянул все это мне.

– Но сначала поставишь вот это.

Я успел увидеть в сумке оружие. Два пистолета-пулемета «Хеклер и Кох МП5К», короткие, толстые, черные, с большими литыми пластмассовыми рукоятками. Футуристическое оружие из фантастического боевика.

– Куда мы поедем? – спросил я.

– Следом за Дьюком в Хартфорд, штат Коннектикут, – сказал Бек. – Не забыл, у нас там кое-какие дела?

Застегнув молнию сумки, он встал и вышел в коридор. Какое-то мгновение я сидел неподвижно. Затем поднял стакан воды, приветствуя голую стену напротив.

– За кровавые войны и смертельные болезни, – сказал я сам себе.

Глава 07

Оставив недопитый стакан с водой на кухне, я вышел на улицу и направился к гаражу. На горизонте, в ста милях к востоку, над океаном сгущались сумерки. Дул сильный ветер, и волны с грохотом разбивались о скалы. Остановившись, я как бы невзначай оглянулся. Никого нигде не увидел. Тогда я незаметно нырнул к забору, огораживающему дворик. Отыскал свой спрятанный сверток и, положив фальшивые номера и отвертку на камни, достал оба пистолета. «Глок» Даффи отправился в правый карман плаща. ПСМ Долла – в левый. Запасные обоймы для «глока» я спрятал в носки. Засунув обрывок ковра под забор, я подобрал номера и отвертку и вернулся ко входу во двор.

В третьем, пустом гараже возился механик. Ворота были распахнуты настежь, и механик смазывал петли. Пространство за ним было еще чище, чем когда я видел его ночью. Ни единой соринки. Пол был полит из шланга. Вода высыхала лужицами. Я кивнул механику, и он ответил мне тем же. Я открыл левый гараж. Присел на корточки и, отвинтив от крышки капота «кадиллака» номер Мэна, заменил его на нью-йоркский. Повторил то же самое спереди. Оставил старые номера и отвертку на полу и, сев за руль, завел двигатель. Выехал задом из гаража и поехал к кругу перед крыльцом. Механик проводил меня взглядом.

Бек уже ждал меня у крыльца. Он сам открыл заднюю дверь и бросил на сиденье спортивную сумку. Послышалось звяканье оружия. Закрыв заднюю дверь, Бек сел вперед рядом со мной.

– Поехали, – сказал он. – Езжай по девяносто пятому до Бостона.

– Нам надо будет заправиться, – заметил я.

– Хорошо, на первой встречной заправке.

Поли стоял у ворот. Его лицо было перекошено от ярости. Эту проблему долго откладывать не удастся. Он с ненавистью посмотрел на меня. Затем покрутил головой налево и направо, после чего не спускал с меня глаз все время, пока отпирал ворота. Не обращая на него внимания, я проехал вперед. Не стал оглядываться назад. «С глаз долой – из сердца вон» – по крайней мере, мне хотелось надеяться, что так будет в отношении Поли.

Дорога, ведущая от берега на запад, была совершенно пустынной. Через двадцать минут после того, как мы отъехали от особняка, мы уже были

на автостраде. Я постепенно привыкал к тому, как легко управлять «кадиллаком». Машина была замечательная. Бесшумная, плавная. Но бензин она жрала здорово. В этом можно было не сомневаться. Стрелка топлива опасно опустилась. Я почти видел, как она сползает вниз. Насколько я помнил, первая заправка должна была быть уже за Кеннебанком. Там, где я встречался с Даффи и Элиотом по пути в Нью-Лондон. Мы добрались до нее за пятнадцать минут. Мне здесь было все знакомо. Я проехал мимо стоянки, где мы вскрывали грузовик, и направился к бензоколонкам. Бек молчал. Выйдя из машины, я налил полный бак. На это ушло много времени. Восемнадцать галлонов. Я завинтил пробку, и Бек, опустив свое стекло, протянул мне пачку купюр.

– Всегда плати за бензин наличными, – сказал он. – Так безопаснее.

Сдачу я оставил себе. Чуть больше пятнадцати долларов. Я решил, что имею на это полное право. До сих пор мне не заплатили ни цента. Выехав на автостраду, я приготовился к долгой дороге. Я смертельно устал. Нет ничего хуже, как усталым глотать милю за милей пустынное шоссе. Бек молчал. Сначала я думал, он просто от природы угрюмый. Или стеснительный. Или замкнутый. Потом до меня дошло, что он нервничает. Я предположил, что он боялся ехать навстречу бою.

– Как Ричард? – спросил я.

– Замечательно, – ответил Бек. – У него есть внутренняя сила. Он хороший сын.

– Да? – спросил я, потому что мне было нужно что-то сказать. Я должен был разговаривать с Беком, чтобы не заснуть за рулем.

– Он очень преданный сын. О большем нельзя и просить.

Он снова умолк, и мне пришлось опять бороться со сном. Пять миль, десять.

– Тебе когда-нибудь приходилось иметь дело с мелкими наркоторговцами? – вдруг спросил Бек.

– Нет.

– В них есть что-то своеобразное.

Он не проронил ни слова в течение следующих двадцати миль. Затем заговорил снова, словно все это время он никак не мог ухватить ускользающую мысль.

– Они полностью подчинены моде.

– Вот как? – спросил я, изображая интерес.

На самом деле меня это нисколько не интересовало, но мне было нужно поддерживать разговор.

– Конечно, синтнарк сейчас в моде, – продолжил Бек. – Если честно, клиенты этих мерзавцев еще хуже их самих. Я не успеваю даже следить за той дрянью, которой они торгуют. Каждую неделю какое-нибудь новое причудливое название.

– А что такое синтнарк? – спросил я.

– Синтетический наркотик, – объяснил Бек. – Изготовленный в лаборатории. Понимаешь, что-то искусственное, связанное с химией. Совсем не то, что вырастает на земле естественным путем.

– Вроде марихуаны.

– Или героина. Или кокаина. Это натуральный продукт. Органика. Разумеется, он подвергается обработке, но все же появляется он не из пробирки.

Я молчал, прилагая все силы, чтобы держать глаза открытыми. В машине было слишком тепло. А для того, чтобы бороться с усталостью, нужен холодный воздух. Чтобы не заснуть, я кусал нижнюю губу.

– Мода влияет на все, что делают эти подонки, – произнес Бек. – На каждую мелочь. Например, на обувь. Эти ребята, к которым мы сейчас направляемся, – сколько раз я с ними встречался, столько раз на них была новая обувь.

– Что, кроссовки?

– Ну да, как будто они зарабатывают на жизнь, играя в баскетбол. То на них двухсотдолларовые «Рибок», только что из коробки. Когда мы встречаемся в следующий раз, «Рибок» уже совершенно неприемлем и у них на ногах «Найк» или что-то еще. Пружинящая подошва и все такое. Или вдруг на них ковбойские сапоги от «Катерпиллар» или «Тимберлендс». Кожа, затем кожзаменитель, потом снова кожа. Черные, затем вдруг желтые. Всегда расшнурованные. Потом снова возвращаются кроссовки, но только теперь это «Адидас» с тремя полосками. Две-три сотни долларов за пару. Без каких-либо причин. По-моему, это безумие.

Я молчал. Вел машину, усилием воли не давая векам сомкнуться. Белки моих глаз горели.

– И знаешь, почему это так? – продолжал Бек. – Из-за денег. Ублюдки получают так много денег, что просто не знают, что с ними делать. То же самое с куртками. Ты видел, какие они носят куртки? На этой неделе это «Норт фейс», все блестящие и надутые, на гусином пуху, не важно, на

дворе зима или лето, потому что эти типы появляются на улице только ночью. Но на следующей неделе блестящая ткань – это уже прошлый век. Быть может, «Норт фейс» еще сгодится, но только ткань уже должна быть микропористой. Потом вдруг появляются куртки из шерсти с кожаными рукавами. Каждая мода держится около недели.

– Бред какой-то, – сказал я, лишь бы что-то сказать.

– Все дело в деньгах, – повторил Бек. – Ублюдки не знают, что с ними делать, вот и меняют одежду, лишь бы менять. Это как болезнь. Меняют все, в том числе и оружие. Возьмем этих самых ребят. Они были без ума от «Хеклер и Кох МП-пять-К». Теперь, если верить тебе, у них «узи». Ты понимаешь, что я хочу сказать? Для этих ублюдков даже оружие – предмет моды, такой же, как кроссовки или куртки. Или сам товар, что замыкает круг. Их потребности постоянно меняются, во всех областях. Даже в отношении машин. Эти ребята в основном предпочитают япошек, то есть, наверное, мода приходит с Западного побережья. Но на одной неделе у них «тойоты», на другой уже «хонды». Затем «ниссаны». «Ниссан максима» были в большом почете – года два-три назад. Такие, какую угнал ты. Потом будут «лексусы». Это какая-то мания. То же самое с часами. Вот эти ребята носят «Суотчи», затем все переходят на «Ролексы». Для них нет никакой разницы. Полное сумасшествие. Разумеется, поскольку я сам работаю на этом рынке и являюсь поставщиком, мне жаловаться грех. Нашей целью является постоянное обновление ассортимента, и все же порой это происходит чересчур быстро. Угнаться за всем этим становится трудно.

– Значит, вы тоже работаете на этом рынке?

– А ты что думал? – спросил Бек. – Ты полагал, я бухгалтер?

– Я думал, вы импортируете ковры.

– Да, – подтвердил он, – я импортирую ковры.

– Хорошо.

– Но на самом деле это лишь прикрытие, – признался Бек. Помолчав, он рассмеялся. – Ты думаешь, в наше время не нужно предпринимать меры предосторожности, продавая спортивную обувь подобным людям?

Он продолжал смеяться, не в силах остановиться. В его смехе звучало нервное напряжение. Я молча вел машину. Наконец Бек успокоился. Посмотрел в боковое окно, затем снова уставился вперед. Заговорил опять, словно разговор был необходим ему, как он был необходим мне.

– Ты когда-нибудь носил кроссовки? – спросил Бек.

– Нет, – сказал я.

– Я просто ищу кого-нибудь, кто смог бы мне объяснить. Ведь между «Рибоком» и «Найком» нет никакого принципиального отличия, правда?

– Не знаю.

– Я хочу сказать, скорее всего, их делают на одной и той же фабрике. Где-нибудь во Вьетнаме. Наверное, до тех пор, пока на них не проставят логотип, их не отличить.

– Возможно, – сказал я. – Но я честно не знаю. Я никогда не занимался спортом. Никогда не носил спортивную обувь.

– А между «тойотой» и «хондой» разница есть?

– Не знаю.

– Почему?

– Потому что у меня никогда не было АЛС.

– Что такое АЛС?

– Автомобиля в личной собственности, – объяснил я. – Так в армии называют и «хонду», и «тойоту». А также «ниссан» и «лексус».

– И все же что ты знаешь?

– Я знаю разницу между «Суотчем» и «Ролексом».

– Хорошо, какая же между ними разница?

– Никакой, – сказал я. – Они показывают время.

– Это не ответ.

– Я знаю разницу между «узи» и МП-пять-К.

Бек повернулся ко мне.

– Отлично. Замечательно. Объясни мне, почему эти ребята выбросили «хеклер-и-кохи», заменив их на «узи»?

«Кадиллак», мягко ворча, несся вперед. Я пожал плечами. Подавил зевок. Вопрос, разумеется, был пустой. На самом деле ребята из Хартфорда не меняли МП5К на «узи». Просто Элиот и Даффи понятия не имели о том, какое оружие в моде в Хартфорде, и понятия не имели, что Бек имеет с Хартфордом какие-то связи. Поэтому они дали своим людям «узи», вероятно просто потому, что «узи» оказались под рукой.

Но с точки зрения теории вопрос был очень хороший. «Узи» – отличное, замечательное оружие. Быть может, чуть тяжеловатое. И темп стрельбы

не самый высокий в мире, что, возможно, имеет для кого-то значение. С другой стороны, оружие очень надежное, очень простое, полностью проверенное, и к нему можно раздобыть магазины емкостью сорок патронов. Отличное оружие. Но любая производная от «Хеклер и Кох МП5К» гораздо лучше. Они стреляют теми же боеприпасами, но с большей начальной скоростью и с большей убойной силой. Они очень-очень точные. В хороших руках по точности они могут сравниться с винтовкой. И очень надежные. Одним словом, лучше во всех отношениях. Шедевр технической мысли семидесятых годов по сравнению с шедевром технической мысли пятидесятых. Это справедливо не во всех областях, но в армии чем оружие современнее, тем оно лучше.

– Не могу ничего придумать, – наконец сказал я. – По-моему, это совершенно бессмысленно.

– Вот именно! – подхватил Бек. – Все дело в моде. Дань мимолетной прихоти. Непреодолимое влечение. Все при деле, но можно сойти с ума.

Тут у него зазвонил сотовый телефон. Выудив аппарат из кармана, он ответил, произнеся свое имя четко и отрывисто. И нервно. «Бек». Получилось похоже на кашель. Затем Бек долго слушал. Заставил звонившего повторить адрес и указания, после чего отключил аппарат и убрал его в карман.

– Это был Дьюк, – сказал он. – Он навел кое-какие справки. Наших ребят в Хартфорде нет. Но у них есть одно местечко за городом, к юго-востоку. Дьюк считает, они, скорее всего, затаились там. Так что мы едем туда.

– И что будет, когда мы туда приедем?

– Ничего особенного, – сказал Бек. – Большого шума мы поднимать не будем. Ничего мудреного, ничего затейливого. В такой ситуации я предпочитаю просто скосить их, как траву. Создать ощущение неизбежности, понимаешь? Но без личной обиды. Показать, что, если кому-то вздумается шутить со мной, наказание будет скорым и неизбежным, но особенно напрягаться я не собираюсь.

– Так можно потерять клиентов, – заметил я.

– Всегда можно будет найти новых. За моим товаром стоит очередь. Вот что мне больше всего нравится в нашем деле. Между предложением и спросом наблюдается сильный перекос в сторону спроса.

– И вы собираетесь заняться этим сами?

Бек покачал головой.

– Нет, это сделаете вы с Дьюком.

– Я? Я полагал, что мне предстоит только вести машину.

– Двоих из них ты уже пришил. Еще пара не должна тебя беспокоить.

Привернув ручку отопителя, я постарался держать глаза открытыми. «За кровавые войны», – мысленно произнес я.

Мы обогнули по большой дуге Бостон, после чего Бек приказал мне повернуть на юго-запад и проехать через Масс-Пайк до I-84. Мы сделали еще шестьдесят миль, что заняло у нас около часа. Бек не хотел, чтобы я гнал слишком быстро. Не хотел привлекать внимание. Фальшивые номера, на заднем сиденье сумка с автоматическим оружием – дорожная полиция была бы совсем некстати. Тут я был с ним согласен. Я вел машину как автомат. Я не спал уже в течение сорока часов. Но я не жалел о том, что отказался от возможности вздремнуть в мотеле у Даффи. Я был рад тому, как провел там время, хотя Даффи и не разделяла моих чувств.

– Сворачивай на следующей развязке, – бросил Бек.

Как раз здесь I-84 проходила прямо через Хартфорд. Огни города окрашивали в оранжевый цвет низкие тучи. Свернув с шоссе, мы очутились на широкой дороге, которая через милю сузилась и углубилась в безлюдные поля.

Повсюду вокруг была сплошная темнота. Кое-где встречались закрытые магазинчики, заправки, а потом не осталось ничего, кроме темных силуэтов деревьев.

– Следующий поворот направо, – через восемь минут сказал Бек.

Я свернул на проселочную дорогу. Покрытие было ужасное, дорога то и дело петляла. Темнота повсюду. Я был вынужден сосредоточиться. Меня совсем не радовала мысль о том, что еще предстоит возвращаться назад.

– Езжай прямо, – сказал Бек.

Мы проехали еще восемь или девять миль. Я понятия не имел, куда мы направляемся.

– Отлично, – наконец бросил Бек. – Скоро мы увидим впереди Дьюка. Он нас ждет.

Через полторы мили мои фары высветили задний номер машины Дьюка. Она стояла на обочине, накренившись в кювет.

– Остановись за ним.

Я подъехал вплотную к «линкольну» и перевел рукоятку коробки передач на парковку. Мне ужасно хотелось спать. Пять минут сна стали бы огромным облегчением. Но Дьюк выскочил из машины, как только узнал нас, и поспешил к окну Бека. Бек опустил стекло, и Дьюк, присев на корточки, просунул голову в салон.

– Их хибара в двух милях впереди, – сказал он. – Грунтовая дорога плавно поворачивает налево. Половину можно будет проехать на машине, если не шуметь и не зажигать свет. Остальное придется идти пешком.

Бек промолчал и поднял свое стекло. Дьюк вернулся к своей машине. «Линкольн» выехал из кювета и выпрямился. Я поехал следом за ним. За сто ярдов до грунтовой дороги мы погасили фары. Дальше поехали очень медленно. Светила луна. «Линкольн» впереди вздрагивал и раскачивался, наезжая на рытвины. «Кадиллак» повторял его движения в противофазе: поднимался, когда «линкольн» нырял вниз, крутился вправо, когда «линкольн» извивался влево. Мы ползли с черепашьей скоростью. Сократили разделявшее нас расстояние. Вдруг ярко вспыхнули стоп-сигналы «линкольна», и машина застыла на месте. Я остановился позади него. Развернувшись, Бек схватил спортивную сумку и расстегнул молнию. Протянул мне один из МП5К и два запасных магазина по тридцать патронов.

– Сделайте все как надо.

– Вы остаетесь ждать здесь?

Бек кивнул. Я открыл крышку ствольной коробки и осмотрел пистолет-пулемет. Собрал его, дослал патрон в патронник и поставил оружие на предохранитель. Затем очень осторожно убрал запасные магазины в карманы, чтобы они не звякнули о «глок» и ПСМ. Выбрался из машины. Выпрямился и вдохнул холодный ночной воздух. Испытал огромное облегчение. Это меня взбодрило. Я уловил запах расположенного неподалеку озера, деревьев, прелой листвы на земле. Откуда-то доносился шум водопада, и тихо капал конденсат с остывающего глушителя. Легкий ветерок шевелил деревья. Больше слушать было нечего. Абсолютная тишина.

Дьюк меня ждал. Я почувствовал напряжение и нетерпение в том, как он держал себя. Ему уже приходилось заниматься этим раньше. Нет сомнений. Дьюк выглядел именно так, как должен был выглядеть полицейский-ветеран перед серьезной стычкой. Значительная доля ощущения рутинности, смешанная с острым сознанием того, что двух абсолютно похожих ситуаций не бывает. Дьюк держал в руках «штейр» с длинным магазином на тридцать патронов. С таким магазином автомат казался еще больше и страшнее, чем обычно.

– Пошли, осел, – прошептал Дьюк.

Держась в пяти футах за ним, я пошел по противоположной стороне дорожки, как должен был поступить на моем месте опытный пехотинец. Мне нужно было действовать убедительно, изображать, будто я стараюсь не создавать групповую цель. Я знал, что в домике никого не окажется, но Дьюку это было неизвестно.

Описав дугу, мы увидели перед собой дом. В окне горел свет. Вероятно, дежурное освещение. Дьюк замедлил шаг, остановился.

– Видишь дверь? – шепнул он.

Я всмотрелся в темноту. Различил небольшое крыльцо. Указал на него.

– Ты жди у входа, – прошептал я в ответ. – Я загляну в освещенное окно.

Дьюк с радостью согласился. Мы прокрались к крыльцу. Дьюк остался стоять там, а я, пригнувшись, пошел к окну. Распластался на земле и прополз последние десять футов. Приподнялся и заглянул в окно. На столе горела тусклая лампочка, закрытая желтым пластмассовым абажуром. Вдоль стен стояли старые диваны и кресла. В камине серела зола от давно потухшего огня. Стены и потолок обшиты сосновыми досками. Людей нет.

Я отполз назад в полоску света, чтобы Дьюк меня видел, и поднес к глазам растопыренные указательный и средний пальцы. Стандартный сигнал наблюдателя: «Вижу». Затем поднял руку, разогнув все пять пальцев. «Вижу пятерых». После этого затеял оживленную жестикуляцию, которая должна была изображать местонахождение каждого из мнимых врагов и его оружие. Я знал, что Дьюк не поймет мои знаки. Я сам их не понимал. С моей точки зрения, они были совершенно бессмысленные. Мне никогда не приходилось работать наблюдателем. Но со стороны выглядело весьма неплохо. Профессионально, скрытно и настойчиво.

Я прополз еще десять футов, поднялся с земли и бесшумно присоединился к ждавшему у крыльца Дьюку.

– Они отключились, – прошептал я. – Напились или наширялись. Нам повезло. Обделаем все в два счета и поедем домой.

– Оружие?

– Полно, но все далеко. – Я указал на крыльцо. – Похоже, за прихожей короткий коридор. Наружная дверь, внутренняя дверь. Ты идешь налево, я иду направо. Ждем в коридоре. Будем их валить, когда они выйдут из комнаты, чтобы узнать, что за шум.

– Ты уже отдаешь мне приказы?

– Я провел разведку.

– Смотри не наломай дров, осел.

– И ты тоже.

– За меня не беспокойся.

– Посмотрим.

– Ты со мной не шути, – строго произнес Дьюк. – Встанешь поперек пути – я с радостью уложу тебя вместе с остальными. Без колебаний.

– Мы ведь на одной стороне.

– Да? По-моему, это еще предстоит выяснить.

– Успокойся, – сказал я.

Дьюк остановился. Насторожился. Кивнул.

– Я выбиваю наружную дверь, ты – внутреннюю. Прыгаем внутрь.

– Хорошо.

Отвернувшись, я улыбнулся. От ветерана-полицейского иного и ждать не следовало. Если я выбью внутреннюю дверь, первым в комнату прыгнет Дьюк, а мне придется прыгать вторым. Но именно второму и достается пуля, учитывая нормальное время реакции противника.

– Снимай с предохранителя, – прошептал я.

Я перевел переводчик «хеклер-и-коха» на одиночный огонь. Дьюк сдвинул рычажок предохранителя «штейра» до конца. Я кивнул, он кивнул в ответ и выбил ногой наружную дверь. Я выскочил у него из-за плеча, проскользнул мимо и, не задерживаясь ни мгновения, выбил внутреннюю дверь. Дьюк проскользнул мимо и прыгнул влево, я последовал за ним и прыгнул вправо. Он действовал неплохо. И в целом из нас получилась неплохая пара. Мы застыли в боевой позе еще до того, как выбитая дверь перестала качаться на петлях. Дьюк смотрел на дверь в комнату. «Штейр» застыл на изготовку у него в руках. Глаза Дьюка были широко открыты, он учащенно дышал, чуть ли не задыхаясь. Как мог готовился к опасности. Я достал из кармана ПСМ Энджела Долла. Зажал его в левой руке, снял с предохранителя и, шагнув влево, приставил дуло Дьюку к уху.

– Не надо шума, – сказал я. – Выбор за тобой. Я задам тебе один вопрос. Всего один. Если ты откажешься отвечать или солжешь, я размозжу тебе голову. Ты все понял?

Он стоял совершенно неподвижно, в отчаянии уставившись на дверь перед собой.

– Не беспокойся, осел, – заверил его я. – Там никого нет. Всех арестовали еще на прошлой неделе. Полиция.

Дьюк не шелохнулся.

– Ты понял то, что я тебе сказал? Насчет вопроса?

Он кивнул, неуверенно, неуклюже, так как ему в ухо был воткнут пистолет.

– Итак, ты отвечаешь на мой вопрос, или я стреляю. Уяснил?

Дьюк снова кивнул.

– Хорошо. Вот мой вопрос. Ты готов?

Он порывисто кивнул.

– Где Тереза Даниэль? – спросил я.

Последовала долгая пауза. Дьюк повернулся ко мне лицом. Я вывернул руку, чтобы держать ПСМ нацеленным ему в ухо. Постепенно до Дьюка дошло, что к чему, и это отразилось у него в глазах.

– В твоих снах, – сказал он.

Я выстрелил ему в голову. Просто чуть дернул дулом, переставил его от уха к виску и левой рукой нажал на спусковой крючок. Темноту разорвал резкий звук. Кровь, мозги и осколки костей впечатались в противоположную стену. Пороховые газы обожгли Дьюку волосы. Затем я сделал правой рукой из «хеклер-и-коха» два выстрела в потолок, а левой рукой из ПСМ выстрелил в пол. Перевел МП5К на автоматический огонь и разрядил магазин в труп. Подхватил упавший «штейр» и дал несколько длинных очередей в потолок – пятнадцать частых выстрелов, половина магазина. Коридор быстро наполнился едким дымом, в воздухе летали щепки и куски штукатурки. Заменив магазин у «хеклер-и-коха», я принялся поливать пулями стены. Грохот был оглушительный. Наконец боек щелкнул по пустому патроннику. Тогда я выпустил оставшиеся патроны из ПСМ в стену коридора, ударом ноги распахнул дверь в освещенную комнату и разбил лампу короткой очередью из «штейра». Нащупав стул, я швырнул его в окно, после чего вставил в «хеклер-и-кох» второй запасный магазин и обильно полил пулями окрестные деревья, одновременно левой рукой разряжая «штейр» в пол. Потом я сгреб «штейр», «хеклер-и-кох» и ПСМ и, выскочив из дома, побежал со всех ног к машинам. Моя голова звенела как колокол. Меньше чем за пятнадцать секунд я выпустил сто двадцать

восемь патронов. Я был оглушен. А Бек, наверное, решил, что началась третья мировая война.

Я бежал по дорожке, кашляя и увлекая за собой пороховой дым, спеша к машинам. Бек уже уселся за руль «кадиллака». Увидев меня, он приоткрыл дверь на дюйм. Это было быстрее, чем опускать стекло.

– Засада, – задыхаясь, выдавил я. Мой собственный голос оглушительно грохотал у меня в голове. – Их было по крайней мере восемь.

– Где Дьюк?

– Убит. Нам надо сматываться. И немедленно, Бек!

Он на мгновение растерялся. Но быстро взял себя в руки.

– Садись в его машину!

«Кадиллак» уже тронулся с места. Утопив педаль газа в пол, Бек захлопнул дверь и задом промчался по дороге, скрывшись из виду. Я прыгнул в «линкольн». Завел двигатель. Включил заднюю передачу и, отвернувшись в заднее окно, надавил на акселератор. Мы задом пронеслись по дороге один за другим и, развернувшись у выезда на шоссе, застыли рядом, словно участники ралли, готовые к старту. Затем мы рванули на север и понеслись по ухабам и рытвинам на семидесяти милях в час. Сбросили скорость только тогда, когда добрались до поворота, за которым начиналась дорога назад к Хартфорду. Бек ехал первым, я следовал за ним. Быстро промчавшись миль пять, он свернул к закрытому магазинчику. Я остановился рядом с ним и остался сидеть на месте, вынудив его подойти ко мне. Я настолько устал, что у меня не было сил выйти. Обежав «кадиллак» спереди, Бек распахнул мою дверь.

– Это была засада? – спросил он.

Я кивнул.

– Нас ждали. Восемь человек. Быть может, больше. Это было просто избиение.

Бек молчал. Говорить было нечего. Взяв с сиденья «штейр» Дьюка, я протянул его Беку.

– Вот, подобрал.

– Зачем?

– Решил, он может вам понадобиться. Вдруг его можно проследить.

Бек кивнул.

– Нельзя. Но ты поступил правильно.

Я протянул ему и «хеклер-и-кох». Бек вернулся к «кадиллаку» и убрал оба автомата в сумку. Развернулся. Стиснул кулаки и уставился в черное небо. Затем посмотрел на меня.

– Лица разглядел? – спросил он.

Я покачал головой.

– Было слишком темно. Но мы завалили одного из них. Он выронил вот это.

Я протянул Беку ПСМ. Казалось, это было равносильно удару в солнечное сплетение. Бек побледнел и схватился рукой за крышу «линкольна», чтобы сохранить равновесие.

– В чем дело? – спросил я.

Он отвел взгляд.

– Не верю.

– Что случилось?

– Вы завалили одного из них, и он выронил вот это?

– По-моему, его завалил Дьюк.

– Ты видел, как это произошло?

– Только силуэты, – сказал я. – Там было темно. Только вспышки выстрелов. Дьюк в кого-то стрелял, какая-то тень свалилась на пол, и я подобрал вот это.

– Это пистолет Энджела Долла.

– Вы уверены?

– Миллион к одному. Ты знаешь, что это такое?

– Никогда не видел ничего похожего.

– Это специальный пистолет КГБ, – объяснил Бек. – Из бывшего Советского Союза. У нас в стране это большая редкость.

Он шагнул в темноту. Я закрыл глаза. Мне неудержимо хотелось спать. Меня могли спасти даже пять секунд.

– Ричер, – окликнул меня Бек. – Какие улики вы оставили?

Я открыл глаза.

– Труп Дьюка.

– Это никуда не приведет. Что скажут баллистики?

Я усмехнулся в темноте. Представил себе, как криминалисты хартфордской полиции пытаются разобраться в траекториях. Стены, пол, потолок. Наверное, они придут к заключению, что в коридоре группа вооруженных людей танцевала диско.

– Много пуль и гильз, – сказал я.

– Оружие проследить нельзя, – сказал Бек.

Он шагнул дальше в темноту. Я снова закрыл глаза. Отпечатков пальцев я не оставил. Никакая моя часть не прикасалась ни к чему в доме, за исключением подошв ботинок. И я не стрелял из «глока» Даффи. Когда-то мне довелось услышать о центральной базе данных, где занесена информация о нарезке всех стволов с криминальным прошлым. Возможно, там есть что-то и на этот «глок». Но я им не пользовался.

– Ричер, – снова окликнул меня Бек. – Отвези меня домой.

Я открыл глаза.

– А что делать с этой машиной?

– Бросим ее здесь.

Зевнув, я заставил себя пошевелиться и полами плаща вытер рулевое колесо и все детали управления, которых касался. При этом «глок» чуть не вывалился у меня из кармана. Бек ничего не заметил. Он был настолько занят своими мыслями, что я мог бы достать пистолет и покрутить его вокруг пальца, словно герой вестерна, а Бек все равно ничего бы не заметил. Вытерев ручку двери, я нагнулся в салон, достал ключи, вытер их и зашвырнул в кустарник на краю стоянки.

– Поехали, – сказал Бек.

Он молчал до тех пор, пока мы не отъехали на тридцать миль к северо-востоку от Хартфорда. Затем начал говорить. Я понял, что все это время он пытался мысленно разобраться в случившемся.

– Вчерашний телефонный звонок, – начал Бек. – Именно тогда они обо всем договорились. А Долл работал на них.

– Давно?

– С самого начала.

– Не получается, – возразил я. – Дьюк по вашему поручению съездил на юг и выяснил номер «тойоты». Потом вы сообщили этот номер Доллу и

попросили проследить машину. Но почему в этом случае Долл сказал вам правду? Если бы это действительно были его дружки, он обязательно направил бы вас по ложному следу. В этом можно не сомневаться.

Бек снисходительно усмехнулся.

– Нет. Они поставили ловушку. Вот чем был вызван телефонный звонок. С их стороны это была прекрасная импровизация. Гамбит с похищением провалился, поэтому они переменили тактику. И приказали Доллу направить нас в нужном направлении. Чтобы случилось то, что случилось сегодня.

Я медленно кивнул, словно соглашаясь с его словами. Лучший способ подтолкнуть зависшее продвижение по службе состоит в том, чтобы убедить начальство, будто ты чуть тупее его. В армии я уже проделывал нечто подобное три раза подряд.

– Долл знал, что именно вы запланировали на сегодняшний вечер? – спросил я.

– Да, – подтвердил Бек. – Мы обсудили это еще вчера. Во всех подробностях. В конторе, как раз когда ты нас там застал.

– Значит, он вас подставил.

– Да, – согласился он. – Вчера вечером он запер контору и уехал из Портленда, присоединившись к своим дружкам. Рассказал им, кто приедет, когда и зачем.

Я молчал, размышляя о машине Долла. Она находилась всего в миле от конторы Бека. Я уже начинал жалеть о том, что не спрятал ее лучше.

– Но остается один большой вопрос, – продолжал Бек. – Это был один только Долл?

– Или?

Он умолк. Пожал плечами.

– Или кто-то из тех, кто работает с ним, – наконец сказал Бек.

«Из тех, кто тебе не подчиняется, – подумал я. – Люди Куина».

– Или они все, – закончил он.

Бек снова погрузился в раздумья и молчал еще миль тридцать – сорок. Заговорил он только тогда, когда мы опять выехали на I-95 и направились на север в объезд Бостона.

– Дьюк мертв, – сказал Бек.

– Я очень сожалею, – промолвил я.

И мысленно добавил: «Ну вот, начинается».

– Мы были знакомы много лет, – произнес он.

Я молчал.

– Тебе придется занять его место, – сказал Бек. – Мне нужен человек, прямо сейчас. Такой, кому я мог бы доверять. А я пока что доволен твоей работой.

– Повышение? – спросил я.

– Можешь называть это так.

– Глава охраны?

– По крайней мере на какое-то время, – подтвердил Бек. – Если тебе понравится, это станет твоей постоянной работой.

– Не знаю, что вам ответить, – неуверенно произнес я.

– Ты только не забывай о том, что мне известно, – напомнил Бек. – Ты мой с потрохами.

Я молчал в течение мили.

– Вы собираетесь платить мне деньги?

– Ты получишь обещанные пять штук плюс то, что получал Дьюк.

– Вы должны ввести меня в курс дела. Без этого я не смогу вам помочь.

Бек кивнул.

– Завтра. Поговорим обо всем завтра.

После этого он снова умолк. Взглянув на него, я увидел, что он крепко спит. Запоздалая реакция на шок. Бек решил, что весь его мир рушится. Я боролся со сном, стараясь удержать машину на дороге. Вспоминая то, что я читал о британской армии в Индии, во времена наивысшего расцвета колониального господства. Молодые офицеры, застрявшие в младших чинах, веселились отдельно от старших офицеров. Они ужинали вместе, одетые в парадные мундиры, и обсуждали свои шансы на продвижение по службе. Однако шансы у них могли появиться только в случае смерти одного из старших офицеров. Лишь тогда еще не остывшее после покойника место занимал кто-то новый. Поэтому молодежь поднимала хрустальные бокалы с чудесным французским вином и провозглашала тост: «За кровавые войны и смертельные болезни!», потому что единственная надежда на продвижение по службе

состояла в высоком проценте убыли старшего командного состава. Очень жестоко, но в армии всегда было так.

До побережья Мэна я добрался на автопилоте. Я не мог вспомнить ни одной мили из дороги, по которой проехал. От усталости я буквально онемел. Каждая клеточка моего тела ныла. Поли открыл ворота не сразу. Наверное, мы подняли его с постели. Он долго таращился на меня. Высадив Бека у крыльца, я отогнал машину в гараж. На всякий случай спрятал «глок» и запасные обоймы и вошел в дом через черный вход. Металлодетектор пискнул на ключи. Я бросил их на кухонный стол. Я умирал от голода, но был настолько уставшим, что не мог есть. Поднявшись наверх, я рухнул на кровать и сразу же заснул, полностью одетый, в плаще и ботинках.

Через шесть часов меня разбудила непогода. Косой дождь хлестал в окно. Казалось, по стеклу колотят щебнем. Встав с кровати, я выглянул в окно. Серо-стальное небо было затянуто густыми тучами; море бушевало. В полумиле от берега оно было покрыто белыми кружевами сердитой пены. Волны разбивались о скалы. Ни одной птицы. Было уже девять часов утра. День номер четырнадцать, пятница. Я снова лег на кровать и, уставившись в потолок, мысленно открутил назад семьдесят два часа до утра дня номер одиннадцать, когда Даффи предложила план из семи пунктов. Пункты один, два и три предупреждали меня быть как можно осторожнее. Пока что с этим я справлялся. По крайней мере, я до сих пор был жив. Пункт четыре заключался в том, чтобы найти Терезу Даниэль. Тут никакого прогресса. Пятый пункт – собрать улики на Бека. Опять же пока что у меня ничего не было. Абсолютно ничего. Я даже не видел с его стороны никаких противозаконных действий, если не считать езды на машине с фальшивыми номерами, с сумкой, набитой пистолетами-пулеметами, скорее всего запрещенными во всех четырех штатах, через которые мы проезжали. Шестой пункт – найти Куина. Тут также никакого прогресса. И наконец, седьмой – выбраться отсюда живым и невредимым. С этим пунктом придется подождать. После чего Даффи поцеловала меня в щеку, оставив налет сахарной пудры от пончика.

Встав с кровати, я заперся в туалете и проверил электронную почту. В эту ночь дверь моей спальни оставалась незапертой. Я не опасался, что меня застигнет врасплох Ричард Бек. Или его мать. А вот отец мог. Я принадлежал ему с потрохами. Да, я получил повышение, но мне по-прежнему приходилось ходить по лезвию. Сев на пол, я снял ботинок. Открыл каблук и включил устройство. «Для вас почта!» Это была Даффи, приславшая: «Контейнеры Бека сгружены на берег и отвезены на склад. Таможня их не досматривала. Всего пять штук. Самая большая партия за последнее время».

Я набрал: «Вы продолжаете наблюдение?» – и нажал кнопку отправки.

Через полторы минуты пришел ответ: «Да».

Я послал: «Я получил повышение».

Даффи ответила: «Воспользуйся этим».

Я отправил: «Вчера мне очень понравилось».

Она прислала: «Побереги батарейки».

Улыбнувшись, я выключил устройство и убрал его в каблук. Мне очень хотелось принять душ, но еще больше я хотел есть; к тому же мне требовалось сменить белье. Отперев ванную, я вышел в свою комнату и спустился вниз на кухню. Кухарка снова возилась у плиты. Подав девчонке-ирландке тосты и чай, она начала диктовать длинный список покупок. На столе лежали ключи от «сааба». Ключей от «кадиллака» не было. Съев все, что только попалось мне на глаза, я отправился на поиски Бека. Его нигде не было. Как и Элизабет с Ричардом. Я вернулся на кухню.

– Где семейство? – спросил я.

Горничная лишь молча взглянула на меня. Она уже надела дождевик и приготовилась ехать за покупками.

– Где мистер Дьюк? – ответила вопросом на вопрос кухарка.

– Он временно не может исполнять свои обязанности, – ответил я. – Я его замещаю. Где Беки?

– Уехали.

– Куда?

– Не знаю.

Я посмотрел в окно на дождь.

– Кто вел машину?

– Поли, – ответила кухарка.

– Когда они уехали?

– С час назад.

– Хорошо.

Я по-прежнему был в плаще. Я надел его, выходя из мотеля Даффи, и не снимал с тех пор. Выйдя через дверь черного входа, я очутился под проливным дождем. Ледяные струи были соленые на вкус. Дождь

смешивался с морскими брызгами. Волны бомбардировали скалы. Белая пена взлетала в воздух на тридцать футов. Спрятав лицо в воротник, я побежал к гаражу во дворик, обнесенный стеной. Там, по крайней мере, не было ветра. Первый гараж был пуст. Ворота распахнуты настежь. «Кадиллака» не было. В третьем гараже возился механик. Во двор вбежала горничная. Распахнула ворота четвертого гаража. Она уже успела промокнуть насквозь. Через мгновение из гаража выехал «сааб». Налетевший порыв ветра качнул машину. Дождь превратил пыль в тонкую пленку грязи, стекавшую ручейками. Горничная поехала за покупками. Какое-то время я стоял, слушая грохот волн. Вдруг я испугался, что вода может подняться слишком высоко. Поэтому я обогнул стену внутреннего дворика и пошел вдоль нее. Отыскал свой тайник в камнях. Трава вокруг была мокрая и примятая. Углубление в земле было заполнено водой. Дождевой. Не морской. Волны до тайника не доходили. Но дождевая вода его затопила. И кроме воды, там больше ничего не было. Ни свертка. Ни «глока», ни запасных обойм. Исчезли и ключи Долла, и шило, и долото.

Глава 08

Обогнув особняк, я повернулся лицом на запад. Стоя под проливным дождем, я смотрел на высокую каменную стену. В этот момент я как никогда был близок к тому, чтобы поскорее уносить отсюда ноги. Это было бы довольно просто. Ворота оставались широко распахнутыми. Наверное, их так оставила горничная. Она вышла из машины, чтобы их открыть, но затем ей не захотелось выходить снова под ливень, чтобы закрыть их за собой. И не было Поли, который мог бы сделать это за нее. Поли сидел за рулем «кадиллака». Поэтому ворота оставались открыты. И их никто не охранял. Впервые я видел их такими. Я мог бы спокойно пройти в них. Но я этого не сделал. Я остался.

Отчасти сыграл свою роль фактор времени. За воротами на протяжении по меньшей мере двенадцати миль простиралась до первой развилки пустынная дорога. Двенадцать миль. А машины у меня не было. Поли увез Беков на «кадиллаке», а горничная уехала на «саабе». «Линкольн» мы бросили в Коннектикуте. Так что я должен был бы идти пешком. Три часа быстрым шагом. Но у меня не было трех часов. Практически наверняка «кадиллак» вернется раньше чем через три часа. А на дороге спрятаться негде. Каменистые обочины совершенно голые. Я буду у всех на виду. Бек неизбежно наткнется на меня. Я буду идти пешком. Он будет ехать на машине. И у него есть пистолет. И у Поли есть. У меня же не было ничего.

Поэтому свою роль сыграла и стратегия. Если меня застигнут уходящим пешком, это подтвердит подозрения Бека – если предположить, что именно Бек обнаружил тайник. Но если я останусь, у меня появится шанс. Это станет свидетельством моей невиновности. Можно будет

попытаться свалить подозрения на Дьюка. Я смогу заявить, что тайник принадлежал Дьюку. Возможно, Бек найдет это правдоподобным. Возможно. Дьюк имел полную свободу ходить куда угодно, в любое время дня и ночи. Я же постоянно находился взаперти и под наблюдением. А поскольку Дьюк не будет присутствовать, он не сможет ничего отрицать. Я же буду у Бека перед глазами, громкоголосый, напористый и уверенный. Возможно, он купится на мои объяснения.

Какую-то роль сыграла и надежда. Вдруг это не Бек обнаружил мой тайник? Вдруг это сделал Ричард, гулявший на берегу? Его реакция будет непредсказуемой. Я решил, Ричард может подойти как к отцу, так и ко мне. Пятьдесят на пятьдесят. А может быть, тайник обнаружила Элизабет. Она часто гуляет среди этих скал. Хорошо их знает. Знает их тайны. По моим предположениям, она уделяет им очень много времени, по тем или иным причинам. Элизабет меня не выдаст. Вероятно.

В том, что я остался, была заслуга и дождя. Он был холодным, сильным и не прекращался ни на минуту. Я слишком устал, чтобы три часа идти пешком под дождем. Я понимал, что это просто слабость. Но я не мог шевелить ногами. Мне хотелось вернуться в дом. Хотелось согреться, поесть и отдохнуть.

И наконец, определенную роль сыграл страх потерпеть неудачу. Если бы я сейчас ушел отсюда, вернуться назад я бы уже не смог. Я это понимал. А я вложил в это дело уже две недели своей жизни. Добился определенных результатов. На меня полагаются. Мне уже не раз приходилось бывать битым. Но я никогда не опускал руки без боя. Ни разу.

Если бы я сейчас ушел, это мучило бы меня до конца моих дней. *Джек Ричер, трус. Сбежал, как только стало горячо.*

Я стоял, а дождь хлестал мне в спину. Время, стратегия, надежда, погода, страх потерпеть неудачу. Причины, заставившие меня остаться.

Но возглавляла список женщина.

Не Сьюзен Даффи и не Тереза Даниэль. Женщина из далекого прошлого, из другой жизни. Эту женщину звали Доминик Коль. Мы познакомились, когда я служил в армии. Я тогда был в звании капитана. Мне оставался последний год до производства в майоры. Однажды рано утром я вошел в свой кабинет и увидел на столе привычные кипы бумаги. В основном мусор. Но среди прочего была копия приказа, в котором говорилось о том, что сержант первого класса Коль направляется под мое начало. О том, каков пол сержанта, не говорилось ни слова. Фамилия показалась мне немецкой, и я представил себе уродливого верзилу из Техаса или Миннесоты. Огромные красные ручищи, огромная красная физиономия, старше меня, лет тридцати

пяти, стриженный под машинку. Через пару часов мне сообщили, что сержант Коль ждет в коридоре. Я заставил его подождать еще минут десять, просто так, и лишь затем пригласил войти. Но он оказался ею, не уродливой и не верзилой. Она была в юбке. Ей было двадцать девять лет. Она была невысокой, но атлетическое телосложение не позволяло назвать ее миниатюрной. И она была слишком красивой, чтобы называть ее атлеткой. Казалось, ее мастерски отлили из того материала, из которого делают внутреннюю часть теннисного мяча. В ней была какая-то эластичность. Упругость и в то же время мягкость. Она казалась высеченной из камня, и в то же время у нее не было острых углов. Застыв по стойке «смирно» перед моим столом, она четко козырнула. Я не ответил на ее приветствие, что было очень грубо с моей стороны. В течение пяти секунд я просто таращился на нее.

– Вольно, сержант, – наконец сказал я.

Она протянула мне приказ о назначении и свое личное дело. В армии эти папки называются послужными списками. В них содержится все, что только может понадобиться кому бы то ни было. Я оставил сержанта Коль стоять перед столом, пока знакомился с ее личным делом, что также было грубостью, но у меня не было выбора. В кабинете не было второго стула. В армии на второй стул в кабинете могут рассчитывать только офицеры начиная с полковника. Сержант Коль стояла совершенно неподвижно, сплетя руки за спиной, уставившись в точку на стене ровно в футе над моей головой.

Ее послужной список был впечатляющим. Она успела позаниматься понемногу всем и везде добилась выдающихся результатов. Мастерское владение оружием, самые разнообразные навыки, длинный список задержаний, потрясающе высокий процент раскрываемости. Признанный лидер, она быстро продвигалась по служебной лестнице. По долгу службы ей пришлось убить двух человек, одного из огнестрельного оружия, другого голыми руками, и в обоих случаях это было признано оправданным. Она была восходящей звездой. Это не вызывало сомнений. Я понял, что, по мнению командования, ее перевод под мое начало мне следовало расценивать как поощрение.

– Рад приветствовать вас в своей команде, – сказал я.

– Сэр, благодарю вас, сэр, – ответила она, сверля глазами воздух у меня над головой.

– Я не сторонник этого дерьма, – сказал я. – Я не боюсь, что вы испарите меня своим взглядом, и, по мне, даже одного «сэр» в предложении слишком много, не говоря уже о двух. Лады?

– Лады, – согласилась она.

Коль схватывала все с полуслова. До конца своей жизни она больше ни разу не назвала меня сэром.

– Хотите сразу же нырнуть на самую глубину? – предложил я.

– Хочу, – кивнула она.

Выдвинув ящик, я достал тонкую папку и протянул ее Коль. Не глядя на папку, она одной рукой пододвинула ее к себе и посмотрела мне в глаза.

– Абердин, штат Мэриленд, – сказал я. – Испытательный полигон. Один конструктор оружия ведет себя странно. Тревожный звонок от бдительного коллеги, опасающегося шпионажа. Но лично я больше склоняюсь к шантажу. Возможно, расследование будет долгим и сложным.

– Ничего страшного, – ответила Коль.

Именно она была главной причиной того, почему я не ушел через распахнутые ворота.

Войдя в дом, я поднялся к себе и долго стоял под горячим душем. Мало кому хотелось бы быть застигнутым врасплох мокрым и раздетым, но мне уже было все равно. Наверное, я на время стал фаталистом. Будь что будет. Затем я закутался в полотенце, спустился на предыдущий этаж и отыскал комнату Дьюка. Похитил у него еще один комплект белья. Переоделся, надел свои ботинки, пиджак и плащ. Спустился на кухню и стал ждать. Там было тепло. От грохота волн о скалы и стука дождя в оконное стекло становилось еще теплее. Я словно очутился в священном убежище. Кухарка возилась у плиты с цыпленком.

– Кофе у вас есть? – спросил я.

Она молча покачала головой.

– Почему?

– Из-за кофеина, – объяснила она.

Я уставился ей в затылок.

– Весь смысл кофе как раз в кофеине, – сказал я. – В любом случае, в чае тоже есть кофеин, а я видел, как вы заваривали чай.

– В чае танин, – возразила кухарка.

– И кофеин.

– Тогда пейте чай.

Я огляделся вокруг. На столе стояла вертикально деревянная плаха, из которой торчали под углом черные рукоятки ножей. Повсюду бутылки и стаканы. Наверное, под мойкой баллончик с нашатырным спиртом. И отбеливатель с хлоркой. Достаточно подручного оружия для рукопашной схватки. Если Бек начнет колебаться по поводу того, стрелять ли в тесном помещении, полном людей, мне, наверное, удастся с ним справиться. Я смогу завалить его до того, как он выстрелит в меня. Мне нужно было только полсекунды.

– Вы хотите кофе? – спросила кухарка. – Вы к этому клоните?

– Да, – подтвердил я. – Хочу.

– Нужно было лишь попросить.

– Я просил.

– Нет, вы только спросили, есть ли у нас кофе, – возразила она. – Это не одно и то же.

– Значит, вы сварите мне кофе? Пожалуйста!

– Что случилось с мистером Дьюком?

Я ответил не сразу. Возможно, кухарка собиралась выйти за него замуж, как в старых фильмах, где кухарка выходит замуж за дворецкого, они удаляются на покой и счастливо живут вместе.

– Его убили, – наконец сказал я.

– Вчера вечером?

Я кивнул.

– Мы попали в засаду.

– Где?

– В Коннектикуте.

– Хорошо, я сварю кофе.

Она включила кофеварку. Я мысленно отметил, откуда она что достает. Бумажные фильтры хранились в буфете рядом с салфетками. Банка с кофе стояла в холодильнике. Старая кофеварка работала очень медленно. Она издавала громкое задумчивое бульканье. В сочетании со стуком дождя в окна и грохотом волн о скалы это означало, что я не услышал, когда вернулся «кадиллак». Дверь черного входа вдруг распахнулась, и на кухню ворвалась Элизабет Бек. За ней по пятам следовал Ричард, а сам Бек замыкал тыл. Все трое тяжело дышали от

возбуждения, как и полагается людям, только что совершившим короткую стремительную пробежку под сильным дождем.

– Привет, – бросила мне Элизабет Бек.

Я кивнул. Не сказал ни слова.

– Кофе! – воскликнул Ричард. – Замечательно!

– Мы выезжали завтракать в город, – объяснила Элизабет. – В Олд-Орчард-Бич. Там есть одно маленькое кафе, которое нам очень нравится.

– Поли предложил не будить тебя, – сказал Бек. – Он решил, после вчерашнего тебе нужно отдохнуть. И вызвался сам отвезти нас.

– Хорошо, – сказал я, размышляя: «Это Поли обнаружил мой тайник? Он уже сказал о своей находке?»

– Ты будешь кофе? – спросил меня Ричард.

Он уже возился у кофеварки, гремя чашками.

– Благодарю. Черный.

Ричард передал мне чашку. Бек, сняв плащ, стряхнул с него дождевые капли.

– Бери кофе с собой, – бросил он мне. – Нам нужно поговорить.

Выйдя в коридор, он оглянулся, предлагая мне следовать за собой. Я захватил чашку с кофе. Напиток был обжигающим. В крайнем случае можно будет выплеснуть его Беку в лицо. Как и раньше, он повел меня к квадратной комнате, обшитой деревом. Я нес полную чашку, что несколько замедляло мой шаг. Бек успел меня здорово опередить. Когда я вошел в комнату, он уже стоял в противоположном конце у окна, спиной ко мне. Когда Бек повернулся, в руке у него был пистолет. Я застыл на месте. Я был слишком далеко от него, чтобы воспользоваться кофе. Нас разделяло футов четырнадцать. Горячая жидкость изогнется дугой, рассеется на мелкие брызги, остынет, а то и вовсе не попадет в цель.

В руке у Бека была девятимиллиметровая «беретта», специальная модель. Это гражданская «Беретта 92ФС», внешне подогнанная под стандартную армейскую «Беретту М9». Стреляет патронами «Парабеллум». У пистолета в руке Бека была обойма на четырнадцать патронов и лазерный прицел армейского образца. Я почему-то вдруг вспомнил, что розничная цена такого пистолета 861 доллар. Сам я носил М9 в течение тринадцати лет. Я выпустил из нее несколько тысяч патронов по мишеням в тире и немало по настоящим целям. Почти все

пули попали туда, куда нужно, потому что «беретта» – очень точное оружие. Почти все цели были уничтожены, потому что «беретта» – очень мощное оружие. Я на него не жаловался. Я до сих пор помнил плакат у нас в арсенале: «Незначительная отдача делает пистолет удобным в обращении. Его легко разобрать в полевых условиях». Наши оружейники повторяли эти слова как заклинание. Снова и снова. Наверное, контракт на поставку «беретт» обещал быть очень выгодным. Впрочем, не все придерживались такого мнения. Спецназ морской пехоты ненавидел М9. Бойцы утверждали, что «беретты» часто разрывает при выстреле. Они даже сочинили стишок: «Мы спецназовцами стали, отведав итальянской стали». Но лично меня М9 не подводил ни разу. На мой взгляд, оружие было замечательное. Бек, судя по всему, держал в руках совершенно новый экземпляр. Безукоризненная отделка. Заводская смазка. Люминесцентная краска на прицеле, мягко светящаяся в полумраке.

Я ждал.

Бек стоял неподвижно, сжимая в руке пистолет. Наконец он хлопнул ствол в ладонь левой руки и убрал правую руку. Перегнулся через дубовый стол и протянул пистолет мне, рукояткой вперед, левой рукой, вежливо, словно продавец в оружейном магазине.

– Надеюсь, тебе понравится, – сказал он. – Я решил, тебе придется по душе что-нибудь привычное. Дьюк предпочитал экзотику вроде того «штейра». Но я предположил, что тебе, учитывая твое прошлое, будет проще с «береттой».

Я шагнул вперед. Поставил чашку с кофе на стол. Взял пистолет. Вынул обойму, проверил патронник, оттянул затвор, посмотрел в ствол. Он не был просверлен. Значит, это не обман. Это боевое оружие. И патроны были боевые. Пистолет был совершенно новый. Из него еще ни разу не стреляли. Вставив обойму, я подержал пистолет в руке. Казалось, я пожал руку старому другу. Затем я дослал патрон в патронник, поставил пистолет на предохранитель и убрал его в карман.

– Спасибо.

Бек сунул руку в карман и достал две запасные обоймы.

– Возьми.

Он протянул мне обоймы. Я их взял.

– Потом я дам тебе еще.

– Хорошо.

– Ты когда-нибудь стрелял с лазерным прицелом? – спросил Бек.

Я покачал головой.

– Есть такая фирма «Лазерные приборы», – сказал он. – Она выпускает универсальный прицел для стрелкового оружия, который крепится под стволом. И маленький прожектор, устанавливается под мушкой. Замечательная штуковина.

– Высвечивает маленькую красную точку?

Бек кивнул. Усмехнулся.

– Никому не хочется, чтобы его осветил этот красный прожектор, это уж точно.

– Дорогой?

– Не очень, – сказал он. – Пара сотен зеленых.

– Сколько весит?

– Четыре с половиной унции.

– И все это в передней части?

– Вообще-то так даже лучше, – заметил Бек. – При стрельбе не дает стволу задираться вверх. Вес пистолета увеличивается примерно на тринадцать процентов. С прожектором, конечно, чуть больше. Итого сорок – сорок пять унций. Все равно меньше, чем твои «анаконды». Сколько они весят, пятьдесят девять унций?

– Неснаряженные, – подтвердил я. – С шестью патронами в барабане больше. Я их когда-нибудь получу назад?

– Я их куда-то убрал, – сказал Бек. – Я тебе их верну. Потом.

– Спасибо, – повторил я.

– Хочешь испытать лазер?

– Мне и без него хорошо.

Он снова кивнул.

– Тебе решать. Но мне нужна лучшая охрана, какую я только могу получить.

– Не беспокойтесь, – заверил его я.

– Сейчас мне надо будет отъехать, – сказал он. – Одному. У меня встреча.

– Вы не хотите, чтобы я вас отвез?

– На такую встречу лучше отправиться одному. Ты оставайся здесь. Поговорим позже. Перебирайся в комнату Дьюка, хорошо? Я бы предпочел, чтобы мой глава охраны находился ближе ко мне, когда я сплю.

Я убрал запасные обоймы в другой карман.

– Хорошо.

Бек вышел в коридор и направился назад на кухню.

От такого неожиданного кульбита мозги перевернутся у кого угодно. Высшая степень напряжения сменилась полнейшей растерянностью. Я подошел к фасадному окну и выглянул на круг перед крыльцом. «Кадиллак» развернулся и поехал под проливным дождем к воротам. Остановился. Из домика вышел Поли. Должно быть, его высадили там по дороге из кафе после завтрака. Наверное, последние метры до гаража машину вел сам Бек. Или Ричард. Или Элизабет. Поли открыл ворота. «Кадиллак» выехал в них и тотчас же скрылся в тумане и дожде. Поли закрыл ворота. На нем был дождевик размером с цирковой шатер.

Стряхнув оцепенение, я обернулся и отправился на поиски Ричарда. Его простодушные глаза ничего не смогут скрыть. Ричард все еще был на кухне, допивал кофе.

– Сегодня утром ты гулял по берегу? – спросил я.

Я произнес это невинным, дружелюбным тоном, словно пытался завести разговор. Если Ричарду было что прятать, я сразу бы это понял. Он бы покраснел, отвел взгляд, начал запинаться, переминаться с ноги на ногу. Но Ричард не сделал ничего такого. Он оставался совершенно расслабленным. И спокойно выдержал мой взгляд.

– Ты шутишь? Ты видел, какая сегодня погода?

Я кивнул.

– Мерзкая.

– Я бросаю колледж, – выпалил Ричард.

– Почему?

– Из-за того, что случилось вчера вечером. Из-за засады. Те ребята из Коннектикута по-прежнему разгуливают на свободе. Возвращаться в колледж небезопасно. Пока что я останусь здесь.

– Как ты к этому относишься?

Ричард грустно усмехнулся.

– Да я все равно напрасно терял там время.

Я отвел взгляд. *Закон непредвиденных последствий.* Я только что закрыл мальчишке дорогу к образованию. Быть может, безнадежно испортил всю его жизнь. Впрочем, я и так намереваюсь засадить в тюрьму его отца. А то и вообще прикончить его. Так что в сравнении с этим диплом о высшем образовании выглядит пустяковой мелочью.

Я отправился искать Элизабет Бек. Прочесть ее будет сложнее. Я перебирал различные пути подхода к ней и не мог остановиться ни на чем, что гарантировало бы успех. Я нашел Элизабет в небольшом салоне в северо-западном уголке особняка. Она сидела в кресле. У нее на коленях лежала раскрытая книга. «Доктор Живаго» Бориса Пастернака. В мягкой обложке. Я видел фильм. Запомнил Джули Кристи и музыку. «Тема Лары». Поездки по железной дороге. И очень много снега. Меня вытащила в кино какая-то подруга.

– Это не вы, – сказала Элизабет Бек.

– Что не я?

– Это не вы правительственный шпион.

Я выпустил задержанный вдох. Она бы не сказала это, если бы нашла мой тайник.

– Вот именно, – согласился я. – Ваш муж только что вручил мне пистолет.

– Вы слишком глупы, чтобы работать на правительство.

– Вот как?

Она покачала головой.

– Ричард просто умирал по чашке кофе, когда мы вернулись.

– И?

– Как вы думаете, могло ли это быть, если мы действительно ездили завтракать? Ведь в этом случае он мог бы выпить столько кофе, сколько хотел.

– Так куда же вы ездили?

– Нас вызвали на встречу.

– С кем?

Элизабет Бек только покачала головой, словно не могла произнести это имя.

– Поли не предложил отвезти нас, – продолжала она. – Он приказал нам ехать. Ричарду пришлось ждать в машине.

– Но вы приняли участие?

Элизабет кивнула.

– Там есть некий тип по имени Трой.

– Глупое имя.

– Зато сам тип весьма неглуп. Молодой и прекрасно разбирается в компьютерах. Кажется, таких называют хакерами.

– И?

– Этот Трой только что получил частичный доступ к одной из правительственных систем в Вашингтоне. И обнаружил, что сюда заслали федерального агента. Сначала все решили, что речь идет о вас. Затем Трой копнул поглубже и уточнил, что этот агент – женщина и она находится здесь уже несколько недель.

Я недоуменно уставился на нее. «Тереза Даниэль действует неофициально. В правительственных компьютерах на нее ничего нет». Затем я вспомнил ноутбук Даффи с эмблемой Министерства юстиции на экране. Вспомнил провод от модема, извивающийся по столу, проходящий через сложный адаптер и подключенный к телефонной розетке в стене. Через него ноутбук Даффи был связан с компьютерами всего мира. Неужели Даффи хранит в нем закрытые сведения? Для личного пользования? Чтобы в случае чего можно было оправдаться задним числом?

– Не хочу думать о том, что они сделают с этой женщиной, – сказала Элизабет.

Она вздрогнула и отвернулась. Я успел дойти до прихожей. Застыл на месте. Машин здесь нет. А до того как попасть хоть куда-нибудь – двенадцать миль пустынной дороги. Три часа быстрым шагом. Два часа бегом.

– Забудьте об этом, – окликнула меня Элизабет. – Вас это не касается.

Обернувшись, я вопросительно посмотрел на нее.

– Забудьте об этом, – повторила она. – Этим занимаются как раз сейчас. Скоро все будет кончено.

Второй раз я встретился с сержантом первого класса Доминик Коль на третий день ее службы у меня. На ней были форменные шорты и

футболка цвета хаки. Было очень жарко. Это я запомнил прекрасно. Нас накрыла какая-то тепловая волна. У Коль были загорелые руки. Ее кожа оставалась сухой даже в жару. Коль не потела. В футболке она смотрелась обалденно. На плечах лычки, справа на груди «Коль», слева «Армия США», обе нашивки чуть выгнуты, повторяя форму груди. Коль принесла папку, которую я ей дал. Теперь папка распухла, пополнилась новыми бумагами.

– Мне нужен напарник, – сказала Коль.

Я почувствовал себя виноватым. Она уже третий день работает у меня, а я еще до сих пор не выделил ей напарника. Я попытался вспомнить, выделил ли я ей рабочее место. А также шкафчик для личных вещей и комнату.

– Вы уже познакомились с человеком по фамилии Фраскони? – спросил я.

– С Тони? Вчера. Но он лейтенант.

Я пожал плечами.

– Я ничего не имею против того, чтобы офицеры работали вместе с сержантами. В уставе по этому поводу ничего нет. А если бы и было, я бы все равно не обратил на это внимания. Вы не возражаете?

Она покачала головой.

– Но возможно, возражать будет он.

– Фраскони? Не будет.

– Значит, вы его предупредите?

– Разумеется, – подтвердил я.

Я написал для себя напоминание на листке бумаги: «Фраскони, Коль, напарники» – и подчеркнул дважды, чтобы наверняка не забыть. Затем указал на папку, которую принесла Коль.

– Что у вас нового?

– Есть новость хорошая и новость плохая. Плохая новость заключается в том, что система работы с закрытыми документами на полигоне из рук вон плохая. Возможно, все дело в простой халатности, но, скорее всего, кто-то намеренно все расстроил, чтобы было проще скрывать то, чего не должно быть.

– Кто этот тип, о ком идет речь?

– Одно светило науки по фамилии Горовский. Дядя Сэм забрал его прямо из Массачусетского технологического института. Приятный человек, во всех отношениях. Говорят, умный до жути.

– Он русский?

Коль покачала головой.

– Поляк, в миллионном поколении. Никаких намеков на идеологию.

– Когда этот Горовский учился в институте, он болел за «Ред сокс»?

– Почему вы так решили?

– Они все со странностями, – объяснил я. – Проверьте это.

– Вероятно, речь идет о шантаже, – сказала Коль.

– А что за хорошая новость?

Она раскрыла папку.

– Та штука, над чем сейчас работают эти ребята, представляет по сути своей маленький снаряд.

– С кем они работают?

– С фирмой «Ханиуэлл» и корпорацией оборонного ведомства.

– И?

– Снаряд должен быть тонким, что называется «подкалиберным». На танках устанавливаются пушки калибра сто двадцать миллиметров, но эта штуковина значительно тоньше.

– Насколько тоньше?

– Пока что это никому не известно. Как раз сейчас ведутся работы над отделяемой оболочкой. Эта оболочка окружает снаряд, доводя его до нужного калибра.

– Я знаю, что такое подкалиберный снаряд, – вставил я.

Коль пропустила мое замечание мимо ушей.

– Оболочка будет отделяемой, то есть как только снаряд вылетает из дула орудия, она сразу же разваливается и отпадает. Сейчас ученые пытаются определить, должна ли она быть из металла или ее можно делать из пластмассы. Они называют ее «сабо». По-французски «ботинок». То есть получается, что снаряд словно надевает маленькие ботинки.

– Я хорошо знаю французский, – снова вставил я. – У меня мать француженка.

– От этого же корня происходит слово «саботаж», – не обращая на меня внимания, продолжала Коль. – Оно тоже пришло из Франции. Во время конфликтов с работодателями промышленные рабочие разбивали новое оборудование ногами.

– Обутыми в ботинки, – уточнил я.

Она кивнула.

– Совершенно верно.

– Так все же в чем хорошая новость?

– Конструкция отделяемой оболочки никому ничего не скажет, – сказала Коль. – По крайней мере, ничего стоящего. Это просто оболочка. Так что у нас впереди достаточно времени.

– Хорошо. И все же займитесь этим в первую очередь. Вместе с Фраскони. Он вам понравится.

– Вы не хотите сегодня вечером выпить пива?

– Я?

Коль посмотрела мне прямо в глаза.

– Если люди могут работать вместе независимо от званий, они могут и пить пиво вместе, верно?

– Хорошо, – согласился я.

У Доминик Коль не было ничего общего с Терезой Даниэль, какой я ее видел на фотографиях, но сейчас у меня перед глазами стояло лицо, имеющее черты их обеих. Оставив Элизабет Бек с ее книгой, я вернулся в свою прежнюю комнату. Там я чувствовал себя в большей безопасности. Запершись в ванной, я снял ботинок. Сдвинул каблук и включил устройство электронной почты. Меня уже ждало сообщение от Даффи: «На складе все тихо. Чем они занимаются?»

Не обращая на него внимания, я набрал ответ: «Терезы Даниэль нет в живых».

Пять слов, двадцать две буквы, четыре пробела. Я долго смотрел на это сообщение. Положил палец на кнопку «Отправить». Но не нажал ее. Вместо этого я перевел палец на «Стирание» и стер надпись. Буквы исчезли справа налево, съеденные маленьким курсором. Я решил

сообщить о смерти Терезы Даниэль только тогда, когда буду знать наверняка.

Вместо этого я послал: «Возможно, в твой компьютер проникли».

Последовала длинная пауза, значительно превышающая обычные девяносто секунд. Я даже начал бояться, что Даффи не ответит. Должно быть, она вырывала провода из адаптера. Впрочем, может быть, она просто была в душе, потому что через четыре минуты наконец пришел простой ответ: «Почему?»

Я послал: «Слышал о хакере с частичным доступом к правительственным сетям».

Даффи ответила: «К глобальным или локальным?»

Я понятия не имел, что она имеет в виду, поэтому ответил: «Не знаю».

Она спросила: «Подробности?»

Я послал: «Просто услышал. Ты хранишь данные в своем ноутбуке?»

Она ответила: «Нет, черт возьми!»

Я послал: «А где-нибудь еще?»

Она ответила: «Да нет же!!»

Я спросил: «А Элиот?»

Последовала новая четырехминутная пауза. Затем Даффи ответила: «Не думаю».

Я спросил: «Не думаешь или уверена?»

Она ответила: «Не думаю».

Я уставился на выложенную кафелем стену. Выдохнул. *Элиот убил Терезу Даниэль.* Другого объяснения не может быть. Затем я снова сделал вдох. А может быть, и есть. Может быть, Элиот ни в чем не виноват. Я послал: «Нашу переписку могут читать?»

Мы уже почти двое суток оживленно обменивались сообщениями по электронной почте. Даффи интересовалась своим агентом. Я спросил у нее ее настоящее имя. И из этих вопросов определенно можно было узнать пол агента. Возможно, Терезу Даниэль убил я.

Я выпустил задержанный воздух только тогда, когда Даффи ответила: «Наша переписка зашифрована. Технически ее можно перехватить, но прочитать нельзя».

Выдохнув, я послал: «Уверена?»

Она ответила: «Абсолютно».

Я спросил: «Зашифрована как?»

Она ответила: «Разработанная Агентством национальной безопасности программа стоимостью миллиард долларов».

Это меня успокоило, но лишь отчасти. Некоторые программы АНБ стоимостью миллиард долларов появляются в газетах еще до того, как их успевают довести до конца. А в армии связисты наломали больше дров, чем кто бы то ни был.

Я послал: «Немедленно проверь компьютер Элиота».

Даффи ответила: «Проверю. Прогресс?»

Я набрал: «Никакого». Затем стер это слово и отправил: «Скоро будет».

Я решил, возможно, это хоть как-то обрадует Даффи.

Я снова спустился на первый этаж. Дверь в салон была открыта. Элизабет Бек по-прежнему сидела в кресле. Перевернутый корешком вверх «Доктор Живаго» лежал у нее на коленях, а она смотрела в окно на дождь. Открыв входную дверь, я вышел на улицу. Металлодетектор пискнул на «беретту» у меня в кармане. Закрыв за собой дверь, я пересек круг перед крыльцом и направился по дорожке. Дождь хлестал мне в спину, стекал за шиворот. Но ветер мне помогал. Он гнал меня на запад, прямо к домику привратника. Я шагал быстро. Вот возвращаться назад будет тяжело. Мне предстоит идти прямо против ветра. Если, конечно, я к тому времени еще сохраню возможность самостоятельно ходить.

Поли увидел меня издалека. Должно быть, он сидел все сутки напролет в своем крохотном домике, перебираясь от наружного окна к внутреннему, словно вспугнутое животное в логове. Набросив дождевик, Поли вышел из дома. Для того чтобы пройти в дверь, ему пришлось пригнуться и повернуться боком. Он остановился, прижимаясь спиной к дому, под скатом крыши. Но крыша ему не помогала. Дождь хлестал горизонтально прямо под нее. С глухим стуком барабанил по дождевику. Крупные капли били Поли в лицо и стекали подобно струйкам пота. Он был без шляпы. Темные от воды волосы облепили голову.

Я держал обе руки в карманах, ссутулившись и спрятав лицо в воротнике плаща. Правая рука сжимала «беретту». Предохранитель был снят. Но я не хотел использовать оружие. В этом случае мне придется долго объясняться. А вместо Поли все равно появится кто-то другой. Я не хотел, чтобы Поли меняли до того, как я буду к этому готов. Поэтому я не хотел использовать «беретту». Но был готов к этому.

Я остановился в шести футах от Поли. Так, чтобы он меня не достал.

– Нам нужно поговорить, – сказал я.

– Я не хочу с тобой говорить.

– Ты предпочитаешь ломать друг другу руки?

У Поли были бледно-голубые глаза с крошечными зрачками. Наверное, его завтрак состоял исключительно из таблеток и порошков.

– Поговорить о чем? – спросил он.

– О новой ситуации.

Он молчал.

– Какая у тебя ВС в армии?

ВС – это армейская аббревиатура. В армии обожают аббревиатуры. Эта означает «военная специальность». И я использовал настоящее время. Обошелся без глагола «была». Я хотел поставить Поли на место. Бывший военный – все равно что заблудший католик. Хотя старые каноны и отодвинуты на задворки памяти, они по-прежнему очень сильны. И один из этих канонов – беспрекословное повиновение офицеру.

– Одиннадцать пах-пах, – усмехнулся Поли.

Не слишком обнадеживающий ответ. «Одиннадцать пах-пах» – на военном сленге 11П, пехота специального назначения. Имея дело с гигантом, который весит четыреста фунтов и имеет мышцы из стали и стероидов, я бы предпочел, чтобы его военная специальность была техник или машинист-стенографист. Только не пехота специального назначения. Особенно если этот четырехсотфунтовый гигант не любит офицеров и отсидел восемь лет в Ливенуорте за то, что избил одного из них.

– Войдем в дом, – предложил я. – Здесь сыро.

Я произнес это тем тоном, который вырабатывается у всех, кто поднимается по службе выше капитана. Мягко, доброжелательно. Лейтенанты говорят не так. Это вроде бы приглашение, но в то же время и приказ. В нем отчетливо звучит подтекст: «Слушай, мы свои люди, и нашим отношениям не должна мешать разница в званиях».

Поли долго смотрел на меня. Затем развернулся и боком скользнул в дверь. Пригнул подбородок к груди, чтобы пройти под притолокой. Высота потолка была футов семь. Мне он показался низким. Поли

буквально утыкался в него головой. Я не вынимал руки из карманов. Капли воды стекали с дождевика Поли и образовывали лужицы на полу.

В домике стоял резкий кислый животный запах. Как в питомнике. И здесь было очень грязно. Небольшая гостиная сообщалась с кухней. За кухней был крохотный коридор, с туалетом направо и спальней в конце. И все. В городах таких тесных квартир не бывает. Повсюду царил страшный беспорядок. В мойке грязная посуда. Гостиная завалена одноразовыми тарелками и чашками и предметами спортивной одежды. У одной стены старый диван, напротив новый телевизор. Диван был продавлен огромной тушей Поли. На полках, на столе, повсюду флаконы из-под таблеток. Из-под витаминов, но в основном из-под других препаратов.

В гостиной висел пулемет. Старый советский НСВ, снятый с башни танка. Поли подвесил его на цепи посреди комнаты. Пулемет болтался подобно зловещей скульптуре. Подобно творению Александра Калдера, которые сейчас устанавливают во всех аэропортах. Пулемет можно было разворачивать в любую сторону. Из него можно было вести огонь как в наружное, так и во внутреннее окно, словно в амбразуры. Поле ограниченное, но можно было держать под огнем сорок ярдов дороги на запад и сорок ярдов подъездной дорожки на восток. Боепитание осуществлялось лентой из открытого ящика с патронами, установленного на полу. Вдоль стены стояло еще ящиков двадцать. Матового защитного цвета, с надписями по-русски и красными звездами.

Пулемет был настолько большой, что мне пришлось прижаться спиной к стене, чтобы его обойти. Я заметил два телефонных аппарата. Один, вероятно, был подключен к внешней линии. Другой – к внутренней сети, связывающей домик привратника с особняком. На стене висели коробки охранной сигнализации. Вероятно, к одной были подключены датчики на ничейной территории. К другой – датчик, реагирующий на движение, установленный на воротах. На видеомониторе застыла черно-белая картинка с камеры наружного наблюдения.

– Ты ударил меня ногой, – начал Поли.

Я молчал.

– Потом ты попытался наехать на меня машиной, – не унимался он.

– Предупредительные выстрелы, – сказал я.

– Насчет чего?

– Дьюка больше нет.

Поли кивнул.

– Слышал.

– Так что теперь вместо него я, – сказал я. – Ты отвечаешь за ворота, я отвечаю за дом.

Он снова кивнул. Ничего не сказал.

– Теперь я отвечаю за Беков, – продолжал я. – Отвечаю за их безопасность. Мистер Бек мне доверяет. Доверяет настолько, что дал мне оружие.

Все это время я пристально смотрел на Поли. От такого взгляда люди начинают ощущать боль между глаз. Именно в этот момент химия и стероиды должны были бы вступить в действие и Поли, глупо ухмыльнувшись, должен был бы объявить: «Ну, он больше не будет тебе доверять, после того как я скажу ему о том, что нашел в скалах, да? После того как я скажу ему, что у тебя уже было оружие». Он должен был бы заерзать, усмехнуться и заговорить нараспев. Но Поли ничего не сказал. И ничего не сделал. Вообще никак не отреагировал на мои слова, если не считать того, что его взгляд стал чуть рассеянным, словно Поли пытался просчитать, что все это значит для него лично.

– Ты все понял? – спросил я.

– Был Дьюк, а теперь вместо него ты, – равнодушно промолвил он.

Значит, мой тайник обнаружил не он.

– Я отвечаю за всю семью, – повторил я. – В том числе и за миссис Бек. Игра закончена, договорились?

Поли молчал. Оттого, что мне приходилось задирать голову, у меня уже начинала ныть шея. Мой позвоночник больше привык к тому, чтобы я смотрел на собеседника сверху вниз.

– Договорились? – повторил я.

– Или?

– Или нам с тобой придется постоянно сталкиваться друг с другом.

– Лично я с удовольствием.

Я покачал головой.

– Никакого удовольствия не будет. Даже не мечтай. Я разорву тебя на части, кусок за куском.

– Ты так думаешь?

– Ты бил военного полицейского? – спросил я. – Когда служил в армии?

Поли не ответил. Лишь молча отвел взгляд. Вероятно, вспомнил свой арест. Наверное, он оказал сопротивление и его пришлось немного усмирить. А затем, скорее всего, он где-нибудь скатился кубарем с лестницы, так что ему здорово досталось. Где-нибудь по дороге от места задержания до тюремной камеры. Совершенно случайно. При определенных обстоятельствах такое происходит сплошь и рядом. Впрочем, офицер, производивший задержание, наверняка захватил с собой шестерых дюжих ребят. Я захватил бы восьмерых.

– А потом я выставлю тебя за дверь, – заверил я.

Его взгляд вернулся ко мне, медленно и лениво.

– Не сможешь, – сказал Поли. – Я работаю не на тебя. И не на Бека.

– А на кого ты работаешь?

– На одного человека.

– Этот один человек имеет имя?

Он покачал головой.

– Пустой номер.

Не вынимая рук из карманов, я протиснулся мимо пулемета. Направился к выходу.

– Теперь мы с тобой все уладили? – спросил я.

Поли посмотрел на меня. Ничего не сказал. Но он оставался спокоен. Наверное, его утренняя доза была хорошо сбалансирована.

– Ты оставишь миссис Бек в покое, так? – спросил я.

– Пока ты здесь, – ухмыльнулся Поли. – Ты будешь здесь не вечно.

«Надеюсь», – подумал я.

Зазвонил телефон. Внешняя линия, решил я. Вряд ли Элизабет или Ричард стали бы звонить Поли из дома. В тишине звонок прозвучал особенно громко. Поли снял трубку и назвал свое имя. После чего стал молча слушать. Я слышал отзвуки доносившегося из трубки голоса, отдаленного и неразборчивого, с вибрацией и металлическим гудением, не позволявшим разобрать ни слова. Неизвестный говорил меньше минуты. После чего разговор окончился. Поли положил трубку, затем нежно качнул ладонью пулемет на цепи. Я догадался, что это умышленная имитация того, что я сделал с тяжелой боксерской грушей в тренажерном зале в то утро, когда мы впервые встретились. Поли ухмыльнулся.

– Я приглядываю за тобой, – сказал он. – Всегда буду приглядывать.

Не обращая на него внимания, я открыл дверь и шагнул на улицу. Дождь окатил меня, словно из брандспойта. Нагнувшись вперед, я пошел прямо на него. Затаив дыхание, с очень неприятным ощущением под ложечкой, которое оставило меня только тогда, когда я преодолел всю сорокаярдовую дугу, которую можно было держать под прицелом из внутреннего окна. Только тогда я выдохнул.

Не Бек, не Элизабет, не Ричард. И не Поли.

Пустой номер.

Доминик Коль сказала мне: «Пустой номер» – в тот вечер, когда мы пили пиво. Произошло что-то непредвиденное, и мне пришлось срочно перенести нашу встречу. Потом переносила встречу уже она, так что выбраться в кафе нам удалось только через неделю. Быть может, через восемь дней. В те времена сержанту и капитану провести вечер вместе в военном городке было весьма непросто, потому что в офицерских клубах соблюдалась строгая субординация, поэтому мы отправились в кафе в город. Это было обычное заведение, вытянутый зал с низким потолком, восемь бильярдных столов, море народа, море неона, море музыкальных автоматов, море дыма. Там было жарко и душно. Кондиционеры работали не останавливаясь, но от них не было никакого толка. Я был в рабочих штанах и старой армейской футболке, потому что штатской одежды у меня не было. Коль пришла в платье. Простой прямой покрой, длина по колено, черное, в мелкий белый горошек. Очень мелкий. Скорее не горошек, а точки. Совсем неброский узор.

– Как поживает Фраскони? – спросил я.

– Тони? Отличный парень.

Больше Коль о нем не говорила. Мы заказали «Катящиеся скалы», чему я был очень рад, поскольку в то лето это был мой любимый напиток. Из-за шума Коль, говоря, вынуждена была наклоняться ко мне очень близко. Я наслаждался этой близостью. Но не обманывал себя. Все дело было в децибелах, и только в них. И я не собирался предпринимать никаких шагов. Официальных препятствий этому не было. Наверное, какие-то правила существовали и тогда, однако строгих законов еще не было. Понятие сексуального домогательства проникало в армию с трудом. Но я уже ощущал потенциальное неравенство. Конечно, я не мог ничем ни помочь, ни навредить карьере Коль. Из ее личного дела ясно следовало, что она станет главным сержантом, а затем первым сержантом, причем произойдет это так же неизбежно, как день сменяется ночью. Затем будет прыжок к следующему разряду, в сержант-майоры. Это Коль тоже по плечу. А вот дальше начнутся

проблемы. Следом за сержант-майором идет штаб-сержант-майор, а такой всего один на целый полк. Ну а дальше идет сержант-майор вооруженных сил, а такой вообще всего один. Так что Коль будет расти по службе, а потом остановится, что бы я ни говорил по этому поводу.

– Мы столкнулись с тактической проблемой, – сказала она. – А может быть, со стратегической.

– В чем дело?

– Помните то светило науки, Горовского? На наш взгляд, речь не идет об обычном шантаже. То есть у него нет никакой страшной тайны. Похоже, его родным угрожают. Так что это не шантаж, а скорее принуждение.

– Как вы это определили?

– Его личное дело чистое, как свежевыпавший снег. Его прошлое проверили до самого дна и обратно. Это делается как раз для того, чтобы исключить возможность шантажа.

– Так он болел за «Ред сокс»?

Коль покачала головой.

– За «Нью-Йорк янкиз». Он родом из Бронкса. Закончил там научно-техническую школу.

– Отлично, – сказал я. – Он мне уже нравится.

– Но согласно инструкциям, мы должны немедленно отстранить его от дел.

– В чем он провинился?

– Мы заметили, что он выносит документы из лаборатории.

– Там по-прежнему делают «сабо»?

Она кивнула.

– Вот только конструкцию отделяемой оболочки можно опубликовать во всех газетах, и все равно это никому ничего не скажет. Так что ситуация пока что еще не критическая.

– И что ваш Горовский делает с документами?

– Выбрасывает их в Балтиморе.

– Вы нашли того, кто их подбирает?

Коль покачала головой.

– Пустой номер.

– Что вы думаете о светиле науки?

– Мне бы не хотелось выставлять его за дверь. По-моему, нам нужно снять у него с шеи того мерзавца и дать ему возможность заниматься своим делом. У него две маленькие дочери.

– Что думает Фраскони?

– Он согласен.

– Правда?

Она улыбнулась.

– Ну, согласится. Однако инструкция предписывает поступить иначе.

– Забудьте об инструкции, – сказал я.

– Вот как?

– Мой прямой приказ, – подтвердил я. – Если хотите, я облеку его в письменную форму. Повинуйтесь интуиции. Проследите цепочку до самого конца. Если удастся, избавим этого Горовского от неприятностей. Я так всегда поступаю с болельщиками «Янкиз». Но только держите руку на пульсе.

– Буду держать.

– Закройте дело до того, как будут закончены работы над оболочкой, – посоветовал я. – В противном случае нам придется искать другой подход.

– Договорились, – улыбнулась Коль.

Потом мы говорили о других вещах и выпили еще по паре кружек пива. Через час из музыкального автомата донеслось что-то сносное, и я пригласил Коль на танец. Второй раз за вечер она ответила мне: «Пустой номер». Об этой фразе я задумался уже позже. Очевидно, она пришла из жаргона игроков в кости. Должно быть, первоначально эта фраза означала «нечестно» и служила призывом перебросить кости. «Пустой номер!» Так кричит судья футболистам: «Мяч не засчитан!» Только потом она приобрела просто отрицательный смысл: «Ни за что», «Без шансов», «И не надейся». Но как глубоко в этимологию погрузилась Коль? Она хотела сказать просто «нет» или обвиняла меня в нарушении правил? Я терялся в догадках.

До особняка я добрался, промокнув насквозь, так что я поднялся наверх и, завладев комнатой Дьюка, вытерся насухо и надел его свежие вещи. Комната находилась в фасадной стороне здания, более или менее по

центру. Из окна открывался вид на запад вдоль дорожки. Поскольку я находился на возвышении, мне было видно то, что было за стеной. «Линкольн таун кар» я разглядел еще вдали. Он ехал прямо на нас. Черный. Из-за проливного дождя фары были включены. Из домика вышел в дождевике Поли и заранее открыл ворота, чтобы машине не пришлось снижать скорость. Она быстро промчалась в ворота. Лобовое стекло было мокрое и грязное; щетки лихорадочно метались из стороны в сторону. Поли ждал «линкольн». Его предупредил телефонный звонок. Я следил за машиной до тех пор, пока она не скрылась из виду подо мной. Затем отвернулся от окна.

Комната Дьюка была квадратная и просто обставленная, как и большинство комнат особняка. Стены были обшиты темным деревом, на полу лежал большой восточный ковер. В углу телевизор и два телефона. Внутренний и внешний, решил я. Постельное белье было свежее, и в комнате не было никаких личных вещей, если не считать одежды в шкафу. Я предположил, наверное, утром Бек сообщил горничной о смене персонала. И приказал оставить одежду для меня.

Вернувшись к окну, я через пять минут увидел Бека, возвращавшегося в «кадиллаке». Поли ждал и его. Большому автомобилю почти не пришлось сбрасывать скорость. Поли закрыл ворота сразу же за «кадиллаком». Запер на цепь. До ворот было ярдов сто, но я мог разобрать, что делает Поли. «Кадиллак» скрылся из виду подо мной и завернул к гаражу. Я направился вниз, решив, что раз Бек вернулся, быть может, пора обедать. Решив, что раз Поли запер ворота на цепь, возможно, он присоединится к нам.

Но я ошибался.

Спустившись в коридор, я встретил Бека, выходившего с кухни. Его плащ был в пятнах от дождевых капель. Бек искал меня. У него в руках была спортивная сумка. Та самая, в которой он возил оружие в Коннектикут.

– Есть одна работа, – сказал Бек. – Прямо сейчас. Надо успеть до конца прилива.

– Где?

Он шагнул назад. Обернулся и бросил через плечо:

– Тебе скажет парень, который приехал в «линкольне».

Пройдя через кухню, я очутился на улице. Металлодетектор пикнул. Я вышел под дождь и направился к гаражу. Но «линкольн» стоял прямо у угла дома, развернутый багажником к морю. За рулем сидел какой-то тип. Прятался от дождя. Нетерпеливо барабанил по рулевому колесу.

Увидев меня в зеркало, тип открыл крышку багажника и быстро выскользнул из машины.

Он выглядел так, словно его подобрали на свалке и запихнули в костюм. Длинная седеющая бородка скрывала тощую шею. Сальный хвостик был перехвачен розовой резинкой, покрытой блестками. Такие в дешевых магазинах кладут в нижнюю часть витрины, чтобы их выбирали маленькие девочки. На лице типа виднелись следы от угрей. На шее красовалась тюремная татуировка. Тип был очень высокий и очень тощий, словно обычный человек, расщепленный вдоль надвое.

– Ты новый Дьюк? – спросил он меня.

– Да, – подтвердил я. – Я новый Дьюк.

– Я Харли.

Я не стал говорить, как меня зовут.

– Что ж, за работу.

– За какую?

Обойдя багажник, Харли поднял крышку до конца.

– Надо избавиться от мусора.

В багажнике лежал мешок для перевозки тел армейского образца. Плотная черная резина, молния по всей длине. По тому, как скорчился мешок в тесном пространстве, я заключил, что в нем находится миниатюрное тело. Вероятно, женское.

– Кто это? – спросил я, хотя уже знал ответ.

– Правительственная сучка, – ответил Харли. – Нам пришлось изрядно повозиться, но в конце концов мы ее взяли.

Нагнувшись, он ухватил мешок за один край. Зажал оба угла в руках. Выжидательно посмотрел на меня. Я стоял не шелохнувшись, чувствуя затылком дождь, слушая его глухой стук о резину.

– Надо успеть до конца прилива, – поторопил меня Харли. – Времени у нас мало.

Нагнувшись, я ухватил углы со своей стороны. Мы переглянулись, координируя свои усилия, и вытащили мешок из багажника. Он был нетяжелый, но неудобный, а Харли не мог похвастаться физической силой. Подхватив мешок, мы пронесли его на несколько шагов к берегу.

– Опусти, – сказал я.

– Зачем?

– Хочу взглянуть.

Харли застыл на месте.

– Не думаю, что тебе понравится.

– Опусти, – повторил я.

Харли поколебался еще мгновение, затем мы дружно присели и положили мешок на скалы. Находившееся внутри тело выгнуло спину. Не поднимаясь с корточек, я подошел к той стороне, где была голова. Нашел застежку молнии.

– Смотри только на лицо, – предупредил Харли. – Оно еще более или менее сохранилось.

Я посмотрел на лицо. Зрелище было ужасное. Женщина умерла в страшных мучениях. Это было очевидно. Ее лицо было искажено от невыносимой боли. Оно застыло в последнем жутком пронзительном крике.

Но это была не Тереза Даниэль.

Это была горничная Бека.

Глава 09

Раскрыв молнию еще на дюйм, я увидел следы тех же истязаний, которые видел десять лет назад. Отвернувшись, я подставил лицо дождю и закрыл глаза. Вода, падавшая мне на щеки, казалась слезами.

– Давай кончать скорее, – поторопил Харли.

Я открыл глаза. Уставился на волны. Не глядя на мешок, застегнул молнию. Медленно поднялся и подошел к той стороне, где были ноги. Харли ждал. Мы взяли мешок и подняли его. Отнесли к скалам. Харли вел меня на юго-восток, туда, где встречались две гранитные плиты. Между ними была узкая расселина. Наполовину заполненная движущейся водой.

– Подождем до следующей сильной волны, – сказал Харли.

Наконец волна с грохотом разбилась о скалы, и мы непроизвольно пригнулись, пряча лица от брызг. Расселина заполнилась доверху; вода побежала по гранитным плитам и едва не добралась до наших ног. Затем она схлынула назад, и расселина опустела. Зашуршал увлекаемый отливом гравий. Поверхность моря была покрыта мутно-серой пеной, пятнистой от капель дождя.

– Отлично, опускаем, – задыхаясь, произнес Харли. – Держи свой конец.

Мы положили мешок так, чтобы та сторона, где была голова, свешивалась с гранитной плиты в расселину. Молнией вверх. Тело лежало на спине. Я схватил мешок за два угла. Мокрые от дождя волосы липли ко лбу и лезли в глаза. Присев на корточки, Харли потащил мешок вперед. Я шел за ним, дюйм за дюймом, мелкие шаги по скользкому камню. Следующая волна затекла под мешок. Он привсплыл. Воспользовавшись временной плавучестью, Харли подтолкнул мешок еще дальше в море. Я не отставал от него. Волна схлынула. Расселина снова осушилась. Мешок плюхнулся на камни. Дождь яростно хлестал по плотной резине, барабанил нам в спины. Чертовски холодный дождь.

Используя следующие пять волн, Харли проталкивал мешок все дальше и дальше до тех пор, пока тот не завис над расселиной. Я держал уже одну резину. Под действием силы тяжести тело сползло вниз. Харли ждал, следя за волнами, и вдруг нагнулся и быстро раскрыл молнию до конца. Отскочил назад и взял у меня один угол мешка. Крепко схватил его. С грохотом накатилась седьмая волна. Соленые брызги окатили нас с ног до головы. Расселина заполнилась водой, наполнившей и мешок, и когда большая волна начала отступать, она потянула за собой и тело, вытаскивая его из мешка. Мгновение оно неподвижно застыло на поверхности, затем обратное течение увлекло его в море. Тело сразу же ушло вниз, в глубину. Я успел разглядеть длинные светлые волосы, раскинувшиеся в воде, и бледно-зеленоватую кожу, затем все исчезло. Расселина, осушаясь, вспенилась красным.

– Здесь очень сильное течение, – заметил Харли.

Я молчал.

– Оно утаскивает все в открытое море, – продолжал он. – По крайней мере, мы ни разу не видели, чтобы что-нибудь прибивало обратно. Утаскивает на милю или две от берега, все время вдоль дна. А потом здесь еще есть акулы, наверное. Разгуливают вдоль побережья. И всякая другая живность. Понимаешь, крабы, рыбы-прилипалы и тому подобное.

Я молчал.

– Назад никто не возвращался, – повторил Харли.

Я взглянул на него, и он ухмыльнулся. Его рот раскрылся над бородкой зияющей дырой. У него были гнилые желтые зубы. Я отвел взгляд. Набежала следующая волна. Небольшая, но когда она схлынула, расселина уже была чистой. Казалось, ничего не случилось. Ничего не произошло. Неуклюже поднявшись на ноги, Харли застегнул пустой

мешок. Из мешка все еще вытекали розоватые струйки, падавшие на камни. Я обернулся в сторону дома. Бек стоял в дверях кухни, наблюдая за нами.

Мы вернулись к дому, промокшие насквозь от дождя и соленой воды. Бек нырнул на кухню. Мы вошли следом за ним. Харли остановился у двери, словно чувствуя себя чужим.

– Она работала на правительство? – спросил я.

– В этом нет никаких сомнений, – подтвердил Бек.

Спортивная сумка лежала на столе, зловещая, словно улики, представленные в суд. Расстегнув ее, Бек сунул руку внутрь.

– Сам взгляни, – предложил он.

Он положил на стол сверток. Что-то завернутое в мокрый, грязный, замасленный обрывок ковра размером с полотенце для рук. Развернув сверток, Бек достал «Глок-19» Даффи.

– Это было спрятано в машине, которой она пользовалась, – объяснил он.

– В «саабе»? – спросил я, только чтобы что-нибудь сказать.

Бек кивнул.

– В нише под запаской. На дне багажника.

Он положил «глок» на стол. Достал из свертка две запасные обоймы и положил их рядом с пистолетом. Потом добавил к оружию согнутое шило и заточенное долото. И ключи Энджела Долла.

У меня перехватило дыхание.

– Полагаю, шило использовалось в качестве отмычки, – сказал Бек.

– Почему из этого следует, что она работала на правительство? – спросил я.

Взяв со стола «глок», Бек повернул его и указал на правую сторону затвора.

– Серийный номер. Мы проверили на фирме «Глок», в Австрии. По компьютеру. У нас есть доступ к таким вещам. Этот пистолет был около года назад продан правительству Соединенных Штатов. В составе большой партии, предназначавшейся для различных правоохранительных ведомств. Модель семнадцать для агентов-мужчин

и модель девятнадцать для агентов-женщин. Вот как мы поняли, что она работала на правительство.

Я не мог оторвать взгляд от серийного номера.

– Она все отрицала?

Бек кивнул.

– Разумеется. Утверждала, что только что нашла весь сверток. Наплела нам целую историю. Больше того, пыталась свалить все на тебя. Говорила, что это твое. Но впрочем, чему тут удивляться? Полагаю, их учат отпираться до конца.

Я отвернулся. Уставился в окно на море. Зачем она вообще трогала сверток? Почему просто не оставила его на месте? Все дело в каком-то хозяйственном инстинкте? Она не хотела, чтобы вещи промокли? Или что?

– Ты чем-то расстроен, – заметил Бек.

И как она нашла мой тайник? Почему стала его искать?

– Ты чем-то расстроен, – повторил он.

Расстроен – слишком мягко сказано. Девушка умерла в страшных мучениях. И в этом был виноват я. Возможно, она полагала, что делает мне доброе дело, убирая мои вещи в сухое место, предохраняя их от ржавчины. Глупая ирландская девчонка просто хотела мне помочь. А я убил ее, так же верно, как если бы сам стоял и измывался над ее телом.

– Я отвечаю за безопасность, – наконец заговорил я. – Я должен был подозревать ее.

– Ты отвечаешь за безопасность только со вчерашнего вечера, – возразил Бек. – Так что не кори себя напрасно. Ты еще не успел освоиться на новом месте. Ее должен был раскусить Дьюк.

– Но я ни за что бы ее не заподозрил, – сказал я. – Я считал ее обыкновенной горничной.

– Черт побери, как и я, – нахмурился Бек. – И Дьюк тоже.

Я снова отвернулся. Уставился на море. Оно было серое и неспокойное. Я ничего не понимал. Она нашла мой сверток. Но зачем она так хорошо его спрятала?

– А вот решающая улика, – сказал Бек.

Обернувшись, я как раз успел увидеть, что он достает из сумки туфли. Тяжелые, тупоносые, неуклюжие черные туфли, которые были на ногах у горничной каждый раз, когда я ее видел.

– Взгляни на это, – предложил Бек.

Перевернув правую туфлю, он ногтями вытащил из каблука шпильку. Квадрат резины повернулся, словно маленькая дверца. Бек перевернул туфлю. Тряхнул ее. На стол со стуком вывалилась маленькая черная пластмассовая коробочка. Она упала лицевой стороной вниз. Бек перевернул ее.

Это было устройство беспроводной электронной почты, абсолютно идентичное тому, что было у меня.

Бек передал мне туфлю. Я взял ее у него из рук. Тупо уставился на нее. Шестой размер. На маленькую ногу. Но подошва была толстая, массивная, поэтому каблук был широкий, чтобы уравновесить ее зрительно. Какой-то неуклюжий писк моды. В каблуке было вырезано прямоугольное углубление. Точно такое же, какое имелось в моем ботинке. Оно было сделано очень аккуратно. С огромным терпением. Но не машиной. На стенках виднелись те же самые едва заметные следы от инструмента, что и на моем ботинке. Я мысленно представил себе какого-то сотрудника федеральной лаборатории, перед ним на верстаке ряд обуви, в воздухе запах новой кожи, разложенные инструменты для резьбы по дереву, резиновые стружки на полу. Поразительно, но в правительственных ведомствах до сих пор часто работают по старинке. Далеко не везде можно найти взрывающиеся шариковые ручки и видеокамеры, вмонтированные в наручные часы. Поход в универмаг за бытовым устройством электронной почты и парой обычных ботинок можно считать последним словом техники.

– Что ты думаешь? – спросил Бек.

Я мог думать только о своих чувствах. Я словно катался на американских горках. Горничная погибла, но теперь я уже не был виновен в ее смерти. Ее убили правительственные компьютеры. Так что у меня с души свалилась тяжесть. С другой стороны, я был вне себя от ярости. Черт побери, какую игру ведет Даффи? Правила категоричны: двух тайных агентов никогда не посылают работать в одно место, не познакомив их друг с другом. Это основа основ. Даффи рассказала мне про Терезу Даниэль. Так какого же черта она ни словом не обмолвилась о второй женщине?

– Не могу поверить, – сказал я.

– Аккумулятор сел, – сказал Бек. Он держал устройство обеими руками и тыкал в него большими пальцами, словно в пульт видеоигры. – Оно не работает.

Бек передал мне устройство. Положив ботинок, я взял его. Нажал знакомую кнопку включения питания. Но экран не ожил.

– Давно она здесь? – спросил я.

– Восемь недель, – сказал Бек. – Найти сюда прислугу очень трудно. Здесь слишком скучно. И здесь есть Поли. Да и Дьюк был не слишком гостеприимен.

– Наверное, за восемь недель аккумулятор должен был разрядиться.

– Что в таких случаях полагается делать?

– Не знаю, – сказал я. – Я никогда не работал в федеральных ведомствах.

– Ну хотя бы в общих чертах. Наверное, тебе приходилось встречаться с чем-то подобным.

Я пожал плечами.

– Полагаю, этого ждали. Связь всегда рвется первой. Девчонка исчезла с радара, но ее начальство начнет беспокоиться не сразу. У него нет выбора, кроме как оставить ее на месте. Я хочу сказать, раз с ней нет связи, ей нельзя приказать уходить, так? Так что, полагаю, начальство будет ждать, что она зарядит аккумулятор. – Перевернув устройство набок, я указал на крохотное гнездо. – Похоже, для этого нужно зарядное устройство для сотового телефона.

– На ее поиски пошлют людей?

– Рано или поздно обязательно, – подтвердил я.

– Когда?

– Не знаю. В любом случае, не сразу.

– Мы собираемся отрицать, что она вообще была здесь. Отрицать, что мы ее видели. Нет никаких доказательств ее присутствия в доме.

– Вам нужно будет очень хорошо убрать в ее комнате, – сказал я. – Там повсюду отпечатки пальцев, волосы и следы ДНК.

– Она попала к нам по рекомендации, – задумчиво произнес Бек. – Мы не давали объявлений в газете. Нас вывели на нее одни наши знакомые из Бостона.

Он посмотрел на меня. Я подумал: «Этих ребят взяли в оборот, и они согласились помогать правительству». Я кивнул.

– Очень любопытно, – сказал я. – Как это характеризует ваших знакомых?

Бек угрюмо кивнул, соглашаясь со мной. Он понял, что я хотел сказать. Бек взял со стола связку ключей, лежавшую рядом с долотом.

– По-моему, это ключи Энджела Долла, – сказал он.

Я молчал.

– Так что кошмар развивается в трех направлениях, – продолжил Бек. – Мы можем привязать Долла к банде из Хартфорда, и мы можем привязать наших бостонских друзей к федералам. Теперь можно также привязать Долла к федералам. Потому что он передал свои ключи внедренной шлюхе. Откуда следует, что хартфордская банда также в одной постели с федералами. Долл мертв благодаря Дьюку, но у меня на шее по-прежнему Хартфорд, Бостон и правительство. Ричер, ты мне нужен.

Я украдкой взглянул на Харли. Тот стоял у окна, уставившись на дождь.

– Долл действовал в одиночку? – спросил я.

Бек кивнул.

– Я все тщательно проверил и остался доволен. Остальные надежны. Они со мной. Извинились за Долла.

– Хорошо.

Последовала долгая пауза. Завернув мое добро в обрывок ковра, Бек швырнул сверток обратно в сумку. Бросил туда устройство электронной почты, сверху положил туфли горничной. Опустевшие, печальные и одинокие.

– По крайней мере, я усвоил одно, – сказал Бек. – Я обязательно начну осматривать обувь всех, кто на меня работает, черт побери. Можешь в этом не сомневаться.

Я в этом не сомневался. Но ботинки свои оставил.

Вернувшись в комнату Дьюка, я заглянул в шкаф с одеждой. Там были четыре пары обуви. Ничего такого, что я сам выбрал бы для себя в магазине, но все ботинки выглядели сносно и подходили по размеру. Однако я не стал переобуваться. Появиться сразу же в новой обуви – все равно что поднять красный флаг. А если я собирался избавиться от

собственных ботинок, мне надо было сделать это очень тщательно. Нельзя просто оставить их у себя в комнате, чтобы их мог исследовать кто угодно. Их надо будет вынести из дома. А прямо сейчас сделать это будет очень трудно. Особенно после того, что произошло на кухне. Я не могу просто спуститься по лестнице, держа ботинки в руке. Что я скажу, если меня увидят? «Ах, это? Это те ботинки, в которых я сюда попал. Я собираюсь выбросить их в море». С чего бы это они вдруг мне надоели? Поэтому я их оставил.

К тому же они все еще были мне нужны. Меня очень подмывало послать Даффи к черту, но я еще не был к этому готов. Пока что не был. Я заперся в туалете в комнате Дьюка и достал устройство электронной почты. Со странным чувством. Включил питание. На экране появилось сообщение: «Нам нужно встретиться». Я отправил: «Нужно, и срочно». После чего выключил устройство, убрал его в каблук и спустился на кухню.

– Поезжай с Харли, – сказал мне Бек. – Пригонишь «сааб».

Кухарки на кухне не было. Столы были безукоризненно чистые. Отмытые и отскобленные. Плита остыла. Недоставало только таблички «Закрыто» на двери.

– Что насчет обеда? – спросил я.

– Ты хочешь есть?

Я вспомнил волну, хлынувшую в резиновый мешок и поглотившую тело. Мысленно увидел рассыпавшиеся волосы под водой. Увидел кровь, разбавленную и розовую. Нет, я не хотел есть.

– Умираю от голода, – сказал я.

Бек усмехнулся.

– Твоему хладнокровию можно позавидовать, Ричер, сукин ты сын.

– Мне уже приходилось видеть трупы. Уверен, и еще не раз придется.

Он кивнул.

– У кухарки выходной. Пообедаешь в городе, ладно?

– У меня совсем нет денег.

Сунув руку в карман, Бек достал пачку купюр. Начал было считать их, затем пожал плечами и протянул мне всю пачку. В ней было около тысячи долларов.

– Это на карманные расходы. С жалованьем разберемся позже.

Я убрал деньги в карман.

– Харли ждет в машине, – сказал Бек.

Выйдя на улицу, я поднял воротник плаща. Ветер начинал стихать. Дождь падал почти вертикально. «Линкольн» стоял у угла особняка. Крышка багажника была закрыта. Харли сидел в машине, нетерпеливо барабаня по рулевому колесу. Я сел рядом с ним и отодвинул сиденье назад до конца, давая простор ногам. Харли завел двигатель, включил щетки и тронулся с места. Нам пришлось подождать, пока Поли отопрет ворота. Повозившись с отопителем, Харли включил его на максимум. Наша одежда была мокрой, и стекла запотевали. Поли возился очень долго. Харли снова принялся барабанить по рулю.

– Вы с ним работаете на одного человека? – спросил я.

– Я и Поли? Конечно.

– Кто он?

– Бек тебе не говорил?

– Нет, – сказал я.

– Тогда, полагаю, и мне не стоит.

– Мне трудно будет выполнять свою работу, не имея достаточно информации, – заметил я.

– Это твоя проблема, – ухмыльнулся Харли.

Он снова продемонстрировал мне свои желтые гнилые зубы. У меня мелькнула мысль, что, если я ударю его достаточно сильно, мой кулак вышибет все эти кривые почерневшие пни и дойдет до тощего горла. Но я не стал бить Харли. Поли отпер цепь и начал распахивать ворота. Харли рванул с места и втиснулся в открывшуюся щель, проехав в дюйме от створок. Я откинулся на спинку сиденья. Харли зажег фары и помчался вперед, поднимая колесами бурунчики воды с асфальта. Мы ехали на запад, потому что на протяжении ближайших двенадцати миль больше ехать было некуда. Затем мы свернули на магистраль номер один, на север, в противоположную сторону от Сако и Олд-Орчард-Бич, куда мы ездили с Элизабет Бек. В сторону Портленда. Я ничего не видел за окном, потому что погода была ужасная. С трудом можно было разглядеть задние габаритные огни идущих впереди машин. Харли молча раскачивался взад и вперед, барабаня по рулевому колесу. Машину он вел в рваном темпе. Нажимая или на газ, или на тормоз. Мы разгонялись, тормозили, разгонялись, тормозили. Дорога длиной двадцать миль показалась мне очень долгой.

Наконец шоссе резко повернуло на запад, и слева я увидел шоссе I-295. За ним серела узкая полоска моря, а дальше виднелся портлендский аэропорт. Как раз в этот момент в огромном облаке брызг взлетал самолет. С ревом пролетев у нас над головами, он развернулся на юг, в сторону Атлантики. Слева показался торговый центр с узкой полоской автостоянки впереди. Здесь были все те магазины, которые можно встретить на зажатой между двумя шоссе территории неподалеку от аэропорта. На стоянке было штук двадцать машин, все передом к тротуару. Пятым слева стоял старый «сааб». Харли свернул на стоянку и поставил «линкольн» рядом. Забарабанил по рулевому колесу.

– Все твое. Ключи в кармашке на двери.

Я шагнул в дождь, и Харли тронулся, как только я закрыл за собой дверь. Но он не вернулся на магистраль номер один. Доехав до конца стоянки, он повернул налево. И сразу же направо. Объехал бетонный блок и оказался на соседней стоянке. Подняв воротник плаща, я проводил взглядом машину. «Линкольн» медленно проехал через всю стоянку и скрылся за рядом новых зданий. Это были длинные приземистые ангары из гофрированной стали. Между ними сеть узких асфальтовых дорожек. Высокие бетонные пандусы. Я снова увидел «линкольн» в промежутке между двумя складами. Он ехал медленно и неторопливо, словно выискивая место для стоянки. Затем скрылся за следующим зданием, и больше я его не видел.

Я развернулся. «Сааб» стоял перед мелкооптовым винным магазином. С одной стороны от этого магазина располагалась мастерская по установке автомобильной аудиоаппаратуры, с другой – магазин, в витрине которого красовались люстры «под хрусталь». Я решил, что горничную вряд ли послали купить новые светильники. Или установить в «сааб» новую магнитолу. Значит, ее послали в винный магазин. А здесь она наткнулась на целую шайку, уже дожидавшуюся ее. Четверых, а то и пятерых. После первого мгновения удивления она превратилась из перепуганной горничной в обученного агента, защищающего свою жизнь. Те, кто ее ждал, были готовы к этому. Они пришли в достаточном количестве. Я посмотрел в обе стороны вдоль ряда магазинов. Затем повернулся к винному складу. Витрина была заставлена коробками. Изнутри улица была практически не видна. Но все же я шагнул в дверь.

В магазине было изобилие ящиков и отсутствие людей. Похоже, таким он оставался большую часть времени. За прилавком стоял серый тип лет пятидесяти. Пепельно-серые волосы, серая рубашка, серое лицо. Казалось, он уже лет десять не выходил на улицу. В его магазине не было ничего, что я мог бы купить, чтобы расколоть лед, поэтому я сразу задал свой вопрос:

– Видите вон тот «сааб»?

Серый тип разыграл настоящий спектакль, поворачиваясь к витрине.

– Вижу.

– Вы не видели, что произошло с его водителем?

– Нет.

Те, кто не задумываясь отвечает «нет», как правило, лгут. Человек искренний тоже может ответить «нет», но обычно он сначала задумывается. А потом добавляет что-нибудь вроде «извините». Возможно, в свою очередь задает какие-то вопросы. Такова человеческая природа. Люди говорят: «Извините, нет, а в чем дело? Что произошло?» Сунув руку в карман, я отщипнул купюру от пачки, которую дал мне Бек. Достал ее. Это оказалась сотенная бумажка. Сложив пополам, я зажал ее между большим и указательным пальцами.

– Вы по-прежнему ничего не видели?

Серый тип взглянул налево от себя. Направо от меня. Туда, где располагались ангары.

Один быстрый взгляд, украдкой, туда и обратно.

– Нет, – повторил тип.

– Черный «линкольн», – не сдавался я. – Уехал в ту сторону.

– Я ничего не видел, – упрямо произнес он. – Я был занят.

Я кивнул.

– У вас в магазине столько дел, вы на секунду присесть не можете, – усмехнулся я. – Поразительно, как вам удается справляться одному.

– Наверное, я вышел в подсобное помещение. Зазвонил телефон.

Я еще некоторое время подержал сотню у него перед носом. Наверное, сто долларов, не облагаемых налогом, представляли значительный кусок его недельной выручки. Но в конце концов серый тип отвел взгляд от купюры. Что тоже о многом мне поведало.

– Как знаете, – сказал я.

Убрав купюру в карман, я вышел на улицу.

Сев в «сааб», я проехал двести ярдов на юг до магистрали номер один, после чего остановился на первой же встретившейся заправке. Зашел в кафе и купил бутылку родниковой воды и две булочки. Заплатил за воду вчетверо больше, чем за бензин, если пересчитать на галлоны. Вышел на улицу, встал под навесом у двери и развернул булочку. Начал не спеша

есть, при этом оглядываясь по сторонам. За мной никто не следил. Поэтому я подошел к телефону-автомату и на сдачу позвонил Даффи. Номер ее телефона в мотеле я выучил наизусть. Мне пришлось скрючиться под пластмассовым козырьком над автоматом, чтобы спастись от дождя. Даффи ответила после второго звонка.

– Езжай на север до Сако, – сказал я. – Прямо сейчас. Встретимся в большом торговом центре на острове посреди реки в кафе под названием «Café Café». Платит тот, кто приезжает последним.

Я доел шоколадную булочку по дороге на юг. По сравнению с «кадиллаком» Бека и «линкольном» Харли «сааб» оказался очень тряским и шумным. Машина была старая и разбитая. Тонкая обшивка салона местами отвалилась. На спидометре было пятизначное число. Однако свою задачу «сааб» выполнял. Шины были приличные, и щетки работали. Я ехал, несмотря на дождь. И зеркала были большие и удобные. Я смотрел в них всю дорогу. Меня никто не преследовал. Я приехал в кафе первым. Заказал большую чашку черного кофе, чтобы смыть изо рта привкус шоколада.

Даффи появилась через шесть минут. Задержавшись в дверях, она огляделась вокруг и, улыбнувшись, направилась ко мне. На ней были свежие джинсы и другая хлопчатобумажная рубашка, на этот раз не белая, а синяя. Поверх рубашки была надета кожаная куртка, а сверху наброшен старый дождевик, который был Даффи слишком велик. Наверное, она одолжила его у пожилого агента. Только не у Элиота. Это было очевидно. Элиот был более щуплым, чем она. Судя по всему, Даффи приехала на север, не подготовившись к непогоде.

– Здесь безопасно? – спросила она.

Я ничего не ответил.

– В чем дело? – забеспокоилась она.

– Платишь ты, – сказал я. – Ты приехала второй. Я закажу еще один черный кофе. И ты должна мне за первую чашку.

Недоуменно посмотрев на меня, Даффи сходила к прилавку и вернулась с чашкой черного кофе для меня и капуччино для себя. Ее волосы были чуть влажные, приглаженные рукой. Наверное, Даффи выскочила из машины и пробежала под дождем, а затем взглянула на свое отражение в витрине. Молча сосчитав сдачу, она протянула мне несколько купюр и монет – стоимость первой чашки. Здесь, в Мэне, кофе был также значительно дороже бензина. Впрочем, я решил, что так дела обстоят везде.

– В чем дело? – повторила Даффи.

Я молчал.

– Ричер, что случилось?

– Восемь недель назад вы внедрили к Беку еще одного агента, – сказал я. – Почему ты не сказала мне об этом?

– Что?

– Что слышала.

– Какого агента?

– Она умерла сегодня утром. Перед этим ей пришлось перенести двойную операцию ампутации молочных желез, без наркоза.

Даффи не отрывала от меня взгляда.

– Тереза?

Я покачал головой.

– Не Тереза. Другая.

– Какая еще другая?

– Не пудри мне мозги.

– Какая еще другая?!

Я пристально посмотрел на нее. Мой взгляд был жестким. Затем он смягчился. Наверное, все дело было в освещении зала кафе. В том, как свет отражался от светлого дерева, полированного металла и стекла. Это превращало его в своеобразные рентгеновские лучи. В сыворотку правды. В нем я увидел краску неподдельного стыда на лице Элизабет Бек. Я ожидал, что теперь я увижу то же самое на лице Даффи. Я ожидал увидеть густую краску стыда и смущения, вызванную тем, что я раскрыл обман. Но вместо этого я увидел искреннее изумление. Оно было красноречиво написано у нее на лице. Даффи побледнела. Побелела от шока, как полотно. Казалось, кровь схлынула у нее с лица. А вызывать это по собственному желанию не дано никому. Как и краску стыда.

– Кого ты имеешь в виду? – спросила Даффи. – Там была только одна Тереза. Ты хочешь сказать, она погибла?

– Не Тереза, – повторил я. – Другая женщина. Другой агент. Ее наняли в качестве горничной.

– Нет, – решительно заявила Даффи. – Там была только Тереза.

Я снова покачал головой.

– Я видел труп. Это была не Тереза.

– Горничная?

– У нее в туфле было устройство электронной почты, – сказал я. – В точности такое же, как у меня. Тайник в каблуке выреза́л один и тот же человек. Я узнал его работу.

– Это невозможно, – пробормотала Даффи.

Я пристально посмотрел ей в глаза.

– Я бы сказала тебе, – продолжала она. – Обязательно сказала. И ты не был бы нужен, если бы у меня был там еще один агент. Разве ты не понимаешь?

Я отвел взгляд. Снова посмотрел на Даффи. Теперь настал мой черед смутиться.

– Черт побери, кто же это был? – спросил я.

Даффи ничего не ответила. Начала крутить свою чашку по блюдцу, толкая ее в ручку указательным пальцем, поворачивая за один раз на десять градусов. Густая пена и шоколадная крошка оставались неподвижными. Даффи лихорадочно думала.

– Восемь недель назад? – наконец спросила она.

Я кивнул.

– Что их спугнуло?

– Они залезли в ваш компьютер, – сказал я. – Сегодня утром или вчера вечером.

Даффи оторвала взгляд от чашки.

– Вот почему ты задавал эти вопросы?

Я молча кивнул.

– Терезы нет в компьютере, – сказала Даффи. – Ее нет нигде.

– Ты проверила Элиота?

– Не просто проверила. Я прочесала весь жесткий диск его компьютера. И все его файлы на главном сервере в Вашингтоне. У меня есть доступ ко всему. Я искала слова «Тереза», «Даниэль», «Джастис», «Бек», «Мэн». Ни одного из этих слов в архивах Элиота нет.

Я молчал.

– Как это произошло? – спросила Даффи.

– Точно не знаю. Полагаю, сначала компьютер сказал, что у вас здесь кто-то есть, а затем они выяснили, что речь идет о женщине. Ни имени, ни подробностей. Тогда стали искать женщину. И я боюсь, горничную раскрыли отчасти по моей вине.

– Каким образом?

– У меня был тайник. Там лежали твой «глок», патроны, кое-что еще. Горничная его обнаружила. И перепрятала все в свою машину.

Мгновение Даффи молчала.

– Ладно, – сказала она. – И ты полагаешь, ее машину обыскали и это ее выдало?

– Наверное.

– Но возможно, сначала обыскали ее саму и обнаружили туфлю.

Я отвел взгляд.

– Искренне надеюсь на это.

Даффи состроила гримасу.

– Не кори себя напрасно. Ты ни в чем не виноват. Как только эти мерзавцы проникли в компьютер, раскрытие горничной было лишь вопросом времени. Я хочу сказать, выбирать им было особенно не из чего. Только эта бедняга и Тереза. Промаха быть не могло.

Я кивнул. Конечно, оставались еще Элизабет и кухарка. Но обе они вряд ли занимали первые строчки в списке подозреваемых. Как-никак, Элизабет – жена Бека. А кухарка работает у него лет двадцать.

– Но кто она? – спросил я.

Даффи поиграла со своей чашкой до тех пор, пока та не вернулась в первоначальное положение, описав последний полный круг. Шершавое фарфоровое донышко тихо скрежетало по блюдцу.

– Боюсь, это очевидно, – наконец сказала Даффи. – Взглянем на временну́ю последовательность. Будем вести отсчет назад, начиная с сегодняшнего дня. Одиннадцать недель назад я нарушила закон, сделав без санкции те фотографии. Десять недель назад меня отстранили от дела. Но поскольку Бек был крупной рыбой, я не опустила руки и внедрила к нему Терезу, не поставив об этом в известность начальство. И поскольку Бек был крупной рыбой, начальство, не поставив *меня* в известность, поручило дело кому-то другому, и восемь недель назад к Беку была внедрена эта горничная. Тереза не знала о горничной, а горничная не знала о том, что Тереза уже на месте.

– Зачем горничная залезла в мой тайник?

– Полагаю, она просто хотела держать ситуацию под контролем. Этого требуют правила. Для нее ты был вольным стрелком. Неизвестной величиной. Человеком, от которого можно ждать беды. Убившим полицейского и прячущим оружие. Быть может, она решила, что ты из соперничающей организации. Вполне вероятно, она собиралась выдать тебя Беку. Тем самым войти к нему в доверие. И ей нужно было убрать тебя с дороги, потому что лишние затруднения ни к чему. Если бы она не выдала тебя Беку, она выдала бы тебя нам как человека, убившего полицейского. Удивлена, что она этого не сделала.

– У нее сели аккумуляторы.

Даффи кивнула.

– Восемь недель. Полагаю, у горничной не было доступа к зарядным устройствам для сотовых телефонов.

– Бек сказал, она из Бостона.

– Вполне возможно, – согласилась Даффи. – Вероятно, дело передали бостонскому отделению. С географической точки зрения это имеет смысл. В этом случае становится понятно, почему мы в Вашингтоне ничего о нем не слышали.

– Он сказал, ее порекомендовали его знакомые.

Даффи снова кивнула.

– Несомненно, те, кто пошел на сделку с полицией. Мы время от времени пользуемся услугами перебежчиков. Эта братия с превеликой радостью продает друг друга. Они не знают, что такое кодекс чести.

Тут я вспомнил кое-что еще из того, что говорил Бек.

– Каким образом Тереза поддерживала связь?

– У нее было устройство электронной почты, такое же, как у тебя.

– В подошве?

Даффи молча кивнула. У меня в голове громко прозвучал голос Бека: «Я обязательно начну осматривать обувь всех, кто на меня работает, черт побери. Можешь в этом не сомневаться».

– Когда она выходила на связь последний раз?

– Тереза умолкла на второй день.

– Где она жила? – спросил я.

– В Портленде. Мы поселили ее в квартиру. Она ведь работала в конторе, а не была горничной.

– Вы были у нее дома?

Даффи кивнула.

– Никто не видел Терезу с тех пор.

– Вы проверяли ее вещи?

– Зачем?

– Нам нужно знать, какая на ней была обувь, когда ее схватили.

Даффи побледнела.

– Проклятье!

– Вот именно. Какая обувь осталась дома?

– Другая.

– Она догадается избавиться от устройства?

– Это ей не поможет. Ей нужно будет избавиться и от обуви. Тайник в каблуке и так будет достаточно красноречивым.

– Нам нужно ее найти, – сказал я.

– Обязательно нужно, – согласилась Даффи. Она помолчала. – Сегодня Терезе очень повезло. Искали женщину, но по воле случая первой присмотрелись к горничной. Нельзя рассчитывать на то, что Терезе будет и дальше везти.

Я ничего не сказал. Очень повезло Терезе, очень не повезло горничной. Нет добра без худа. Даффи пригубила кофе. Поморщилась, словно вкус ей не понравился, и поставила чашку на стол.

– Но на чем Тереза засыпалась? – спросила она. – С чего все началось? Вот что я хочу знать. Понимаешь, она продержалась всего два дня. И это было за девять недель до того, как взломали компьютер.

– Какая легенда была у Терезы?

– Обычная для такой работы. Не замужем, без знакомых, без родных, без каких-либо корней. Такая же, как у тебя, только твоя соответствует действительности.

Я задумчиво кивнул. Симпатичная тридцатилетняя женщина, которой никто не хватится. Огромный соблазн для таких типов, как Поли и Энджел Долл. Возможно, непреодолимый. Бесплатная забава. А

остальные из их шайки, вероятно, еще хуже. Взять, к примеру, Харли. Он не произвел на меня впечатления человека, символизирующего блага цивилизации.

– Быть может, ни на чем, – сказал я. – Быть может, Тереза просто пропала, понимаешь, как это происходит с женщинами. Женщины пропадают часто. Особенно молодые. Одинокие, без родных и близких. Такое происходит постоянно. По нескольку тысяч случаев в год.

– Но ведь ты обнаружил комнату, где ее держали.

– Все эти пропавшие женщины должны куда-то попадать. Пропавшими они являются только для окружающего мира. Сами они знают, где находятся, и это знают те, кто доставил их в это место.

Даффи пристально посмотрела на меня.

– Ты полагаешь, на самом деле случилось именно это?

– Вполне возможно.

– С ней все в порядке?

– Не знаю. Надеюсь.

– Ее оставят в живых?

Я кивнул.

– На мой взгляд, никто не собирается ее убивать. Потому что никто не знает о том, что она федеральный агент. Ее считают обыкновенной женщиной.

И бесплатной забавой.

– Ты сможешь найти Терезу до того, как проверят ее обувь?

– Возможно, ее обувь вообще не будут проверять, – сказал я. – Понимаешь, если Терезу видят только в одном свете, потребуется что-то из ряда вон выходящее, чтобы взглянуть на нее с другой стороны.

Даффи отвернулась. Помолчала.

– Только в одном свете, – наконец повторила она. – Почему бы не сказать прямо, что мы имеем в виду?

– Потому что мы этого не хотим.

Даффи снова умолкла. Прошла минута. Две. Затем она опять посмотрела мне в глаза, осененная новой идеей.

– А что насчет твоей обуви?

Я покачал головой.

– То же самое. Ко мне уже привыкли. Ни с того ни с сего по-другому на меня смотреть не будут.

– И все же это большой риск.

Я пожал плечами.

– Бек дал мне «Беретту М-девять», – сказал я. – Так что подождем и посмотрим. Если он нагнется, чтобы приглядеться к моим ботинкам, я выстрелю ему в лоб.

– Но Бек ведь простой бизнесмен, так? В основе своей? Неужели он сделал бы с Терезой что-то плохое, если бы не знал, что она представляет угрозу для его дела?

– Не знаю, – сказал я.

– Это он убил горничную?

Я покачал головой.

– Ее убил Куин.

– Ты при этом присутствовал?

– Нет.

– Тогда почему ты так решил?

Я отвел взгляд.

– Узнал его работу.

В четвертый раз я встретился с сержантом первого класса Доминик Коль через неделю после вечера в баре. По-прежнему было жарко. Ходили разговоры о тропическом урагане, надвигавшемся со стороны Бермудов. У меня на столе лежал миллион папок. На меня свалились изнасилования, убийства, самоубийства, кража оружия, драки, а совсем недавно у нас был настоящий бунт, потому что на кухне для рядового состава сломался холодильник и несколько коробок мороженого превратились в сладкую водичку. Я только что переговорил по телефону с одним приятелем из ФортИрвина в Калифорнии, заверившего меня, что то же самое происходит и у них, когда дуют ветры из пустыни.

Коль пришла в шортах и рубашке с коротким рукавом. Пот ее по-прежнему не мучил. Ее кожа была все такой же сухой. Она принесла папку, распухшую раз в восемь с тех пор, как я дал ей ее.

– Отделяемое оперение должно быть из металла, – сказала Коль. – Это окончательный вердикт.

– Вот как? – спросил я.

– Конструкторы предпочли бы пластмассу, но, по-моему, они решили, что так их работа будет иметь больший вес.

– Будь по-вашему, – согласился я.

– На самом деле я веду к тому, что разработка оболочки практически завершена. Теперь все готово для того, чтобы заняться действительно важными вещами.

– Вы по-прежнему питаете теплые чувства к этому Горовскому?

Коль кивнула.

– Его потеря станет настоящей трагедией. Он неплохой человек и невинная жертва. А так Горовский отлично делает свое дело и приносит пользу армии.

– В таком случае чего вы хотите?

– Затея довольно хитрая, – сказала она. – Я бы предпочла посвятить Горовского в наш замысел и через него передать дезу тому, кто держит его на крючке. В этом случае мы сможем продолжить расследование, не рискуя выдать какие-либо секреты.

– Но?

– Настоящие секреты выглядят как деза. Устройство весьма своеобразное. Оно похоже на большой дротик для дартса. И взрывчатки в нем нет.

– Так за счет чего же оно работает?

– Кинетическая энергия, обедненный уран – металл с очень большой удельной плотностью, тепло и все такое. Вы слушали курс высшей физики?

– Нет.

– Тогда вы ничего не поймете. Но мне кажется, если мы подкинем некачественную дезу, наш плохой парень это сразу же поймет. Этим мы подвергнем Горовского большому риску. Точнее, его девочек.

– Значит, вы предлагаете передать настоящие чертежи?

– На мой взгляд, иного выхода у нас нет.

– Очень большой риск, – заметил я.

– Вам решать. Именно за это вам платят большие деньги.

– Я всего лишь капитан, – возразил я. – Я сидел бы на бесплатных продовольственных талонах, если бы у меня было время на еду.

– Ваше решение?

– У вас есть наводки на плохого парня?

– Нет.

– Вы уверены, что дело не вырвется из-под контроля?

– Абсолютно, – сказала Коль.

Я улыбнулся. В этот момент она производила впечатление самого хладнокровного человека на земле. Блестящие глаза, серьезное выражение лица, волосы, зачесанные за уши, шорты хаки, обтягивающая рубашка защитного цвета, носки, высокие ботинки, во всех остальных местах темная сухая кожа.

– Так принимайтесь за дело, – сказал я.

– Я никогда не танцую, – вдруг заявила Коль.

– Что?

– Дело было не в вас, – пояснила она. – Если честно, мне очень хотелось бы с вами потанцевать. Но я никогда ни с кем не танцую.

– Это еще почему?

– По одной простой причине. Я очень стесняюсь. У меня плохо скоординированы движения.

– Как и у меня.

– Быть может, нам следует потренироваться наедине, – сказала Коль.

– По отдельности?

– Нет, мы будем следить друг за другом. Это все равно что бороться с алкоголизмом.

Подмигнув, она вышла из кабинета, оставив в душном, спертом воздухе слабый аромат своих духов.

Мы с Даффи молча допили кофе. Мой показался мне на вкус слишком жидким, холодным и горьким. У меня пропало всякое настроение пить кофе. Правый ботинок жал. А еще совсем недавно мне казалось, он мне впору. Теперь же я воспринимал его как ядро на цепи. Сначала я считал,

что имею дело с верхом изобретательности. Мне хорошо запомнился первый раз, когда я открыл каблук, – это было три дня назад, вскоре после того, как я впервые попал в особняк, после того, как Дьюк запер меня в моей комнате. «Я в игре». Тогда я казался себе героем шпионского боевика. Но я хорошо помнил, как доставал устройство последний раз. В туалете комнаты Дьюка, полтора часа назад. Я включил его, и меня встретило сообщение от Даффи: «Нам нужно встретиться».

– Почему ты хотела со мной встретиться? – спросил я.

Даффи покачала головой.

– Теперь это уже не важно. Я пересмотрела нашу операцию. Теперь остается только одна задача: вернуть Терезу. Найди ее и вытащи оттуда, хорошо?

– А что насчет Бека?

– Бека оставь в покое. Я снова все испортила. Эта горничная выполняла официальное задание, а Тереза – нет. Как и ты. И горничная погибла, так что меня вышвырнут с работы за то, что я нарушила инструкции и направила к Беку вас с Терезой. Дело против Бека придется свернуть, ведь я уже столько раз нарушила закон, что оно развалится в любом суде. Так что вытаскивай Терезу, и все разойдутся по домам.

– Ладно.

– И ты должен будешь забыть о своем Куине, – продолжала Даффи. – Оставить его в покое.

Я промолчал.

– В любом случае, мы потерпели неудачу, – сказала она. – Ты не обнаружил ничего полезного. Абсолютно ничего. Никаких улик. Мы только впустую потеряли время.

Я молчал.

– Моя карьера полетит к черту, – печально усмехнулась Даффи.

– Когда ты собираешься сообщить своему начальству?

– Насчет горничной?

Я кивнул.

– Прямо сейчас. Не медля ни минуты. Я должна так поступить. У меня нет выбора. Но сначала я загляну в компьютер и выясню, кто ее направил к Беку. Потому что я бы предпочла объясниться лицом к лицу. В этом случае у меня будет возможность принести извинения. А так

начнется огромный скандал, прежде чем я успею что-либо сделать. Мои коды доступа блокируют, и мне предложат в течение получаса собрать свои пожитки.

– Ты уже давно работаешь на этом месте?

– Давно. Я надеялась, что когда-нибудь стану первой в истории женщиной-директором.

Я промолчал.

– Я бы обязательно все тебе рассказала. Уверяю тебя, если бы там действовал еще один агент, я обязательно сообщила бы об этом.

– Верю, – сказал я. – Извини за то, что поспешил тебя обвинить.

– Это стресс. Внедренному агенту приходится очень нелегко.

Я кивнул.

– Я там словно окружен со всех сторон зеркалами. Одно непрерывно сменяет другое, черт побери. Теряется ощущение реальности.

Оставив недопитый кофе на столе, мы направились к выходу, во внутренние переходы торгового центра, а затем на улицу под дождь. Как выяснилось, наши машины стояли рядом. Даффи чмокнула меня в щеку. Затем села в «таурус» и поехала на юг, а я сел в «сааб» и поехал на север.

Поли не спешил открывать передо мной ворота. Мне пришлось прождать минуты две, прежде чем он вперевалочку вышел из дома. На нем снова был дождевик. Остановившись, Поли долго смотрел на меня, прежде чем начал возиться с запором. Но мне было все равно. У меня в голове звучал голос Даффи: «Я пересмотрела нашу операцию». Почти всю мою службу в армии моим непосредственным начальником был человек по имени Леон Гарбер. Он привык выражать свои мысли пословицами и афоризмами. У него находилось что-нибудь подходящее на любой случай. Например, Гарбер говорил: «Умный человек постоянно пересматривает стоящие перед ним задачи, так как это помогает не выбрасывать деньги на ветер». Понятие «деньги» он употреблял не в буквальном смысле. Под ним Гарбер понимал материальные и людские ресурсы, время, силы, энергию. Еще он часто противоречил самому себе. Не менее часто Гарбер повторял: «Ни в коем случае не отвлекайтесь от выполнения непосредственно стоящей перед вами задачи». Разумеется, то же самое верно в отношении любых пословиц. «У семи нянек дитя без глазу» и «Дружная работа – дело спорится»; «Слово не обух, в лоб не бьет» и «Слово пуще стрелы разит». Но в целом, если снять несколько поверхностных слоев противоречащей

друг другу шелухи, Гарбер выступал за постоянную коррекцию планов. Поддерживал такой подход обеими руками. В основном потому, что корректировать планы значило думать, а он считал, что от мыслительных процессов еще никому плохо не становилось. Вот и я думал, думал напряженно, так как чувствовал, что ко мне медленно и незаметно подкрадывается какая-то мысль, которую я пока что никак не мог ухватить. Связанная с тем, что сказала мне Даффи: «Ты не обнаружил ничего полезного. Абсолютно ничего. Никаких улик».

Меня вывел из размышлений грохот распахнувшихся ворот. Подняв взгляд, я увидел, что Поли ждет, когда я въеду в ворота. Крупные капли барабанили по его дождевику. Поли по-прежнему был без головного убора. Я отомстил ему, в свою очередь заставив его ждать. Решение Даффи меня полностью устраивало. На Бека мне было по большому счету наплевать. Он меня нисколько не интересовал. Но я должен был найти Терезу. Я был полон решимости ее найти. Я должен был найти и Куина. И я был полон решимости найти и его, что бы ни говорила Даффи. Этого пункта пересмотр плана не касался.

Я снова взглянул на Поли. Он молча ждал меня. Идиот. Он стоит под дождем, а я сижу в машине. Убрав ногу с тормоза, я плавно покатил вперед. Затем дал газу и поехал к дому.

Я поставил «сааб» в тот гараж, где он стоял, и вышел во дворик. Механик, как всегда, возился в третьем гараже. В пустом. Я не видел, чем он занят. Возможно, он просто прятался от дождя. Я пробежал к дому. Услышав писк металлодетектора, возвестивший о моем возвращении, Бек вошел на кухню. Указал на спортивную сумку. Она по-прежнему лежала на столе, в центре.

– Избавься от этого дерьма, – сказал Бек. – Выбрось в море.

– Хорошо.

Бек вышел в коридор, а я взял сумку и направился к черному входу. Скользнул к берегу моря вдоль стены внутреннего дворика. Спрятал свой сверток в тайник. «Мотовство до нужды доведет». К тому же мне хотелось вернуть Даффи ее «глок». У нее хватает своих бед и без необходимости объяснять утерю служебного оружия. В правоохранительных органах к подобным проступкам относятся очень серьезно.

Затем я дошел до края гранитных плит и, размахнувшись, забросил сумку далеко в море. Она перевернулась в воздухе, и из нее вывалились туфли и устройство электронной почты. Маленькая черная коробочка плюхнулась в воду. И сразу же пошла ко дну. Левая туфля, упав первой, последовала за ней. Пустая сумка, спланировав парашютом, плавно опустилась на волны, наполнилась водой и медленно скрылась. Правая

туфля какое-то время плавала на поверхности, подобно маленькой черной лодочке, качаясь на волнах, взлетая на гребень и падая вниз, словно ей неудержимо хотелось уплыть на восток. Наконец она начала крениться набок. Продержавшись на плаву еще секунд десять, туфля наполнилась водой и исчезла с поверхности.

В доме все было тихо. Кухарка куда-то пропала. Ричард сидел в гостиной и, уставившись в окно, ел бутерброд, который, наверное, приготовил себе сам. Элизабет была у себя в салоне и снова боролась с «Доктором Живаго». Самого Бека нигде не было видно. Методом исключения я пришел к выводу, что он, вероятно, находится в своем логове, сидит в кресле, обитом красной кожей, и разглядывает коллекцию оружия. Везде было очень тихо. Я ничего не понимал. Даффи сказала, что Бек получил пять контейнеров; сам Бек говорил, что грядут напряженные выходные, но никто ничего не делал.

Я поднялся в комнату Дьюка. Я еще не начал думать о ней как о своей собственной комнате. И надеялся, что никогда не начну. Попытался схватить мысль, бродившую на задворках моего сознания. «Это так просто, – сказал бы Леон Гарбер. – Работай с уликами. Перебери все увиденное, все услышанное». И я принялся перебирать все, что видел, и все, что слышал. Но мысли мои неизменно возвращались к Доминик Коль. В пятый раз мы встретились, когда она отвезла меня в Абердин, штат Мэриленд, в своем оливково-зеленом «шевроле». Я начинал думать о том, что решение отдать настоящие чертежи было ошибочным. Риск был огромный. Обычно это меня не беспокоит, но сейчас я был раздосадован отсутствием прогресса. Коль установила место передачи информации, установила способ, установила, где и как Горовский сообщал о том, что принес очередную порцию документов. Но ей никак не удавалось засечь, как связник забирает эти документы. Она до сих пор не знала, кто этот связник.

Абердин – это маленькое местечко милях в двадцати к северо-востоку от Балтимора. Метод Горовского состоял в том, чтобы съездить в воскресенье в Балтимор и заглянуть в район Внутреннего порта. В то время там как раз полным ходом шли реставрационные работы, но широкая публика еще не успела прознать об этом, и народу там пока что было еще очень мало. У Горовского был АЛС. Двухлетняя «мазда миата» ярко-красного цвета. Самая подходящая машина. Не новая, но и не дешевая, потому что в свое время она пользовалась огромной популярностью и цены с тех пор упали незначительно. Машина была двухместная, что вызывало удивление, так как у Горовского было две дочери. Значит, у него есть еще одна машина. Мы выяснили, что жену его никак нельзя назвать богатой. В другой ситуации меня бы это встревожило, но Горовский был инженер. То есть его выбор был вполне

естественным. Горовский не курил и не пил. Почему бы ему не откладывать каждый лишний доллар, чтобы порадовать себя заднеприводной конфеткой с ручной коробкой передач?

В то воскресенье, когда мы поехали следом за ним, Горовский оставил машину на стоянке у причала и уселся на скамейке на набережной. Это был коренастый мужчина с пышной шевелюрой, широкоплечий, но невысокий. Горовский захватил с собой воскресную газету. Сначала он какое-то время смотрел на яхты. Затем закрыл глаза и поднял лицо к небу. Погода все еще держалась прекрасная. Горовский просидел так минут пять, просто впитывая солнце, словно ящерица. Затем открыл глаза, развернул газету и начал читать.

– Это уже пятый раз, – шепнула мне Коль. – И третья поездка с тех пор, как были закончены работы с оболочкой.

– Пока что все как всегда? – спросил я.

– Абсолютно.

Горовский был занят газетой минут двадцать. Я видел, что он действительно ее читает. Он внимательно изучил все разделы, кроме спорта, что показалось мне несколько странным для болельщика «Янкиз». Впрочем, я решил, что болельщику «Янкиз» вряд ли приятно читать о том, как его команду втоптали в грязь «Ориолз».

– Сейчас начнется, – вдруг шепнула мне Коль.

Оглянувшись по сторонам, Горовский вытряхнул из газеты большой пухлый конверт. Дернул левой рукой вверх и наружу, загибая газетную страницу, на которой остановился, и отвлекая внимание тех, кто мог за ним наблюдать, потому что при этом движении конверт упал в мусорный бак, стоящий рядом со скамейкой.

– Очень аккуратно, – заметил я.

– Это точно, – согласилась Коль. – Этот мальчик знает свое дело.

Я кивнул. Горовский держался великолепно. Он встал со скамейки не сразу. Посидел еще минут десять, читая. Наконец аккуратно сложил газету, встал, подошел к парапету и принялся снова смотреть на яхты. Затем развернулся и направился к своей машине, держа газету под мышкой.

– А теперь смотри! – воскликнула Коль.

Я увидел, как Горовский достал правой рукой из кармана брюк кусочек мела. Прошел вплотную к фонарному столбу и оставил на нем белую полоску. Уже пятую. Пять недель, пять полосок. Первые четыре в разной степени побледнели от времени соответственно прошедшему сроку. Я

проследил в бинокль, как Горовский прошел на стоянку, сел в свою спортивную машину и медленно выехал на дорогу. Затем я обернулся и снова сосредоточил внимание на мусорном баке.

– И что будет дальше? – спросил я.

– Совершенно ничего. Я уже дважды наблюдала за этим. Два воскресенья. Сюда никто не придет. Ни сейчас, ни ночью.

– Когда из бака заберут мусор?

– Завтра рано утром.

– Быть может, мусорщик является посредником.

Коль покачала головой.

– Я проверяла. Мусоровоз спрессовывает в своем кузове все в один плотный кусок и уезжает прямо на мусоросжигательный завод.

– Значит, наши секретные чертежи сгорают на муниципальной помойке?

– Что ж, это достаточно безопасно.

– Быть может, в разгар ночи одна из яхт скрытно подходит к берегу.

– Тогда на ее борту должен находиться человек-невидимка.

– В таком случае, возможно, никого нет, – предположил я. – Возможно, все было обговорено заранее, но связника взяли на чем-то другом. Или он что-то заподозрил и смылся отсюда. Или заболел и умер. Быть может, схема не работает.

– Ты так думаешь?

– Если честно, нет, – признался я.

– И ты намереваешься вытащить затычку? – спросила Коль.

Я кивнул.

– У меня нет выбора. Возможно, я идиот, но все же не полный. Дело вышло из-под контроля.

– Я могу перейти к плану Б?

Я снова кивнул.

– Тащи Горовского к нам и пригрози ему расстрелом. А затем скажи, что, если он нам поможет и передаст ложные чертежи, мы проявим к нему снисхождение.

– Будет очень нелегко сделать чертежи убедительными.

– Скажи ему, пусть составит сам, – нахмурился я. – В конце концов, на кону стоит его задница.

– И жизнь его детей.

– Все это – часть родительского счастья. Это заставит Горовского пошевелить мозгами.

Некоторое время Коль молчала. Затем сказала:

– Ты по-прежнему хочешь танцевать?

– Здесь?

– До дома далеко. Нас тут никто не знает.

– Хорошо, – согласился я.

Затем мы пришли к выводу, что для танцев еще слишком рано, поэтому выпили по паре кружек пива и стали ждать вечера. В баре, куда мы зашли, было темно и тесно. Повсюду дерево и кирпич. Очень милое местечко. В нем был музыкальный автомат. Мы с Коль долго стояли рядом, склонившись над ним, и выбирали первую мелодию. У нас завязался оживленный спор. Постепенно этот вопрос приобрел огромное значение. Я пытался разбираться в предложениях Коль, анализируя темп. Мы будем обниматься? Она предлагает такой танец? Или речь идет о независимых, обособленных прыжках? В конце концов мы пришли к выводу, что разрешить наш конфликт сможет только Организация Объединенных Наций, поэтому, бросив в автомат монетку, закрыли глаза и ткнули кнопку наугад. Мы попали в «Шоколадку» «Роллинг Стоунз». Замечательная композиция. Мне она всегда очень нравилась. И Коль, как оказалось, танцевала весьма неплохо. А вот я был ужасен.

Затем, запыхавшиеся, мы снова сели за столик и заказали еще пива. И вдруг до меня дошло, что сделал Горовский.

– Конверт тут ни при чем, – сказал я. – В нем ничего нет. Все дело в газете. Чертежи в газете. В спортивном разделе. Горовский в него даже не заглянул. А конверт – это лишь отвлекающий маневр на случай слежки. Горовского прекрасно проинструктировали. Газету он бросит в другой мусорный бак, позже. После того как сделает отметку мелом. Вероятно, выезжая со стоянки.

– Проклятье! – выругалась Коль. – Я потеряла впустую пять недель.

– И кто-то получил три настоящих чертежа.

– Это один из нас, – сказала она. – Военная разведка, ЦРУ или ФБР. Такое мог придумать только профессионал.

Газета, а не конверт. Десять лет спустя я лежал на кровати в особняке на побережье штата Мэн и вспоминал танцующую Доминик Коль и типа по фамилии Горовский, который медленно и тщательно складывал газету, глядя на мачты сотен яхт у причала. *Газета, а не конверт.* Почему-то мне казалось, что это замечание очень важно и сейчас. *Это, а не то.* Затем я подумал о горничной, спрятавшей мой сверток под полом в багажнике «сааба». Больше она там ничего не прятала, иначе Бек обнаружил бы это и добавил к своей коллекции улик обвинения. Но обивка салона старая, местами отстает. Если бы я был человеком, способным спрятать пистолет под запасным колесом, возможно, я бы спрятал бумаги под обивкой салона. Правда, еще нужно было бы, чтобы я был человеком, который делает заметки и хранит их.

Соскочив с кровати, я подошел к окну. День заканчивался. Приближалась ночная темень. День номер четырнадцать, пятница, практически завершился. Я спустился вниз, размышляя о «саабе». В коридоре мне встретился Бек. Он торопился. Был чем-то озабочен. Войдя на кухню, он снял трубку телефона. Послушал, затем протянул мне.

– Все телефоны молчат, – объявил Бек.

Приложив трубку к уху, я стал слушать. В ней не было ничего. Ни непрерывного гудка, ни хриплого шипения открытых контактов. Только тупая инертная тишина и стук крови у меня в висках. С таким же успехом можно было прикладывать к уху морскую ракушку.

– Сходи проверь твой, – сказал Бек.

Я поднялся в комнату Дьюка. Телефон внутренней связи работал. Поли ответил после третьего звонка. Не сказав ни слова, я положил трубку. Но внешняя линия молчала. Я долго держал трубку у уха, как будто это могло как-то исправить ситуацию. В дверях появился Бек.

– С воротами связь есть, – сказал я.

Он кивнул.

– Это совершенно отдельная линия. Мы сами ее провели. А наружная?

– Молчит.

– Странно, – нахмурился Бек.

Я положил трубку на аппарат. Выглянул в окно.

– Возможно, все дело в погоде.

– Нет, – возразил Бек, протягивая мне свой сотовый телефон. – Он тоже молчит.

Я взял маленький серебристый аппарат. На крошечном экране справа длинная полоска показывала, что аккумулятор полностью заряжен. Но указатель мощности принимаемого сигнала был на нуле. Посреди экрана горела зловещая надпись крупными буквами: «Нет сети».

– Мне нужно сходить в туалет, – сказал я. – Я на минутку.

Я заперся. Снял ботинок. Открыл каблук. Включил питание. Экран ожил надписью: «Нет сети». Выключив устройство, я убрал его в каблук. Для порядка дернул за слив и уселся на крышку унитаза. Я не специалист по системам связи. Я знаю, что время от времени связь пропадает. А сотовая связь – штука весьма ненадежная. Но какова вероятность того, что наземные линии выйдут из строя одновременно с антенной ближайшей соты? Очень маленькая. Значит, это сделано умышленно. Но по чьей просьбе? Только не по просьбе телефонной компании. Никто не станет проводить обслуживающие работы вечером в пятницу, в самое оживленное время. Скорее для этого выбрали бы воскресное утро. К тому же все равно никто не будет отключать наземные линии одновременно с сотовыми антеннами. Эти работы обязательно разнесут по времени.

Так кто же устроил отключение связи? Возможно, могущественное правительственное ведомство. Такое, как Управление по борьбе с наркотиками, например. Возможно, УБН пришло вызволять горничную. Возможно, отряд спецназа решил в первую очередь разобраться со складами и не хочет заранее спугнуть Бека.

Но это маловероятно. УБН имеет не один отряд специального назначения. Операция проводилась бы одновременно. В любом случае, перекрыть дорогу от дома до первого поворота проще простого. Перекрыть наглухо. Полоса асфальта протяженностью двенадцать миль предоставляет бесконечные возможности. С телефонами или без них, Бек отсюда никуда не денется.

Так кто же?

Возможно, Даффи, действующая без санкции начальства. Положение Даффи, вероятно, дает ей возможность один раз в жизни попросить о крупном одолжении, например, управляющего телефонной компании. Особенно если это одолжение имеет весьма узкие географические рамки. Отключение одной второстепенной линии. И одной антенны сотовой связи, вероятно, где-то поблизости от I-95. Особенно если это одолжение имеет четкие временны́е рамки. Скажем, четыре или пять часов.

А почему Даффи могла вдруг начать бояться телефонов? Возможный ответ на это только один. Она боится за меня.

Телохранители на свободе.

Глава 10

Время. Расстояние, деленное на скорость, равняется времени. Или времени у меня достаточно, или его у меня вообще нет. Что из двух, я не знал. Телохранителей держали в мотеле в Массачусетсе, в том самом, где мы разрабатывали операцию. То есть меньше чем в двухстах милях к югу. Это было известно мне наверняка. Это были факты. А дальше следовали чистые предположения. И все же можно было составить наиболее вероятный сценарий случившегося. Телохранителям удалось бежать из мотеля и угнать казенный «таурус». После чего они где-то с час неслись куда глаза глядят, задыхаясь от паники. Им хотелось в первую очередь убраться куда-нибудь подальше. Возможно, они даже заблудились и немного поплутали. Затем, сориентировавшись, телохранители вернулись на автостраду. Помчались на север. По дороге успокоились, проверили в зеркало, что за ними никто не гонится, сбавили скорость, чтобы не привлекать к себе внимания, и стали искать телефон. Но к этому времени Даффи, вероятно, уже отключила связь. Она действовала очень быстро. Поэтому первая остановка в пути оказалась напрасной тратой времени. Минут десять ушло на то, чтобы свернуть с шоссе, остановиться, позвонить на домашний номер, позвонить на сотовый номер, снова завести двигатель и выехать на шоссе. Затем телохранители повторили то же самое на следующей стоянке. Первую неудачную попытку они свалили на какую-то случайную техническую неполадку. Еще десять минут. После чего телохранители или поняли, что связь отсутствует не случайно, или просто решили, что цель уже близка и надо в любом случае ехать вперед.

От начала до конца около четырех часов. Но когда начался отсчет этих четырех часов? Я не имел понятия. Это было очевидно. Можно было сказать только то, что все началось от четырех часов до тридцати минут тому назад. Так что или у меня было достаточно времени, или его у меня не было вовсе.

Выйдя из туалета, я выглянул в окно. Дождь прекратился. На улице уже была ночь. Вдоль стены зажглись прожектора. В сыром воздухе вокруг них светились ореолы. За стеной начиналась абсолютная темнота. На дороге ни огонька. Я спустился вниз. Отыскал Бека. Тот упорно возился со своим сотовым телефоном, пытаясь его оживить.

– Я выезжаю, – сказал я. – Хочу сгонять до шоссе.

– Зачем?

– Мне не нравится это внезапное отключение телефонов. Возможно, в этом ничего нет, но, может быть, и есть.

– Что, например?

– Не знаю, – сказал я. – Быть может, сюда кто-то направляется. Вы только что перечислили, сколько народу за вами охотится.

– Мы защищены стеной.

– У вас есть катер?

– Нет, – признался Бек. – А что?

– Если эти люди доберутся до стены, вам понадобится катер. В противном случае вас смогут просто взять измором.

Он промолчал.

– Я возьму «сааб», – сказал я.

– Почему?

Потому что он легче «кадиллака».

– Потому что я хочу оставить «кадиллак» вам, – сказал я. – Он больше.

– Что ты собираешься сделать?

– То, в чем возникнет необходимость, – сказал я. – Теперь я отвечаю за вашу безопасность. Возможно, ничего не случится, но если что-либо все же случится, я постараюсь позаботиться о вас.

– Что я должен делать?

– Оставьте окно открытым и слушайте, – сказал я. – Ночью, даже несмотря на шум прибоя, вы услышите выстрелы на расстоянии двух миль. В этом случае сажайте всех в «кадиллак» и уносите отсюда ноги. Гоните что есть мочи. Ни в коем случае не останавливайтесь. Я постараюсь задержать этих людей и дать вам возможность проскочить. У вас есть еще место, где можно будет укрыться?

Бек кивнул, не назвав мне это место.

– Отправляйтесь туда. Если мне удастся прорваться, я приеду в контору. Буду ждать там, в машине. Вы сможете заглянуть туда позже.

– Хорошо, – согласился Бек.

– А сейчас позвоните по внутреннему Поли и прикажите ему выпустить меня.

– Хорошо, – повторил он.

Я оставил его стоять в коридоре. Вышел в ночь. Обошел стену внутреннего дворика и достал из тайника свой сверток. Отнес его в «сааб» и положил на заднее сиденье. Затем сел за руль, завел двигатель и выехал из гаража. Медленно сделал круг перед крыльцом и повернул к воротам. В темноте прожектора на стене казались очень яркими. У ворот уже возился Поли. Я чуть сбавил скорость, рассчитав все так, чтобы мне не нужно было останавливаться. Я проехал в ворота. Направился на запад, вглядываясь в темноту в ожидании света фар, приближающихся мне навстречу.

Проехав четыре мили, я увидел казенный «таурус». Он стоял на обочине. Передом ко мне. Без огней. За рулем сидел пожилой агент. Погасив фары, я остановился бок о бок с ним. Опустил свое стекло. Он сделал то же самое. Направил мне в лицо фонарик и пистолет, но затем понял, кто я.

Убрал свет и оружие.

– Телохранители на свободе, – сказал агент.

Я кивнул.

– Я уже догадался. Когда это произошло?

– Почти четыре часа назад.

Я непроизвольно бросил взгляд вперед на дорогу. Значит, времени совсем нет.

– Мы потеряли двоих людей, – продолжал он.

– Убиты?

Агент молча кивнул.

– Даффи доложила о случившемся?

– Она не может, – сказал он. – Пока что не может. Мы действуем неофициально. На самом деле ничего этого не происходит.

– Ей придется докладывать о случившемся. Как-никак, два человека убиты.

– Она обязательно доложит. Но позже. После того, как достанешь информацию на Бека. Потому что мы вернулись к тому, с чего начали. Бек нужен Даффи для того, чтобы оправдать свои действия. Нужен больше, чем когда бы то ни было.

– Как это произошло?

Агент пожал плечами.

– Подонки выжидали. Их двое, нас четверо. Казалось, все должно быть просто. Но наверное, наши ребята расслабились. Это очень нелегко – держать людей взаперти в мотеле.

– Кто убит?

– Ребята, которые были в «тойоте».

Я промолчал. Телохранителей продержали приблизительно восемьдесят четыре часа. Трое с половиной суток. Даже чуть больше, чем я рассчитывал в самом начале.

– Где сейчас Даффи? – спросил я.

– Мы разошлись в разные стороны. Она в Портленде с Элиотом.

– С телефонами она придумала здорово.

Пожилой агент кивнул.

– Очень здорово. Она за тебя очень переживает.

– Давно они молчат?

– Уже четыре часа. Это все, что Даффи удалось выпросить. Так что вот-вот они оживут.

– Полагаю, телохранители поедут прямо сюда.

– И я тоже. Вот почему я тоже приехал прямо сюда.

– Прошло почти четыре часа, и сейчас они уже сворачивают с автострады. Так что на телефоны теперь наплевать.

– Я тоже так подумал.

– У тебя есть план? – спросил я.

– Я ждал тебя. Мы решили, ты мне поможешь.

– У них есть оружие?

– Два «глока». С полными обоймами. – Он умолк. Отвернулся. – Минус четыре выстрела в мотеле. Так мне рассказали. Четыре выстрела, два трупа. Все выстрелы в голову.

– Нам придется нелегко.

– А кому сейчас легко?

– Сначала нужно найти место.

Я велел ему оставить свою машину там, где она была, и пересесть ко мне. Он сел рядом со мной. На нем был тот самый плащ, в котором пришла в кафе Даффи. Агент забрал его назад. Мы отъехали на милю, после чего я стал искать подходящее место. Я нашел его там, где дорога резко сужалась и делала затяжной плавный поворот. Асфальт возвышался над землей невысокой дамбой. Обочины имели в ширину меньше фута и быстро обрывались каменистым берегом. Резко выкрутив руль, я остановился, сдал назад, снова тронулся вперед и делал так до тех пор, пока «сааб» не встал поперек дороги. Мы вышли из машины и осмотрелись. Лучше места для того, чтобы перегородить дорогу, трудно было придумать. Машину нельзя было объехать ни с какой стороны. Но преграда получилась слишком очевидной, как я и предполагал. Как только телохранители увидят «сааб», они нажмут на тормоза, начнут стрелять и дадут задний ход.

– Надо ее перевернуть, – сказал я. – Как будто произошла авария.

Я взял с заднего сиденья свой сверток. Положил его на обочину – на всякий случай. Заставил пожилого агента снять плащ и расстелить его на дороге. Вывернув все из карманов своего плаща, я положил его сверху. Я собирался перевернуть «сааб» на эту подстилку. Мне было нужно вернуть его без существенных повреждений. Встав плечом к плечу спиной к машине, мы принялись ее раскачивать. Перевернуть легковую машину достаточно просто. Мне не раз приходилось видеть, как это делается. В этом помогут шины и подвеска. Для этого ее нужно сначала раскачать и, когда она начнет отрываться от земли, подхватить ее и, используя момент инерции, перевернуть до конца. Пожилой агент оказался сильным. Он сделал свое дело. Мы раскачали машину так, что она накренилась на сорок пять градусов, а затем, развернувшись, подхватили ее под пороги и опрокинули на крышу.

Машина легла на плащи. Это означало, что ее можно было двигать, не царапая, поэтому мы расположили ее как нужно. Затем я открыл водительскую дверь и предложил пожилому агенту забраться в перевернутую машину и второй раз за четыре дня сыграть роль мертвеца. Он залез в салон и наклонился вперед, наполовину вывалившись наружу, раскинув руки. В темноте выглядело довольно убедительно. В контрастном свете ярких фар картина будет еще более выразительной. Наших плащей не было видно, если только специально их не искать. Отойдя на обочину, я подобрал свой сверток и спустился вниз по камням.

Мы стали ждать.

Нам показалось, ждать пришлось долго. Пять минут, шесть, семь. Я набрал камней, три штуки, каждый размером чуть больше ладони, и стал смотреть на горизонт на западе. Небо по-прежнему было затянуто

низкими тучами, и я предположил, свет фар отразится от них, заранее предупредив о приближении машины. Но горизонт оставался черным. Царила полная тишина. Я слышал только отдаленный гул прибоя и дыхание пожилого агента.

– Они должны приехать, – окликнул он меня.

– Обязательно приедут.

Мы стали ждать дальше. Ночь оставалась темной и тихой.

– Как тебя зовут? – окликнул я.

– Зачем это тебе?

– Просто хочу знать. Непорядок, я уже дважды тебя убил и до сих пор не знаю, как тебя зовут.

– Терри Виллануэва, – ответил он.

– Фамилия испанская?

– Естественно.

– А в тебе нет ничего испанского.

– Знаю. Моя мать была ирландкой, а отец испанцем. Но мы с братом пошли в мать. Брат сменил фамилию на Ньютон[6], как у старинного ученого. В переводе с испанского «Вилллануэва» значит «новый город». А я оставил прежнюю фамилию. Из уважения к нашему старику.

– Откуда ты родом?

– Из Бостона. Раньше это было совсем не просто – смешанные браки и все такое.

Мы снова умолкли. Я смотрел и слушал. Ничего. Вилллануэва пошевелился. Похоже, ему было очень неудобно.

– Терри, ты служил в спецназе? – окликнул я.

– Старая школа.

Тут я услышал шум машины.

И у Вилллануэвы зазвонил сотовый телефон.

До машины было около мили. Я различил приглушенный шелест шестицилиндрового двигателя, работающего на больших оборотах. Вдалеке показались лучи фар, зажатые между дорогой и тучами. Звонок телефона Вилллануэвы был настроен на безумно ускоренную версию

Токкаты и фуги ре минор Баха. Перестав разыгрывать из себя мертвеца, Виллануэва сунул руку в карман и достал телефон. Ткнул в кнопку, оборвал мелодию и ответил. Крошечный аппарат потерялся в его большой руке. Виллануэва поднес его к уху. Выслушал то, что ему сказали. Бросил короткое: «Понял». Затем сказал: «Как раз занимаемся этим». И наконец: «Хорошо». Отключив телефон, он снова растянулся на дороге, прижавшись щекой к асфальту. Телефон остался у него в руке.

– Только что восстановили связь, – окликнул меня Виллануэва.

Значит, начался новый отсчет времени. Я посмотрел вправо, на восток. Бек наверняка постоянно проверяет, не заработал ли телефон. Я предположил, что, как только он услышит в трубке гудок, он отправится искать меня, чтобы сообщить об этом. Я снова повернулся налево, на запад. Шум двигателя автомобиля стал уже громким и отчетливым. Лучи фар взлетали вверх и вниз и поворачивали влево и вправо, повторяя профиль дороги.

– Осталось тридцать секунд, – окликнул я.

Шум стал еще громче. В нем уже можно было различить шелест покрышек и гул автоматической коробки передач. Я пригнулся ниже. Десять секунд, восемь, пять. Машина выскочила из-за поворота, скользнув светом фар по моей спине. Послышались глухой стук гидравлики, скрежет тормозных накладок и визг покрышек заблокированных колес по асфальту. Машина застыла на месте, чуть сместившись с центра дороги, в двадцати футах от опрокинутого «сааба».

Я посмотрел на нее. Это был синий «таурус», в темноте казавшийся серым. Впереди два конуса ослепительного света фар. Сзади тусклые отсветы стоп-сигналов. В салоне двое. Их лица были освещены светом, отражавшимся от «сааба». Какое-то время они сидели неподвижно, уставившись вперед. Они узнали «сааб». Должно быть, им уже приходилось видеть его раз сто. Водитель опустил руку. Я услышал, как он перевел рычаг управления передачами на парковку. Стоп-сигналы погасли. Двигатель продолжал работать на холостых оборотах. До меня доносились запах выхлопных газов и тепло нагретого капота.

Обе передние двери открылись одновременно. Двое мужчин, сидевших в салоне, вылезли из машины и остановились, прячась за ней. Оба держали в руках «глоки». Они подождали. Затем пошли вперед. Медленно, осторожно, держа пистолеты наготове. Фары освещали их сзади, снизу до пояса. Верхние части туловищ терялись в темноте. Но я видел их силуэты. Их движения. Это действительно были телохранители. Никаких сомнений. Молодые и мускулистые, напряженные и настороженные. Они были в темных костюмах, мятых и грязных. Без галстуков. Рубашки превратились из белых в серые.

Телохранители присели на корточки рядом с Виллануэвой. Он лежал в тени. Придвинувшись к нему, они перевернули его лицо к свету. Я знал, что телохранители уже видели пожилого агента. Мельком, у ворот колледжа, проезжая мимо него восемьдесят четыре часа назад. Я не думал, что они его успели разглядеть. И запомнить. Но один раз их уже провели, и они не хотели попасться еще раз. Телохранители просто сидели на корточках и смотрели на распростертого Виллануэву. Затем тот, что был ближе ко мне, встал.

К этому моменту я находился всего в пяти футах от него, держа в правой руке камень размером чуть меньше мяча для софтбола. Я выбросил руку с камнем вперед, стремительно, со всей силы, полностью разгибая локтевой сустав, словно собираясь дать телохранителю пощечину. Если бы я промахнулся, момент инерции вырвал бы плечо из сустава. Но я не промахнулся. Камень попал телохранителю в висок, и он рухнул как подкошенный, словно придавленный тяжелым грузом. Второй телохранитель оказался более проворным. Отпрянув назад, он вскочил на ноги. Виллануэва попытался схватить его за ноги, но промахнулся. Телохранитель отпрыгнул вбок, разворачиваясь ко мне. Его «глок» метнулся в мою сторону. Мне нужно было любым способом не дать ему выстрелить, поэтому я швырнул камень ему в голову. Телохранитель попытался было увернуться, но камень попал ему в затылок, в ту точку, где позвоночник входит в череп. Удар оказался настолько сильным, что телохранитель повалился вперед. Выронив «глок», он рухнул на асфальт, словно срубленное дерево, и затих.

Я выпрямился, вглядываясь в темноту на востоке. Ничего. Ни света фар, ни шума двигателя. Только отдаленный гул прибоя. Виллануэва выбрался на четвереньках из опрокинутой машины и склонился над первым телохранителем.

– Этот мертв, – объявил он.

Присоединившись к нему, я обнаружил, что он прав. Шансы выжить, получив удар десятифунтовым булыжником в висок, минимальны. Сбоку в черепе красовалась аккуратная вмятина. Глаза были широко раскрыты, и в них не светилось никаких признаков жизни. Пощупав пульс на шее и на запястье, я подошел ко второму телохранителю и присел рядом с ним. Он тоже был мертв. У него была сломана шея. Я не слишком удивился. Камень весил десять фунтов, и я вложил в бросок столько сил, сколько вкладывает олимпийский чемпион по толканию ядра.

– Две птицы одним камнем, – сказал Виллануэва.

Я молчал.

– В чем дело? – спросил он. – Ты хотел задержать их по всем правилам? После того, что они с нами сделали? У них на счету двое убитых полицейских.

Я продолжал молчать.

– Ты чем-то недоволен? – настаивал Вилладуэва.

Я не имел отношения к «нам». Я не был полицейским. Но я вспомнил предостережение Пауэлла, предназначавшееся только мне: «Только для твоих глаз, 10-2, 10–28». «Этих ребят необходимо убрать». И я был готов поверить в этом Пауэллу на слово. Это и есть ведомственная солидарность. Вилладуэва был солидарен со своими коллегами, я – со своими.

– Да нет, все в порядке, – сказал я.

Подобрав с асфальта камень, я отшвырнул его на обочину. Затем встал, подошел к «таурусу» и погасил его фары. Махнул Вилладуэве, подзывая его к себе.

– А теперь нам нужно действовать очень шустро, – сказал я. – Звони Даффи, пусть приезжает сюда с Элиотом. Нужно отогнать эту машину.

Нажав кнопку быстрого дозвона, Вилладуэва заговорил в телефон. Подняв с дороги оба «глока», я засунул пистолеты в карманы убитых, по одному каждому. Затем подошел к «саабу». Поставить его на колеса будет гораздо труднее. У меня даже мелькнула мысль, что это окажется невозможным. Плащи ликвидировали сцепление с дорогой. Если толкнуть машину, она просто начнет скользить по асфальту. Захлопнув водительскую дверь, я стал ждать.

– Они уже едут, – окликнул меня Вилладуэва.

– Помоги мне.

Мы сдвинули «сааб» по плащам в направлении дома, насколько смогли. Машина соскользнула с плаща Вилладуэвы на мой, доехала до края и остановилась, как только металл крыши соприкоснулся с асфальтом.

– Мы ее поцарапаем, – заметил Вилладуэва.

Я кивнул.

– Риск есть. Теперь садись в их «таурус» и чуточку подтолкни.

Пожилой агент подогнал «таурус» убитых телохранителей так, что тот уткнулся передним бампером «саабу» в бок. Чуть выше окон, в стойку между дверями. Я подал знак, и Вилладуэва нажал на газ. «Сааб» дернулся, крыша заскрежетала по асфальту. Взобравшись на капот

«тауруса», я уперся в порог «сааба». Виллануэва давил на газ, и «таурус» медленно и упорно двигался вперед. «Сааб» стал подниматься – сорок градусов, пятьдесят, шестьдесят. Уперевшись ногами в лобовое стекло «тауруса», я надавил ладонями на крышу «сааба». Виллануэва прибавил газу, моя спина сжалась на дюйм, и наконец «сааб» опрокинулся и с громким стуком встал на колеса, подпрыгнув на рессорах. Виллануэва резко нажал на тормоза, я соскользнул с капота и ударился головой в дверь «сааба». Растянулся плашмя на асфальте под передним бампером «тауруса». Виллануэва сдал назад и вылез из машины.

– Как ты? – спросил он.

Я неподвижно лежал на асфальте. Моя голова гудела. Ударился я здорово.

– Как машина? – окликнул его я.

– Сначала хорошую новость или плохую?

– Хорошую.

– С боковым зеркалом все в порядке. Оно сложилось, а потом пружина вернула его на место.

– Но?

– На краске большие царапины. В двери вмятина. Полагаю, от твоей головы. И крыша тоже помята.

– Скажу, что налетел на оленя.

– Сомневаюсь, что здесь водятся олени.

– Ну тогда на медведя, – сказал я. – Или еще на кого-нибудь. На кита, выбросившегося на берег. На морского дьявола. На гигантского кальмара. На огромного мохнатого мамонта, только что освобожденного из тающего ледника.

– Сам-то ты как? – снова спросил Виллануэва.

– Жить буду.

Перевернувшись на живот, я поднялся на четвереньки. Медленно распрямился.

– Ты можешь забрать трупы? – спросил Виллануэва. – Потому что мы не можем.

– В таком случае, полагаю, у меня нет выбора.

Мы с трудом открыли заднюю дверь «сааба». Из-за деформации крыши петли чуть сместились. Мы по одному перетащили трупы и запихнули

их в багажный отсек. Они заполнили все место. Вернувшись на обочину, я подобрал свой сверток и бросил его на трупы. Закрыл крышку багажного отсека. Для того чтобы закрыть заднюю дверь, нам с Виллануэвой пришлось потрудиться обоим. Взяв ее за обе стороны, мы с силой навалились. Затем мы подняли с асфальта свои плащи, отряхнули их и надели. Они были мокрые, мятые и местами порванные.

– И все же как ты? – в третий раз спросил Виллануэва.

– Забирайся в машину.

Мы сели в «сааб». Я повернул ключ зажигания. Двигатель не завелся. Я попробовал еще раз. То же самое. В паузе между двумя попытками был слышен вой инжектора.

– Подержи зажигание включенным, – предложил Виллануэва. – Бензин вытек из двигателя, пока машина лежала вверх колесами. Подожди немного, пусть инжектор накачает новую порцию.

Выждав минуту, я с третьей попытки завел двигатель. Включил передачу, развернулся вдоль дороги и вернулся к тому месту, где мы оставили второй «таурус». Тот, на котором приехал Виллануэва. Машина ждала нас на обочине, призрачно-серая в свете вышедшей из-за туч луны.

– А теперь возвращайся назад и жди Даффи и Элиота, – сказал я. – Как только они приедут, срочно уносите отсюда ноги. Встретимся позже.

Виллануэва пожал мне руку.

– Старая школа, – сказал он.

– Десять – восемнадцать, – ответил я.

В радиокодах военной полиции 10–18 означает: «Задание выполнено». Но наверное, Виллануэва этого не знал, потому что он только недоуменно посмотрел на меня.

– Кажется, все обошлось, – сказал я.

Виллануэва покачал головой.

– Голосовая почта.

– Это еще что такое?

– Когда сотовый телефон недоступен, оставляют сообщение голосовой почты.

– Антенна была отключена.

– Да, но сети это неизвестно. С точки зрения оборудования случившееся равносильно тому, что Бек просто выключил свой аппарат. Так что все сообщения голосовой почты, поступившие за это время, хранятся где-то на центральном сервере. Вполне вероятно, эти ублюдки могли оставить Беку послание.

– Какой в этом смысл?

Виллануэва пожал плечами.

– Ну, они могли предупредить его о том, что возвращаются. Понимаешь, вдруг они решили, что он сразу же проверит все входящие сообщения. Быть может, они рассказали обо всем, что с ними случилось. А может быть, они не совсем понимали, что это такое. Решили, что имеют дело с обычным автоответчиком, и сказали что-нибудь вроде: «Мистер Бек, это мы, снимите, пожалуйста, трубку!»

Я молчал.

– Одним словом, ублюдки могли оставить свои голоса, – заключил Виллануэва. – Сегодня.

– Понятно, – сказал я.

– Что ты намереваешься делать?

– Начну стрелять. Обувь, голосовая почта – до этого и так остался один шаг.

Виллануэва покачал головой.

– Нельзя. Даффи он нужен живым. Теперь она только так сможет вывести свою задницу из-под удара.

Я отвел взгляд.

– Передай, я сделаю все, что смогу. Но если встанет выбор – он или я, он умрет.

Виллануэва промолчал.

– В чем дело? – спросил я. – Меня собираются принести в жертву?

– Просто сделай все, что сможешь, – сказал он. – Даффи – отличная девчонка.

– Знаю.

Виллануэва вылез из «сааба» – подтянулся, схватившись одной рукой за стойку двери, а другой за сиденье. Пройдя к своей машине, он уехал, медленно, бесшумно, не зажигая света, помахав мне рукой. Я проводил его взглядом до тех пор, пока он не скрылся из виду, затем сдал задом и

развернул машину вдоль дороги, передом на запад. Я рассудил, что пусть Бек, когда отправится на мои поиски, застанет меня в таком положении. Пусть порадуется, как я его защищаю.

Но Бек или проверял телефоны не слишком регулярно, или ему было на меня наплевать, потому что прошло десять минут, а он еще и не думал появляться. Часть этого времени я провел, проверяя свою предыдущую гипотезу относительно того, что человек, который прячет пистолет под запасное колесо, может также спрятать бумаги под ковриками. Коврики уже давно оторвались, они просто лежали на полу. Однако под ними не было ничего, кроме подтеков ржавчины и промокшего слоя звукоизоляции, похожей на комки спутанной красной и серой шерсти. И никаких бумаг. Гипотеза оказалась ошибочной. Я положил коврики на место и потопал по ним ногой, стараясь расправить.

Затем я вышел из машины и изучил следы внешних повреждений. С царапинами я ничего не мог поделать. Они были заметные, но не катастрофические. С другой стороны, машина не новая. Не мог я выправить и вмятину на двери, если только не собирался разбирать ее и выстукивать изнутри. Крыша тоже промялась. Я хорошо помнил, что она была выпуклая. Теперь же крыша стала практически плоской. Я решил, что можно попробовать надавить на нее из салона. Сев на заднее сиденье, я уперся руками в обшивку потолка и надавил что есть силы. Наградой мне стали два звука. Одним из них был хлопок стального листа, принявшего прежнюю форму. Другим был шелест бумаги.

Поскольку машина была старая, обшивка представляла собой не цельный кусок синтетического ворса, какой сейчас используется везде. Потолок «сааба» был выполнен по старинке: хлорвиниловое полотно кремового цвета, натянутое на поперечные проволочные ребра. Края были заправлены под прокладки из черной резины, проходившие вдоль всей крыши. Впереди, над водительским сиденьем, полотно было слегка сморщенным. И резиновая прокладка, похоже, чуть разболталась. Я предположил, что, если надавить на полотно одной рукой, другой его можно будет вытащить из-под прокладки. И освободить по всей длине. После чего откроется доступ во все три секции. А затем терпение и ногти помогут запихнуть полотно обратно под прокладку. Так как машина далеко не новая, заметить следы подобной операции будет очень нелегко.

Нагнувшись вперед, я ощупал переднюю секцию. Надавил на хлорвиниловое полотно так, что почувствовал сквозь него внутреннюю часть крыши. Ничего. В следующей секции также ничего не было. А вот в последней секции я нащупал стопку листов бумаги. Я даже смог определить формат и толщину. Обычная писчая бумага, восемь или десять листов.

Я пересел на переднее сиденье и оглядел резиновую прокладку. Надавил на полотно и подцепил ее за край. Подсунул ноготь под резину и проделал небольшое отверстие размером в полдюйма. Провел ребром другой руки поперек крыши, и полотно послушно вылезло из-под прокладки, дав мне возможность засунуть под него большой палец.

Работая большим пальцем, я освободил край полотна на протяжении дюймов девяти, как вдруг меня сзади осветил свет фар. Яркий, контрастный. Дорога у меня за спиной выворачивала справа, поэтому я посмотрел в зеркало на правой двери. Стекло в нем треснуло. Я увидел множество отраженных огоньков. Прочитал выгравированное напоминание: «ОТРАЖЕННЫЕ В ЗЕРКАЛЕ ПРЕДМЕТЫ КАЖУТСЯ ДАЛЬШЕ, ЧЕМ ОНИ НАХОДЯТСЯ НА САМОМ ДЕЛЕ». Обернувшись, я увидел в четверти мили от меня одну пару фар, мечущихся вправо и влево вслед за изгибами дороги. Они приближались очень быстро. Опустив свое стекло, я услышал отдаленный шелест широких шин и ворчание тихого восьмицилиндрового двигателя, подключенного ко второй передаче. «Кадиллак», едет быстро. Я запихнул полотно на место. Времени заправлять его под прокладку не было. Оставалось надеяться, оно не вывалится.

Подкатив ко мне сзади, «кадиллак» резко затормозил. Фары остались включенными. Я увидел в зеркало, как открылась дверь и вышел Бек. Сунув руку в карман, я снял «беретту» с предохранителя. Что там ни скажет Даффи, я не собирался вдаваться в долгие дискуссии по поводу голосовой почты. Но в руках у Бека ничего не было. Ни пистолета, ни сотового телефона. Он пошел вперед, и я, выйдя из машины, шагнул ему навстречу. Мы остановились на уровне заднего бампера «сааба». Я не хотел показывать Беку вмятину и царапины. Он оказался в восемнадцати дюймах от ребят, которых посылал забрать своего сына из колледжа.

– Телефоны заработали, – сказал Бек.

– И сотовый тоже?

Он кивнул.

– Но взгляни сюда.

Достав из кармана маленький серебристый аппарат, Бек протянул его мне. Я продолжал сжимать в кармане «беретту». Она проделает в моем плаще дыру, но в плаще Бека дыра будет гораздо больше. Я взял телефон левой рукой. Опустил его так, чтобы на него упал свет фар «кадиллака». Посмотрел на экран. Я понятия не имел, что должен был увидеть. На одних сотовых телефонах, которые я видел, сообщение о поступившей голосовой почте выдавалось в виде маленькой пиктограммы конверта. На других это были два маленьких кружка,

соединенные внизу полоской, – схематическое изображение катушечного магнитофона, что я находил несколько странным, поскольку, на мой взгляд, большинство пользователей сотовых телефонов ни разу в жизни не видели катушечного магнитофона. И я был уверен, что операторы сотовой связи не записывают сообщения голосовой почты на катушечные магнитофоны. Скорее всего, эти сообщения хранятся в цифровом виде, в электронной памяти на микросхемах. Впрочем, и на дорожном знаке, предупреждающем о приближении к железнодорожному переезду, до сих пор нарисован паровоз, которым гордился бы Кейси Джонс[7].

– Видишь? – спросил Бек.

Я ничего не видел. Ни конвертов, ни катушечных магнитофонов. Только полоска, обозначающая силу сигнала, полоска, обозначающая заряд аккумуляторов, и меню.

– Что? – спросил я.

– Сила сигнала, – сказал Бек. – Из пяти штрихов горят только три. А обычно горели четыре.

– Возможно, на передатчике случилась авария. И теперь он набирает мощность постепенно. Все дело в радиотехнике.

– Ты так думаешь?

– Сотовая связь осуществляется на ультракоротких волнах, – объяснил я. – Это очень сложный процесс. Подождите немного. Наверняка скоро сила сигнала вернется к прежнему значению.

Я отдал ему телефон левой рукой. Бек убрал его в карман, продолжая возмущенно бурчать.

– Здесь все тихо? – спросил он.

– Как в могиле.

– Значит, тревога была ложной.

– Наверное, – согласился я. – Извините.

– Нет, я ценю твою осторожность. Все в порядке.

– Я просто выполняю свою работу.

– Поехали ужинать, – сказал Бек.

Вернувшись к «кадиллаку», он сел за руль. Поставив «беретту» на предохранитель, я скользнул в «сааб». Сдав задом, Бек развернулся и стал ждать меня. Я решил, он хочет въехать в ворота вместе, чтобы Поли

открыл и закрыл их только один раз. Четыре короткие мили до особняка мы проехали маленьким конвоем. «Сааб» держал дорогу отвратительно; фары светили вверх и в сторону, машина плохо слушалась руля. В багажнике лежали четыреста фунтов груза. И на первом же ухабе обшивка потолка отвалилась, после чего всю обратную дорогу хлестала меня по лицу.

Мы поставили машины в гараж, и Бек подождал меня во внутреннем дворике. Поднимался прилив. Из-за стены доносился шум волн. Огромные массы воды обрушивались на скалы. Я чувствовал, как под ногами содрогается земля. Это было вполне определенное физическое ощущение. Не просто звук. Я присоединился к Беку, и мы вместе вошли в дом с парадного крыльца. Металлодетектор пискнул дважды: один раз на Бека и один раз на меня. Бек протянул мне связку ключей от дома. Я принял их как символ новой должности. Затем он сказал, что ужин подадут через полчаса, и пригласил присоединиться к семье.

Я поднялся в комнату Дьюка и встал перед стрельчатым окном. Мне показалось, что в пяти милях к западу я различил красные огоньки задних габаритов. Три пары. Я надеялся, что это Виллануэва, Элиот и Даффи, в трех казенных «таурусах». «10–18, задание выполнено». Но из-за отблеска прожекторов, освещавших стену, я не был уверен, что огоньки мне не померещились. Это могли быть просто красные точки у меня перед глазами, следствие переутомления или удара головой.

Быстро приняв душ, я позаимствовал у покойного Дьюка еще один комплект одежды. Оставив свои ботинки и пиджак, я бросил испорченный плащ в гардеробе. Электронную почту я проверять не стал. Даффи была слишком занята, чтобы присылать мне сообщения. К тому же мы с ней все равно находились на одной странице. Она не могла сообщить мне ничего нового. Наоборот, вскоре у меня появится возможность порадовать ее приятными известиями – как только мне представится случай оторвать обивку потолка «сааба».

Насладившись тридцатиминутной передышкой, я спустился вниз. Нашел семейный обеденный зал. Здесь я еще ни разу не был. Это было просторное помещение. В центре стоял длинный прямоугольный стол. Дубовый, массивный, нестильный. За ним свободно разместились бы двадцать человек. В голове сидел Бек. Противоположный конец занимала Элизабет. Ричард одиноко сидел сбоку. Для меня было накрыто место напротив него, спиной к стене. У меня мелькнула мысль предложить Ричарду поменяться местами. Я не люблю сидеть спиной к двери. Но я решил не делать этого и просто сел за стол.

Поли в зале не было. Несомненно, его не пригласили. Разумеется, горничная тоже отсутствовала. Всем приходилось заниматься кухарке, и

она, похоже, была от этого не в восторге. Но блюда у нее получились на славу. Ужин начался с лукового супа по-французски. Суп был отменный. Моей матери он бы не понравился, но во Франции живет сорок миллионов женщин, каждая из которых уверена, что только она знает правильный рецепт.

– Расскажи нам о своей службе в армии, – предложил мне Бек таким тоном, словно не хотел вести разговор о деле.

Это было очевидно. Только не перед своей семьей. Я полагал, Элизабет известно больше, чем хотелось бы Беку. Но Ричард, похоже, пребывал в полном неведении. Или, возможно, наглухо от всего отгородился. Как там он сказал? Если не вспоминать о плохом, значит, на самом деле его не было?

– Особенно рассказывать не о чем, – сказал я.

Мне действительно не хотелось об этом говорить. Плохое случилось, и я не хотел о нем вспоминать.

– И все же что-то наверняка было, – сказала Элизабет.

Все трое смотрели на меня, поэтому я, пожав плечами, поведал историю о том, как проверял бюджет Пентагона и обнаружил счет на восемь тысяч долларов на закупку некоего приспособления РАЗКП. Рассказал о том, что от скуки у меня проснулось любопытство и после пары телефонных звонков я установил, что под этой аббревиатурой скрывается «ротационный аппликатор для затяжки крепежных приспособлений». А копнув глубже, узнал, что на самом деле речь идет о трехдолларовой отвертке. Затем я вышел на молотки стоимостью три тысячи долларов, тысячедолларовые крышки для унитазов и так далее. История эта очень хорошая. Такая нравится любой аудитории. Большинство слушателей начинают возмущаться, а те, кто терпеть не может правительственных чиновников, просто кипят. Но только это была неправда. Наверное, что-нибудь подобное действительно имело место, но не со мной. Такими делами занимается совсем другое ведомство.

– Тебе приходилось кого-нибудь убивать? – спросил Ричард.

«Четверых за последние трое суток», – подумал я.

– Не задавай такие вопросы, – одернула его мать.

– Суп очень вкусный, – заметил Бек. – Разве что сыра маловато.

– Папа! – сказал Ричард.

– Что?

– Ты должен помнить о своих сосудах. Они все забьются.

– Это мои сосуды.

– Но ты мой отец.

Они переглянулись и оба застенчиво улыбнулись. Отец и сын, лучшие друзья. *Раздвоение.* Трапеза обещала быть долгой. Элизабет увела разговор от холестерина. Заговорила о портлендском музее искусств. Сказала, что музей размещается в здании, построенном по проекту архитектора И. М. Пея и обладает большой коллекцией картин американских художников и импрессионистов. Я не мог понять, то ли она пытается просветить меня, то ли хочет заставить Ричарда выйти из дома и что-то сделать. Тут я был с ней заодно. Мне хотелось как можно скорее добраться до «сааба». Но пока что я не мог. Поэтому я попытался предугадать, что именно я там найду. Затеял игру с самим собой. У меня в голове звучал голос Леона Гарбера: «Переберии все увиденное, все услышанное. Работай с уликами». Я почти ничего не слышал. Но видел многое. Наверное, все это было своего рода уликами. Например, обеденный стол. Весь особняк и вся обстановка. Машины. «Сааб» представлял из себя старую развалюху. «Кадиллак» и «линкольн» хорошие машины, но все же это не «роллс-ройс» и «бентли». Мебель была старая, массивная и скучная. Не дешевая, но, с другой стороны, покупали ее не сейчас. Заплатили за нее уже давно. Что сказал Элиот о том наркоторговце из Лос-Анджелеса? «Его доходы составляют несколько миллионов долларов в неделю. Он живет как султан». Бек предположительно стоит на иерархической лестнице на пару ступенек выше. Но он живет далеко не как султан. Почему? Потому что он осторожный янки и ему наплевать на показную роскошь?

– Посмотри! – вдруг вывел меня из размышлений голос Бека.

Вынырнув в реальность, я увидел, что он протягивает мне свой сотовый телефон. Взяв аппарат, я посмотрел на экран. Указатель мощности сигнала вернулся к четырем рискам.

– Ультракороткие волны, – заметил я. – Вероятно, они слишком медленно набирают мощность.

Я снова посмотрел на экран. Никаких конвертов, никаких катушечных магнитофонов. Значит, сообщений голосовой почты нет. Но аппарат был очень маленький, а у меня толстые пальцы, и я случайно нажал на кнопку со стрелкой вниз. На экране тотчас же появился какой-то список. Насколько я понял, электронная записная книжка. Экран был такой крошечный, что мне были видны лишь три строчки. Верхняя гласила: «Дом». Затем шло: «Ворота». Третьим в списке была фамилия «Ксавье». Я смотрел на эту строчку так пристально, что не слышал ничего вокруг, только рев крови у меня в ушах.

– Суп получился превосходный, – сказал Ричард.

Я вернул телефон Беку. Кухарка, перегнувшись через стол, забрала мою тарелку.

Впервые я услышал имя Ксавье во время шестой встречи с Доминик Коль. Это произошло через семнадцать дней после того, как мы с ней танцевали в баре в Балтиморе. Погода испортилась. Температура резко упала, и небо затянули беспросветные серые тучи. Коль была в полной парадной форме. У меня мелькнула мысль, что я, наверное, назначил ей служебную аттестацию, а затем начисто забыл об этом. Впрочем, о таких вещах мне бы напомнил ротный адъютант, а он ничего не сказал.

– Ты будешь в ужасе, – начала Коль.

– В чем дело? Ты получила повышение и зашла проститься?

Она улыбнулась. Я поймал себя на том, что комплимент получился чересчур личным.

– Я нашла плохого парня.

– Как?

– Безукоризненное применение подходящих талантов, – улыбнулась Коль.

Я окинул ее взглядом.

– Мы назначили служебную аттестацию?

– Нет, но, по-моему, уже пора.

– Почему?

– Потому что я вышла на негодяя. А аттестации всегда лучше устраивать после крупных прорывов в работе.

– Ты по-прежнему работаешь с Фраскони?

– Мы напарники, – сказала Коль, что нельзя было считать прямым ответом на мой вопрос.

– Он тебе помогает?

Коль нахмурилась.

– Можно начистоту?

Я кивнул.

– Он даром ест свой хлеб.

Я снова кивнул. Я придерживался того же мнения. Лейтенант Энтони Фраскони был хорошим малым, но назвать его блестящей головой нельзя было даже с большой натяжкой.

– Он хороший человек, – поспешила поправиться Коль. – Я хочу сказать, не пойми меня превратно.

– Но всю работу делаешь ты, – заметил я.

Она кивнула. У нее в руках была папка, та самая, которую я дал ей после того, как выяснил, что мне предстоит иметь дело не с уродливым верзилой из Техаса или Миннесоты. С тех пор папка значительно распухла.

– И ты, конечно, здорово помог, – сказала Коль. – Ты оказался прав. Чертеж действительно был в газете. Горовский выбрасывает всю газету целиком в урну на выезде со стоянки. В одну и ту же урну, два воскресенья подряд.

– И?

– И два воскресенья подряд ее достает оттуда один и тот же человек.

Я задумался. План был замечательный, и все же необходимость рыться в урне делала его уязвимым. Была слабым местом. Осуществить это очень непросто, если нет желания идти до конца и переодеться бездомным. Но и это тоже достаточно сложно, если стремиться к достоверности. Бездомные проводят весь день на ногах, проходят многие мили, проверяют все встретившиеся по пути урны. Для того чтобы правдоподобно изобразить их поведение, требуется бесконечное мастерство.

– Что это за человек? – наконец спросил я.

– Я догадалась, о чем ты подумал, – сказала Коль. – Кто станет рыться в урнах, кроме бродяг?

– Ну?

– Представь себе обычное воскресенье. Выходной, ты никуда не торопишься, не спеша прогуливаешься. Быть может, тот, с кем ты договорился о встрече, немного задерживается; быть может, прогулка уже начинает надоедать. Но светит солнце, рядом свободная скамейка, а воскресные газеты такие пухлые и интересные. Вот только ты с собой ничего не захватил.

– Хорошо, представил.

– Ты не обращал внимания, что прочитанная газета становится чем-то вроде общественной собственности? Например, ты не видел, что бывает

в поезде? Или в метро? Человек читает газету, уходя, оставляет ее на сиденье, после чего газету тотчас же подхватывает кто-то другой. Этот другой человек скорее умрет с голода, чем подберет недоеденную булочку, но прочитанную газету он берет без тени стыда.

– Согласен.

– Итак, нашему другу лет сорок, – продолжала Коль. – Высокий, где-то шесть футов один дюйм, стройный, фунтов сто девяносто, короткие темные волосы, чуть тронутые сединой, очень импозантный. Одет с иголочки: белые брюки, тенниска, парусиновые туфли, и он фланирует через всю стоянку к урне.

– Фланирует?

– Другого слова не подберешь, – подтвердила она. – Он не спеша идет, погруженный в мысли, не замечая ничего вокруг. Как будто только что сытно пообедал. Вдруг он замечает газету, лежащую на урне, поднимает ее и пробегает взглядом заголовки, затем как бы кивает сам себе и засовывает газету под мышку. С таким видом, словно собирается ее прочесть. После чего идет дальше.

– Фланирует дальше, – поправил я.

– Все выглядит поразительно естественно, – подтвердила Коль. – Это произошло у меня на глазах, но я чуть было не отмахнулась от него. На подсознательном уровне.

Я задумался над ее словами. Она была права. Она замечательно разбирается в человеческом поведении. Именно это делает ее хорошим полицейским. Если дело действительно дойдет до того, что я устрою ей служебную аттестацию, она получит только высшие отметки.

– Ты оказался прав еще в одном, – продолжала Коль. – Этот человек доходит до пристани и садится на яхту.

– Он на ней живет?

– Не думаю. То есть на яхте есть спальные места и все удобства, но, по-моему, это просто увлечение.

– Откуда ты знаешь, что на ней есть спальные места?

– Я была на борту.

– Когда?

– Во второе воскресенье. Не забывай, до этого я видела только то, что наш герой подбирает из урны газету. Мне еще не удалось

идентифицировать документы. Но в тот день он ушел в море на другой яхте со своими знакомыми, поэтому я решила к нему заглянуть.

– Как?

– Безукоризненное применение подходящих талантов, – повторила Коль. – Я была в бикини.

– А носить бикини – это талант? – спросил я.

И тотчас отвел взгляд. В данном случае речь шла о верхе актерского мастерства.

– Тогда еще стояла жара, – сказала Коль. – Я смешалась с толпой пляжных красоток. Как ни в чем не бывало прошла по сходне на яхту. Никто не обратил на меня внимания. Вскрыв отмычкой замок, я около часа осматривала каюту.

Я не удержался от вопроса:

– И как тебе удалось спрятать отмычки в бикини?

– На мне были туфли.

– Ты нашла чертеж?

– Я нашла все чертежи.

– У этой яхты есть название?

Коль кивнула.

– Я ее вычислила. Есть специальный реестр всех катеров и яхт.

– Так кто этот тип?

– Вот это тебе не понравится, – сказала она. – Он высокопоставленный сотрудник военной разведки. Подполковник, специалист по Ближнему Востоку. Только что был награжден медалью за войну в Персидском заливе.

– Проклятье, – выругался я. – Но наверное, существует какое-то безобидное объяснение?

– Возможно, но лично я в этом сомневаюсь. Час назад я встречалась с Горовским.

– Понятно, – сказал я. Вот и объяснение парадного мундира. Выглядит более устрашающе, чем бикини. – И?

– И заставила его объяснить свою роль во всем этом. Дочерям Горовского одиннадцать месяцев и два года. Пару месяцев назад

старшая исчезла, всего на один день. Она отказывается говорить о том, что с ней произошло. Только постоянно плачет. Через неделю после случившегося с Горовским связался наш друг из военной разведки. Намекнул на то, что, если папаша не проявит сговорчивость, отсутствие ребенка продлится дольше. Я не могу найти этому безобидное объяснение.

– Ты права, – согласился я. – Я тоже не могу. Кто этот мерзавец?

– Его зовут Фрэнсис Ксавье Куин.

Кухарка принесла новое блюдо, жаркое на ребрах, но мне было не до него, потому что мысли мои были еще заняты Фрэнсисом Ксавье Куином. Судя по всему, он вышел из больницы в Калифорнии и оставил фамилию Куин в мусорном ведре вместе со старым халатом, бинтами и бирками «Джон Доу». Просто вышел за ворота и шагнул прямо в новый, готовый образ. Образ, в котором ему было уютно, о котором он всегда помнил в глубинах самого примитивного уровня сознания. Именно на этот уровень приходится полагаться тем, кто ведет двойную жизнь. Подполковник армии Соединенных Штатов Фрэнсис Ксавье Куин, сотрудник военной разведки, исчез. Остался Фрэнсис Ксавье, простой американский гражданин.

– С кровью или прожаренный? – спросил Бек.

Он резал жаркое одним из ножей с черной ручкой, взятым на кухне. Они хранились в колоде, и в свое время я подумывал о том, чтобы убить Бека одним из них. Тот, который был сейчас у него в руке, подошел бы как нельзя лучше. Около десяти дюймов в длину, он был острый как бритва, если судить по тому, как легко им резалось мясо. Если только, конечно, мясо не было невероятно нежным.

– С кровью, – сказал я. – Благодарю вас.

Бек отрезал мне два куска, и я сразу пожалел об этом. Мои мысли вернулись на семь часов назад, к мешку с телом. Тогда я расстегнул молнию и увидел работу другого ножа. Образ у меня перед глазами был настолько живым, что я снова ощутил прикосновение холодной металлической застежки к пальцам. Затем память пронеслась назад на целых десять лет, к первому появлению Куина, и петля замкнулась.

– Хрен? – предложила Элизабет.

Я помедлил. Затем зачерпнул полную ложку. Старинное армейское правило гласит: «Никогда не отказывайся от возможности поесть и возможности поспать», поскольку никто не знает, когда представится следующая возможность осуществить то или другое. Поэтому, выбросив из головы Куина, я положил в тарелку гарнир и начал есть, не

переставая думать. «Все увиденное, все услышанное». Мои мысли упорно возвращались к набережной в Балтиморе, залитой ярким солнцем, к конверту и газете. *Не это, а то.* И к словам Даффи: «Ты не обнаружил ничего полезного. Абсолютно ничего. Никаких улик».

– Вы читали Пастернака? – спросила меня Элизабет.

– Что ты думаешь об Эдварде Хоппере? – спросил Ричард.

– Тебе не кажется, что М-шестнадцать пора менять? – спросил Бек.

Я снова вынырнул в действительность. Все трое смотрели на меня. Похоже, Беки изголодались по живой беседе. Все трое были очень одиноки. Послушав шум волн, разбивающихся о скалы с трех сторон вокруг дома, я понял, что чувствуют эти люди. Они живут в полной изоляции. Но они сами сделали этот выбор. Я тоже люблю одиночество. Я могу прожить три недели, не обмолвившись словом ни с одной живой душой.

– Я видел кино «Доктор Живаго», – сказал я. – Мне нравится та картина Хоппера, где люди поздно вечером ужинают в дешевом ресторане.

– «Полуночники», – подхватил Ричард.

Я кивнул.

– Больше всего мне нравится тот, что сидит слева, в одиночестве.

– Помнишь название ресторана?

– «Филлис», – сказал я. – И я считаю, что М-шестнадцать – отличная автоматическая винтовка.

– Вот как? – спросил Бек.

– Она делает все то, что должна делать автоматическая винтовка, – сказал я. – Большего от нее просить нечего.

– Хоппер гений, – сказал Ричард.

– Пастернак гений, – сказала Элизабет. – К сожалению, кино его сильно упростило. К тому же нет хороших переводов Пастернака на английский. А вот Солженицына чересчур захвалили, и напрасно.

– Я считаю, что М-шестнадцать следует усовершенствовать, – сказал Бек.

– Эдвард Хоппер подобен Раймонду Чандлеру, – сказал Ричард. – Ему удалось ухватить определенное время и определенное место. Конечно, Чандлер тоже гений. Хэммету с ним не сравниться.

– Подобно тому, как Солженицыну не сравниться с Пастернаком? – спросила его мать.

Завязался жаркий спор. День номер четырнадцать, пятница, подходил к концу. Я ужинал вместе с тремя обреченными, которые беседовали о книгах, картинах и автоматических винтовках. *Не то, а это.* Я отключился от разговора за столом и стал слушать сержанта первого класса Доминик Коль.

– Этот человек имеет доступ ко многим секретам Пентагона, – сказала мне Доминик Коль во время нашей седьмой встречи. – Живет неподалеку, в Виргинии. Полагаю, вот почему его яхта стоит в Балтиморе.

– Сколько ему лет?

– Сорок.

– Ты видела его личное дело?

Коль покачала головой.

– Большая его часть засекречена.

Я кивнул. Попытался восстановить хронологию. Сорок лет – это значит, он попадал под призыв во время войны во Вьетнаме. Последние два года, в возрасте восемнадцати-девятнадцати лет. Однако человек, к сорока годам дослужившийся до звания подполковника военной разведки, практически наверняка должен был закончить колледж, быть может, даже защитить диссертацию, что автоматически давало ему отсрочку от армии. Значит, в Индокитае он не был, что при нормальном ходе вещей замедлило бы его служебный рост. Ни кровопролитных войн, ни смертельных болезней. Однако этот тип поднимался по служебной лестнице быстро и уже к сорока годам стал подполковником.

– Догадываюсь, о чем ты думаешь, – сказала Коль. – Как получилось, что у него на погонах уже на две звездочки больше, чем у тебя?

– На самом деле я пытался представить тебя в бикини.

Она покачала головой.

– Неправда.

– Куин старше меня.

– Он взлетел по служебной лестнице быстрее ракеты.

– Быть может, он очень умный, – предположил я.

– Несомненно. Но даже в этом случае он поднялся слишком высоко за слишком короткий срок.

Я кивнул.

– Замечательно. Значит, нам предстоит иметь дело с яркой интеллектуальной звездой.

– У Куина много контактов с иностранцами, – продолжала Коль. – Я видела, как он встречается с самыми разными людьми. С израильтянами, ливанцами, иракцами, сирийцами.

– Это неизбежно при его роде деятельности, – заметил я. – Он ведь специалист по Ближнему Востоку.

– Куин родом из Калифорнии. Его отец работал на железной дороге. Мать сидела дома. Семья жила в небольшом домике на севере штата. Дом достался Куину в наследство, и это его единственное состояние. А насколько мы можем предположить, с тех пор, как он окончил колледж, он живет исключительно на военный оклад.

– И что?

– Он бедняк, Ричер. Так на какие же деньги он снимает огромный особняк в Маклене, штат Виргиния? На какие деньги купил яхту?

– Так это все же яхта?

– Большая лодка с парусом, со спальными каютами. Это ведь яхта, так?

– АЛС?

– Новенький «лексус».

Я промолчал.

– Почему эти вопросы не задают люди из его конторы? – спросила Коль.

– И никогда не зададут. Разве ты с этим не сталкивалась? Что-то ясно как день, а они могут пройти мимо и ничего не заметить.

– Не понимаю, как такое возможно.

Я пожал плечами.

– Они люди. Они не могут быть идеальными. К тому же им мешают предубеждения. Никто не спрашивает, насколько Куин плохой; всех интересует только, насколько он хороший.

Коль кивнула.

– Вот и я тоже потратила впустую два дня, наблюдая за конвертом, а не за газетой. Предубеждения.

– И все-таки они могли бы работать лучше.

– Ну, наверное.

– Как-никак, они из военной разведки, то есть военные с интеллектом.

– Величайший оксюморон в мире, – ответила она старой шуткой. – Все равно как безопасная опасность.

– Или сухая вода, – подхватил я.

– Вам понравилось? – десять лет спустя спросила меня Элизабет Бек.

Я молчал.

Им мешают предубеждения.

– Вам понравилось? – повторила она.

Я непонимающе смотрел на нее.

Предубеждения.

– Извините? – сказал я.

Все услышанное.

– Я говорю об ужине. Вам понравилось?

Я опустил взгляд. Моя тарелка была чиста.

– Просто объедение.

Все увиденное.

– Правда?

– Честное слово, – заверил ее я.

Ты не обнаружил ничего полезного.

– Я очень рада, – сказала Элизабет.

– Забудьте Хоппера и Пастернака, – сказал я. – А также Раймонда Чандлера. Ваша кухарка – вот кто настоящий гений.

– С тобой все в порядке? – спросил Бек.

Жаркое у него на тарелке осталось почти нетронутым.

– Лучше не бывает.

Абсолютно ничего.

– Точно?

Я помолчал.

Никаких улик.

– Да, я действительно чувствую себя превосходно.

И я говорил правду. Потому что я знал, что находится в «саабе». Знал наверняка. В этом можно было не сомневаться. Поэтому я чувствовал себя превосходно. Но в то же время мне было немного стыдно. Потому что я шел к этому долго, очень долго. Ужасно долго. Позорно долго. У меня ушло на это восемьдесят шесть часов. Больше чем трое с половиной суток. Я был так же туп, как и бывшие сослуживцы Куина. *Что-то ясно как день, а они могут пройти мимо и ничего не заметить.* Повернувшись к Беку, я посмотрел на него так, словно видел впервые в жизни.

Глава 11

Я знал, но быстро успокоился за десертом и кофе. Перестал переживать. Перестал злиться на себя. Эти эмоции отступили под напором других чувств. Вместо этого меня охватило беспокойство. Потому что только сейчас я начал представлять себе истинные масштабы проблемы. А они оказались огромными. Понятие «работать в одиночку» приобретало совершенно новый смысл.

Ужин закончился, и все, с шумом отодвинув стулья, встали. Я остался в обеденном зале. Не стал трогать «сааб». Я никуда не торопился. Машиной можно было заняться позже. Зачем рисковать, ища подтверждения тому, что я и так уже знал наверняка? Вместо этого я помог кухарке убрать со стола. На мой взгляд, этого требовала обыкновенная вежливость. Возможно, от меня этого ждали. Беки ушли, и я принялся относить посуду на кухню. Там как раз находился механик, расправлявшийся с огромной порцией жаркого. Я увидел его, и мне снова стало стыдно. До сих пор я не обращал на него никакого внимания. Не думал о нем. Не задавался вопросом, зачем он здесь. Но теперь я это знал.

Я загрузил посуду в посудомоечную машину. Кухарка убрала недоеденные блюда и вытерла столы, и минут за двадцать мы навели полный порядок. После этого кухарка сказала мне, что ложится спать. Пожелав ей спокойной ночи, я вышел на улицу через черный вход и пошел к скалам. Мне хотелось посмотреть на море. Оценить высоту прилива. У меня не было никакого опыта общения с океаном. Я знал, что прилив бывает где-то два раза в день, а потом его сменяет отлив. Я не помнил, чем это вызывается и когда именно происходит. Кажется,

приливы и отливы как-то связаны с притяжением Луны. Вероятно, она превращает Атлантический океан в гигантскую ванну, в которой плещется волна, с запада на восток и обратно, между Европой и Америкой. Возможно, когда в Португалии прилив, в Мэне отлив, и наоборот. Я понятия не имел. Но сейчас, кажется, начинался отлив. Вода спадала. Посмотрев на волны еще минут пять, я вернулся на кухню. Механик уже ушел. Воспользовавшись связкой ключей, которую мне дал Бек, я запер внутреннюю дверь, оставив наружную отпертой. Затем прошел по коридору и проверил дверь парадного входа. Наверное, теперь это входило в мои обязанности. Она была заперта и закрыта на цепочку. В доме царила тишина. Тогда я поднялся в комнату Дьюка и начал обдумывать эндшпиль.

В ботинке меня ждало сообщение от Даффи: «Все в порядке?» Я ответил: «Огромное спасибо за телефоны. Ты спасла мою шкуру».

Она прислала: «И свою тоже. Инстинкт самосохранения».

Я не стал отвечать на это. Не нашел что ответить. Некоторое время я сидел в полной тишине. Даффи удалось выиграть лишь небольшую отсрочку, и только. Что бы ни было дальше, ее поджарят на медленном огне. И я ничем не мог этому помешать.

Через какое-то время Даффи прислала: «Проверила все файлы и не смогла, повторяю, не смогла найти ничего на второго агента».

Я ответил: «Знаю».

Она ограничилась всего двумя символами: «??»

Я послал: «Надо встретиться. Я позвоню или просто заеду. Жди».

Затем я выключил питание устройства и засунул его обратно в каблук, гадая, суждено ли мне будет достать его еще раз. Я взглянул на часы. Почти полночь. День номер четырнадцать, пятница, подходил к концу. Вот-вот должен был начаться день номер пятнадцать, суббота. Прошло уже две недели с тех пор, как я пробирался сквозь толпу у симфонического зала в Бостоне, направляясь в бар, до которого так и не добрался.

Я лег на кровать, полностью одетый. По моим расчетам, следующие сутки или двое должны были стать решающими, и мне хотелось хотя бы пять-шесть часов из них поспать. Мой опыт говорил, что усталостью обусловлено больше провалов, чем невнимательностью и глупостью, вместе взятыми. Возможно, потому, что сама усталость порождает невнимательность и глупость. Поэтому я устроился поудобнее и закрыл глаза. Поставил мысленный будильник у себя в голове на два часа ночи.

Будильник, как всегда, не подвел. Я проснулся после двух часов сна, отдохнувший и бодрый.

Встав с кровати, я крадучись спустился вниз. Прошел по коридору на кухню и отпер дверь черного входа. Все свое железо я оставил на столе, так как не хотел, чтобы металлодетектор поднимал шум. Я вышел на улицу. Было очень темно. На небе ни луны, ни звезд. Море громко шумело. Воздух был холодный. Дул ветер, приносивший запах сырости. Пройдя к четвертому гаражу, я открыл ворота. «Сааб» стоял там, куда я его поставил. Открыв заднюю дверь, я достал свой сверток. Отнес его к забору и спрятал в яму. Затем вернулся за первым телохранителем. Он был мертв уже несколько часов, и низкая температура окружающего воздуха лишь ускорила трупное окоченение. Вытащив труп, я взвалил его на плечо. Это было все равно что нести двухсотфунтовое бревно. Закоченевшие руки торчали, словно ветви.

Я отнес труп к расселине, которую показал мне Харли. Положил его на каменную плиту и начал считать волны. Дождался седьмой. Она накатилась на гранит, и, прежде чем вода успела добраться до моих ног, я спихнул труп в море. Волна подхватила его и понесла ко мне. Казалось, мертвец хочет схватить меня своей окоченевшей рукой и утащить с собой. Или послать мне воздушный поцелуй. Мгновение труп лениво плавал на поверхности, но затем волна схлынула, расселина осушилась, и он исчез.

Потом я проделал то же самое со вторым трупом. Океан забрал и его, в компанию к его дружку – и горничной. Я посидел на корточках, подставляя лицо ветру, слушая шум неустанного прибоя. Затем вернулся в гараж, закрыл заднюю дверь «сааба» и сел за руль. Оторвал до конца обивку потолка и достал бумаги горничной. Восемь листов писчей бумаги. Я прочитал их в тусклом свете лампочки в салоне. В них было много технических характеристик. Много подробностей. Но в целом они не сообщили мне ничего такого, чего бы я уже не знал. Дважды перечитав бумаги, я вернулся с ними на скалистый берег. Сел на камень и сложил из каждого листа бумажный кораблик. Меня научили этому в детстве. Наверное, отец. Я не помнил. А может быть, старший брат. Я спустил восемь маленьких корабликов в отступающее море и проследил взглядом, как они, качаясь на волнах, скрылись в кромешной темноте на востоке.

Затем я потратил какое-то время, устанавливая на место обивку потолка. В конце концов у меня получилось довольно сносно. Я закрыл гараж. По моим расчетам, я должен был исчезнуть до того, как кто-либо его откроет и обнаружит повреждения, полученные «саабом». Я вернулся в дом. Загрузил свои карманы, запер дверь и прокрался наверх. Разделся до трусов и забрался в кровать. Мне хотелось урвать еще три часа сна. Поэтому я переставил внутренний будильник, укутался в одеяло, промял

головой подушку и закрыл глаза. Попытался заснуть. Но не смог. Сон не шел. Вместо него явилась Доминик Коль. Она шагнула ко мне прямо из темноты, как я и ожидал.

В восьмой раз мы встретились для того, чтобы обсудить некоторые тактические проблемы. Арестовывать офицера военной разведки было все равно что растревожить осиный рой. Разумеется, военная полиция имеет дело исключительно с военными, преступившими закон, так что не было ничего нового в том, чтобы действовать против одного из наших. Но военная разведка занимала в армии особое место. Эти ребята окружили себя завесой секретности и старались изо всех сил не отчитываться ни перед кем. Справиться с ними было очень непросто. Обычно они смыкали свои ряды быстрее, чем рота почетного караула на плацу. Поэтому нам с Коль требовалось многое обсудить. Я не хотел, чтобы мы встретились у меня в кабинете. Там не было второго стула. Мне не хотелось, чтобы Коль в течение всего нашего разговора стояла передо мной. Поэтому мы снова отправились в городской бар, решив, что это самое подходящее место. Дело становилось таким серьезным, что нас начинала донимать мания преследования. И в этой обстановке встреча за пределами военной базы казалась лучшим решением. К тому же мне нравилось, что мы должны были обсуждать проблемы военной разведки, словно два настоящих шпиона, в темноте отдельного кабинета в маленькой таверне. По-моему, Коль разделяла мое мнение. Она пришла в штатской одежде. Не в платье, но в джинсах, белой блузке и кожаной куртке. У меня никакой штатской одежды не было. К этому времени стало уже холодно. Я заказал кофе. Коль предпочла чай. Мы хотели сохранить головы ясными.

– Я рада, что мы использовали настоящие чертежи, – сказала Коль.

Я кивнул.

– Правильное решение.

Собранные нами улики должны были быть неоспоримыми. Куина можно было прижать только настоящими чертежами. Малейшая фальшь – и он начнет рассказывать истории об отработке мер безопасности, о штабных учениях, противодействии разведке неприятеля и тому подобном.

– Куин вышел на сирийцев, – сказала Коль. – Они платят вперед. Поэтапно.

– Каким образом?

– Обмен чемоданчиками. Куин встречается с атташе сирийского посольства. Они отправляются в кафе в Джорджтауне. У обоих абсолютно одинаковые алюминиевые чемоданчики.

– «Халлибертон», – подсказал я.

Коль кивнула.

– Они ставят их под столиком друг возле друга, и Куин, уходя, забирает чемоданчик сирийца.

– Он будет утверждать, что сам разрабатывает этого сирийца. Что это сириец передает ему какие-то документы.

– Тогда мы попросим его показать эти документы.

– А Куин скажет, что не может это сделать, поскольку документы являются секретными.

Коль промолчала. Я улыбнулся.

– Он наврет нам с три короба, – сказал я. – Положит руки на плечи, заглянет в глаза и запоет: «Ребята, поверьте мне, в данном случае речь идет о национальной безопасности».

– Тебе уже приходилось иметь дело с этими фруктами?

– Один раз.

– И ты победил?

Я кивнул.

– Как правило, внутри они наполнены дерьмом. В свое время мой брат служил в военной разведке. Теперь он работает в Министерстве финансов. Но он многое рассказал мне про своих бывших коллег. Они считают себя умнее всех, хотя на самом деле ничем не отличаются от остальных.

– Так что же нам делать?

– Мы должны переманить сирийца на нашу сторону.

– Тогда мы не сможем его прижать.

– А ты хочешь получить обоих? – усмехнулся я. – Так не выйдет. Но сириец лишь выполняет свою работу. Его не в чем винить. Наша главная цель – это Куин.

Разочарованная Коль помолчала. Затем пожала плечами.

– Ну хорошо, – сказала она. – Но как нам это осуществить? Сириец просто рассмеется нам в лицо. Он ведь атташе посольства. У него дипломатическая неприкосновенность.

Я снова улыбнулся.

– Дипломатическая неприкосновенность – это лишь листок бумаги, выданный государственным департаментом. В предыдущий раз я поступил так: отвел бедолагу в укромное место и предложил держать этот листок перед животом. Затем достал пистолет и спросил, как он думает: остановит ли листок бумаги пулю. Тот начал угрожать, что у меня будут большие проблемы. Тогда я ответил, что мои проблемы никак не повлияют на то, как он будет медленно умирать от потери крови.

– И он согласился с твоими доводами?

Я кивнул.

– Как миленький сделал все, что я от него хотел.

Коль снова умолкла. Затем задала мне первый из двух вопросов, об ответах на которые я жалею до сих пор.

– Мы с тобой можем продолжать встречаться не на службе?

Мы находились в отдельном кабинете в полутемном баре. Коль, чертовски привлекательная девушка, сидела рядом со мной. Тогда я еще был молод и думал, что располагаю всем временем в мире.

– Ты приглашаешь меня на свидание? – спросил я.

– Да.

Я промолчал.

– Мы уже проделали долгий путь. – После паузы Коль добавила: – Я хочу сказать, женщины.

Я продолжал молчать.

– Я знаю, чего хочу, – сказала она.

Я кивнул. Я верил ей. И я верил в равенство полов. Верил по-настоящему. Не так давно я встретил женщину, полковника авиации, поднимавшую в ночное небо Б-52 с зарядом такой мощности на борту, по сравнению с которым меркла мощность бомб и снарядов, взорванных за всю историю человечества. Я рассудил, что, если той женщине доверяют оружие, способное взорвать всю планету, сержанту первого класса Доминик Коль можно доверять самостоятельный выбор мужчины, с которым ей хотелось бы встречаться.

– Итак? – спросила она.

Вопросы, об ответах на которые я жалею до сих пор.

– Нет, – сказал я.

– Почему?

– Плохо с профессиональной точки зрения. Тебе не следует это делать.

– Но почему?

– Потому что это бросит пятно на твою карьеру. Ты очень способная, но ты никогда не выбьешься из сержантов, если не поступишь в офицерскую школу. Ты закончишь ее с отличием и через десять лет станешь подполковником, так как ты этого заслуживаешь, но все будут говорить, что этим ты обязана тому, что когда-то переспала со своим капитаном.

Коль ничего не ответила. Подозвала официантку и заказала два пива. В баре становилось более многолюдно и душно. Я снял китель, Коль сняла куртку. Я остался в форменной рубашке с коротким рукавом, полинявшей, истрепавшейся и севшей после тысячи стирок. На Коль была блузка из бутика. С большим вырезом и обрезанными под углом рукавами, открывавшими дельтовидные мышцы предплечий. Белоснежная полупрозрачная ткань оттеняла загар. Я видел, что под блузкой на Коль ничего нет.

– Военным приходится часто идти на жертвы, – сказал я, не столько ей, сколько самому себе.

– Я как-нибудь переживу, – сказала Коль.

Затем задала мне второй из двух вопросов, об ответах на которые я жалею до сих пор.

– Ты разрешишь мне самой произвести задержание?

Десять лет спустя я проснулся один в кровати Дьюка. Было шесть часов утра. Комната выходила окнами на фасадную сторону, и моря я не видел. Я смотрел на запад, на Америку. Низкое солнце скрывалось за тучами, поэтому никаких длинных теней не было. Дорога, стена и гранитные скалы за ней были залиты монотонным серым светом. Ветер дул со стороны моря. Мне было видно, как качаются деревья. Я представил себе черные грозовые тучи, затянувшие небо у меня за спиной, над Атлантикой, стремительно несущиеся к берегу. Представил морских птиц, сражающихся с турбулентными потоками, растрепавшими и взъерошившими их перья. День номер пятнадцать начинался холодом и беспросветной, негостеприимной серостью и обещал стать еще хуже.

Я принял душ, но решил не бриться. Натянул черные джинсы Дьюка, зашнуровал ботинки и захватил пиджак и плащ. Тихо спустился на кухню. Кухарка уже сварила кофе. Она налила мне большую чашку, и я

сел за стол. Достав из холодильника батон хлеба, кухарка положила его в микроволновку. Я решил, что прежде, чем здесь станет горячо, мне надо будет увезти кухарку отсюда. А также Элизабет и Ричарда. А механик и сам Бек пусть остаются и принимают участие в представлении.

Из кухни был слышен шум моря, громкий и отчетливый. Волны разбивались о скалы, и неумолимое обратное течение увлекало воду назад. Лужицы на берегу пересыхали и заполнялись снова; шуршала галька. Ветер приглушенно стонал в щелях наружной двери. Доносились пронзительные крики чаек. Слушая все это, я неторопливо потягивал кофе и ждал.

Через десять минут на кухню спустился Ричард. Его волосы были взъерошены, и я впервые отчетливо разглядел отрезанное ухо. Внутренние противоречия снова вернулись. Только сейчас мальчишка начинал осознавать, что он не вернется в колледж, к своим товарищам, а вынужден будет оставаться здесь, с родителями. Я предположил, что, если Элизабет не будет предъявлено обвинение, они с Ричардом смогут начать все сначала в другом месте. Если у мальчишки большой запас внутренней энергии, он сможет вернуться к занятиям, пропустив лишь неделю. Если только обучение в его колледже не стоит слишком дорого. А тут наверняка дело обстоит именно так. Обязательно возникнут финансовые проблемы. Когда мать и сын выберутся из этой переделки, у них останется только то, что они захватили с собой. Если им вообще удастся отсюда выбраться.

Кухарка ушла в обеденный зал накрывать завтрак. Ричард повернулся, провожая ее взглядом. Я снова увидел отсутствующее ухо, и еще один элемент мозаики встал на свое место.

– Пять лет назад, – начал я. – Похищение.

Ричарду удалось удержать себя в руках. Он лишь опустил взгляд на стол, затем посмотрел на меня и закрыл шрам прядью.

– Тебе известно, чем на самом деле занимается твой отец? – спросил я.

Ричард молча кивнул.

– Не только коврами, так? – предложил я.

– Да, – подтвердил он, – не только коврами.

– И как ты к этому относишься?

– Бывают вещи и похуже.

– Не хочешь рассказать о том, что произошло пять лет назад?

Ричард покачал головой. Отвернулся.

– Нет, не хочу.

– Я знавал одного человека по фамилии Горовский, – продолжал я. – Его двухлетнюю дочь похитили. Всего на одни сутки. А тебя сколько продержали?

– Восемь дней.

– Горовский сразу же вытянулся в струнку. Согласился на все. Для него оказалось достаточно одного дня.

Ричард молчал.

– Твой отец здесь не хозяин, – произнес я как утверждение, а не вопрос.

Ричард молчал.

– Твой отец вытянулся в струнку пять лет назад. После того как ты отсутствовал в течение восьми дней. Вот к какому выводу я пришел.

Ричард не произнес ни слова. Я подумал про дочь Горовского. Сейчас ей уже двенадцать. Наверное, у нее в комнате есть Интернет, проигрыватель компакт-дисков и телефон. На стенах плакаты. А глубоко в памяти глухая смутная боль, напоминание о том, что случилось давным-давно. Подобная зуду от сросшегося перелома.

– Подробности мне не нужны, – снова заговорил я. – Скажи мне только имя.

– Чье имя?

– Имя того человека, который продержал тебя эти восемь дней.

Ричард молча покачал головой.

– Я слышал фамилию Ксавье, – настаивал я. – Ее упомянули в моем присутствии.

Ричард отвернулся, непроизвольно вскинув руку к отсутствующему уху. Я понял, что попал в точку.

– Меня изнасиловали, – сказал он.

Я слушал грохот волн, разбивавшихся о скалы.

– Ксавье?

Ричард снова покачал головой.

– Поли. Тогда он только что вышел из тюрьмы и еще не утратил вкус к подобным развлечениям.

Я ответил не сразу.

– Твой отец знает?

– Нет, – ответил Ричард.

– А мать?

– Нет.

Я не знал, что сказать. Ричард тоже молчал. Наконец вернулась кухарка. Она зажгла плиту, налила на сковороду жир и поставила ее на огонь. От запаха меня едва не стошнило.

– Пойдем прогуляемся, – предложил я.

Мы вышли на берег моря. Воздух был насыщен запахом соли и очень холодный. Было пасмурно. Сильный ветер дул нам в лицо. Волосы Ричарда развевались почти горизонтально. Брызги взлетали вверх на двадцать футов, и ледяные капли пулями хлестали нас.

– Нет добра без худа, – начал я. Мне приходилось говорить громко, чтобы перекрыть шум ветра и прибоя. – Возможно, настанет день, когда Ксавье и Поли получат по заслугам, но при этом твой отец отправится в тюрьму.

Ричард кивнул. У него в глазах блеснули слезы. Возможно, они были вызваны ледяным ветром. А может быть, и не ветром.

– Он это заслужил, – сказал Ричард.

«Он очень преданный сын», – сказал про него Бек. *Отец и сын, лучшие друзья*.

– Меня продержали восемь дней, – помолчав, продолжил Ричард. – А достаточно было бы одного. Как с тем человеком, про которого ты говорил.

– С Горовским?

– Не знаю, как там его. У которого была двухлетняя дочь. Ты думаешь, ее изнасиловали?

– Искренне надеюсь, что нет.

– Я тоже.

– Ты умеешь водить машину? – спросил я.

– Умею.

– Возможно, вам придется сматываться отсюда. Очень скоро. Тебе, твоей матери и кухарке. Так что будьте готовы. Если что, я вас предупрежу.

– Кто ты?

– Я человек, которому платят за то, чтобы защищать твоего отца. Не только от врагов, но и от так называемых друзей.

– Поли не даст нам выехать за ворота.

– Скоро его здесь не будет.

Ричард покачал головой.

– Поли тебя убьет. Ты даже не представляешь себе, какой он. Кем бы ты ни был, с Поли тебе не справиться. С ним никто не справится.

– Я же справился с теми двумя типами. Перед колледжем.

Он снова покачал головой. Ветер растрепал его волосы. Я вспомнил волосы горничной, рассыпавшиеся в воде.

– Это была липа, – сказал Ричард. – Мы с мамой долго говорили об этом. Нападение было подстроено.

На мгновение я опешил. «Могу ли я ему доверять?»

– Нет, все было по-настоящему.

«Нет, пока что еще не могу».

– Городок крохотный, – решительно заявил Ричард. – Там всего пять полицейских. И этого я ни разу не видел.

Я промолчал.

– И охранников я тоже видел в первый раз, – продолжал он. – А ведь я проучился в колледже почти три года.

Я молчал. *Ошибки, которые настигают тебя.*

– Так почему же ты не вернулся на учебу? – спросил я. – Если все было подстроено?

Ричард ничего не ответил.

– И почему мы с Дьюком нарвались на засаду?

Он молчал.

– А она что, тоже была подстроена?

Ричард пожал плечами.

– Не знаю.

– Я убил нападавших у тебя на глазах.

Он молчал. Я отвернулся. Накатила седьмая волна. Она пронеслась сорок ярдов по гальке быстрее бегущего человека и разбилась о скалы. Почва содрогнулась; в воздух фонтаном осколков фугасного снаряда взлетели брызги.

– Вы с Элизабет говорили об этом с твоим отцом? – спросил я.

– Я не говорил. И не собираюсь говорить. Про мать ничего не могу сказать.

«А я ничего не могу сказать про тебя», – подумал я. Раздвоение работает в обе стороны. Человек то раскаляется, то остывает. Вероятно, мысль о том, что его отец попадет за решетку, в настоящий момент полностью устраивает Ричарда. Но затем, возможно, все будет выглядеть по-другому. Когда настанет пора делать окончательный выбор, мальчишка может качнуться в любую сторону.

– Я спас твою шкуру, – сказал я. – И мне не нравится, что ты пытаешься представить все так, будто я этого не делал.

– Как бы там ни было, сейчас ты все равно ничего не сможешь сделать. Предстоящие выходные будут очень напряженными. Надо будет разобраться с крупной партией. А после этого ты уже станешь одним из них.

– Так помоги мне.

– Я не пойду против своего отца.

Он очень преданный сын. Отец и сын, лучшие друзья.

– В этом нет необходимости, – заверил его я.

– Так как же я смогу тебе помочь?

– Просто скажи отцу, что хочешь, чтобы я остался здесь. Скажи, что не можешь оставаться сейчас один. В таких вещах он тебя послушает.

Ричард ничего не ответил. Молча развернулся и направился назад на кухню. Прошел прямо в коридор. Я решил, он будет завтракать в обеденном зале. Я остался на кухне. Кухарка накрыла мне на разделочном столе. Я не был голоден, но заставил себя поесть. Усталость и голод – страшные враги. Я поспал, а теперь собирался поесть. Мне не хотелось в решающий момент почувствовать головокружение и слабость. Я съел несколько тостов и выпил еще чашку кофе. Наполнил ее снова и съел яичницу с беконом. Я допивал третью чашку кофе, когда меня нашел Бек. Он был в синих джинсах и красной фланелевой рубашке.

– Мы отправляемся в Портленд, – сказал Бек. – На склад. Прямо сейчас.

Он вышел в коридор. Я решил, он будет ждать меня у крыльца. Судя по всему, Ричард с ним не говорил. Или у мальчишки не было возможности, или он не захотел. Я вытер рот тыльной стороной ладони. Ощупал карманы, проверяя, что «беретта» и ключи на месте. Затем пошел в гараж за машиной. Подогнал ее к крыльцу. Бек уже ждал меня. Он набросил поверх рубашки холщовую куртку и стал похож на обычного жителя штата Мэн, собравшегося колоть дрова или варить кленовый сироп. Но внешность была обманчива.

Поли уже возился с воротами, поэтому мне пришлось сбавить скорость, но все же я не остановился. Проезжая мимо громадного верзилы, я бросил на него взгляд. По моим расчетам, сегодня ему предстояло умереть. Или завтра. Или мне. Оставив Поли позади, я помчался по знакомой дороге. Через милю проехал мимо того места, где стояла машина Виллануэвы. Еще через четыре мили вошел в крутой поворот, где мы подкараулили телохранителей. Бек молчал. Он сидел, зажав руки между коленями, подавшись вперед и опустив голову. Однако глаза у него были открыты. Он смотрел прямо перед собой. Я понял, что Бек очень нервничает.

– Мы с вами так и не поговорили, – сказал я. – Вы обещали ввести меня в курс дела.

– Позже.

Проехав мимо магистрали номер один, я свернул на шоссе I-95. Направился на север, в Портленд. Небо оставалось серым. Ветер дул настолько сильный, что машину постоянно уводило влево. Я повернул на шоссе 295 и проехал мимо аэропорта, оставшегося слева от меня, за полоской воды.

Справа мелькнули торговые ряды, где схватили горничную, и новый деловой центр, где, по моему предположению, она умерла. Я никуда не сворачивал до самой портовой зоны. Проехал мимо стоянки, где Бек оставлял свои грузовики. Через минуту мы остановились у склада.

Здание было окружено машинами. Их было пять; они стояли передом к стенам, словно самолеты у терминала аэропорта. Словно волки, окружившие добычу. Словно рыбы-прилипалы, облепившие падаль. Два черных «линкольна», два синих джипа «шевроле» и серый «меркурий». Одним из «линкольнов» была та самая машина, в которой Харли отвез меня за «саабом», после того как мы выбросили тело горничной в море. Я стал искать место, чтобы поставить «кадиллак».

– Просто высади меня здесь, – сказал Бек.

Я затормозил.

– И?

– И возвращайся домой. Смотри за моей семьей.

Я кивнул. Значит, возможно, Ричард все же поговорил с отцом.

Возможно, чаша весов качнулась в мою сторону хотя бы на время.

– Хорошо, – сказал я. – Как скажете. За вами заехать потом?

Бек покачал головой.

– Не сомневаюсь, меня подбросят до дома.

Выйдя из машины, он направился к серой облупленной двери. Убрав ногу с педали тормоза, я объехал вокруг склада и направился назад на юг.

Обратно я поехал по магистрали номер один и попал прямо в новый деловой центр. Свернул с шоссе и начал петлять по лабиринту абсолютно свежего асфальта. Деловой центр состоял из трех дюжин одинаковых металлических ангаров. Никак не оформленных. Таким местам не нужно привлекать проходящих мимо потенциальных покупателей. Пешеходы их не интересуют. Розничных цен здесь нет. Как и броских витрин. И красочных вывесок. Только скромные номера ангаров с выведенными небольшим шрифтом названиями внизу. Здесь торговали замками, керамической плиткой, канцелярскими принадлежностями. В одном ангаре велась оптовая торговля косметикой. В ангаре номер 26 размещался склад инвалидных кресел-каталок. А рядом стоял ангар номер 27: «КСавье эКСпорт». Сочетание «КС» было выделено на фоне остальных букв. Адрес главного офиса отсылал в центр Портленда. Поэтому я снова выехал на шоссе, повернул на север, пересек реку и въехал в город.

Я двигался по магистрали номер один, оставив парк слева. Затем свернул направо на улицу, заставленную административными зданиями. Как оказалось, это были не те здания. И не та улица. Я еще долгих пять минут колесил по деловому району, пока наконец не увидел указатель с нужным названием улицы. Затем я стал следить за номерами домов. Наконец показалась пожарная колонка, а за ней башня, через весь фасад которой проходила надпись, выполненная большими буквами из нержавеющей стали: «Миссия». Внизу находился подземный гараж. Взглянув на въезд, я пришел к выводу, что это тот самый гараж, куда одиннадцать недель назад вошла с фотоаппаратом в руке Сьюзен Даффи. Тут у меня в памяти всплыл урок истории. Четверть века назад какой-то пожилой учитель где-то в жарких тропиках, где говорят по-испански, рассказывал нам об испанском иезуите по имени Франциско Хавьер. Я даже вспомнил даты рождения и смерти: 1506 и 1552. Франциско Хавьер, испанский миссионер. Френсис Ксавье,

«Миссия». В самом начале нашего знакомства Элиот обвинил Бека в том, что тот любит шутки. Он был не прав. Это Куин обладал извращенным чувством юмора.

Проехав мимо башни, я вернулся на магистраль номер один и направился по ней на юг. Я ехал быстро, но мне потребовалось полчаса на то, чтобы добраться до реки Кеннебанк. Там перед мотелем стояли три «форда тауруса», неприметных и совершенно одинаковых, за исключением цвета, но даже и тут у них было что-то общее. Машины были серая, темно-стальная и синяя. Я поставил «кадиллак» туда же, куда и в первый раз: рядом со складом газовых баллонов. Прошел по холоду и постучал в дверь домика Даффи. Кто-то выглянул в глазок, и дверь открыла сама Даффи. Мы не стали обниматься. В комнате находились Элиот и Вилламуэва.

– Почему я не могу найти следов второго агента? – спросила Даффи.

– Где ты искала?

– Везде.

На ней были джинсы и белая рубашка в клетку. Другие джинсы, другая рубашка. Похоже, Даффи захватила с собой приличный запас смены одежды. На ногах были туфли-лодочки. Выглядела она хорошо, но в ее глазах светилась тревога.

– Я могу войти? – спросил я.

Даффи замешкалась. Затем отступила в комнату, и я шагнул следом за ней. Вилламуэва сидел на стуле за письменным столом, откинувшись назад. Оставалось надеяться, что ножки у стула прочные, ведь Вилламуэва мужчина дородный. Элиот сидел в ногах кровати, как и тогда в моем гостиничном номере в Бостоне. Даффи, судя по всему, сидела в изголовье. Это было ясно из того, что у стены были поставлены подушки и на них отпечаталась вмятина от ее спины.

– Где ты искала? – повторил я.

– Везде. Во всем Министерстве юстиции, от начала до конца, то есть не только в управлении по борьбе с наркотиками, но и в ФБР. Ее там нет.

– Выводы?

– Эту женщину также кто-то послал на собственный страх и риск.

– Откуда напрашивается вопрос, – вмешался Элиот. – Что, черт побери, происходит?

Даффи снова заняла свое место в изголовье кровати, а я уселся рядом с ней. Другого места просто не было. Вытащив из-под себя одну подушку, Даффи подложила ее мне под спину. Подушка хранила тепло ее тела.

– Ничего особенного, – сказал я. – Если не считать того, что две недели назад мы втроем совершили большую ошибку.

– Какую?

Я поморщился.

– Я был одержим мыслью о Куине, вы думали только о Терезе Даниэль. Мы не замечали ничего вокруг и построили карточный домик.

– То есть?

– В этом больше моей вины, чем вашей, – сказал я. – Надо вернуться на одиннадцать недель назад, в самое начало.

– Начало не имеет к тебе никакого отношения. Одиннадцать недель назад тебя еще не было.

– Расскажите мне, с чего именно все началось.

Элиот пожал плечами. Мысленно разложил все по полочкам.

– Мы получили сообщение из Лос-Анджелеса относительно того, что одна большая шишка купила билет первого класса до Портленда, штат Мэн.

Я кивнул.

– Вы проследили за этим человеком и установили, что он встретился с Беком. И даже засняли его на фото. Чем он занимался на фото?

– Осматривал образцы, – сказала Даффи. – Заключал сделку.

– В частном гараже, – подхватил я. – Да, кстати, раз у вас возникли проблемы с Четвертой поправкой, наверное, следовало бы задуматься, а как там очутился Бек.

Даффи промолчала.

– И что дальше? – спросил я.

– Мы присмотрелись к Беку, – сказал Элиот. – Пришли к выводу, что он крупный импортер и дистрибьютор.

– Что полностью соответствует действительности, – подтвердил я. – И вы направили к нему Терезу.

– Не имея официальных полномочий, – добавил Элиот.

– Это уже мелочи.

– Так в чем же мы ошиблись?

– Вы построили карточный домик, – сказал я. – Допустили в самом начале одну маленькую ошибку. Но эта ошибка аннулировала все ваши последующие рассуждения.

– Какую именно?

– И я должен был заметить эту ошибку гораздо раньше.

– Что же это?

– А вы хорошенько подумайте, почему в компьютерах нет никаких следов горничной.

– Она тоже действовала неофициально. Это единственное объяснение.

Я покачал головой.

– Она действовала совершенно официально. Она фигурирует во всех архивах. Я нашел ее записи. Ее статус не вызывает сомнений.

Даффи пристально посмотрела на меня.

– Ричер, к чему ты клонишь?

– У Бека работает механик. Что-то вроде слесаря. Чем он занимается?

– Понятия не имею, – сказала она.

– Я даже не задавался этим вопросом, – усмехнулся я. – А следовало бы. Хотя на самом деле я должен был бы догадаться обо всем еще до того, как встретил этого чертова механика. Но я попал в колею и не мог из нее выбраться. Как и вы.

– В какую колею?

– Бек знает розничную цену кольта «анаконда», – продолжал я. – Знает, сколько он весит. У Дьюка был «Штейр СПП», редкий австрийский пистолет. У Энджела Долла был ПСМ, редчайший российский пистолет. А у Поли есть пулемет НСВ, вероятно единственный в Соединенных Штатах. Бек никак не мог взять в толк, почему во время инсценировки нападения мы были вооружены «узи», а не «хеклерами». Он может отличить «Беретту 92ФС» от обычной М-девять армейского образца.

– Ну и?

– Он не тот, за кого мы его принимали.

– Так кто же он? Ты сам только что подтвердил, что он определенно является крупным импортером и дистрибьютором.

– Совершенно верно.

– И?

– Даффи, ты искала не в том компьютере. Горничная работала не на Министерство юстиции, а на Министерство финансов.

– В секретной службе?

Я покачал головой.

– В Бюро по контролю за продажей алкоголя, табачных изделий и оружия.

В комнате наступила тишина.

– Бек не наркоторговец, – закончил я. – Он торговец контрабандным оружием.

Молчание длилось долго. Даффи переглянулась с Элиотом. Затем оба посмотрели на Вилланоэву. Тот отвернулся к окну. Я ждал, когда до них дойдет главное последствие этой ошибки. Пока что они еще ничего не поняли.

– Так чем же занимался тот тип из Лос-Анджелеса? – наконец спросила Даффи.

– Изучал образцы, разложенные в багажнике «кадиллака». Как вы и предположили. Но только это были образцы оружия, которое предлагал Бек. Можно сказать, он сам во всем мне признался. Он пожаловался на то, что наркоторговцы подвержены влиянию моды. Гоняются за всем новым. Постоянно меняют оружие, всегда стремятся получить новейшие образцы.

– Он тебе это сказал?

– Если честно, я его не слушал, – признался я. – Мне чертовски хотелось спать. И это заявление затерялось среди разглагольствований о кроссовках, машинах и часах.

– Дьюк работал в Министерстве финансов, – сказала Даффи. – После того, как ушел из полиции.

Я кивнул.

– Вероятно, тогда Бек и познакомился с ним. И подкупил его.

– А каким боком сюда подходит Куин?

– По моим предположениям, он руководил конкурирующей организацией, – сказал я. – Вероятно, Куин занялся оружием с тех самых пор, как сбежал из больницы в Калифорнии. У него было полгода на то, чтобы составить планы на дальнейшую жизнь. И оружие для такого человека подходит гораздо больше, чем наркотики. По всей вероятности, на определенном этапе Куин увидел в Беке опасного конкурента. Может быть, захотел перехватить у него связи с наркоторговцами. Или Куину просто понравились ковры. Прикрытие это замечательное. И он перешел к действию. Пять лет назад Куин похитил Ричарда и добился подписи Бека в нужном месте.

– Но ведь Бек сказал тебе, что те ребята из Хартфорда – его клиенты, – сказал Элиот.

– Сказал, – подтвердил я. – Но только покупали они у него не наркоту, а оружие. Вот почему Бека поставили в тупик «узи». Вероятно, он только что продал хартфордским ребятам крупную партию «хеклеров», и вдруг они используют «узи»? Он никак не мог это понять. Должно быть, он решил, что они обратились к другому поставщику.

– Какими же тупыми мы были! – вздохнул Виллануэва.

– Самым тупым оказался я, – сказал я. – Я был просто поразительно туп. Улики были у меня перед носом. Для наркоторговца Бек недостаточно богат. Конечно, он зарабатывает большие деньги, и все же до миллиона в неделю ему далеко. Бек заметил крестики, которые я нацарапал на барабанах кольтов. Он знал стоимость и вес лазерного прицела, который устанавливается на «беретте». Когда мы отправились на одно дело в Коннектикут, он захватил с собой пару «хеклер-и-кохов», новеньких, с иголочки. Вероятно, достал из только что пришедшей партии. У него есть коллекция антикварных «томпсонов».

– А для чего Беку нужен механик?

– Механик готовит оружие к продаже, – сказал я. – По крайней мере, это моя догадка. Проверяет, регулирует, подгоняет. Среди клиентов Бека есть такие, кому нужен товар только высшего качества.

– Мы таких не знаем, – заметила Даффи.

– За ужином Бек говорил об М-шестнадцать, – продолжал я. – Черт побери, человек за ужином рассуждает об автоматической винтовке! А перед этим он просил меня сравнить «узи» и «хеклер-и-кох», причем его очень интересовало мое мнение. Сначала я решил, что Бек просто помешан на оружии, но на самом деле он проявлял профессиональный интерес. У него есть доступ к компьютерам завода «Глок» в австрийском городе Дойч-Ваграм.

Все молчали. Я закрыл глаза, снова открыл их.

– Потом тот запах в подвале, – сказал я. – Я должен был его узнать. Это был запах картона, пропитанного оружейной смазкой. Он появляется, когда коробки с новым оружием пролежат в помещении неделю.

Все молчали.

– И наконец, цены в каталоге компании «Большой базар», – продолжал я. – Низкие, средние и высокие. Низкие – это боеприпасы, средние – пистолеты, а высокие – винтовки и экзотика.

Даффи сидела, уставившись в стену, и напряженно думала.

– Ладно, – сказал Виллануэва. – Полагаю, все мы были хороши.

Даффи повернулась к нему. Затем посмотрела на меня. Наконец до нее дошло главное последствие.

– Это дело находится не в нашей юрисдикции, – сказала она.

Все молчали.

– Этим должно заниматься БАТО, а не УБН.

– Мы совершили ошибку, но с кем не бывает, – заметил Элиот.

Даффи покачала головой.

– Я имею в виду не прошлое, а настоящее. Мы не имеем права вести это дело. Нам необходимо немедленно выходить из игры.

– Я никуда не выхожу, – сказал я.

– Ты должен. Потому что *мы* должны. Мы должны свернуть палатки и убраться. А ты не можешь оставаться здесь сам по себе и без поддержки.

Совершенно новое определение ситуации «один и без прикрытия».

– Я остаюсь, – решительно произнес я.

В течение целого года после того, как это случилось, я копался у себя в душе и в конце концов пришел к выводу, что дал бы такой же ответ, даже если бы Коль, задавая свой роковой вопрос, не сидела рядом со мной в полутемном баре, благоухающая, в одной тонкой блузке на голое тело. «Ты разрешишь мне самой произвести задержание?» Я ответил бы «да» в любом случае. В этом не было сомнений. Даже если бы вместо Коль передо мной в моем кабинете стоял бы по стойке «смирно» уродливый верзила из Техаса или Миннесоты. Коль проделала всю работу. Она заслужила награду. Конечно, я в те времена еще был смутно заинтересован в продвижении по служебной лестнице, возможно, в меньшей степени, чем большинство людей. Но все же любая структура,

имеющая табель о рангах, подталкивает человека к стремлению расти вверх. Так что некоторая заинтересованность у меня была. Но я был не из тех, кто отнимает у подчиненных их победы, чтобы набавить себе цену. Я этим никогда не занимался. Если кто-то выполнял отличную работу, делал свое дело, я с радостью отступал в сторону, позволяя этому человеку пожинать плоды. Этому принципу я неукоснительно следовал в течение всей службы в армии. Достаточно было и того, что и на меня падал отраженный свет. В конце концов, эти люди служили под моим началом. В армии бывает такая вещь, как признание коллективных заслуг. Иногда бывает.

К тому же меня восторгало то, что сержант военной полиции одолела подполковника военной разведки. Я знал, что Куина это приведет в бешенство. Он воспримет это как величайший позор. Человек, покупающий «лексусы» и яхты, не потерпит, чтобы его арестовал какой-то сержант.

– Ты разрешишь мне самой произвести задержание? – повторила Коль.

– С радостью, – ответил я.

– Закон по этому поводу выражается совершенно четко, – сказала Даффи.

– Мне закон не писан, – сказал я.

– Мы не имеем права заниматься этим делом.

– Я работаю не на вас.

– Это же самоубийство! – вмешался Элиот.

– До сих пор я жив.

– Только потому, что Даффи отключила телефоны.

– Телефоны остались в прошлом, – сказал я. – Проблема с телохранителями разрешилась сама собой. Так что ваше прикрытие мне больше не нужно.

– Без прикрытия тебе никак не обойтись. В любом случае.

– Прикрытие БАТО горничной не помогло.

– Мы дали тебе машину. Постоянно оказывали тебе поддержку.

– Мне больше не нужны ваши машины. Бек дал мне связку ключей от дома. И пистолет. С патронами. Теперь я его правая рука. Он доверил мне защищать свою семью.

Они ничего не смогли возразить на это.

– И я могу спасти Терезу Даниэль, – добавил я.

– БАТО тоже сможет ее спасти, – сказал Элиот. – Теперь, когда выяснилось, что мы чисты перед своим ведомством, мы можем обратиться к БАТО. Горничная была их человеком, а не нашим. Так что мы тут ни при чем.

– БАТО не станет торопиться, – возразил я. – И Тереза попадет под перекрестный огонь.

Последовало долгое молчание.

– До понедельника, – первым нарушил его Виллануэва. – Мы будем сидеть молча до понедельника. Но самое позднее в понедельник мы должны будем связаться с БАТО.

– Нам надо было бы связаться с ними прямо сейчас, – заметил Элиот.

Виллануэва кивнул.

– Но мы не будем этого делать. Если необходимо, я лично об этом позабочусь. Мы даем Ричеру срок до понедельника.

Элиот ничего не сказал. Молча отвернулся. Даффи откинула голову на подушку и уставилась в потолок.

– Проклятье! – выругалась она.

– К понедельнику все будет кончено, – заверил я. – Я верну вам Терезу, и тогда вы сможете отправляться домой и звонить кому угодно.

Даффи молчала целую минуту. Затем заговорила:

– Хорошо. Можешь возвращаться. Наверное, ты уже должен быть на месте. Ты и так отсутствовал слишком долго. Это уже само по себе подозрительно.

– Согласен, – сказал я.

– И все же сначала подумай. Ты абсолютно уверен, что поступаешь правильно?

– Вы за меня не отвечаете.

– Не важно. Ответь на мой вопрос. Ты уверен?

– Да, – сказал я.

– А теперь подумай еще раз. По-прежнему уверен?

– Да, – повторил я.

– Мы будем здесь. Если что, связывайся с нами.

– Хорошо.

– Не передумал?

– Нет.

– Тогда возвращайся.

Даффи не встала. Никто не встал. Я поднялся с кровати и вышел из притихшей комнаты. Прошел полпути до «кадиллака», когда следом за мной вышел Вилануэва. Он двигался медленно и скованно, как и полагалось в его возрасте.

– Возьми меня с собой, – сказал пожилой агент. – Если что, я хочу быть с тобой.

Я промолчал.

– Я смогу тебе помочь.

– Ты мне уже помог.

– Этого мало. Я должен сделать что-то еще. Ради девочки.

– Ради Даффи?

Он покачал головой.

– Нет, ради Терезы.

– Кем она тебе приходится?

– Я за нее отвечаю.

– Почему?

– Я был ее наставником. И теперь я за нее в ответе. Ты понимаешь, что это значит?

Я кивнул. Я прекрасно понимал, что имел в виду Вилануэва.

– Тереза долго работала у меня, – продолжал он. – Можно сказать, я научил ее всему, что она знала. Затем ее перевели. Но десять недель назад она пришла ко мне и спросила, стоит ли ей соглашаться на это задание. У нее были сомнения.

– Но ты сказал, чтобы она соглашалась.

Вилануэва кивнул.

– Я поступил как полный идиот.

– А ты мог ее отговорить?

Он снова кивнул.

– Думаю, мог. Если бы я объяснил, почему ей не следует соглашаться, Тереза меня послушалась бы. Окончательное решение принимала она, но она прислушалась бы к моему совету.

– Я тебя понимаю.

И я действительно его понимал, тут не могло быть никаких вопросов.

Я сел в машину и выехал на шоссе, а Виллануэва остался стоять на стоянке, провожая меня взглядом.

По магистрали номер один я проехал через Биддефорд, Сако и Олд-Орчард-Бич, а затем свернул на восток, на длинную пустынную дорогу к дому. Подъезжая к нему, я взглянул на часы и понял, что отсутствовал целых два часа, из которых оправданными были только сорок минут. Двадцать минут до склада, двадцать минут обратно. Но я не думал, что мне придется объясняться перед кем бы то ни было. Бек не узнает о том, что я не поехал прямо домой, а остальные не догадываются о том, что я должен был так поступить. По моим расчетам, наступил эндшпиль, и я катил навстречу победе.

Однако я ошибался.

Я понял это еще до того, как Поли закончил открывать ворота. Выйдя из своего домика, он подошел к запору. Он был в костюме. Без плаща. Поднял запор движением стиснутого кулака. До сих пор все было как всегда. Я уже с десяток раз видел, как Поли открывает ворота, и пока что он делал все как обычно. Поли обхватил своими огромными лапищами прутья решетки. Начал раскрывать ворота. Но не раскрыл их до конца. Протиснулся между приоткрытыми створками и шагнул мне навстречу. Подошел к моей двери и, когда до машины оставалось шесть футов, остановился и с улыбкой достал из карманов два револьвера. Все это произошло меньше чем за секунду. Два кармана, две руки, два револьвера. Это были мои «анаконды». В тусклом сером свете сталь казалась матовой. Я увидел, что оба револьвера заряжены. Из каждого гнезда барабанов мне подмигивали тупоносые пули в ярких латунных оболочках. Можно не сомневаться, «Ремингтон магнум» 44-го калибра. По восемнадцать долларов за коробку с двадцатью патронами. Плюс налоги. Итого девяносто пять центов за патрон. Двенадцать патронов. Высококачественные боеприпасы стоимостью одиннадцать долларов сорок центов, готовые к применению, по пять долларов семьдесят центов в каждой руке. И эти руки застыли совершенно неподвижно. Как скалы. Левая направляла револьвер в точку чуть впереди переднего

колеса «кадиллака». Правая целилась прямо мне в голову. Указательные пальцы напряглись на спусковых крючках. Дула не шевелились. Ни на волосок. Поли походил на каменное изваяние.

Я сделал все как положено. Быстро просчитал все варианты. «Кадиллак» машина большая, и двери у него длинные, но Поли предусмотрительно остановился на некотором расстоянии, чтобы я не смог его достать, резко распахнув свою дверь. И машина стояла неподвижно. Если я нажму на газ, Поли выстрелит разом из обоих револьверов. Пуля из правого, вполне возможно, пролетит мимо моей головы, но переднее колесо обязательно окажется на линии прицеливания левого. Потом я налечу на ворота и потеряю момент инерции. Итого со спущенным передним колесом и, вероятно, поврежденным рулевым управлением я превращусь в неподвижную мишень. Поли успеет выстрелить десять раз, и даже если не убьет меня, то серьезно ранит, а машину приведет в негодность. После этого подойдет ко мне и, наблюдая, как я истекаю кровью, спокойно перезарядит револьверы.

Я мог постараться незаметно включить заднюю передачу и дать задний ход, однако задом большинство легковых машин ездит очень медленно. И мне придется двигаться относительно Поли по прямой. Никакого поперечного смещения. Никаких обычных преимуществ движущейся цели. А пуля патрона «Ремингтон магнум» покидает ствол со скоростью свыше восьмисот миль в час. Убежать от такой непросто.

Можно было попытаться воспользоваться «береттой». Быстро выхватить ее и выстрелить через стекло. Но на «кадиллаках» стекла достаточно толстые. Это делается для того, чтобы в салоне было тихо. Даже если я успею сделать выстрел раньше Поли, рассчитывать на попадание не придется. Конечно, стекло разлетится вдребезги, но если я не обеспечу строгую перпендикулярность траектории пули относительно поверхности стекла, а это потребует времени, пуля отклонится в сторону. Быть может, вообще не попадет в Поли. А я еще не забыл то, как лягнул его по почкам.

Если пуля не попадет в глаз или в сердце, громила решит, что его ужалила пчела.

Я мог попробовать опустить стекло. Но этот процесс очень медленный. И я мог заранее предсказать, что произойдет в этом случае. Пока стекло будет ползти вниз, Поли выпрямит правую руку, и зажатый в ней кольт окажется в трех футах от моей головы. Даже если мне удастся выхватить «беретту» очень быстро, все равно у Поли будет с лихвой времени, чтобы расправиться со мной.

Итак, расклад был плохой. Отвратительный. «Постарайся остаться в живых, – говорил Леон Гарбер. – Постарайся остаться в живых и посмотри, что принесет следующая минута».

Следующая минута прошла под диктовку Поли.

– Поставь на парковку, – крикнул он.

Я отчетливо услышал его даже сквозь толстое стекло. Перевел рукоятку передач на парковку.

– Держи правую руку так, чтобы я ее видел, – продолжал Поли.

Я поднес правую руку ладонью к стеклу, растопырив пальцы, как тогда, когда подавал Дьюку знак: «Вижу пятерых».

– Левой открывай дверь, – крикнул Поли.

Пошарив левой рукой, я нащупал рукоятку. Правой нажал на стекло. Дверь приоткрылась. В салон ворвался холодный воздух. Я ощутил его коленями.

– Обе руки так, чтобы я их видел, – произнес Поли уже тише.

Теперь, когда передача была отключена, кольт в левой руке также был направлен на меня. Я посмотрел на дула-близнецы. У меня возникло ощущение, будто я стою на палубе линкора и смотрю в дула орудий главного калибра. Я вытянул обе руки так, чтобы они были видны Поли.

– Ноги из машины, – велел он.

Я медленно развернулся на кожаном сиденье. Опустил ноги на асфальт.

Я чувствовал себя так же, как, должно быть, чувствовал себя Терри Виллануэва рано утром дня номер одиннадцать у ворот колледжа.

– Встань, – приказал Поли. – Отойди от машины.

Я выпрямился. Отступил от машины. Оба револьвера были направлены мне в грудь. Поли стоял от меня в четырех футах.

– Стой не двигаясь.

Я стоял не двигаясь.

– Ричард! – окликнул он.

Из домика привратника вышел Ричард Бек. Он был бледен как полотно. У него за спиной я разглядел Элизабет Бек. Ее блузка была расстегнута. Она придерживала ее руками. Поли неожиданно ухмыльнулся. Словно лунатик. Однако револьверы не дрогнули. Ни на волосок. Они оставались неподвижными, словно каменные.

– Ты вернулся слишком рано, – сказал Поли. – Я тут как раз собирался трахнуть его мать.

– Ты спятил? – воскликнул я. – Черт побери, что происходит?

– Мне позвонили, – сказал он. – Вот что происходит.

Я должен был вернуться час двадцать минут назад.

– Тебе звонил Бек? – спросил я.

Поли покачал головой.

– Не Бек. Мой босс.

– Ксавье?

– *Мистер* Ксавье, – поправил он.

Поли с вызовом смотрел на меня. Револьверы не шевелились.

– Я завернул в магазин, – сказал я.

«Постарайся остаться в живых и посмотри, что принесет следующая минута».

– Мне наплевать на то, чем ты был занят.

– Я не смог сразу найти то, что нужно. Вот почему я задержался.

– А мы предвидели, что ты задержишься.

– Почему?

– Потому что мы получили новую информацию.

Я промолчал.

– Иди задом, – приказал Поли. – Проходи в ворота.

Держа револьверы в четырех футах от моей груди, он шел за мной, подстраиваясь под мой шаг, пока я пятился в ворота. Отойдя от ворот футов на двадцать, я остановился посреди дороги. Поли шагнул в сторону и чуть развернулся, чтобы держать на виду Ричарда и Элизабет справа от себя и меня слева.

– Ричард, – окликнул он. – Запри ворота.

Держа кольт в левой руке направленным на меня, Поли перевел дуло кольта в правой на Ричарда. Увидев наведенное на него черное дуло, мальчишка шагнул вперед, ухватился за ворота и закрыл их. Створки встретились с громким металлическим лязгом.

– Теперь надень цепочку.

Ричард завозился с цепочкой. Снова послышался грохот и звон стали, перекрывающий шум двигателя «кадиллака», тихо и послушно работающего на холостых оборотах. До машины было всего сорок футов, но нас уже разделяли ворота. Издалека доносился шум прибоя, размеренный и ровный. В дверях домика привратника показалась Элизабет Бек. Она была всего в десяти футах от огромного пулемета, качавшегося на цепи. Советский НСВ не имеет предохранителя. Однако Поли находился в мертвой зоне. Из заднего окна его видно не было.

– Запри ворота, – крикнул Поли.

Ричард опустил задвижку.

– А теперь со своей мамашей встань за Ричером.

Мать и сын встретились у двери домика привратника.

Направились в мою сторону. Прошли мимо. Оба были бледные как смерть и дрожали. Ветер развевал волосы Ричарда. Я успел разглядеть шрам. У Элизабет была расстегнута блузка. Она шла, обхватив грудь руками. Мать и сын остановились позади меня. Я услышал их шаги по асфальту. Поли вышел на середину дороги. Повернулся ко мне лицом. Он стоял в десяти футах от меня. Оба дула целились мне в грудь, одно чуть влево, другое чуть вправо. Пули 44-го калибра пройдут насквозь через меня, а затем, возможно, и через Элизабет и Ричарда. Быть может, долетят до самого особняка. И разобьют окна на первом этаже.

– Теперь Ричер опускает руки, – крикнул Поли.

Я вытянул руки вдоль тела.

– Ричард снимает с Ричера плащ, – продолжал Поли. – Берет за воротник и стаскивает вниз.

Я почувствовал на затылке руки Ричарда. Они были холодные. Руки схватили плащ за воротник и потащили его. Плащ соскользнул с плеч, сполз по рукам и соскочил с запястий, сначала с одного, затем с другого.

– Скатай плащ, – приказал Поли.

Я услышал, как Ричард шуршит тканью.

– Принеси сюда.

Ричард вышел у меня из-за спины, держа в руках свернутый плащ. Он остановился в пяти футах от Поли.

– Забрось его за ворота, – продолжал Поли. – Как можно дальше.

Ричард забросил плащ за ворота. Как можно дальше. Рукава, развернувшись в воздухе, придали плащу подъемную силу. Послышался глухой стук: «беретта» в кармане ударилась о капот «кадиллака».

– То же самое с пиджаком.

Ричард проделал то же самое с моим пиджаком. Пиджак упал на капот «кадиллака» рядом с плащом, сполз по сверкающей краске и бесформенной кучкой свалился на асфальт. Мне стало холодно. Со стороны моря дул ветер, а я остался в одной тонкой рубашке. Из-за спины доносилось дыхание Элизабет, частое и прерывистое. Ричард безвольно стоял в пяти футах перед Поли, ожидая дальнейших распоряжений.

– А теперь ты с мамашей отойди на пятьдесят шагов, – приказал Поли. – Назад к дому.

Развернувшись, Ричард снова прошел мимо меня. Я услышал, как его мать направилась следом за ним. Повернув голову, я увидел, что они отошли ярдов на сорок и снова развернулись лицом к воротам. Поли попятился назад. Один шаг, два, три. Остановился в пяти футах от ворот. Спиной к ним. Он стоял в пятнадцати футах передо мной; наверное, у меня за спиной ему были видны Элизабет и Ричард, до которых было футов сто. Все мы стояли на дороге вдоль прямой линии, Поли у ворот, лицом к особняку, Ричард и Элизабет на полдороге, к особняку спиной, а я посередине, думая о том, как остаться в живых и посмотреть, что принесет следующая минута. Лицом к Поли, глядя ему прямо в глаза.

Поли усмехнулся.

– Отлично. А теперь смотри внимательно.

Он ни на секунду не отвернулся от меня, постоянно сохраняя контакт взглядом. Присев, Поли аккуратно положил револьверы на асфальт, а затем оттолкнул их назад к воротам. Послышался скрежет стальных рам по грубой поверхности дороги. Оба револьвера остановились где-то в ярде за спиной у Поли. Он поднял руки. Пустые. Шагнул вперед и показал ладони.

– Оружие мне не нужно, – сказал Поли. – Я убью тебя голыми руками.

Глава 12

До меня по-прежнему доносился шум двигателя «кадиллака», работающего на холостых оборотах. Ворчливый шепот восьми цилиндров и слабое бульканье выхлопных труб. Шелест приводных ремней под капотом. Периодическое жужжание вентилятора, приспосабливающегося к меняющейся температуре.

– Вот правила игры, – крикнул мне Поли. – Пройдешь мимо меня – получишь оружие.

Я молчал.

– Получишь оружие – сможешь им воспользоваться, – продолжал он.

Я молчал. Поли усмехнулся.

– Ты все понял?

Я кивнул, следя за его глазами.

– Вот и отлично. Сам я не притронусь к револьверам, если ты только не вздумаешь бежать. В этом случае я выстрелю тебе в спину. Так ведь будет справедливо, правда? Ты должен драться.

Я молчал.

– Как полагается мужчине, – крикнул Поли.

Я по-прежнему молчал. Мне было холодно. Без плаща, без пиджака.

– Как полагается офицеру и благородному человеку, – не унимался Поли.

Я следил за его глазами.

– Правила ясны?

Я молчал. Ветер дул мне в спину.

– Правила ясны? – повторил Поли.

– Кристально.

– Ты не попытаешься бежать?

Я молчал.

– Я думаю, попытаешься. Потому что ты козел.

Я никак не реагировал на его слова.

– Ты козел, – с нажимом произнес Поли. – Тыловая шлюха. Трус.

Я невозмутимо стоял на месте. Пусть обзывает меня как угодно. «Палки и камни переломают мне кости, но слова никогда не смогут причинить мне вред». И я сомневался, что Поли знает какие-либо оскорбления помимо тех, которые мне уже приходилось слышать не одну сотню раз. Военная полиция не пользуется особой любовью. Я отключил голос Поли. Сосредоточил внимание на его глазах, руках и ногах, лихорадочно

соображая. Я уже успел узнать о Поли многое. И все, что мне было о нем известно, меня нисколько не радовало.

– Чертов шпик из БАТО, – крикнул Поли.

«Не совсем», – подумал я.

– Я уже иду, – сказал Поли.

Однако он не двинулся с места. Я тоже стоял неподвижно. Никуда не торопился. Поли был накачан анаболиками и стероидами. Его глаза горели.

– Я иду к тебе, – нараспев произнес Поли, стоя на месте.

Он был массивный. Массивный и сильный. Очень сильный. Если Поли меня ударит, я упаду. А если я упаду, то больше не поднимусь. Я внимательно следил за ним. Наконец Поли двинулся вперед, ступая на носках. Быстро и плавно. Сделал обманный выпад влево, остановился. Я не двигался. Стоял на месте. Следил за ним, напряженно думая. Поли, и без того огромный, был тяжелее, чем определила ему природа. Фунтов на сто, а то и на сто пятьдесят.

Так что хотя двигается он быстро, надолго его хватить не должно.

Я выдохнул.

– Элизабет говорит, твоя штуковина больше не поднимается, – сказал я.

Поли молча вытаращился на меня. Я слышал шум «кадиллака». Слышал шум волн. Они разбивались о скалы за домом.

– Сила в тебе есть, – продолжал я, – но не везде.

Никакой реакции.

– Готов поспорить, мой мизинец больше твоего бесполезного крючка, – сказал я, поясняя свои слова красноречивым жестом. – И тверже.

Лицо Поли потемнело. Казалось, он надувался злобой и вдруг лопнул. Поли бросился на меня, гигантской косой выкидывая правую руку. Отступив в сторону, я пригнулся, уворачиваясь от кулака, и снова распрямился, разворачиваясь. Удержав равновесие, Поли обернулся и снова двинулся на меня. Мы с ним поменялись местами. Теперь я очутился ближе к револьверам, чем он. Испугавшись, Поли снова бросился вперед. То же самое движение. Замах правой рукой. Я опять пригнулся, увернулся и распрямился, и мы вернулись в исходное положение. Однако Поли теперь дышал чаще, чем я.

– Ты – трусики большой тети, – сказал я.

Это ругательство я слышал очень давно. Кажется, в Англии. Я понятия не имел, какой в нем смысл. Но на определенную категорию людей оно действовало прекрасно. И Поли оказался одним из них. Не раздумывая, он снова ринулся на меня. Абсолютно то же самое движение. Но на этот раз я, ныряя под его рукой, изо всех сил ткнул его локтем в бок. Это не произвело никакого эффекта. Развернувшись, Поли снова бросился на меня. Я пригнулся, ощутив теменем дуновение от громадного кулака, просвистевшего в дюйме над ним.

Поли остановился, учащенно дыша. Я его неплохо разогрел. У меня появился проблеск надежды. Дрался Поли отвратительно. То же самое можно сказать про многих гигантов. Их огромные размеры или запугивают противника, не давая драке начаться, или позволяют им одержать победу после первого же прямого удара, достигнувшего цели. В любом случае, практики у них никакой. И они не оттачивают свое мастерство. И теряют форму. Всевозможные тренажеры не могут заменить ту напряженную, стремительную, задыхающуюся, пропитанную адреналином готовность, которая нужна для уличных драк. Я пришел к выводу, что Поли представляет собой яркий образчик этого. Похоже, штанга и беговая дорожка окончательно его доконали.

Я послал ему воздушный поцелуй.

Он обрушился на меня пневматическим молотом, каким вколачивают в землю сваи. Увернувшись влево, я вонзил ему в лицо локоть, а Поли зацепил меня левой рукой и отшвырнул в сторону, как будто я был легкий, словно пушинка. Я упал на колено, но успел вовремя подняться на ноги и уклонился от нового сумасшедшего броска. Кулак Поли пролетел в четверти дюйма от меня, а он сам, увлекаемый моментом инерции, подался вперед и чуть вниз, подставляя голову под хук моей левой. Я вложил в удар всю свою силу от самых кончиков пальцев на ногах. Мой кулак врезался Поли в правое ухо, и он отшатнулся назад. Я добавил прямым ударом в челюсть, после чего отскочил назад, чтобы отдышаться и изучить урон, нанесенный противнику.

Никакого урона не было.

Я ударил Поли четыре раза, но казалось, я его и пальцем не тронул. Оба удара локтем получились на славу, а кулаки я с такой силой не обрушивал никогда в жизни. Второй раз локтем я разбил Поли верхнюю губу, но это было все. Теоретически он должен был бы потерять сознание. Свалиться без чувств в коме. Наверное, уже лет тридцать мне никого не приходилось бить больше четырех раз. Но Поли даже вида не показывал, что почувствовал боль. Похоже, он вообще не обратил внимания на мои удары. Он не потерял сознание. Не свалился в коме. Он по-прежнему плясал передо мной, улыбаясь. Двигался легко, спокойно. Огромный. Неуязвимый. *Пробить его невозможно.* Глядя на

Поли, я начал приходить к выводу, что у меня нет никаких шансов. А он, глядя на меня, понял, что именно я думаю. Его улыбка растянулась шире. Покачиваясь на ногах, Поли опустил плечи и вытянул вперед свои лапищи. Он переминался с ноги на ногу – влево, вправо, влево, вправо. Словно бил копытом, перед тем как собирался броситься на меня и разорвать на части. Его усмешка исказилась в жуткую самодовольную ухмылку.

Поли снова двинулся на меня, и я уклонился влево. Однако он ждал этого и обрушил правый кулак мне в грудь. Это было все равно что наткнуться на штангиста весом в четыреста фунтов, движущегося со скоростью шесть миль в час. Мне показалось, от удара мой позвоночник хрустнул, а сердце остановилось. Не удержав равновесия, я упал навзничь. Дальше вопрос встал так: жизнь или смерть. Я выбрал жизнь. Дважды перекатился на бок, подобрал руки под себя и приподнялся. Отпрыгнул назад и в сторону, уворачиваясь от удара, который должен был бы меня убить.

После этого все свелось к борьбе за то, чтобы остаться в живых и посмотреть, что принесут следующие полсекунды. Моя грудь ныла от боли, способность двигаться упала ниже ста процентов, но в течение минуты мне удавалось уклоняться от всего, что обрушивал на меня Поли. Он оказался на удивление проворным, но ему не хватало мастерства. Я еще раз ткнул локтем ему в лицо. Сломал нос. Локоть должен был бы выйти у него из затылка. И все же из носа пошла кровь. Поли вынужден был начать дышать ртом. Я уворачивался, уклонялся и ждал. Получил мощный удар кулаком в левое плечо, который парализовал мне руку. Затем Поли нанес хук правой и промахнулся, и на малейшую долю секунды его стойка оказалась открытой. Его рот был открыт, поскольку из носа хлестала кровь. Я разогнулся пружиной и нанес «сигаретный тычок». Этому приему драки в тесном баре меня научили давным-давно. Ты угощаешь человека сигаретой, он ее берет, подносит к губам и открывает рот на три четверти дюйма. И в это самое мгновение ты наносишь ему страшный апперкот под подбородок. От удара захлопывается рот, ломается нижняя челюсть и вылетают зубы. Если тебе повезет, твой противник откусит себе язык. «Спасибо и до свидания». Мне не нужно было угощать Поли сигаретой, потому что его рот и так был раскрыт. Поэтому я просто выполнил апперкот. Вложил в него все, что у меня было. Удар получился на славу. Я еще сохранял способность думать и уверенно держался на ногах, и хотя по сравнению с Поли я казался маленьким, на самом деле я крупный и сильный мужчина, натренированный и опытный. Мой кулак попал в то самое место, где начинает сужаться нижняя челюсть. Полный контакт кости с костью. Я приподнялся на цыпочках и подался на целый ярд вперед. Мой удар должен был сломать Поли не только челюсть, но и шею. Его голова должна была оторваться и упасть на землю. Но ничего этого не

произошло. Абсолютно ничего. Поли просто пошатнулся на дюйм. Тряхнул головой и ударил меня в лицо. Я увидел его удар и сделал все, что нужно. Откинул голову назад и широко раскрыл рот, чтобы не потерять все зубы. Поскольку моя голова двигалась назад, это позволило частично поглотить момент инерции, и все же удар получился страшным. На меня словно налетел поезд. Грузовик. В глазах у меня потемнело, я отлетел назад и потерял ориентацию. Мне показалось, что поднявшийся позади меня асфальт нанес мне второй удар в спину. Воздух вырвался у меня из легких, на губах появилась кровавая пена. Я ударился затылком о дорожное полотно. У меня перед глазами все померкло.

Я попытался пошевелиться, но я был все равно что машина, не желающая заводиться после первого поворота ключа. Вжжж... и ничего. Я потерял полсекунды. От моей левой руки не было толку, поэтому мне пришлось воспользоваться одной правой. Я приподнялся над асфальтом. Подобрал под себя ноги и выпрямился. У меня перед глазами все плыло. Голова гудела. Но Поли неподвижно стоял на месте, наблюдая за мной. И улыбался.

Я понял, что он не будет торопиться. Насладится по полной.

Я бросил взгляд в сторону оружия. Револьверы по-прежнему оставались у Поли за спиной. Не было и речи о том, чтобы до них добраться. Шесть моих ударов достигли цели, а Поли лишь улыбался. Он достал меня лишь трижды, но на мне живого места не было. Меня колотило. Пришел мой смертный час. Внезапно я со всей отчетливостью осознал, что умру в Эбботе, штат Мэн, пасмурным субботним утром в конце апреля. И половина моего рассудка говорила: «Эй, всем нам суждено когда-нибудь умереть. Какая разница, когда и где именно?» Но вторая половина пылала неукротимой злостью, которая подпитывала меня всю жизнь: «И ты позволишь этому подонку растоптать тебя?» Внимательно выслушав аргументы сторон, я принял решение. Сплюнул кровь, сделал глубокий вдох и снова, в последний раз встал в стойку. Моя челюсть болела. Голова болела. Плечо болело. Грудь болела. У меня кружилась голова, меня тошнило. Я снова сплюнул. Провел по зубам языком. У меня возникло ощущение, будто я улыбаюсь. «Давай взглянем на все со светлой стороны». Серьезных травм у меня нет. Пока. Пулевых ранений тоже. Поэтому я улыбнулся по-настоящему, сплюнул в третий раз и сказал себе: «Отлично, умрем сражаясь».

Поли тоже улыбался. У него на лице была кровь, но в остальном он выглядел совершенно нормально. Даже галстук все еще был завязан аккуратным узлом. И пиджак застегнут. Поли по-прежнему выглядел так, словно ему под плечи запихнули по баскетбольному мячу. Увидев, что я принял стойку, он улыбнулся еще шире и опять вытянул руки вперед и начал переминаться с ноги на ногу. Я прикинул, что мне

удастся увернуться еще раз, может быть, два, три – если очень повезет, а затем все будет кончено. Смерть в штате Мэн. В апрельскую субботу. Мысленно представив себе Доминик Коль, я сказал: «Доми, я старался. Честное слово, старался». Я смотрел на Поли. Он набрал полную грудь воздуха. Повернулся ко мне спиной. Отошел на десять шагов. Развернулся. Стремительно ринулся на меня. Я увернулся. Поли задел меня по лицу полой пиджака. Краем глаза я увидел вдали Ричарда и Элизабет, наблюдавших за происходящим. Их рты были открыты, как будто они кричали: «Идущие на смерть, мы приветствуем вас!» Поли быстро развернулся и снова двинулся на меня.

Но вдруг он сделал что-то странное, и я понял, что все же смогу одержать победу.

Он попытался ударить меня ногой в стиле восточных единоборств. В уличной драке один на один глупее этого ничего быть не может. Как только одна нога отрывается от земли, человек теряет устойчивость и становится уязвимым. И это начало конца. Поли быстро надвигался на меня боком, словно какой-то идиот каратист из кино. Его нога летела вперед, вытянутая параллельно земле. Если бы удар достиг цели, он меня бы убил – без вопросов. Но удар не достиг цели. Я отпрянул назад, поймал ногу Поли обеими руками и просто поднял ее вверх. «Ты сможешь отжать в положении лежа четыреста фунтов? Что ж, давай проверим». Я вложил в это всю свою силу до последней унции и, задрав ногу Поли высоко вверх, вывел его из равновесия и повалил спиной на асфальт. Он растянулся во весь рост, ошалело уставившись на меня. Первое правило уличной драки гласит: если противник упал, его надо добить, без колебаний, без промедления, без угрызений совести по поводу неджентльменского поведения. Противника надо добить. Поли только что отступил от этого правила. Я не стал этого делать. Я что есть силы ударил Поли ногой в лицо. Брызнула кровь, он попытался перекатиться от меня, но я наступил ему каблуком на кисть правой руки, сокрушая кости кисти и фаланги пальцев. Затем я повторил то же самое, обрушив все двести пятьдесят фунтов живого веса на раздробленное запястье. Потом сломал Поли обе лучевые кости.

Поли обладал сверхчеловеческой силой. Он перекатился на бок и приподнялся при помощи левой руки. Встал на ноги и отступил назад. Я пошел на сближение, Поли сделал страшный хук левой, но я отбил выпад и врезал ему по сломанному носу. Поли отшатнулся назад, и я вонзил ему колено в пах. Его голова дернулась вперед, и я снова нанес правым кулаком «сигаретный тычок». Поли развернулся, и я пнул его ногой под колено. Его нога сложилась, и он опять свалился на асфальт. Я наступил левой ногой ему на левое запястье. Правая рука Поли была уже совершенно бесполезна. Болталась плетью. Он оказался прижат к земле, поскольку выжать вертикально двести пятьдесят фунтов одной левой не

мог даже такой гигант. И у стероидов есть свой предел. Поэтому я топтал ему левую руку до тех пор, пока из кожи не вылезли обломки костей. Затем я подпрыгнул и приземлился Поли прямо на солнечное сплетение. Соскочил с распростертого тела и изо всех сил ударил ногой в висок – один раз, два, три. Четвертый удар получился настолько сильным, что мой ботинок развалился, и устройство электронной почты упало и запрыгало по асфальту. Оно остановилось там же, где остановился пейджер Элизабет Бек, когда я выбросил его из «кадиллака». Поли проводил взглядом маленькую черную коробочку. Я еще раз ударил его ногой в голову.

Он сел. Просто поднялся за счет мышц пресса. Обе его руки болтались бесполезными плетями. Схватив левое запястье, я выкрутил локоть наружу, вырывая сустав. Поли выбросил вперед сломанную правую руку, пытаясь дать мне оплеуху окровавленной ладонью. Перехватив запястье левой рукой, я надавил на изувеченные костяшки пальцев. Глядя Поли в глаза, принялся крушить треснутые кости. Он не издал ни звука. Не выпуская его скользкую руку, я вывернул правый локоть внутрь и надавил на него коленями. Послышался хруст ломающейся кости. Только после этого я вытер руки о волосы Поли и направился к воротам за кольтами.

Поли неуклюже встал. Он не мог опереться на руки. Просто подобрал ноги под себя, рывком перенес на них вес своего тела и выпрямился. Из сломанного носа ручьем лилась кровь. Налившиеся краской глаза горели злобой.

– Иди, – произнес я, задыхаясь. – К скалам.

Поли стоял на месте, словно оглушенный бык. Мой рот был полон крови. У меня шатались зубы. Я не испытывал удовлетворения. Никакого. Не я победил Поли. Он сам победил себя. Своим дурацким карате. Если бы он продолжал молотить меня своими огромными кулачищами, меньше чем через минуту я был бы трупом. И мы оба это понимали.

– Иди, – сказал я, – или я тебя пристрелю.

Поли вопросительно вскинул подбородок.

– Иди к воде.

Он не двигался с места. Мне не хотелось в него стрелять. У меня не было желания тащить четырехсотфунтовую тушу сто ярдов к морю. Поли стоял неподвижно, и мой мозг приступил к решению проблемы. Наверное, можно будет обмотать ему щиколотки цепью от ворот. У «кадиллака» есть буксировочный крюк? Я не помнил.

– Иди, – повторил я.

Ко мне подошли Ричард и Элизабет. Они описали большую дугу, чтобы встать позади меня, не приближаясь к Поли. Он был словно каким-то мифическим существом, способным на все. Я их понимал. У Поли были сломаны обе руки, и тем не менее я следил за каждым его движением, словно от этого зависела моя жизнь. Впрочем, так оно и было. Если Поли бросится на меня и повалит своей массой на землю, он сможет затоптать меня ногами. У меня даже появились сомнения, что кольты смогут его остановить. Я мысленно представил себе, как Поли бежит на меня, я всаживаю в него все двенадцать пуль, но это даже не замедляет его бега.

– Иди, – сказал я.

Поли подчинился. Развернувшись, он пошел по дороге. Я последовал за ним, держась в десяти шагах. Ричард и Элизабет отошли дальше на газон. Мы прошли мимо них, и они двинулись за нами. У меня мелькнула было мысль приказать им остаться, но затем я рассудил, что оба заслужили право смотреть все до конца, каждый по-своему.

Поли прошел по кругу перед крыльцом. Казалось, он понимал, куда я его веду. И похоже, ему было все равно. Он прошел мимо гаража и направился к скалам. Я следовал за ним, держась в десяти шагах. Я прихрамывал, так как от правого ботинка оторвался каблук. Ветер дул в лицо. Море грохотало. Начинался шторм. Поли прошел до самой расселины Харли. Остановился и повернулся ко мне.

– Я не умею плавать, – сказал он.

Он шепелявил. Я выбил ему несколько зубов и повредил горло. Ветер ревел. Он поднимал волосы Поли, добавляя ему еще один дюйм роста. Мне в лицо летели соленые брызги.

– Плавать тебе не придется, – ответил я.

Я двенадцать раз выстрелил Поли в грудь. Все двенадцать пуль пронзили его насквозь, вырвав из спины здоровенные куски мышц и тканей, улетевших в море. Один человек, два револьвера, двенадцать громких выстрелов, боеприпасы на одиннадцать долларов сорок центов. Поли повалился спиной в воду. Поднял фонтан брызг. Волнение было сильным, но начинался прилив. Вода не уходила. Труп закачался на волнах. Море вокруг окрасилось в розовый цвет. Какое-то время труп плавал на одном месте. Затем его начало медленно относить от берега. Так продолжалось минуты две. Труп отнесло на десять футов. На двадцать. Он перевернулся лицом вниз и начал медленно кружиться, увлекаемый водоворотом. Затем все быстрее и быстрее. Под промокшим пиджаком образовался пузырь воздуха, вырывавшегося через двенадцать пулевых отверстий. Океан качал и подбрасывал труп, как будто тот был невесомым. Опустившись на корточки, я положил

револьверы на скалы. Меня буквально вывернуло наизнанку в океан. Я оставался на четвереньках, глубоко дыша и следя взглядом за плавающим трупом. Волны крутили его, уносили все дальше от берега. Ричард и Элизабет, прижавшись друг к другу, стояли футах в двадцати от меня. Зачерпнув пригоршней холодную соленую воду, я сполоснул лицо. Зажмурился. Долго-долго держал глаза закрытыми. Когда я наконец открыл их и посмотрел на неспокойное море, на поверхности уже ничего не было. Труп утонул.

Я не поднимался с корточек. Глубоко вздохнул. Посмотрел на часы. Было всего одиннадцать часов. Затем я снова долго смотрел на океан, вздымавшийся и опускавшийся. Волны разбивались о скалы, обдавая меня дождем брызг. В воздухе снова появилась полярная крачка. Она вернулась, чтобы найти место для гнезда. У меня в голове было абсолютно пусто. Затем я начал думать. Разбирать факты. Оценивать изменившиеся обстоятельства. Я провел в размышлениях целых пять минут и в конце концов пришел к довольно оптимистическим выводам. Решил, что, раз Поли выбыл из игры досрочно, эндшпиль окажется значительно более простым и быстрым.

В этом я тоже ошибся.

Первой проблемой стало то, что Элизабет Бек наотрез отказалась уезжать. Я приказал ей брать Ричарда, садиться в «кадиллак» и убираться ко всем чертям. Но она отказалась. Она стояла на скалах с распущенными волосами, и ветер трепал ее одежду.

– Это мой дом, – решительно заявила Элизабет.

– Очень скоро он станет ареной военных действий, – сказал я.

– Я остаюсь.

– Я не могу оставить вас одну.

– Я никуда не поеду. Только вместе с мужем.

Я не знал, как на нее повлиять. Растерянно стоял на месте, все больше замерзая. Ричард обошел меня и посмотрел на море, затем повернулся ко мне.

– Это было здорово, – с восхищением произнес он. – То, как ты с ним расправился.

– Нет, он сам расправился с собой, – возразил я.

В воздухе с громкими криками носились чайки. Борясь с ветром, они кружили над океаном ярдах в сорока от берега. Время от времени они

ныряли и что-то подхватывали с гребней волн. Доедали плавающие на поверхности останки Поли. Ричард долго смотрел на них.

– Поговори с матерью, – сказал я. – Ты должен убедить ее уехать отсюда.

– Я никуда не поеду, – повторила Элизабет.

– И я тоже, – сказал Ричард. – Здесь мы живем. Мы семья.

Они еще не оправились от шока. Спорить с ними было бесполезно. Поэтому я решил запрячь их в работу. Мы вернулись на дорогу, медленно, молча. Ветер рвал нашу одежду. Я прихрамывал из-за ботинка. Остановившись там, где начинались кровавые пятна, я подобрал устройство электронной почты. Оно оказалось сломанным. Пластиковый экран треснул, питание не включалось. Я убрал его в карман. Затем нашел каблук и, сев на асфальт скрестив ноги, приладил его на место. Ходить стало проще. Мы подошли к воротам, отперли их, и я надел пиджак и плащ. Застегнулся на все пуговицы и поднял воротник. Затем я въехал на «кадиллаке» в ворота и поставил его у домика привратника. Ричард снова запер ворота. Я вошел в домик, поднял крышку ствольной коробки российского пулемета и достал ленту с патронами. Снял пулемет с цепей. Вышел с ним на пронизывающий ветер и положил пулемет наискось на заднее сиденье «кадиллака». Вернулся в домик, свернул ленту с патронами и убрал ее в коробку, а затем снял цепь с крючка под потолком и выкрутил сам крючок. Отнес коробку, цепь и крючок в багажник «кадиллака».

– Я могу чем-нибудь помочь? – предложила Элизабет.

– Там двадцать коробок с патронами, – сказал я. – Они будут нужны все.

– Ноги моей больше там не будет, – сказала она. – Ни за что на свете.

– В таком случае, полагаю, вы ничем не сможете мне помочь.

Я носил по две коробки, поэтому мне пришлось ходить за ними десять раз. Я до сих пор не согрелся, и все мое тело ныло от боли. Во рту по-прежнему ощущался привкус крови. Я уложил коробки в багажник и на пол перед задним, а также перед передним правым сиденьями. Затем сел за руль и повернул зеркало. У меня была рассечена губа, а десны кровоточили. Передние верхние зубы шатались. Это меня расстроило. Зубы мои всегда были кривыми, а с годами они к тому же и обкололись, но они появились у меня, когда мне было восемь лет, и я успел к ним привыкнуть. К тому же других у меня не было.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Элизабет.

Я пощупал затылок. Нашел шишку от удара об асфальт. На левом плече была серьезная ссадина. Грудь ныла, и дыхание причиняло боль. Но в

остальном все было в порядке. По сравнению с Поли я был в лучшей форме, а только это и имело значение. Я вставил большим пальцем резцы в десны.

– Как никогда прекрасно.

– У вас распухла губа.

– Как-нибудь переживу.

– Стоит отпраздновать вашу победу.

Я вышел из машины.

– Надо бы поговорить о том, как вывезти вас отсюда, – сказал я.

Элизабет промолчала. В домике привратника зазвонил телефон. Аппарат был древний, с настоящим звонком, звучавшим негромко и успокаивающе. Раздался один звонок, второй. Обогнув капот «кадиллака», я вошел в домик и снял трубку. Произнес имя Поли и через мгновение впервые за десять лет услышал голос Куина:

– Он еще не приехал?

Я ответил не сразу.

– Десять минут назад, – произнес я, прикрывая микрофон и стараясь изобразить в своем голосе беззаботное веселье.

– Он уже мертв? – спросил Куин.

– Пять минут назад.

– Хорошо, будь наготове. День обещает быть длинным.

«Это ты точно подметил», – подумал я. В трубке послышался щелчок. Положив ее, я вышел на улицу.

– Кто это был? – спросила Элизабет.

– Куин.

Впервые я услышал голос Куина десять лет назад, записанный на магнитофон. Коль вела прослушивание телефонных разговоров. Санкции у нее не было, но в те времена законы в армии были менее строгими, чем на гражданке. Сквозь прозрачный пластмассовый корпус кассеты были видны два маленьких мотка магнитной ленты. Коль достала магнитофон размером с коробку из-под обуви, вставила кассету и нажала клавишу. Мой кабинет наполнился голосом Куина. Куин разговаривал с офшорным банком, договариваясь о переводе денег. Его голос звучал совершенно спокойно. Куин говорил медленно и

раздельно, с тем самым безличным акцентом, который вырабатывается за долгие годы службы в армии. Он зачитал номера счетов, назвал пароли и отдал распоряжения относительно суммы в полмиллиона долларов. Большая часть этих денег должна была быть переведена на Багамы.

– Он отправляет наличные по почте, – сказала Коль. – На Каймановы острова.

– Это безопасно?

Она кивнула.

– Достаточно. Куин рискует только тем, что посылку могут украсть почтовые работники. Но адрес получателя – почтовое отделение, и посылка отправляется в категории «книги». А сейчас книги на почте не воруют. Так что Куин может быть спокоен.

– Полмиллиона долларов – это большие деньги.

– Речь идет об очень важном оружии.

– *Настолько* важном?

– А ты так не думаешь?

Я пожал плечами.

– По-моему, все равно это слишком дорого. За дротик для дартса?

Коль указала на магнитофон, обращая мое внимание на голос Куина, наполняющий помещение.

– Что ж, судя по всему, именно такую сумму ему готовы заплатить. Я хочу сказать, откуда еще у него могли взяться полмиллиона долларов? Определенно он не отложил их из своего жалованья.

– Когда ты совершишь первый шаг?

– Завтра. Ждать больше нельзя. Завтра Куин получит последние чертежи. По словам Горовского, они являются ключом ко всему.

– Как это пройдет?

– С сирийцем работает Фраскони. Он пометит деньги в присутствии судьи. Затем мы станем свидетелями обмена чемоданчиками. Сразу же откроем чемоданчик, который Куин передаст сирийцу, на глазах у того же самого судьи. Оформим надлежащим образом содержимое, то есть чертежи. Затем отправимся за Куином. Арестуем его и опечатаем чемоданчик, который ему передаст сириец. Потом вскроем чемоданчик в присутствии судьи. Обнаружим внутри помеченные купюры. Таким

образом, документально зафиксируем факт передачи чертежей в обмен на деньги. Куину будет крышка. Полная крышка.

– Непробиваемое дело, – согласился я. – Отличная работа.

– Спасибо.

– Фраскони не подведет?

– Без него не обойтись. Сама я не могу общаться с сирийцем. Эти восточные люди ведут себя с женщинами странно. Не могут к нам прикоснуться, посмотреть, иногда не могут даже говорить. Так что этим придется заняться Фраскони.

– Хочешь, я подержу его за руку?

– Его работа второстепенная, – сказала Коль. – Ничего существенного он испортить не сможет.

– Думаю, я все же подержу его за руку.

– Спасибо, – повторила она.

– И он пойдет с тобой осуществлять задержание.

Коль промолчала.

– Один на один я тебя отпустить не могу, – продолжал я. – И ты это понимаешь.

Она кивнула.

– Но я предупрежу Фраскони, что командовать будешь ты. И прослежу за тем, чтобы он это уяснил.

– Ладно, – сказала Коль.

Она остановила магнитофон. Голос Куина оборвался на полуслове. Это должно было быть слово «долларов», «двести тысяч долларов». Но осталось только «долл». Куин говорил веселым, жизнерадостным тоном, как человек в разгар игры по-крупному, уверенный в своем выигрыше. Коль достала кассету. Убрала ее в карман. Подмигнула мне и вышла из кабинета.

– Кто такой Куин? – десять лет спустя спросила меня Элизабет Бек.

– Фрэнк Ксавье, – ответил я. – Когда-то его фамилия была Куин. Его полное имя – Фрэнсис Ксавье Куин.

– Вы его знаете?

Я кивнул.

– Именно поэтому я здесь.

– Кто вы?

– Я тот, кто знал Фрэнка Ксавье еще тогда, когда его звали Фрэнсис Ксавье Куин.

– Вы работаете на правительство.

Я покачал головой.

– Это сугубо личное дело.

– Что будет с моим мужем?

– Понятия не имею. И если честно, мне все равно.

Вернувшись в маленький домик Поли, я запер переднюю дверь. Вышел на улицу и запер за собой заднюю дверь. Затем проверил запор на воротах. Он был прочным. Я прикинул, это должно будет задержать нападающих на минуту, может быть – на полторы. Неплохо. Я убрал ключ от замка в карман брюк.

– Теперь назад в особняк, – сказал я. – Боюсь, вам придется идти пешком.

Я повел «кадиллак» по дороге, обложенный со всех сторон коробками с патронами. В зеркале были видны Элизабет и Ричард, быстро идущие следом. Мать и сын не хотели уезжать в город, но им также не очень-то хотелось оставаться здесь одним. Остановившись у парадного входа, я сдал назад, чтобы легче было разгружаться. Открыв багажник, я достал крюк и цепь и бегом поднялся в комнату Дьюка. Его окно выходило как раз на дорогу. Идеальная огневая позиция. Достав из кармана плаща «беретту», я снял ее с предохранителя и выстрелил в потолок. Увидел в окно, как Элизабет и Ричард остановились как вкопанные, затем бросились бежать к дому. Возможно, решив, что я застрелил кухарку. Или себя. Встав на стул, я расковырял штукатурку вокруг пулевого отверстия и нашел деревянную балку. Тщательно прицелился и выстрелил еще раз, проделав в дереве аккуратное девятимиллиметровое отверстие. Вкрутил в него крючок, повесил цепь и своим весом проверил, крепко ли она держится.

Спустившись вниз, я открыл задние двери «кадиллака». К этому моменту подоспели Элизабет с Ричардом, и я приказал им носить наверх коробки с патронами. Сам я взял пулемет. Металлодетектор на входной двери завопил громко и возмущенно. Я отнес пулемет наверх. Повесил на цепь и вставил в ствольную коробку начало первой патронной ленты. Повернул ствол вбок и открыл нижнюю форточку окна. Высунул в нее

ствол и поводил им из стороны в сторону и вверх и вниз. Под огнем можно было держать всю гранитную стену и всю дорогу до самого круга. Ричард зачарованно следил за мной.

– Тащи коробки, – сказал я.

Затем я подошел к тумбочке и снял трубку внешнего телефона. Набрал номер Даффи в мотеле.

– Вы по-прежнему готовы помочь? – спросил я.

– Да, – ответила она.

– В таком случае вы все трое нужны мне в особняке Бека. Приезжайте как можно быстрее.

После этого оставалось только ждать, когда они приедут. Я стоял у окна, вжимая зубы в десны пальцем, и следил за дорогой. Ричард и Элизабет таскали тяжелые коробки с патронами. Я посмотрел на небо. Только-только наступил полдень, а было уже темно. Погода еще больше ухудшилась. Ветер усиливался. Североатлантическое побережье, конец апреля. Погода непредсказуемая. Элизабет Бек вошла в комнату и поставила очередную коробку. Выпрямилась, тяжело дыша.

– Что будет дальше? – спросила она.

– Трудно сказать.

– А для чего этот пулемет?

– Мера предосторожности.

– Против кого?

– Против людей Куина. У нас за спиной море. Возможно, придется остановить их на дороге.

– Вы собираетесь в них стрелять?

– Если возникнет необходимость.

– А что насчет моего мужа?

– А вам не все равно?

Она кивнула.

– Я буду стрелять и в него, – сказал я.

Элизабет молчала.

– Он преступник, – продолжал я. – Он должен принять решение.

– Законы, которые называют его преступником, являются неконституционными.

– Вы так думаете?

Она снова кивнула.

– Во Второй поправке[8] все сказано ясно.

– Обращайтесь в Верховный суд. Не приставайте с этим ко мне.

– Люди имеют право носить оружие.

– А наркоторговцы – нет, – возразил я. – И ни в какой поправке не говорится, что можно стрелять из автоматического оружия в людном месте. Использовать пули, которые рикошетом отскакивают от стен. И поражают случайных прохожих. Женщин и детей.

Элизабет молчала.

– Вам когда-нибудь приходилось видеть, как пуля попадает в маленького ребенка? Она не входит в тело, словно хирургическая игла. Она сокрушает все на своем пути. Раздирает ткани.

Она продолжала молчать.

– Никогда не говорите солдату, что оружие – это хорошо, – закончил я.

– Закон выражается ясно, – слабо возразила Элизабет.

– В таком случае вступайте в Национальную стрелковую ассоциацию. А мне хорошо и здесь, в реальном мире.

– Он мой муж.

– Вы сами сказали, что он заслуживает того, чтобы сесть в тюрьму.

– Да. Но он не заслуживает смерти.

– Вы так думаете?

– Он мой муж, – повторила Элизабет.

– Как он осуществляет поставки? – спросил я.

– По шоссе I-95. Вырезает середину у дешевых ковров и заворачивает в них оружие. Возит их в Бостон или в Нью-Хейвен. Там его встречают.

Я кивнул, вспоминая волокна, которые попадались мне повсюду.

– Он мой муж, – в третий раз сказала Элизабет.

Я опять кивнул.

– Если у него хватит ума не стоять рядом с Куином, возможно, все кончится для него хорошо.

– Обещайте, что для него все кончится хорошо. Тогда я уеду отсюда. Вместе с Ричардом.

– Этого я обещать не могу.

– Тогда мы остаемся.

Я ничего не сказал.

– Поймите, это партнерство никогда не было добровольным, – снова заговорила Элизабет. – Я имею в виду Ксавье. Вы должны это понять.

Подойдя к окну, она посмотрела вниз. Ричард вытаскивал из «кадиллака» последнюю коробку с патронами.

– Моего мужа вынудили.

– Да, я догадался.

– Ксавье похитил моего сына.

– Знаю.

Подойдя ко мне, Элизабет посмотрела мне в лицо.

– Что он вам сделал?

В этот день я еще дважды виделся с Коль, которая готовилась к окончанию операции. Она все делала абсолютно правильно. Действовала как игрок в шахматы. Ничего не предпринимала, не просчитав последствия на два хода вперед. Так, например, Коль предусмотрела, что судья, которого она пригласила в качестве свидетеля передачи документов, не сможет принять участие в предстоящем суде военного трибунала, поэтому выбрала того, которого терпеть не могли прокуроры. Впоследствии это должно будет устранить одну лишнюю проблему. Коль нашла фотографа, которому предстояло фиксировать все действия. Она определила, сколько времени займет дорога до особняка Куина в Виргинии. Папка, которую я когда-то ей дал, теперь разрослась до двух картонных коробок. Когда мы второй раз увиделись с Коль, она как раз их несла. Коробки лежали одна на другой, и у Коль от напряжения вздулись бицепсы.

– Как держится Горовский? – спросил я.

– Неважно. Но завтра все будет кончено.

– Ты станешь знаменитостью.

– Надеюсь, не стану. Это дело навсегда останется засекреченным.

– Ну тогда знаменитостью в засекреченном мире. Тоже достаточно многолюдном.

– Что ж, в таком случае, наверное, я должна просить о том, чтобы ты устроил мне служебную аттестацию. Например, послезавтра.

– А сегодня вечером предлагаю поужинать вместе, – сказал я. – Нам надо куда-нибудь выйти. Отметить завершение дела. Посетить лучшее место, какое только мы сможем найти. Плачу я.

– А я полагала, ты живешь на продовольственные талоны.

– Я откладывал специально для этого случая.

– Тогда, наверное, у тебя скопилась порядочная сумма. Дело было очень долгим.

– Ты ползла медленно, словно улитка. В этом твоя единственная проблема, Коль. Ты дотошная, но чересчур медлительная.

Улыбнувшись, Коль подняла коробки выше.

– Напрасно ты отказался от свидания, – сказала она. – Я бы показала тебе, как медленно может быть лучше, чем быстро.

Она унесла коробки, и через два часа мы встретились в ресторане в городе. Это было очень приличное место, поэтому я принял душ и надел свежую форму. Коль пришла в черном платье. В другом. Без горошка. Просто в черном и блестящем. Оно ей очень шло, хотя Коль и не нуждалась в дополнительной помощи. В этом платье она выглядела на восемнадцать.

– Замечательно, – усмехнулся я. – Все решат, что ты ужинаешь вместе со своим отцом.

– Ну разве что с дядей, – поправила Коль. – С младшим братом отца.

Это был один из тех моментов, когда еда была не главным. Я помню тот вечер во всех подробностях, но начисто забыл, что мы заказали. Наверное, бифштекс. А может быть, равиоли. Одним словом, что-то мы заказали. Определенно мы что-то ели. Мы много говорили о таких вещах, о которых не делишься с первым встречным. Я подошел вплотную к тому, чтобы предложить Коль снять номер на ночь. Но я этого не сделал. Выпив по бокалу вина, мы перешли на минералку. Не сговариваясь, решив сохранить на завтрашний день свежие головы. Я оплатил счет, и в полночь мы разъехались по домам, каждый к себе. Несмотря на поздний час, Коль была оживленной. Полной жизни и

энергии. Она буквально бурлила от возбуждения. Я долго стоял на улице, провожая взглядом ее машину.

– Кто-то едет к нам, – десять лет спустя сказала Элизабет Бек.

Выглянув в окно, я увидел вдалеке серый «таурус». Цвет машины сливался со скалами и пасмурной погодой, и поэтому я заметил ее не сразу. До нее было мили две. Она быстро вошла в поворот. Я определил, что это был «таурус» Виллануэвы. Велев Элизабет присматривать за Ричардом, я спустился вниз и вышел через черный вход. Достал из тайника ключи Энджела Долла. Положил их в карман плаща. Достал также «глок» Даффи и запасные обоймы. Я хотел вернуть их в целости и сохранности. Для меня это было очень важно. У Даффи и без этого хватит своих проблем. Положив «глок» и обоймы в карман, где лежала «беретта», я вернулся к крыльцу и сел в «кадиллак». Подъехал к воротам, вышел из машины и, спрятавшись, стал ждать. «Таурус» остановился перед воротами, и я разглядел за рулем Виллануэву, рядом с ним Даффи и Элиота на заднем сиденье. Выйдя на открытое место, я отпер ворота и распахнул створки. Виллануэва проехал вперед и остановился бампер к бамперу перед «кадиллаком». Открылись три двери, все трое вылезли из машины и вопросительно посмотрели на меня.

– Черт побери, что с тобой случилось? – спросил Виллануэва.

Я потрогал губу. Она распухла и болела.

– Наткнулся на ворота, – сказал я.

Виллануэва бросил взгляд на домик привратника.

– Или на привратника. Я прав?

– С тобой все в порядке? – озабоченно спросила Даффи.

– По сравнению с привратником – да.

– Зачем ты нас вызвал?

– Начинаем план Б, – сказал я. – Мы отправляемся в Портленд, но если нам не удастся быстро найти там все, что нужно, мы вернемся сюда и будем ждать. Так что двое из вас поедут со мной прямо сейчас, а один останется здесь оборонять крепость. – Обернувшись, я указал на особняк. – В центральном окне второго этажа установлен крупнокалиберный пулемет, из которого простреливаются все подходы. Мне нужно, чтобы один из вас остался при нем.

Добровольцев не оказалось. Я посмотрел на Вилльянуэву. Судя по возрасту, он попадал под призыв во время войны во Вьетнаме. Возможно, ему пришлось познакомиться с пулеметами.

– Терри, останешься ты, – сказал я.

– Только не я, – решительно возразил он. – Я еду с тобой вызволять Терезу.

Он произнес это тоном, не допускающим возражений.

– Хорошо, останусь я, – вызвался Элиот.

– Спасибо. Ты видел кино про Вьетнам? Видел пулеметчиков в люке вертолета? Вот этим ты и займешься. Если эти ребята приедут сюда, они не станут пытаться проехать через ворота. Они полезут через окно домика привратника. Так что будь готов окатить их из шланга.

– А если к тому времени стемнеет?

– Мы вернемся до наступления темноты.

– Хорошо. Кто находится в доме?

– Семья Бека. Они здесь случайные люди, но они отказались уехать. И еще кухарка.

– А что насчет самого Бека?

– Он вернется вместе с остальными. Если в суматохе ему удастся скрыться, я не буду сильно переживать. Но если он в суматохе получит пулю, я тоже не буду сильно переживать.

– Понял.

– Возможно, никто и не появится, – сказал я. – У наших ребят сейчас дел по горло. Так что это просто предосторожность.

– Понял, – повторил Элиот.

– Ты оставишь себе «кадиллак», – продолжал я. – Мы берем «таурус».

Сев в «форд», Вилльянуэва выехал задом и развернулся. Мы с Даффи вышли следом и заперли ворота снаружи, а ключ перебросили Элиоту.

– До встречи, – сказал я.

Элиот сел в «кадиллак» и поехал к особняку. Я сел в «таурус» вместе с Даффи и Вилльянуэвой. Даффи устроилась впереди. Я занял место сзади. Достав из кармана «глок» и запасные обоймы, я торжественно протянул их Даффи.

– Спасибо за одолжение, – сказал я.

Она убрала «глок» в кобуру под мышкой, а обоймы сунула в сумочку.

– Всегда пожалуйста.

– Сначала Тереза, – сказал Виллануэва. – Куин потом. Согласен?

– Согласен, – сказал я.

Он поехал на запад.

– Где будем искать?

– Предлагаю на выбор три места, – сказал я. – Склад, офис в центре города и деловой центр неподалеку от аэропорта. В офисе в центре города держать пленницу в выходные нельзя. А склад – чересчур оживленное место. Только что пришла крупная партия товара. Так что я отдаю свой голос за деловой центр.

– I-95 или магистраль номер один?

– Магистраль номер один, – сказал я.

Мы молча проехали пятнадцать миль в глубь материка, а затем повернули на север и направились в Портленд.

Глава 13

Субботний день близился к вечеру, поэтому в деловом центре было тихо. Вымытый дождем, он казался новым и свежим. Оцинкованное железо под серым небосводом блестело тусклым оловом. Мы проехались по лабиринту переулков со скоростью двадцать миль в час. Никого не увидели. Контора Куина была наглухо заперта. Когда мы проезжали мимо него, я повернул голову и снова прочитал вывеску: «КСавье эКСпорт». Слова были профессионально выгравированы на толстой пластине нержавеющей стали, однако в увеличенных буквах «КС» было что-то дилетантское.

– Почему его компания называется экспортной? – спросила Даффи. – Он ведь занимается импортом.

– Как будем заходить внутрь? – поинтересовался Виллануэва.

– Предлагаю разбить стекло, – ответил я.

Здания стояли задами друг к другу, а спереди перед каждым имелась аккуратная автостоянка. Повсюду между ними были лишь асфальт или новые газоны, обрамленные бетонными бордюрами. Нигде никаких заборчиков. Непосредственно за конторой Куина стояло здание с вывеской «Пол Кист и Крис Мейден. Доставка продуктов». Оно было

заперто. От него прекрасно просматривалась дверь запасного выхода из конторы Куина, стальной прямоугольник, выкрашенный тусклой красной краской.

– Поблизости никого нет, – сказала Даффи.

В задней стене конторы Куина рядом с красной дверью было окошко, закрытое матовым стеклом. Вероятно, окно туалета. Оно было забрано стальными прутьями.

– Охранная система есть? – спросил Вилленуэва.

– В таком новом месте? – сказал я. – Практически наверняка.

– Подключена к полиции?

– Сомневаюсь. Такой человек, как Куин, вряд ли допустил бы подобную глупость. Ему не нужны фараоны, которые будут заглядывать к нему в гости каждый раз, когда какие-нибудь подростки разобьют стекло.

– Значит, частная компания?

– Думаю, да. Или своя собственная служба безопасности.

– Как мы поступим?

– Действовать надо будет очень быстро. Проникнуть внутрь и выбраться до того, как кто-либо успеет среагировать. У нас будет минут пять, максимум десять.

– Один спереди и двое сзади?

– Попал в точку, – подтвердил я. – Ты идешь к главному входу.

Я попросил Вилленуэву открыть багажник, и мы с Даффи вышли из машины. Воздух был холодный и сырой, дул ветер. Достав из-под запасного колеса монтировку, я закрыл багажник, и Вилленуэва уехал. Мы с Даффи прошли вдоль здания компании, занимающейся доставкой продуктов, и пересекли узкий газон до окошка туалета в конторе Куина. Приложив ухо к холодному гофрированному железу, я прислушался. Ничего не услышал. Затем я изучил решетку на окне. Она была закреплена восемью болтами, по два с каждой стороны. Болты были вкручены в приваренные фланцы размером с четвертак. Головки болтов были размером с пятицентовую монетку. Я услышал, как скрипнула кожа кобуры: Даффи достала свой «глок». Я нащупал в кармане «беретту». Схватил двумя руками монтировку. Снова приложил ухо к стенке. Услышал, как с противоположной стороны здания остановилась машина Вилленуэвы. Металл разносил шум работающего двигателя. Я услышал, как открылась и закрылась дверь. Услышал шаги по асфальту.

– Будь готова, – сказал я.

Даффи встала у меня за спиной. Вилльянуэва начал громко стучать в переднюю дверь. Я поковырял монтировкой под решеткой рядом с одним из болтов. Проделал небольшое углубление в металле. Просунул в него боком монтировку и нажал. Болт держался. Судя по всему, он проходил через внешнюю стену до стальной рамы каркаса. Я просунул монтировку дальше и дернул еще раз, затем другой. Головка болта отломилась, и решетка чуть отошла от окна.

Всего мне пришлось ломать головки у шести болтов. Это заняло почти тридцать секунд. Вилльянуэва продолжал колотить в дверь. Никто не отвечал. Сломав шестой болт, я схватил решетку и повернул ее на девяносто градусов к стене, словно дверь. Два оставшихся болта протестующе заскрежетали. Взяв монтировку, я разбил матовое стекло. Просунул руку, нащупал запор и открыл окно. Достал «беретту» и пролез внутрь.

Я оказался в небольшой кабинке размером шесть на четыре фута. Здесь были унитаз, раковина и маленькое зеркало без рамы. Урна и полочка с туалетной бумагой и бумажными полотенцами. В углу ведро и швабра. На полу чистый линолеум. Сильный запах дезинфицирующих средств. Обернувшись, я оглядел окно. К подоконнику был прикручен маленький датчик сигнализации. Но в здании было тихо. Никакого воя сирен. Значит, сигнализация работала бесшумно. И сейчас где-то звонил телефон. Или на экране компьютера мигало тревожное сообщение.

Я вышел из туалета в коридор. Там было пустынно и темно. Повернувшись лицом к входной двери, я попятился назад до стены. Не оборачиваясь, пошарил и отпер дверь заднего входа. Услышал, как в коридор вошла Даффи.

Вероятно, она, учась на курсах, прошла шесть недель обязательной подготовки в Квантико и до сих пор помнила основы. Держа «глок» обеими руками, Даффи скользнула мимо меня и заняла позицию у двери, за которой, судя по всему, начинался коридор, ведущий в остальные части здания. Прислонившись плечом к косяку, она согнула руки в локтях, чтобы не мешать мне своим пистолетом. Шагнув вперед, я распахнул дверь ногой и, проскочив вперед, отпрыгнул влево, а Даффи, последовав за мной, прыгнула вправо. Мы оказались в другом коридоре. Он был узким. И шел через все здание, от задней стены до передней. От него отходили комнаты, налево и направо. Шесть комнат, по три с каждой стороны. Шесть дверей, и все закрытые.

– Вперед, – шепнул я. – К Вилльянуэве.

Прижимаясь друг к другу спинами, мы боком прошли к переднему входу, поочередно держа под прицелом двери. Они оставались

закрытыми. Я отпер замок и распахнул дверь. Виллануэва быстро шагнул внутрь и закрыл дверь за собой. В его узловатой руке был «Глок-17». Пистолет выглядел в ней на своем месте.

– Сигнализация? – шепотом спросил Виллануэва.

– Бесшумная, – ответил я.

– Значит, надо шевелиться быстро.

– Комната за комнатой, – шепнул я.

Меня не покидало неприятное чувство. Мы произвели столько шума, что, если в здании кто-то находился, он обязательно должен был нас услышать. И раз этот кто-то не выскочил опрометью на нас, значит, у него хватило ума сидеть тихо, сняв оружие с предохранителя и держа его нацеленным на дверь своей комнаты, на уровне груди. А центральный коридор был шириной всего фута три и не давал нам возможности маневра. Очень неприятное чувство. У всех дверей петли были слева, поэтому я поставил Даффи слева от себя, лицом к противоположным дверям. Я не хотел, чтобы мы все смотрели в одну сторону. Затем я поставил Виллануэву справа от себя. Его задачей было открывать двери пинком, одну за другой. Я занял место в центре. Мне предстояло заходить в комнаты первым.

Мы начали с первой комнаты слева. Виллануэва что есть силы ударил в дверь ногой. Замок сломался, косяк треснул, и дверь распахнулась. Я шагнул внутрь. Комната оказалась пустой. Квадратное помещение десять на десять футов, окно, стол и стеллаж с ящиками. Я вышел в коридор, и мы, каждый развернувшись, приступили к следующей комнате. Она также оказалась пустой, но в ней нас ждал приятный сюрприз. Внутренняя перегородка между этой и соседней комнатами отсутствовала. Помещение имело размер десять на двадцать футов. Две двери в коридор. Три стола. На них компьютеры и телефоны. В углу вешалка с женским плащом.

Мы прошли до конца коридора. Четвертая дверь. Третья комната. Виллануэва выбил дверь, я вынырнул из-за косяка. Пусто. Еще один квадрат десять на десять. Без окон. Стол, над ним большая пробковая доска с приколотыми записками. На полу восточный ковер.

Четыре позади. Впереди еще две. Мы выбрали комнату справа сзади. Виллануэва вышиб дверь. Я вошел. Никого. Десять на десять, выкрашенные белой краской стены, серый линолеум. Комната оказалась совершенно голой. В ней не было ничего. Кроме кровавых пятен. В комнате сделали уборку, но недостаточно чисто. На линолеуме были бурые разводы от половой тряпки. На стенах брызги. Часть пытались

оттереть. Другие вообще не трогали. Вдоль плинтусов шли темно-бурые полосы.

– Горничная, – сказал я.

Никто мне не ответил. Мы долго стояли в комнате, неподвижно, молча. Затем вышли в коридор, развернулись и направились к последней комнате. Вышибли дверь. Я вошел первый, держа пистолет наготове. И застыл на месте.

Это была тюрьма. И она была пустой.

Десять на десять. Белые стены, низкий потолок. Без окон. На полу серый линолеум. На линолеуме матрас. На матрасе смятая простыня. Десятки упаковок от продуктов. Пустые пластиковые бутылки из-под воды.

– Она была здесь, – сказала Даффи.

Я кивнул.

– То же самое, что было в подвале особняка.

Пройдя в комнату, я приподнял матрас. Под ним фамилия «Джастис», выведенная большими буквами пальцем. И сегодняшнее число, шесть цифр, день, месяц, год. Цифры бледнели слева направо, а затем снова становились четкими, после того как Тереза Даниэль обмакнула палец во что-то бурое.

– Она надеется, мы идем по ее следу, – сказал Виллануэва. – День за днем, место за местом. Умница!

– Это написано кровью? – спросила Даффи.

В воздухе пахло несвежей пищей и несвежей одеждой. А также страхом и отчаянием. Тереза слышала, как умирала горничная. Две тонкие двери не могли заглушить страшные крики.

– Надеюсь, это соус, – сказал я.

– Давно ее отсюда увезли?

Я заглянул в ближайшие упаковки из-под еды.

– Часа два назад.

– Проклятье!

– В таком случае пошли, – сказал Виллануэва. – Нам нужно ее найти.

– Дайте мне пять минут, – сказала Даффи. – Мне нужно найти что-нибудь такое, что можно будет передать БАТО. Все должно быть чисто.

– У нас нет пяти минут, – возразил Вилленуэва.

– Даю тебе две минуты, – сказал я. – Хватай все, что сможешь; разбираться будем потом.

Мы вышли из камеры, стараясь не смотреть на склеп напротив. Даффи направилась сразу в комнату с восточным ковром. «Разумное решение», – мысленно отметил я. Вероятно, это был кабинет самого Куина. Он был именно таким человеком, который застилает пол в своем кабинете ковром. Даффи схватила со стола толстую папку с надписью «Текущее» и сорвала с доски все записки.

– Живее! – поторопил ее Вилленуэва.

Мы вышли через переднюю дверь ровно через четыре минуты после того, как я разбил окно в туалете. Казалось, прошло уже четыре часа. Мы быстро забрались в серый «таурус» и уже через минуту были на магистрали номер один.

– Поезжай на север, – сказал я. – Нам нужен центр города.

Сначала мы молчали. Не смотрели друг на друга. Ничего не говорили.

Мы думали о горничной. Я снова сел назад, а Даффи спереди разложила на коленях бумаги Куина. Поток машин тащился через мост медленно. Сотни человек направлялись в центр города за покупками. Все ехали осторожно. Дорожное полотно было скользким от дождя и соленых брызг. Даффи перебирала бумаги, быстро пробегая их взглядом. Наконец она нарушила молчание. Это явилось огромным облегчением.

– Тут одни сплошные загадки, – сказала Даффи. – Только ББ и КК.

– «Большой базар» и «Ксавье экспорт», – сказал я.

– ББ занимается импортом, – продолжала Даффи, – а КК экспортом. Но несомненно, они связаны друг с другом. Это две половины одного дела.

– Мне все равно, – сказал я. – Мне нужен только Куин.

– И Тереза, – добавил Вилленуэва.

– Баланс за первый квартал, – сказала Даффи. – Если так будет идти и дальше, в этом году ребята заработают больше двадцати двух миллионов долларов. По-моему, для этого нужно очень много оружия.

– Четверть миллиона дешевых пистолетов, – заметил я. – Или всего четыре танка «абрамс».

– «Моссберг», – сказала Даффи. – Тебе знакомо это название?

– А что?

– КК только что получил от него партию товара.

– «О. Ф. Моссберг и сыновья», – сказал я. – Завод по производству охотничьих ружей. Расположен в Нью-Хейвене, штат Коннектикут.

– А что такое «Средство убеждения»?

– Марка ружья. «Моссберг М500», прозванное «Средством убеждения». Такое любит полиция.

– КК отправляет куда-то эти «Средства убеждения». Двести штук. Общая сумма по накладной шестьдесят тысяч долларов. На самом деле это бартер на что-то, полученное ББ.

– Импортно-экспортные операции, – заметил я. – Так все и делается.

– Но только суммы не сходятся, – продолжала Даффи. – Согласно накладным, ББ получает товар на семьдесят тысяч. То есть КК получает чистых десять тысяч прибыли.

– Магия капитализма, – усмехнулся я.

– Нет, подожди, вот еще бумага. Теперь все сходится. Двести «Средств убеждения» и подарок на десять тысяч долларов, чтобы быть в расчете.

– Какой подарок? – спросил я.

– Здесь не сказано. Что может стоить десять тысяч?

– Мне все равно, – повторил я.

Даффи снова зашуршала бумагами.

– Кист и Мейден. Где мы видели эти фамилии?

– На здании рядом с конторой Куина. Доставка продуктов.

– Он их нанял. Они должны привезти ему что-то. Сегодня.

– Куда?

– Не сказано.

– Что именно?

– Не сказано. Восемнадцать предметов по пятьдесят пять долларов каждый. Это «что-то» стоит почти тысячу долларов.

– Куда сейчас? – вмешался Виллануэва.

Свернув с моста, мы сделали петлю, поворачивая на север, а затем на запад. Парк остался слева от нас.

– Второй поворот направо, – сказал я.

Мы проехали прямо к подземной стоянке под миссией. В кабинке дежурил охранник в форме. Он без лишних вопросов пропустил нас. Затем Виллануэва показал ему значок УБН и приказал сидеть тихо и не высовываться. И никому не звонить. В гараже было тихо. На восьмидесяти с лишним местах стояло не больше дюжины машин. Но одной из них был серый «меркурий», который сегодня утром я видел перед складом Бека.

– Именно здесь я сделала фотографии, – сказала Даффи.

Проехав на стоянку, мы остановились в углу. Вышли из машины и поднялись на лифте в вестибюль. Унылый мрамор и указатель компаний, чьи офисы расположены в здании. «Ксавье экспорт» делила четвертый этаж с юридической конторой «Льюис, Стрэндж и Гревилл». Мы этому очень обрадовались. Значит, на этаже должен быть коридор. Мы не выйдем из лифта прямо в кабинет Куина.

Зайдя в кабину лифта, мы нажали на цифру «4». Повернулись лицом к дверям. Двери закрылись, и зажужжал мотор. Кабина остановилась на четвертом этаже. Послышались голоса. Зазвонил звонок. Двери открылись. В коридоре толпились адвокаты. Слева была дверь из красного дерева с латунной табличкой «Льюис, Стрэндж и Гревилл, юридические услуги». Дверь была открыта. Из нее только что вышли трое. Они остановились, ожидая, когда один из них запрет дверь. Двое мужчин и одна женщина. Все в официальной одежде. Все с чемоданчиками. Все очень довольные. Они обернулись и посмотрели на нас. Мы вышли из лифта. Адвокаты улыбнулись и кивнули, как здороваются с незнакомыми людьми в узких коридорах. А может быть, они решили, что мы пришли воспользоваться их профессиональными услугами. Улыбнувшись в ответ, Виллануэва кивнул на дверь офиса «Ксавье экспорт». «Мы не к вам, а сюда». Женщина первой прошла мимо нас в лифт. Ее коллеги, заперев офис, присоединились к ней. Двери лифта закрылись, и снова зажужжал мотор.

– Свидетели, – шепотом выругалась Даффи. – Черт!

Виллануэва указал на дверь «Ксавье экспорт».

– И там кто-то есть. Адвокаты нисколько не удивились, что мы заявились сюда в субботу, в такое время. Значит, они точно знают, что там кто-то есть. Возможно, они подумали, что нам была назначена встреча.

Я кивнул.

– Одна из машин, которые сейчас находятся на стоянке, сегодня утром была у склада Бека.

– Куин? – спросила Даффи.

– Очень на это надеюсь.

– Мы же договорились, сначала Тереза, – вмешался Вилलануэва. – Только потом Куин.

– Я меняю план, – сказал я. – Я никуда не ухожу, раз он может быть здесь. Такой шанс нельзя упускать.

– Но мы все равно не сможем туда войти, – возразила Даффи. – Нас увидят.

– Это вы не можете, – сказал я. – А я могу.

– Что, один?

– Я как раз так и хочу. Только он и я.

– Мы оставим следы.

– Тогда разворачивайтесь и уходите. Спуститесь в гараж и уезжайте. Охранник зарегистрирует ваш отъезд. Затем через пять минут позвоните в офис. Звонок тоже зарегистрируется. Этим вы докажете, что за время вашего присутствия здесь ничего не произошло.

– Ну а ты? Охранник скажет, что ты остался здесь.

– Сомневаюсь, – возразил я. – Не думаю, что он обратил на нас внимание. Вряд ли сосчитал по головам. Он просто записал номер машины.

Даффи промолчала.

– В любом случае, мне наплевать, – продолжал я. – Проследить меня очень трудно. И я собираюсь сделать так, чтобы это стало еще труднее.

Она посмотрела на дверь адвокатской конторы. Затем на офис «Ксавье экспорт». Потом на лифт. И наконец на меня.

– Ну хорошо, – сдалась Даффи. – Оставляем тебя здесь. Поверь, мне очень этого не хочется, но у меня нет выбора. Понимаешь?

– Абсолютно, – подтвердил я.

– Возможно, Тереза находится здесь, – шепнул Виллануэва.

Я кивнул.

– В этом случае я привезу ее к вам. Ждите меня в конце улицы. Через десять минут после звонка в офис.

Мгновение они еще мялись, затем Даффи нажала на кнопку вызова лифта. Из шахты донесся звук мотора.

– Будь осторожен, – произнесла на прощание Даффи.

Звякнул звонок, и двери открылись. Даффи и Виллануэва зашли в кабину. Бросив на меня взгляд, он ткнул кнопку, и двери закрылись, словно занавес в театре. Я прислонился к стене рядом с дверью в офис Куина, радуясь тому, что наконец мне предстояло действовать одному. Нащупав в кармане рукоятку «беретты», я стал ждать, представляя себе, как Даффи и Виллануэва выходят из лифта и идут в гараж. Садятся в машину и выезжают на улицу. Отмечаются у охранника. Заворачивают за угол и звонят в справочную. Узнают номер телефона офиса Куина. Развернувшись, я уставился на дверь. Представил за ней Куина, сидящего за столом, рядом с телефонным аппаратом. Я смотрел на дверь так, словно мог видеть сквозь нее.

Впервые я увидел Куина в день его задержания. Фраскони обработал сирийца по полной программе. С такими заданиями он справлялся прекрасно. Дать ему время, поставить перед ним четкую задачу – и о лучшем исполнителе не надо мечтать. Сириец принес с собой из посольства наличные, и мы сосчитали их в присутствии судьи. Всего оказалось пятьдесят тысяч долларов. Как мы предположили, последняя выплата. Мы пометили каждую купюру. Пометили даже чемоданчик. Написали бесцветным лаком для ногтей инициалы судьи у одной из петель. Судья зафиксировал все это в специальном протоколе, после чего Фраскони, выполнив свое дело, передал чемоданчик сирийцу и Коль, а я занял позицию для наблюдения. Фотограф уже стоял у окна на втором этаже в здании напротив кафе. Судья присоединился к нам через двадцать минут. Мы устроились в крытом грузовичке с однонаправленными зеркальными стеклами, стоящем на углу. Коль одолжила его у ФБР. Для полноты картины она пригласила трех морских пехотинцев, и те, в спецовках телефонной компании, копали рядом с грузовичком траншею.

Мы стали ждать. Все молчали. В кузове было душно. Погода снова стала теплой. Через сорок минут появился сириец. Он неторопливо шел по улице. Его предупредили, что с ним будет, если он попытается нас предать. Коль составила текст, Фраскони его зачитал. В нем были угрозы, которые мы вряд ли осуществили бы, но сириец этого не знал. На мой взгляд, у нас получилось очень убедительно, особенно на фоне того, что происходит с людьми в Сирии.

Сириец сел за столик на улице. В десяти футах от нас. Поставил чемоданчик под столик. Подошедший официант принял заказ. Вернулся через минуту с чашкой кофе. Сириец закурил сигарету. Выкурил ее до половины и смял в пепельнице.

– Сириец ждет, – тихо произнесла Коль.

Она захватила с собой диктофон, собираясь в качестве дополнительной улики составить в реальном времени аудиозапись происходящего. Коль была в парадной форме, готовая произвести задержание. Форма ей очень шла.

– Подтверждаю, сириец ждет, – сказал судья.

Допив кофе, сириец сделал жест официанту, прося повторить. Затем закурил новую сигарету.

– Он всегда курит так много? – спросил я.

– А что? – удивилась Коль.

– Вдруг он предупреждает Куина об опасности?

– Нет, он заядлый курильщик, – заверила Коль.

– Хорошо, но они наверняка договорились об условном сигнале отмены встречи.

– Сириец им не воспользуется. Фраскони запугал его что надо.

Мы стали ждать дальше. Сириец докурил вторую сигарету. Положил руки на стол. Забарабанил пальцами. Внешне все выглядело вполне убедительно. Человек кого-то ждал, а тот, кого он ждал, задерживался. Сириец закурил новую сигарету.

– Не нравится мне то, как он курит, – заметил я.

– Успокойся, он всегда такой, – сказала Коль.

– Заметно, что он нервничает. Это может спугнуть Куина.

– Не забывай, сириец с Ближнего Востока. Там такое пристрастие к табаку в порядке вещей.

Мы продолжали ждать. В кафе становилось все оживленнее.

Приближалось время обеда.

– Куин подходит, – вдруг сказала Коль.

– Подтверждаю, Куин подходит, – сказал судья.

Я увидел мужчину, аккуратного и ухоженного, около шести футов двух дюймов ростом и весом чуть меньше двухсот фунтов. Для своих сорока он выглядел молодо. Черные волосы на висках были тронуты проседью. На нем были синий костюм, белая рубашка и красный галстук. Куин ничем не отличался от прочих обитателей Вашингтона. Он шел быстро, но при этом его движения казались медлительными. Очень аккуратными. Он был в отличной спортивной форме. Наверняка занимается бегом. В руке у него был чемоданчик «Халлибертон». Полный близнец чемоданчика сирийца. На солнце блестящий металл приобрел золотистый оттенок.

Положив сигарету в пепельницу, сириец махнул рукой. Он заметно нервничал, но я решил, что это в порядке вещей. В конце концов, шпионаж в столице главного врага – это не шутка. Заметив сирийца, Куин направился к столику. Сириец поднялся, и они пожали друг другу руки. Я улыбнулся. Все было просчитано до мелочей. Для деловых кварталов Вашингтона этот жест настолько обычный, что его никто не замечает. Американец в костюме пожимает руку иностранцу через столик с чашкой кофе и пепельницей. Затем оба сели. Куин поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее, и поставил свой чемоданчик вплотную к тому, что уже был под столиком. Если не приглядываться внимательно, два чемоданчика казались одним, только вдвое толще.

– Чемоданчики стоят рядом, – сказала Коль в микрофон.

– Подтверждаю, чемоданчики стоят рядом, – сказал судья.

Вернулся официант со второй чашечкой для сирийца. Куин сделал заказ, и официант снова ушел. Куин улыбнулся. В его улыбке сквозило полное самообладание. Полное самодовольство. Сириец что-то ему сказал. Он играл свою роль. Он думал, что спасает свою жизнь. Куин выгнул шею, провожая взглядом официанта. Сириец поднял из пепельницы недокуренную сигарету, затянулся и, отвернувшись, выпустил дым в нашу сторону. Затем снова положил сигарету в пепельницу. Вернулся официант с заказом Куина. Большая чашка. Вероятно, кофе с молоком. Сириец потягивал черный кофе. Куин пил кофе с молоком. Оба молчали.

– Они нервничают, – заметила Коль.

– Они в восторженном возбуждении, – поправил я. – Дело почти завершено. Это последняя встреча. Впереди финишная ленточка. Для обоих. Они хотят поскорее со всем покончить.

– Следите за чемоданчиками, – сказала Коль.

– Слежу, – подтвердил судья.

Куин поставил чашку на блюдце. Отодвинул стул. Протянул руку вниз. Поднял чемоданчик сирийца.

– Куин взял чемоданчик сирийца, – сказал судья.

Куин встал. Сказал что-то на прощание, развернулся и пошел прочь. Пружинистой походкой. Мы провожали его взглядом до тех пор, пока он не скрылся из виду. Сирийцу пришлось платить по счету. Расплатившись, он встал и направился в противоположную сторону. Появившийся из двери соседнего здания Фраскони схватил его за руку и повел назад к нам. Коль открыла заднюю дверь грузовика, и Фраскони втолкнул сирийца в кузов. Впятером нам стало тесно.

– Открывайте чемоданчик, – распорядился судья.

Вблизи выяснилось, что сириец нервничает значительно сильнее, чем казалось в бинокль. Он весь вспотел, и от него плохо пахло. Положив чемоданчик на пол, сириец присел на корточки. Обвел нас взглядом, щелкнул замками и поднял крышку.

Внутри было пусто.

В офисе компании «Ксавье экспорт» зазвонил телефон. За толстой, массивной дверью звук показался глухим и отдаленным. Но это был телефон, и он звонил ровно через пять минут после того, как Даффи и Виллануэва должны были покинуть гараж. После второго звонка трубку сняли. Слов я не услышал. Наверняка Даффи придумала что-нибудь насчет неверно набранного номера. И постаралась затянуть разговор настолько, чтобы он был зарегистрирован. Я выждал минуту. При ошибке номером разговор не может длиться больше шестидесяти секунд.

Достав из кармана «беретту», я открыл дверь на себя. Шагнул в просторную приемную. Темное дерево и ковер. Налево дверь в кабинет, закрытая. Направо дверь в кабинет, закрытая. Прямо передо мной письменный стол, а за ним человек, вешавший трубку. Не Куин. Это была женщина. Лет тридцати. Светловолосая. Голубоглазая. Перед ней черная табличка на деревянной подставке. С надписью «Эмили Смит». У стены вешалка. На ней плащ. И черное вечернее платье, на плечиках, в пакете. Пошарив за спиной левой рукой, я нащупал дверь в коридор и закрыл ее, глядя в глаза Эмили Смит. Та изумленно таращилась на меня. Не отрывая взгляда. Не бросая его влево или вправо на двери кабинетов. Так что, похоже, Эмили Смит была здесь одна. И ее взгляд не метнулся к сумочке или ящику стола. Так что, похоже, она была безоружна.

– Вы должны быть мертвы, – сказала она.

– Вот как?

Эмили Смит растерянно кивнула, не в силах поверить своим глазам.

– Вы Ричер, – продолжала она. – Поли сказал, что расправился с вами.

Я кивнул.

– Хорошо, я призрак. Не надо трогать телефон. Шагнув вперед, я посмотрел на стол. Оружия на нем не было. Телефонный аппарат представлял собой коммутатор со множеством кнопок. Перегнувшись через стол, я левой рукой выдернул провод из розетки.

– Встаньте, – приказал я.

Эмили Смит встала. Отодвинула кресло назад и выпрямилась.

– Давайте заглянем в другие комнаты, – сказал я.

– Там никого нет, – сказала она.

В ее голосе прозвучал страх, так что, вероятно, она говорила правду.

– Все равно давайте проверим.

Эмили Смит вышла из-за стола. Она была на фут ниже меня ростом. На ней были темная юбка и темная рубашка. На ногах модельные туфли, которые позже подойдут к вечернему платью. Приставив дуло «беретты» к ее спине, я схватил ее за шиворот и подтолкнул вперед. Она оказалась маленькой и хрупкой. Ее волосы рассыпались по моей руке. От них исходил приятный аромат. Сначала мы заглянули в левый кабинет. Эмили Смит открыла дверь, я втолкнул ее внутрь и шагнул в сторону, освобождая дверной проем. Мне не хотелось, чтобы мне выстрелили в спину из противоположного конца приемной.

Это оказался обычный кабинет приличных размеров. Внутри никого. Письменный стол, восточный ковер на полу. Туалетная комната. Крошечная кабинка с унитазом и раковиной. В ней никого. Тогда я развернул Эмили Смит, вытолкнул ее в приемную и подошел к правому кабинету. Такое же оформление внутри. Такой же ковер, такой же стол. Кабинет был пуст. Никого. Туалетной комнаты не было. Крепко держа Эмили Смит за ворот, я вывел ее назад в приемную. Поставил рядом с ее столом.

– Здесь никого нет, – сказал я.

– Я же вам говорила.

– В таком случае где все?

Эмили Смит ничего не ответила. Я почувствовал, как она напряглась, готовясь к тому, чтобы не отвечать мне любой ценой.

– Уточняю: где Тереза Даниэль? – спросил я. Молчание.

– Где Ксавье?

Молчание.

– Откуда вам известна моя фамилия?

– Бек сказал Ксавье. Попросил у него разрешения взять вас к себе на работу.

– Ксавье меня проверял?

– Насколько мог.

– И дал Беку добро?

– Судя по всему.

– В таком случае почему сегодня утром он натравил на меня Поли?

Эмили Смит снова напряглась.

– Ситуация изменилась.

– Сегодня утром? Каким образом?

– Он получил новую информацию.

– Какую информацию?

– Я точно не знаю. Что-то насчет машины.

«Сааб»? Исчезнувшие записи горничной?

– Он сопоставил некоторые факты, – продолжала Эмили Смит. – Теперь ему известно о вас все.

– Это лишь оборот речи, – возразил я. – Все обо мне не знает никто.

– Ему известно, что вы были связаны с БАТО.

– Как я уже сказал, на самом деле никто ничего не знает.

– Ему известно, чем вы здесь занимались.

– Вот как? А вам?

– Мне он ничего не сказал.

– А какова тут ваша роль?

– Я веду его дела.

Крепче схватив левой рукой Эмили Смит за шиворот, я почесал дулом «беретты» ссадину, набухающую на щеке. Подумал об Энджеле Долле, о Джоне Чапмене Дьюке, о двух телохранителях, чьих имен я так и не узнал, и о Поли. Пришел к выводу, что в макрокосмических масштабах мне ничего не стоит добавить к этому списку Эмили Смит. Я приставил дуло ей к виску. Донесся гул самолета, взлетающего из аэропорта. Он с ревом пролетел по небу меньше чем в миле от нас. Я решил дождаться следующего и нажать на спусковой крючок. Никто ничего не услышит. А Эмили Смит, вероятно, заслужила это.

А может быть, и не заслужила.

– Где он? – спросил я.

– Не знаю.

– Вам известно, что он сделал десять лет назад?

«Жизнь или смерть, Эмили». Если ей известно, она скажет об этом. Из тщеславия, чтобы придать себе важности. Не сможет промолчать. Но если ей это известно, она заслуживает смерти. Знать и работать на этого человека – тут приговор может быть только один.

– Нет, он мне ничего не рассказывал, – сказала Эмили Смит. – А десять лет назад я его еще не знала.

– Точно?

– Да.

Я ей поверил.

– Вам известно, что произошло с горничной Бека? – продолжал я.

Человек искренний тоже может ответить «нет», но обычно он сначала задумывается. А потом добавляет что-нибудь вроде «извините». Возможно, в свою очередь задает какие-то вопросы. Такова человеческая природа.

– С кем? – переспросила она. – Нет, а что?

Я выдохнул.

– Ладно.

Убрав «беретту» в карман, я отпустил воротник Эмили Смит, развернул ее к себе спиной и схватил оба запястья в левую руку. Правой оторвал телефонный шнур. Затолкнул ее в левый кабинет и запихнул в туалетную комнату.

– Адвокаты из соседней конторы уже ушли домой, – сказал я. – До утра понедельника в здании никого не будет.

Так что можете кричать сколько вам вздумается – вас все равно никто не услышит.

Я закрыл дверь. Привязал телефонный шнур к ручке. Распахнул до конца дверь в кабинет и привязал к ее ручке второй конец шнура. Эмили Смит может дергать за дверь туалетной комнаты хоть все выходные – это ей ничего не даст. Разорвать телефонный шнур не по силам даже Поли. Я решил, Эмили Смит сдастся после первого часа и остальное время будет сидеть спокойно, пить воду из-под крана, пользоваться унитазом и стараться хоть как-нибудь скоротать время.

Я уселся за ее стол в надежде, что у секретарши, ведущей дела, должны найтись любопытные бумаги. Но я ошибался. Самым интересным, что я смог найти, была копия заказа компании «Кист и Мейден», занимающейся доставкой продуктов. «18 по 55 долларов». Внизу приписка карандашом, женской рукой. Возможно, рукой Эмили Смит. «Баранина, не свинина!» Крутанувшись в кресле, я посмотрел на вечернее платье на вешалке. Затем развернулся назад и взглянул на часы. Мои десять минут подходили к концу.

Спустившись на лифте в гараж, я вышел через дверь пожарного выхода. Охранник меня не увидел. Обойдя квартал, я подошел к Даффи и Виллануэве сзади. Их машина стояла на углу, они сидели спереди, глядя прямо перед собой. Наверное, ожидали, что из здания к ним выйдут двое. Открыв дверь, я плюхнулся на заднее сиденье, и они разом обернулись. Разочарованно нахмурились. Я покачал головой.

– Ни ее, ни его.

– На звонок ответили, – сказала Даффи.

– Некая Эмили Смит, – объяснил я. – Секретарша. Она мне ничего не сказала.

– Что ты с ней сделал?

– Запер в туалете. До понедельника она выведена из игры.

– Надо было бы допросить ее с пристрастием, – сказал Виллануэва. – Вырвать ей ногти.

– Это не мой стиль, – возразил я. – Но если хочешь, валяй. Можешь сам этим заняться. Она все еще там. И никуда не денется.

Он грустно покачал головой.

– Что будем делать дальше? – спросила Даффи.

– Что будем делать дальше? – спросила Коль.

Мы сидели в кузове грузовичка: Коль, судья и я. Фраскони увез сирийца. Мы с Коль напряженно думали, а судья готовился умыть руки.

– Я присутствовал только для того, чтобы наблюдать, – заявил он. – Не могу ничего вам посоветовать. Это было бы нарушением закона. И если честно, мне все равно нечего вам сказать.

Бросив на нас презрительный взгляд, судья вылез из кузова и просто ушел прочь, ни разу не оглянувшись. Наверное, это расплата за то, чтобы приглашать крючкотвора юриста в качестве наблюдателя. *Непредвиденные последствия*.

– Я хочу знать, что произошло? – спросила Коль. – Чему именно мы стали свидетелями?

– Возможных ответов только два, – сказал я. – Во-первых, Куин просто обманул сирийца. Классический трюк, рассчитанный на доверие. Человек выдает по капельке второстепенную информацию, а заключительную, самую важную часть придерживает. Во-вторых, Куин выполнял официальное задание своего ведомства. Доказывал, что через Горовского может происходить утечка информации, доказывал, что сирийцы готовы заплатить за эти чертежи большие деньги.

– Куин похитил дочь Горовского, – возразила Коль. – Не может быть, чтобы у него была на это официальная санкция.

– Бывали вещи и похуже, – заметил я.

– Полагаю, он надул сирийца.

Я кивнул.

– Согласен с тобой. Он его просто обобрал.

– Так что же нам делать?

– Ничего. Потому что если мы обвиним Куина в том, что он обманывал сирийца в целях личного обогащения, тот не задумываясь скажет: «Нет, ничего подобного не было, я проводил специальную операцию. Не верите – предлагаю доказать обратное». А затем в не слишком вежливой форме посоветует нам не совать нос в дела разведки.

Коль молчала.

– И знаешь еще что? – добавил я. – Даже если Куин действительно надул сирийца, я не знаю, какие ему можно будет предъявить

обвинения. Разве устав запрещает брать у идиотов иностранцев деньги в обмен на чемоданчики с чистым воздухом?

– Не знаю.

– И я не знаю.

– В любом случае сирийцы будут взбешены, – сказала Коль. – Разве не так? Они заплатили ему полмиллиона долларов. Они должны будут как-то отреагировать. Задета их честь. Даже если Куин выполнял официальное задание, он шел на слишком большой риск. С ним обязательно попытаются расквитаться. А Куин не может просто взять и исчезнуть. Он должен оставаться на своем месте. Для сирийцев он будет неподвижной мишенью.

Помолчав, я взглянул на нее.

– Если Куин не собирается никуда исчезать, почему он переводит деньги?

Коль промолчала. Я сверился с часами. *Не то, а это.* А возможно, в кои-то веки раз *и то и это.*

– Полмиллиона – это очень большие деньги, – сказал я.

– Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, дело того не стоит. Вскоре будет выпущен опытный образец. Затем установочная партия. В течение считанных месяцев появится не менее сотни готовых устройств. Тысяч за десять долларов можно будет купить одно из них целиком. У какого-нибудь нечистого на руку капрала. Может быть, даже просто украсть, бесплатно. А затем восстановить технологические процессы.

– Хорошо, сирийцы отвратительные торговцы, – сказала Коль. – Но мы же слышали запись разговора Куина с банком. Он переводит полмиллиона долларов.

Я снова посмотрел на часы.

– Согласен. Это неоспоримый факт.

– И?

– Все равно сумма очень большая. Сирийцы не настолько глупы. Никто не заплатит полмиллиона долларов за дротик для дартса.

– Но ведь они же заплатили. Ты сам только что назвал это неоспоримым фактом.

– Нет, – возразил я. – Нам известно, что Куин перевел в банк полмиллиона. Это факт. Но из этого вовсе не следует, что эти полмиллиона ему заплатили сирийцы. Это были лишь наши предположения.

– Что?

– Куин является специалистом по Ближнему Востоку. Он умный парень, и он плохой парень. Думаю, вы слишком рано прекратили слежку.

– За кем?

– За Куином. Куда он пошел, с кем встретился. Сколько на Ближнем Востоке сомнительных политических режимов? Минимум четыре или пять. Предположим, он вел переговоры параллельно с двумя или тремя из них. Или даже со всеми сразу, убеждая каждого в том, что других нет. Это объяснило бы, как Куину удалось получить полмиллиона долларов за то, за что никто по отдельности такие деньги не выложит.

– И он собирается обмануть *всех?*

Я снова взглянул на часы.

– Возможно. А может быть, с кем-то одним он ведет игру по-честному. Возможно, с этого все и началось. Куин с самого начала собирался вести честную игру с одним избранным клиентом. Но не смог добиться от него желаемой суммы. Тогда он решил собрать урожай многократно.

– Я должна была следить за Куином и дальше, – сказала Коль. – Не ограничиваться одним сирийцем.

– Вероятно, Куин ходит по устоявшемуся маршруту, – сказал я. – Устраивает одну за другой встречи с разными людьми. Обходит их, как почтальон, черт побери.

Коль тоже посмотрела на часы.

– Значит, сейчас Куин отвозит деньги сирийца домой.

Я кивнул.

– А затем он сразу же поедет на следующую встречу. Так что хватай Фраскони и продолжай наблюдение. Найдите Куина по дороге обратно в город. Хватайте каждого, с кем он обменяется чемоданчиком. Возможно, дело кончится тем, что ты лишь соберешь кучу пустых чемоданчиков, но, возможно, один из них окажется не пустым, и в этом случае мы снова примемся за работу.

Коль окинула взглядом кузов грузовичка. Посмотрела на диктофон.

– Забудь об этом, – сказал я. – Времени на премудрости нет. Остаетесь только вы с Фраскони.

– Склад, – сказал я. – Надо проверить склад.

– Нам понадобится подкрепление, – сказала Даффи. – Там соберутся все.

– Надеюсь.

– Слишком опасно. Нас всего трое.

– На самом деле, я полагаю, сейчас все направляются в другое место. Возможно, они уже уехали.

– Куда?

– Об этом после. Давайте идти шаг за шагом.

Виллануэва тронулся вперед.

– Подожди, – окликнул его я. – Следующий поворот направо. Сначала я хочу проверить еще кое-что.

Повернув направо, мы проехали два квартала, снова повернули и наконец оказались на стоянке, где я оставил Энджела Долла в багажнике его собственной машины. Виллануэва остановился у пожарного гидранта, и я вышел из машины. Дошел пешком до въезда и дал глазам привыкнуть к полумраку. Прошел к тому месту, где оставил машину. Оно было занято. Но там стоял не черный «линкольн» Энджела Долла. Это была «субару»-универсал цвета серебристый металлик. На заднем стекле наклейка со звездно-полосатым флагом. Машина патриота. Но не настолько патриота, чтобы покупать американские автомобили.

Я заглянул в два соседних отделения, чтобы убедиться наверняка, хотя у меня и так не оставалось никаких сомнений. Не «сааб», а «линкольн». Не пропавшие записи горничной, а остановившееся сердце Энджела Долла. Никто не знает ни о ком все. Но теперь Куину было уже известно обо мне многое, и я был не в восторге от этого. Я вернулся тем же путем, что и пришел. Поднялся по пандусу и вышел на улицу. Небо было затянуто тучами, вокруг нависали мрачные здания, и все же мне показалось, будто меня осветил луч прожектора. Я молча скользнул в «таурус» и закрыл дверь.

– Ну? – спросила Даффи.

Я молчал. Она развернулась ко мне лицом.

– Ну?

– Надо срочно вызволять Элиота, – сказал я.

– Почему?

– Они нашли Энджела Долла.

– Кто?

– Люди Куина.

– Как?

– Не знаю.

– Ты уверен? А может быть, это портлендская полиция обратила внимание на подозрительную машину?

Я покачал головой.

– Полиция первым делом открыла бы багажник. Так что весь гараж был бы оцеплен как место преступления. И там толпились бы десятки полицейских.

Даффи промолчала.

– Все вышло из-под контроля. Так что звони Элиоту. На сотовый. Прикажи ему убираться оттуда. Пусть заберет с собой Беков и кухарку. В «кадиллаке». Если понадобится, пусть ведет под дулом пистолета. Прикажи ему найти другой мотель и затаиться там.

Порывшись в сумочке, Даффи достала телефон. Нажала кнопку быстрого набора номера. Стала ждать. Я мысленно засек время. Один звонок. Два звонка. Три звонка. Четыре звонка. Даффи обеспокоенно взглянула на меня. Наконец Элиот ответил. Выдохнув, Даффи выдала ему инструкции, быстро, громко и четко. Затем окончила связь.

– Все в порядке? – спросил я.

Она кивнула.

– Похоже, он очень обрадовался.

Я кивнул в ответ. Еще бы. Мало радости стоять согнувшись за крупнокалиберным пулеметом, спиной к морю, вглядываясь в однообразный серый ландшафт, не зная, чего ожидать и когда.

– В таком случае поехали, – сказал я. – На склад.

Вилллануэва тронулся вперед. Дорогу он знал. Ему уже дважды приходилось следить за складом вместе с Элиотом. Два долгих дня.

Проехав через город на юго-восток, он приблизился к району порта с северо-запада. Все сидели молча. Никто не говорил. Я пытался определить размеры неприятности. Они были огромными. Случилась настоящая катастрофа. Но она также принесла избавление. Все прояснила. Необходимость притворяться отпала. Обман рассеялся. Теперь я был для них врагом. А они были врагами для меня. Все ясно и просто. Я облегченно вздохнул.

Виллануэва знал свое дело. Он объехал вокруг склада, оставаясь в трех кварталах. Мы осмотрели его со всех четырех сторон. Правда, только мельком, через переулки и промежутки между зданиями. Ни одной машины рядом. Ворота наглухо закрыты. В окнах нет света.

– Где же они? – удивилась Даффи. – Кажется, выходные обещали быть напряженными.

– Это действительно так, – подтвердил я. – Выходные очень напряженные. И на мой взгляд, то, что они делают, совершенно логично.

– А что они делают?

– Об этом потом, – сказал я. – Сначала посмотрим на «Средства убеждения». И на то, что получено взамен их.

Виллануэва поставил «таурус» за два строения к северу и востоку от склада, у двери с надписью «Брайанс. Импорт качественной таксидермии». Он запер машину, и мы прошли на юг и на запад, а затем обошли склад Бека со стороны глухой стены, не имевшей окон. Дверь в контору была заперта. Посмотрев в окно, я никого не увидел. Мы обогнули здание и заглянули в офис. Там тоже никого. Подошли к некрашеной серой двери и остановились. Дверь была заперта.

– Как мы попадем внутрь? – спросил Виллануэва.

– С помощью вот этого, – ответил я.

Достав ключи Энджела Долла, я отпер замок. Открыл дверь. Запищала сигнализация. Пройдя внутрь, я порылся в бумажках, закрепленных на доске, нашел код и ввел его в систему. Красный огонек сменился зеленым, писк прекратился, и в здании воцарилась тишина.

– Здесь никого нет, – сказала Даффи. – У нас нет времени на то, чтобы заниматься исследованиями. Нам нужно найти Терезу.

Но я уже почувствовал запах оружейной смазки. Он висел в воздухе, перекрывая запах свежей шерсти ковров.

– Пять минут, – сказал я. – А потом БАТО наградит тебя медалью.

– Тебя нужно наградить медалью, – сказала Доминик Коль.

Она позвонила мне из телефона-автомата в университетском студенческом городке.

– Вот как?

– Куин у нас в руках. Мы можем пришить ему дело гвоздями. Он влип по уши.

– Так кому он отдал предпочтение?

– Иракцам. Ты можешь в это поверить?

– Что ж, это разумно. Они получили по заднице и хотят быть готовыми к следующему разу.

– Вот и говори после этого о дерзости.

– Как все прошло?

– Так же, как и в предыдущий раз. Но только чемоданчики были от «Самсонита», а не от «Халлибертона». У иранца и ливанца мы отобрали пустые. Зато у иракца был полный комплект. Все чертежи.

– Ты уверена?

– Абсолютно, – подтвердила Коль. – Я связалась с Горовским, и он определил чертежи по идентификационному номеру в углу.

– Кто был свидетелем передачи?

– Мы оба. Я и Фраскони. А также несколько студентов и персонал. Передача чертежей состоялась в университетском кафе.

– Какой персонал?

– Мы пригласили профессора с кафедры юриспруденции.

– Что он видел?

– Все. Но только сам процесс обмена чемоданчиками он под присягой не подтвердит. Наши друзья действовали очень ловко. Чемоданчики были абсолютно одинаковые. Этого достаточно?

Вопросы, об ответах на которые я жалею до сих пор. Возможно, Куин будет утверждать, что иракец уже получил чертежи из неизвестного источника. Возможно, он будет настаивать, что тот просто любил носить их с собой. Отрицать сам факт обмена. Но затем я подумал о сирийце, ливанце, иранце. О деньгах на счету Куина. Жертвы обмана должны быть очень злы на него. Возможно, они согласятся дать показания на

закрытом процессе. Если государственный департамент предложит им какую-либо компенсацию. Кроме того, на чемоданчике иракца должны быть отпечатки пальцев Куина. На встречу он пришел без перчаток. Это было бы слишком подозрительно. Одним словом, я решил, что материала у нас достаточно. Мы имели факт перевода необъяснимых денег на счет Куина, мы имели совершенно секретные чертежи, попавшие в руки иракского разведчика, два сотрудника военной полиции и профессор юриспруденции видели, как они там оказались, и на рукоятке чемоданчика должны были быть отпечатки пальцев.

– Улик полно, – сказал я. – Отправляйся арестовывать этого типа.

– Куда идти? – спросила Даффи.

– Я покажу, – ответил я.

Я прошел через в офис в кабинет. Оттуда в кабинку на складе. Компьютер Энджела Долла по-прежнему стоял на столе. Из стула все так же сыпалась обивка. Отыскав нужный выключатель, я зажег свет на складе. Через стеклянную стену было видно все помещение. Там по-прежнему стояли ряды свернутых ковров. И погрузчик. Но в центре высились пять стопок уложенных друг на друга ящиков, разделенных на две группы. Дальше от ворот три стопки видавших виды деревянных ящиков с надписями, выведенными незнакомыми буквами, в основном кириллицей, поверх которой шла справа налево арабская вязь. Я предположил, это была импортная поставка, полученная «Большим базаром». У самых ворот стояли две стопки аккуратных ящиков, подписанных по-английски: «Моссберг. Коннектикут». А это, судя по всему, была предназначенная к отправке партия товара компании «Ксавье экспорт». Импорт-экспорт, бартер в чистом виде. «Честный обмен не является воровством», – как сказал бы Леон Гарбер.

– Партия не такая уж большая, да? – спросила Даффи. – Я хочу сказать, всего пять стопок ящиков. И это на сто сорок тысяч долларов? Мне казалось, на эти деньги можно купить много чего.

– Я считаю, партия крупная, – возразил я. – Не столько в количественном отношении, сколько в качественном.

– Давайте взглянем, – предложил Виллануэва.

Пройдя на склад, мы с ним опустили на пол верхний ящик «Моссберга». Ящик оказался тяжелым. От моей левой руки по-прежнему было мало толку. И у меня все еще болела грудь. По сравнению с этим разбитая губа казалась пустяком.

Виллануэва нашел на верстаке молоток с гвоздодером. Выдернул с его помощью гвозди из крышки ящика. Поднял крышку и положил ее на пол. Ящик был заполнен пенопластовыми шариками. Погрузив в них

руку, я вытащил ружье, завернутое в промасленную бумагу. Разорвал бумагу. Это была модель M500, «Средство убеждения». Без приклада. Только пистолетная рукоятка. Двенадцатый калибр, ствол длиной восемнадцать с половиной дюймов, трехдюймовый патронник, магазин на шесть патронов, вороненая сталь, ложе из черной пластмассы, без прицела. Я передернул затвор. Он скользнул легко, словно шелк по коже. Я нажал на спусковой крючок. Курок щелкнул, словно затвор дорогого фотоаппарата.

– Патронов нигде нет? – спросил я.

– Вот они, – откликнулся Виллануэва.

У него в руках была коробка патронов «Бреннеке». На полу лежала открытая упаковка с десятками таких же коробок. Разорвав две коробки, я вставил шесть патронов в магазин, передернул затвор, досылая один из них в ствол, и вставил седьмой патрон. Затем поставил ружье на предохранитель, поскольку «Бреннеке» заряжены не мелкой дробью. Тяжелая пуля в латунной оболочке весом в целую унцию вылетит из ствола «Средства убеждения» со скоростью почти тысяча сто миль в час. Она пробьет в стене из шлакоблоков дыру, в которую может пролезть взрослый человек. Положив ружье на стол, я достал из ящика другое и развернул его. Зарядил, поставил на предохранитель и положил рядом с первым. Перехватил недоуменный взгляд Даффи.

– Именно для этого они и предназначены, – объяснил я. – От незаряженного оружия нет никакого толку.

Убрав пустые коробки из-под патронов в упаковку, я закрыл крышку. Виллануэва разглядывал ящики «Большого базара», сверяясь с какими-то бумагами.

– Как по-вашему, это похоже на ковры? – спросил он.

– Не совсем, – сказал я.

– А вот у таможни не возникло никаких вопросов. Некий Тейлор поставил свою подпись под декларацией, в которой эти ящики объявляются коврами ручной работы из Ливии.

– Это будет очень кстати, – сказал я. – Передайте этого Тейлора БАТО. Пусть проверят его банковские счета. Надеюсь, после этого к вам будут относиться радушнее.

– А что все-таки внутри? – спросила Даффи. – Что такого могут делать в Ливии?

– Ничего, – ответил я. – Там только выращивают финики.

– Это все произведено в России, – сказал Виллануэва. – После чего дважды побывало в Одессе. Было экспортировано в Ливию, вернулось назад и снова отправилось на экспорт. В обмен на две сотни «Средств убеждения». Похоже, кто-то хочет выглядеть крутым на улицах Триполи.

– А в России этого добра навалом, – заметила Даффи.

Я кивнул.

– Давайте все же взглянем, что это такое.

Всего в трех стопках стояло девять ящиков. Я снял верхний из ближайшей ко мне, и Виллануэва засуетился с гвоздодером. Когда он снял крышку, я увидел ряд АК-74, уложенных в деревянные гнезда. Обыкновенные автоматы Калашникова, к тому же бывшие в употреблении. Чертовская скукотища; красная цена – двести долларов за штуку, в зависимости от того, где ими торговать. Товар совсем не модный. Я никак не мог себе представить, что ребята из Коннектикута в пиджаках от «Норт фейс» променяют свои новенькие «хеклер-и-кохи» на это старье.

Второй ящик был меньше. В нем среди деревянной стружки лежали укороченные автоматы АКСУ-74. Производные АК-74. Оружие действенное, но грубоватое. Эти автоматы, хотя и не новые, были в хорошем состоянии. Однако опять же ничего интересного. Есть не меньше полудюжины эквивалентов западного производства. Спецы НАТО спокойно спят ночью, не тревожась по поводу этих автоматов.

В третьем ящике лежали девятимиллиметровые пистолеты Макарова. В основном старые, поцарапанные. Очень примитивная и грубая конструкция, содранная с древнего «вальтера». Советская армия всегда была невысокого мнения о пистолетах, считая их немногим лучше рогаток.

– Здесь полный мусор, – сказал я. – Единственное применение ему – переплавить на якоря.

Перейдя к следующей стопке, мы в первом же ящике обнаружили кое-что поинтереснее. Это были бесшумные снайперские винтовки «ВАЛ». Секретное оружие до 1994 года, когда одна винтовка попала в Пентагон. Черные, металлические, со складывающимся прикладом. Используют специальные девятимиллиметровые дозвуковые боеприпасы. Испытания показали, пуля без труда пробивает на расстоянии пятьсот ярдов любые бронежилеты. Я вспомнил, что в свое время этот факт вызвал большую озабоченность. Всего в ящике лежало двенадцать винтовок. Еще двенадцать в следующем. Это было

добротное, качественное оружие. Такое подойдет ребятам в костюмах от «Норт фейс».

– Сколько это стоит? – спросил Виллануэва.

Я пожал плечами.

– Трудно сказать. Полагаю, все зависит от того, что за человек собирается их купить. Скажем так: новый «вайме» или «ЗИГ», приблизительный эквивалент, стоят в США больше пяти тысяч.

– То есть стоимость только этих двух ящиков около ста двадцати тысяч.

Я кивнул.

– Оружие серьезное. Однако в Лос-Анджелесе ему трудно найти достойное применение. Так что, думаю, заплатили за него гораздо меньше.

– Нам пора уходить, – сказала Даффи.

Я подошел к стеклянной кабинке и выглянул в окно на улицу.

Вечерело; однако, несмотря на пасмурную погоду, было еще светло.

– Сейчас, – сказал я.

Виллануэва вскрыл последний ящик во второй стопке.

– Черт побери, а это еще что такое? – недоуменно воскликнул он.

Я подошел к нему. Увидел в куче опилок тонкую черную трубу с короткой деревянной накладкой, призванной служить плечевым упором. Из дула торчала наготове раздувшаяся головка гранаты. Я не мог поверить своим глазам.

– Это РПГ-7, – наконец сказал я. – По-русски «реактивный противотанковый гранатомет». Оружие пехотинца, из него стреляют с плеча. Но только на самом деле он стреляет не гранатой, а реактивным снарядом.

– Что-то вроде подкалиберного снаряда? – спросила Даффи.

– Не совсем. Боеголовка начинена взрывчаткой.

– И из этой штуковины можно подбить танк?

– Для этого она и предназначается.

– В таком случае кто будет покупать их у Бека?

– Не знаю.

– Наркоторговцы?

– Возможно. Из такого гранатомета можно поразить здание. Или бронированный лимузин. Если у конкурента бронированный «БМВ» с пуленепробиваемыми стеклами, эта штука очень пригодится.

– А может быть, террористы, – предположила Даффи.

Я кивнул.

– А также вооруженные повстанцы.

– Все это очень серьезно.

– Попасть из этого гранатомета сложно, – сказал я. – Граната большая и летит медленно. В девяти случаях из десяти даже слабый боковой ветер отклонит ее от цели. Впрочем, это будет слабым утешением тому, в кого она попадет по ошибке.

Виллануэва сорвал крышку со следующего ящика.

– То же самое.

– Надо срочно связываться с БАТО, – сказала Даффи. – И вероятно, с ФБР. Прямо сейчас.

– Чуть позже, – сказал я.

Виллануэва занялся одним из двух последних ящиков. Заскрипели выдираемые гвозди, затрещало дерево.

– Еще что-то непонятное.

Я заглянул в ящик. Увидел толстые металлические трубы, выкрашенные в ярко-желтый цвет. Снизу прикручены электронные модули.

– «Стрела-2М», – сказал я. – Ракета класса «земля – воздух» российского производства.

– С головкой теплового наведения?

– Совершенно верно.

– Такими сбивают самолеты? – спросила Даффи.

Я кивнул.

– Но особенно хороши они против вертолетов.

– Какова дальность выстрела? – поинтересовался Виллануэва.

– До десяти тысяч футов.

– То есть можно сбить пассажирский авиалайнер.

Я кивнул.

– Если занять позицию недалеко от аэропорта. И стрелять по самолету, который только что совершил взлет. Например, с катера на Ист-Ривер. Представьте себе, что будет, если сбить «Боинг – семьсот сорок семь», взлетевший из аэропорта Ла Гуардиа. Лайнер рухнет на Манхэттен, и повторится одиннадцатое сентября.

Даффи не могла оторвать взгляд от желтых труб.

– Невозможно поверить, – наконец промолвила она.

– Тут речь уж точно идет не о наркоторговцах, – сказал я. – Значит, Куин расширил рынок сбыта. И связался с террористами. Другого объяснения быть не может. Одной этой партии хватит для того, чтобы вооружить целую террористическую ячейку. С помощью этого оружия можно будет делать практически все.

– Мы должны выяснить, кто выстроился в очередь за этим товаром. И зачем он им нужен.

И вдруг послышались шаги. Щелчок патрона, досланного в патронник. И голос:

– Мы не спрашиваем, зачем он им нужен. Никогда не спрашиваем. Просто берем у них деньги, черт побери.

Глава 14

Это был Харли. Его рот чернел над козлиной бородкой рваной дырой, в которой желтели гнилые зубы. Харли улыбался. В правой руке у него был П-14 «Пара ордонанс». П-14, добротная копия кольта образца 1911 года канадского производства, был для него чересчур тяжел. Руки у Харли были тонкие и слабые. Ему больше подошел бы «Глок-19», какой был у Даффи.

– Увидел свет, – объяснил Харли. – Решил заглянуть и проверить.

Он посмотрел на меня.

– Похоже, Поли облажался. А ты, наверное, сымитировал его голос, отвечая мистеру Ксавье по телефону.

Я посмотрел на указательный палец правой руки Харли. Палец был там, где надо, – лежал на спусковом крючке. Полсекунды я злился на себя за то, что позволил Харли подойти незамеченным. Затем начал думать о том, как исправить эту ошибку. У меня мелькнула мысль: «Виллануэва

будет страшно зол на меня, если я завалю Харли до того, как мы спросим его о Терезе».

– Ты не собираешься нас представить? – насмешливо спросил Харли.

– Это Харли, – сказал я.

Никто не произнес ни слова.

– Кто эти люди? – спросил у меня Харли.

Я промолчал.

– Мы сотрудники федерального управления, – сказала Даффи.

– В таком случае что вы здесь делаете? – недоуменно спросил Харли.

Он произнес это таким тоном, словно ему действительно было любопытно. Теперь на нем был другой костюм. Из черной ткани с блеском. На шее серебристый галстук. Харли принял душ и вымыл голову. Его хвостик был перехвачен аккуратной коричневой резинкой.

– Мы здесь по долгу службы, – сказала Даффи.

Харли кивнул.

– Ричер видел, как мы поступаем с женщинами, работающими на правительство. Видел своими собственными глазами.

– Харли, тебе лучше поскорее бежать с этого корабля, – сказал я. – Он тонет.

– Ты так думаешь?

– Знаю наверняка.

– Видишь ли, порывшись в компьютерах, мы пришли к другому заключению. Наша с тобой подружка, которая лежала в мешке, она ведь никому ничего не успела сказать. От нее до сих пор ждут первую весточку. Кстати, похоже, про ее существование вообще просто забыли.

– Мы не имеем никакого отношения к компьютерам.

– Еще лучше, – усмехнулся Харли. – Раз вы вольные охотники, никто не знает о том, что вы здесь, а я держу вас под прицелом.

– Поли тоже держал меня под прицелом, – сказал я.

– У него был пистолет?

– Даже два.

Харли вздрогнул, но тотчас же снова взял себя в руки.

– Я поумнее Поли. Руки за голову!

Мы положили руки за головы.

– У Ричера есть «беретта», – продолжал Харли. – Это мне точно известно. А еще, думаю, здесь есть два «глока».

Скорее всего, модели семнадцать и девятнадцать. Я хочу увидеть все это на полу. Аккуратно, не торопитесь. По одному.

Никто не двинулся с места. Харли повел П-14 на Даффи.

– Начнем с женщин. Большим и указательным пальцами.

Сунув левую руку за пазуху, Даффи вытащила «глок», держа его, как было велено. Положила его на пол. Я начал было поднимать руку к карману.

– Подожди! – остановил меня Харли. – Ты тип ненадежный.

Шагнув вперед, он приставил дуло П-14 к моей нижней губе, туда, куда меня ударил Поли. Затем погрузил левую руку в мой карман. Выудил оттуда «беретту». Бросил ее на пол к «глоку» Даффи.

– Теперь ты, – приказал он Виллануэве, не убирая П-14 от моего лица.

Холодное, жесткое дуло давило мне на расшатанные зубы. Виллануэва бросил свой «глок» на пол. Харли сгреб ногой все три пистолета. Затем шагнул вперед.

– Отлично. Теперь по одному становитесь к стене.

Он развернул нас, выстроив вдоль стены, при этом сам оказался рядом с ящиками.

– С нами был еще один человек, – сказал Виллануэва. – Его здесь нет.

«Ошибка», – подумал я. Харли усмехнулся.

– Так позовите же его. Пусть идет сюда.

Виллануэва промолчал. Это был тупик, внезапно превратившийся в западню.

– Зовите же его, – повторил Харли. – Живо, иначе я начну стрелять.

Никто не шевелился.

– Зовите его, иначе женщина получит пулю в бедро.

– Телефон у нее, – сказал Виллануэва.

– В сумочке, – подтвердила Даффи.

– А сумочка?

– Осталась в машине.

«Хороший ответ», – подумал я.

– Где машина? – спросил Харли.

– Рядом.

– Тот «таурус», что стоит перед магазином чучел?

Даффи кивнула. Харли заколебался.

– Можно воспользоваться телефоном в конторе, – наконец сказал он. – Звони вашему человеку.

– Я не знаю его номер, – сказала Даффи.

Харли молча посмотрел на нее.

– Он в памяти телефона, – пояснила она. – Наизусть я его не помню.

– Где Тереза Даниэль? – спросил я.

Харли лишь усмехнулся. «Вопрос задан, ответ получен», – подумал я.

– С ней все в порядке? – спросил Виллануэва. – Если с ней что-то случилось, вы об этом пожалеете.

– С ней все в полном порядке, – сказал Харли. – Она в превосходном состоянии.

– Мне идти к телефону? – спросила Даффи.

– Мы пойдем все, – сказал Харли. – После того, как вы наведете здесь порядок. Напрасно вы лазали в ящики.

Встав рядом с Даффи, он приставил дуло пистолета ей к виску.

– Я подожду здесь, – сказал он. – А женщина будет ждать вместе со мной. В качестве личного страхового полиса.

Виллануэва взглянул на меня. Я пожал плечами. Похоже, нам предстояла столярная работа. Я поднял с пола молоток. Виллануэва взял крышку первого ящика со «Стрелами». Снова посмотрел на меня. Я едва заметно покачал головой. Я с огромной радостью погрузил бы молоток в череп Харли. Или в рот, чтобы раз и навсегда избавить его от проблем с зубами. Но молоток – плохое оружие против человека, приставившего пистолет к виску заложника. Кроме того, мне в голову пришла лучшая идея. Все будет зависеть от того, насколько убедительно нам удастся изобразить готовность сотрудничать. Поэтому я взял молоток и стал

терпеливо ждать, когда Вилануэва накроет крышкой жирные желтые трубы. Поправил его рукой так, чтобы гвозди попали в свои отверстия. Вколотил их и, выпрямившись, снова стал ждать.

Мы закрыли второй ящик со «Стрелами». Подняли его и поставили на первый. Затем заколотили ящик с РПГ-7. Мы забивали гвозди и составляли ящики так же, как они стояли.

Потом мы перешли к ящику с бесшумными снайперскими винтовками «VAL». Харли внимательно следил за нами. Но он уже начинал немного расслабляться. Мы вели себя покладисто. Похоже, Вилануэва понял, к чему я клоню. И быстро подхватил свою роль. Подняв крышку от ящика с «макаровыми», он застыл, держа ее в руках.

– И вот это покупают?

«Замечательно!» – мысленно отметил я. В голосе Вилануэвы прозвучало недоумение. И профессиональный интерес, какой и должен быть у сотрудника БАТО.

– А что тут такого? – удивился Харли.

– Это же настоящее дерьмо! Ты сам-то стрелял из такого?

Харли молча покачал головой.

– Хочешь, я кое-что тебе покажу? – спросил я.

Харли не отрывал дуло пистолета от виска Даффи.

– Что?

Сунув руку в ящик, я достал один «макаров». Сдул с него стружку и показал Харли. Пистолет был старый, покрытый царапинами. Несомненно, он многое повидал на своем веку.

– Механизм очень примитивный, – сказал я. – Русские взяли допотопный «вальтер» и еще больше упростили конструкцию. И все испортили. Оставили самовзвод, как у оригинала, но на спусковой крючок нужно нажимать всей рукой.

Направив пистолет в потолок, я положил указательный палец на спусковой крючок, для пущего эффекта упираясь большим в затвор. Обхватил запястье левой рукой и нажал на курок. Механизм заскрежетал, словно разболтанная рукоятка переключения передач на старой машине, и пистолет неуклюже дернулся у меня в руке.

– Дерьмо! – вынес заключение я и повторил то же самое, вслушиваясь в металлический скрежет. – Это не лечится. Из такого попасть можно только в упор.

Я швырнул пистолет обратно в ящик. Вилленуэва положил крышку на место.

– Харли, вам следовало бы побеспокоиться о своей репутации, – сказал он. – Если вы будете торговать таким хламом, все серьезные покупатели от вас отвернутся.

– Меня это не касается, – буркнул Харли. – Репутация не моя. Я здесь только работаю.

Я принялся вколачивать гвозди медленно, словно уже устал. Затем мы перешли к ящику с АКСУ-74. И в последнюю очередь занялись АК-74.

– А это лучше всего продать в Голливуд, – сказал Вилленуэва. – Для съемок исторических фильмов. Больше они ни на что не годятся.

Я забил гвозди, и мы поставили ящик на место. Вся партия импорта, полученная «Большим базаром», оказалась аккуратно составлена в том виде, в каком мы ее нашли. Харли по-прежнему следил за нами. По-прежнему держал пистолет у виска Даффи. Но у него уже устала рука, и указательный палец больше не лежал на спусковом крючке. Теперь он поднялся вверх, под ствол, и помогал удерживать вес пистолета. Вилленуэва пододвинул ко мне ящик с «Моссбергами». Нашел крышку. Мы вскрыли лишь один.

– Ну вот, почти закончили, – сказал я.

Вилленуэва уложил крышку на место.

– Подожди, – остановил его я. – Мы оставили два ружья на столе.

Подойдя к столу, я взял первое «Средство убеждения». Посмотрел на него.

– Видишь? – спросил я, обращаясь к Харли и указывая на рычажок предохранителя. – Ружья перевозили поставленными на предохранитель. А так делать нельзя. Можно сломать боек.

Переставив предохранитель в положение «огонь», я завернул ружье в промасленную бумагу и уложил его в пенопластовые шарики. Взял второе.

– И у этого то же самое.

– Ребята, вы скоро точно останетесь не у дел, – сказал Вилленуэва. – Контроль качества у вас никудышный.

Я переставил предохранитель на «огонь» и шагнул к ящику. Крутанулся на правой ноге, словно бейсболист, замахнувшийся битой, нажал на спусковой крючок и выстрелил Харли в живот. Патрон «Бреннеке»

прогрохотал в замкнутом помещении настоящей бомбой, и огромная пуля буквально разорвала Харли пополам. Секунду назад он стоял тут, и вдруг его не стало. Харли превратился в два больших куска окровавленного мяса, распростертых на полу. Воздух склада наполнился едким дымом, а также горячим запахом внутренностей Харли. Даффи пронзительно закричала, потому что человек, стоявший рядом с ней, словно взорвался. У меня в ушах оглушительно звенело. Не переставая кричать, Даффи отпрыгнула от разливающейся у нее под ногами лужицы. Поймав ее за руку, Виллануэва прижал ее к себе, а я передернул затвор «Средства убеждения» и повернулся к двери, готовый к новым сюрпризам. Но все было спокойно. Стены ангара перестали дрожать, ко мне вернулся слух, и осталась лишь тишина, нарушаемая быстрым и частым дыханием Даффи.

– Я стояла рядом с ним, – вымолвила она.

– Больше ты рядом с ним не стоишь, – сказал я. – Вопрос закрыт.

Отпустив Даффи, Вилланузва нагнулся и подобрал наши пистолеты, которые отшвырнул к стене Харли. Достав из ящика второе заряженное «Средство убеждения», я развернул его и поставил на предохранитель.

– Они мне очень нравятся, – сказал я.

– Похоже, свое дело они делают, – согласился Вилланузва.

Удерживая оба ружья в одной руке, я убрал «беретту» в карман.

– Терри, гони сюда машину, – сказал я. – Наверняка кто-то уже вызвал полицию.

Вилланузва вышел через переднюю дверь. Я посмотрел в окно на небо. Оно было затянуто тучами, но было еще светло.

– Что дальше? – спросила Даффи.

– Сначала надо уехать отсюда, а потом будем ждать.

Я ждал больше часа, сидя за столом у себя в кабинете, не отрывая взгляда от телефона в надежде, что Коль вот-вот позвонит. Она рассчитала, что дорога на машине до Маклина занимает тридцать пять минут. Если ехать от университетского студгородка, накинется еще минут пять-десять, в зависимости от загруженности улиц. Еще десять минут на то, чтобы оценить ситуацию дома у Куина. Меньше минуты на то, чтобы его взять. Не больше трех, чтобы надеть наручники и усадить в машину. Итого пятьдесят девять минут, от начала и до конца. Но прошел целый час, а Коль не звонила.

Через семьдесят минут я начал беспокоиться. Через восемьдесят беспокойство сменилось тревогой. Ровно через полтора часа, не выдержав, я вскочил в машину и помчался в Маклин.

Терри Вилллануэва поставил «таурус» на полоске растрескавшегося асфальта перед входом в контору и не стал глушить двигатель.

– Надо позвонить Элиоту, – сказал я. – Узнать, куда он уехал. Будем ждать вместе.

– Чего ждать? – спросила Даффи.

– Наступления темноты.

Сходив к машине, она взяла сумочку. Вернулась назад. Достала телефон, набрала номер. Я включил мысленный хронометр. Один звонок. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть.

– Никто не отвечает, – нахмурилась Даффи.

Вдруг ее лицо просветлело и тотчас же снова стало озабоченным.

– Приглашение от автоответчика. Что-то случилось.

– Поехали, – сказал я.

– Куда?

Я посмотрел на часы, потом перевел взгляд на небо. *Еще слишком рано.*

– На прибрежное шоссе.

Мы погасили свет и заперли все двери. На складе было слишком много добра, чтобы бросать все как есть. Машину вел Виллануэва. Даффи сидела рядом с ним спереди. Я устроился сзади, положив «Средства убеждения» на сиденье. Мы выехали из района порта. Проехали мимо стоянки, где оставлял свои грузовики Бек. Оказались на шоссе и помчались из города на юг, мимо аэропорта.

Свернув с шоссе на знакомую дорогу, мы поехали на восток. Других машин не было. Небо было затянуто низкими серыми тучами, а сильный ветер с моря завывал в окнах «тауруса». В воздухе висели капли воды. Быть может, дождь. Быть может, морские брызги, отнесенные штормом на несколько миль от берега. По-прежнему было еще очень светло. Еще слишком рано.

– Попробуй позвонить Элиоту еще раз, – предложил я.

Даффи достала телефон. Набрала номер. Приложила аппарат к уху. Я услышал шесть слабых гудков и шепот автоответчика. Даффи покачала головой. Отключила телефон.

– Хорошо, – сказал я.

Она обернулась ко мне.

– Ты уверен, что они все дома?

– Ты не обратила внимания на костюм Харли? – спросил я.

– Черный. Дешевый.

– В его представлении это должно было быть смокингом. А у Эмили Смит на вешалке висело наготове вечернее платье. Она собиралась переодеться. Уже надела лучшие туфли. Я думаю, сегодня состоится торжественный ужин.

– «Кист и Мейден»! – воскликнул Виллануэва. – Доставка продуктов!

– Совершенно верно, – подтвердил я. – Ужин на восемнадцать персон, по пятьдесят пять долларов на человека. Сегодня вечером. И Эмили Смит сделала пометку на заказе. Баранина, а не свинина. Кто ест баранину и не ест свинину?

– Иудеи.

– Или мусульмане. Например, ливийцы.

– Их поставщики.

– Совершенно верно, – снова сказал я. – На мой взгляд, они собираются торжественно скрепить свои коммерческие отношения. По-моему, все оружие российского производства – это своеобразный жест доброй воли. Как и «Средства убеждения». Стороны продемонстрировали друг другу, что могут поставлять товар. Теперь они разломят вместе ломоть хлеба, после чего можно будет заняться настоящим делом.

– Это произойдет в особняке Бека?

Я кивнул.

– Впечатляющая обстановка. Уединенное, живописное место. И там есть большой обеденный стол.

Виллануэва включил щетки. На лобовом стекле появились следы капель. Это были соленые брызги, которые ветер нес горизонтально со стороны Атлантики.

– И кое-что еще, – продолжал я.

– Что?

– Я считаю, Тереза Даниэль является частью сделки.

– Что?

– По-моему, ее продают вместе с ружьями. Красивая светловолосая американка. Полагаю, именно она и является подарком стоимостью десять тысяч долларов.

Все молчали.

– Вы обратили внимание, как про нее высказался Харли? «Она в превосходном состоянии».

Все молчали.

– На мой взгляд, ее хорошо кормят и не трогают, – сказал я.

И мысленно добавил: «Поли не стал бы тратить время на Элизабет Бек, если бы мог воспользоваться услугами Терезы. При всем уважении к Элизабет».

Все молчали.

– Вероятно, сейчас Терезу готовят к тому, чтобы подать в лучшем виде, – сказал я.

Все молчали.

– Думаю, ее собираются отправить в Триполи. В качестве десерта. Это входит в сделку.

Виллануэва прибавил газу. Ветер завыл громче. Через две минуты мы доехали до места, где была устроена засада на телохранителей, и Виллануэва снова сбросил скорость. До дома оставалось пять миль. Теоретически нас уже могли увидеть с верхнего этажа. Машина остановилась посреди дороги, и мы, подавшись вперед, уставились в сторону востока.

Я домчался до Маклина за двадцать девять минут. Оставил «шевроле» защитного цвета прямо посреди дороги в двухстах ярдах от дома Куина. Тихий зеленый квартал лениво жарился на солнце. Особняки на участках земли площадью по несколько акров прятались за густыми зарослями вечнозеленых деревьев. Дорожки сверкали ровным черным асфальтом. До меня донеслись пение птиц и журчание поливального устройства. В воздухе кружили жирные стрекозы.

Убрав ногу с педали тормоза, я медленно прополз вперед еще сто ярдов. Особняк Куина был обшит снаружи темными кедровыми досками. К

нему вела вымощенная каменными плитами дорожка, вдоль которой красовались клумбы с карликовыми елями и рододендронами. Окна были маленькие, крыша была обращена скатом к дороге, и казалось, что весь дом присел на корточки спиной ко мне.

У ворот стояла машина Фраскони. «Шевроле» защитного цвета, такой же, как у меня. Мои шины громко прошелестели по раскаленному асфальту. Выйдя из машины, я достал из кобуры «беретту». Снял ее с предохранителя и пошел по мощеной дорожке.

Передняя дверь была заперта. В доме царила тишина. Я заглянул в окно. Не увидел ничего, кроме добротной мебели, которой обычно обставляют дорогое арендное жилье.

Я обошел дом. Сзади был вымощенный плитами дворик с мангалом. Квадратный деревянный стол, потемневший от непогоды, и четыре стула. Выцветший зонтик от солнца. Ухоженный газон и невысокий вечнозеленый кустарник. Забор из кедровых досок, таких же темных, как и облицовка дома, отгораживал сад от соседей.

Я подергал дверь на кухню. Она была заперта. Заглянул в окно. Ничего не увидел. Пошел вдоль задней стены. Заглянул в следующее окно и тоже ничего не увидел. Подошел к очередному окну и увидел лежащего навзничь Фраскони.

Он лежал посреди гостиной. Диван и два кресла, обитые прочной коричневой тканью. Ковер от стены до стены, по цвету соответствующий хаки формы Фраскони. Он получил пулю в лоб. Калибра девять миллиметров. Смерть наступила мгновенно. Даже в окно мне были видны маленькое отверстие с запекшейся кровью по краям и мертвенно-желтая кожа лица. Под головой Фраскони образовалась лужица крови, пропитавшей ковер насквозь, уже подсыхающей и почерневшей.

Я не хотел проникать в дом через первый этаж. Если Куин до сих пор находится здесь, он ждет меня наверху, где у него будет преимущество. Поэтому я пододвинул столик из потемневшего дерева к стене гаража и забрался на крышу. По крыше прополз до окна второго этажа. Локтем выбил стекло. Пролез ногами вперед в гостевую спальню. В ней пахло сыростью и плесенью. Я вышел в коридор второго этажа. Застыл и прислушался. Ничего не услышал. Дом казался вымершим. Полное отсутствие звуков. Никаких признаков жизни.

Но я почувствовал запах крови.

Пройдя по коридору, я обнаружил в спальне Доминик Коль. Она лежала на спине на кровати. Полностью раздетая. Одежда была сорвана с нее. Ее оглушили несколькими ударами по лицу, после чего ее истязали.

Грудь была отрезана здоровенным ножом. Теперь этот нож был воткнут в мягкие ткани под подбородком, через рот и до самого мозга.

К этому моменту мне в жизни довелось повидать многое. Однажды после террористического акта я проснулся с торчащей из живота чужой челюстью. Мне пришлось стереть с лица куски человеческой плоти, чтобы видеть, куда ползти. Двадцать ярдов я полз по искромсанным рукам и ногам, натыкаясь коленями на оторванные головы и зажимая руками живот, чтобы не дать вывалиться внутренностям. Я видел жертвы убийств и катастроф, видел людей, изрешеченных из автоматического оружия, превращенных в кровавое месиво взрывами и обуглившихся в огне пожара. Но я еще не сталкивался с таким жутким зрелищем, какое представляло собой изуродованное тело Доминик Коль. Меня вырвало на пол, после чего впервые за двадцать лет я разрыдался.

– Что будем делать? – спросил десять лет спустя Вилиануэва.

– Я пойду один, – сказал я.

– Я иду с тобой.

– Не надо спорить, – твердо произнес я. – Просто подвези меня чуть поближе. Только езжай очень медленно.

Машина была серой, погода пасмурной, а объекты, движущиеся медленно, привлекают к себе меньше внимания, чем движущиеся быстро. Вилиануэва убрал ногу с тормоза, чуть надавил на газ, и машина покатила со скоростью миль десять в час. Я проверил «беретту» и запасные обоймы. Сорок пять патронов минус два, которые я выстрелил в потолок комнаты Дьюка. Я проверил «Средства убеждения». Четырнадцать патронов минус один, выпущенный Харли в живот. Итого всего пятьдесят шесть патронов меньше чем на восемнадцать человек. Я не знал, кто был в числе приглашенных, но Эмили Смит и Харли определенно не могли принять участие в ужине.

– Идти в одиночку глупо, – сказал Вилиануэва.

– Глупо идти всем вместе, – ответил я. – Дорога к особняку станет настоящим самоубийством.

Он промолчал.

– Будет лучше, ребята, если вы подождете здесь, – заключил я.

Вилиануэва ничего не ответил. Он хотел мне помочь, он хотел помочь Терезе, но он понимал, что идти на укрепленный и уединенный дом при свете дня, хотя и пасмурного, – это не шутка. Машина медленно

катилась вперед. Наконец Виллануэва убрал ногу с педали газа и перевел рычаг переключения передач на нейтраль, предоставив машине остановиться самой по себе. Не стал рисковать, нажимая на тормоз, так как в тумане стали бы видны красные огни стоп-сигналов. До дома оставалось где-то с четверть мили.

– Вам придется ждать здесь, – сказал я. – Ждать долго.

Виллануэва отвернулся.

– Дайте мне час, – сказал я.

Дождался, чтобы оба кивнули.

– Затем зовите БАТО. Через час, если я к тому времени не вернусь.

– Быть может, лучше вызвать их прямо сейчас? – предложила Даффи.

– Нет, – возразил я. – Сначала дайте мне один час.

– БАТО обязательно возьмет Куина, – сказала она. – На этот раз ему не дадут уйти.

Вспомнив то, что мне довелось увидеть, я молча покачал головой.

Я нарушил все правила и предписания. Я ушел с места преступления и никому не сообщил об этом. И плевать на то, как к этому отнесутся правоохранительные органы. Я оставил Коль в спальне, а Фраскони в гостиной. Оставил их машину перед воротами. Вернулся к себе в кабинет, взял бесшумный «ругер» 22-го калибра и отправился искать архивы Коль. Нутро подсказывало мне, что Куин, перед тем как отправиться на Багамы, совершит одну остановку. У него наверняка был где-то приготовлен запас на чрезвычайный случай. Возможно, фальшивые документы, возможно, пачка наличных, возможно, собранная сумка. Возможно, и то, и другое, и третье. Такое он не стал бы держать в камере хранения. Или в своем особняке. Он был профессионал. Слишком осторожен. Все это должно быть в безопасном месте, где-нибудь далеко. Я решил рискнуть и поставить на то, что этим местом был домик в Северной Калифорнии, доставшийся Куину в наследство от родителей. От отца, рабочего на железной дороге, и матери, домохозяйки. Поэтому мне был нужен адрес.

У Коль был аккуратный почерк. Исписанные ею бумаги занимали две коробки. Заметки были подробные, вдумчивые. Когда я просматривал их, у меня разрывалось сердце. Я нашел адрес домика в Калифорнии в биографии Куина, занимавшей восемь страниц. Пятизначный номер дома, находящегося в ведении почтового отделения Юрики. Вероятно, уединенное местечко, далеко от города. Сходив к ротному адъютанту, я

выписал на свое имя служебное предписание. Положил табельную «беретту» и бесшумный «ругер» в холщовую сумку и поехал в аэропорт. Мне пришлось подписать какие-то документы, чтобы меня пропустили в салон самолета с огнестрельным оружием. Я даже не стал их читать. На мой взгляд, существовала высокая вероятность того, что Куин воспользуется тем же рейсом. Я решил, что если увижу его во время регистрации или на борту самолета, то убью на месте.

Но я его не увидел. Сев на самолет, летевший в Сакраменто, я после набора высоты прошел по салону, вглядываясь в каждое лицо, но Куина среди пассажиров не было. Оставшуюся часть полета я просидел в кресле, уставившись перед собой. Стюардессы старались держаться от меня подальше.

В аэропорту Сакраменто я взял напрокат машину. Поехал на север по 1–5, затем свернул на северо-запад на шоссе 299. Живописная дорога петляла через горы, но я видел лишь желтую полосу разметки. Я наверстал три часа, поскольку пересек три часовых пояса, и все же когда я подъезжал к окраинам Юрики, уже начинало темнеть. Я отыскал дорогу к дому Куина – узкую полоску асфальта, извивающуюся высоко по горам над федеральной магистралью 101. Автострада осталась далеко внизу. Мне были видны фары машин, направляющихся на север. Задние габаритные огни машин, едущих на юг. Наверное, где-то внизу была железная дорога. И станция, где когда-то работал отец Куина.

Я нашел дом. Проехал мимо, не снижая скорость. Это был простой одноэтажный домик. Вместо почтового ящика – старая маслобойка. Двор еще лет десять назад зарос сорняком. Отъехав ярдов на пятьсот, я развернулся и проехал двести ярдов назад с потушенными фарами. Поставил машину за брошенным сараем с провалившейся крышей. Забрался на сто футов в гору. Прошел триста ярдов пешком и приблизился к домику сзади.

В вечерних сумерках я разглядел узкое потемневшее крыльцо и рядом расчищенное пространство, куда можно было поставить машину. Судя по всему, домик принадлежал к числу тех построек, в которые чаще входят не с парадного крыльца, а сзади. Внутри света не было. Окна были занавешены выцветшими пыльными шторами. Все место казалось заброшенным и пустынным. Дорога просматривалась на пару миль на север и на юг, и на ней не было видно ни одной машины.

Я медленно спустился с горы. Обошел вокруг дома, прислушиваясь у каждого окна. Внутри никого не было. Решив, что Куин подгонит машину сзади и войдет через черный вход, я взломал переднюю дверь. Она оказалась хлипкой и старой, поэтому я просто с силой надавил на нее и, когда косяк начал поддаваться, ударил по замку ребром ладони. Старое дерево разлетелось в щепы, дверь распахнулась, и я, войдя в дом,

закрыл ее за собой и припер стулом. Снаружи все должно было остаться как ни в чем не бывало.

В доме было сыро и градусов на десять холоднее, чем на улице. И темно. Было слышно, как на кухне работает холодильник, из чего я заключил, что электричество есть. Стены были оклеены древними обоями. Пожелтевшими и выцветшими. Комнат было всего четыре. Кухня, гостиная. И две спальни. Маленькая и совсем крохотная. Я предположил, что крохотную в детстве занимал Куин. Между спальнями была зажата ванная. Белая сантехника с ржавыми подтеками.

Осмотр четырех комнат и ванной не занял много времени. Я практически сразу же нашел то, что искал. Подняв вытертый ковер, лежавший на полу в гостиной, я увидел в половых досках квадратный люк. Если бы люк был в прихожей, я бы предположил, что он ведет в подпол. Но люк был в гостиной. Взяв с кухни вилку, я приподнял крышку. Под ней оказался неглубокий ящик, вставленный между балками перекрытия. В нем – коробка из-под обуви, обернутая в матовый полиэтилен. В коробке лежали три тысячи долларов наличными и два ключа. Я предположил, что это ключи от банковских ячеек или камер хранения. Взяв деньги, я оставил ключи на месте. Затем закрыл крышку, положил ковер на место, сел на стул и стал ждать, положив «ругер» на колени и оставив «беретту» в кармане.

– Будь осторожен, – напутствовала меня Даффи.

Я кивнул.

– Разумеется.

Виллануэва ничего не сказал. Я вышел из «тауруса» с «береттой» в кармане, держа по одному «Средству убеждения» в каждой руке. Спустился с дороги и дошел до скал, затем направился на восток. Сквозь тучи еще время от времени пробивался дневной свет, но я был во всем черном, ружья были черные, и я шел не по дороге, поэтому у меня оставалась какая-то надежда. Ветер дул мне в лицо; в воздухе висели соленые брызги. Издалека доносился гул океана. Шторм был в самом разгаре. Начинался отлив. Грохот волн сменялся шелестом песка и гальки.

Завернув за скалу, я увидел впереди ярко освещенную стену. Бело-голубые прожектора ослепительно сверкали на фоне темнеющего неба. Резкий контраст между электрическим светом и вечерними сумерками означал, что чем ближе я подойду к стене, тем хуже меня будет видно. Поэтому я вернулся на дорогу и побежал. Приблизившись к стене настолько, насколько я счел относительно безопасным, я снова

спустился к скалам и пошел вдоль берега. Океан бушевал у самых моих ног. В воздухе пахло солью и водорослями.

Камни были скользкими. Грохотали волны, вверх взлетали брызги, сердито кружились водовороты.

Я остановился. Набрал полную грудь воздуха. Я понял, что не смогу проплыть мимо стены. Только не сейчас. Это было бы безумием. Волнение было слишком сильным. У меня не будет никаких шансов. Абсолютно никаких. Меня будет швырять, как пробку, о скалы и неминуемо разобьет до смерти. Если, конечно, меня не подхватит и не утянет на глубину обратное течение, где я захлебнусь и утону.

Обойти нельзя, перелезть нельзя. Придется идти через ворота.

Снова взобравшись на скалы, я шагнул в полосу света как можно дальше от ворот. Я был там, где фундаментные блоки уходили в воду. Затем, стараясь держаться как можно ближе к стене, я пошел к воротам. Меня заливал ослепительный свет. Но те, кто находился к востоку от стены, не могли меня видеть, поскольку стена была гораздо выше меня. А все, кто находился к западу от стены, были друзьями. Мне оставалось беспокоиться только о датчиках, закопанных в землю. Я старался ступать как можно осторожнее, надеясь на то, что никому не пришло в голову размещать датчики так близко к стене.

Похоже, в этом я оказался прав, поскольку мне удалось благополучно дойти до домика привратника. Рискнув заглянуть в щель между занавесками, я увидел ярко освещенную комнату. Человек, заменивший Поли, развалился на диване. Он был приблизительно одного возраста с Дьюком и такого же телосложения. Лет под сорок, чуть легче меня. Я потратил некоторое время, определяя точно его рост. Это должно было иметь решающее значение. В конце концов я пришел к выводу, что новый привратник дюйма на два ниже меня. Он был в джинсах, белой футболке и джинсовой куртке. Очевидно, его не пригласили на бал. Он был Золушкой, которой поручили охранять ворота, пока остальные будут веселиться. Мне хотелось надеяться, что это поручено только одному человеку. Что в распоряжении Куина самые скудные силы. Однако полагаться на это я не собирался. Минимальные соображения предосторожности требовали поместить еще одного человека у парадной двери в особняк, а то еще и третьего в окне комнаты Дьюка. Потому что Куину было известно о том, что Поли не справился со своим поручением. Он знал, что я где-то на свободе.

Я не мог позволить себе шуметь, стреляя в нового охранника. Прибой грохотал, ветер завывал, но эти звуки не заглушат выстрел из «беретты». А выстрел патроном «Бреннеке» из «Средства убеждения» не сможет заглушить ничто на свете. Поэтому я отступил на пару ярдов, положил «Средства убеждения» на землю и снял плащ и пиджак. Затем снял

рубашку и плотно намотал ее на левый кулак. Прижался голой спиной к стене и приблизился сбоку к окну. Ногтями пальцев правой руки тихо постучал в нижний угол стекла, там, где оно было закрыто занавеской. Снова и снова – слабые короткие дроби, которые выстукивает мышь, бегающая по чердаку.

Мне пришлось проделать это четыре раза, и я уже собирался повторить все в пятый, как вдруг краем глаза увидел, что свет в окне стал более тусклым. Это означало, что охранник встал с дивана и прижался лицом к стеклу, пытаясь разглядеть, что за маленькая зверушка производит этот беспокоящий его шум. Поэтому я сосредоточил внимание на том, чтобы правильно оценить его рост, и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, с размаху выбросил вперед обернутый материей кулак, разбивая вдребезги стекло и миллисекунду спустя нос охранника. Он как куль рухнул на пол рядом с подоконником, а я, просунув руку, отпер щеколду, распахнул окно и залез внутрь. Оглушенный охранник сидел на полу. Все его лицо было в крови, текущей из разбитого носа и из порезов об осколки. Он никак не мог прийти в себя. На диване лежал пистолет. До него охраннику было восемь футов. До телефонов – двенадцать. Тряхнув головой, он посмотрел на меня.

– Ты Ричер, – булькая кровью, сказал он.

– Точно, – подтвердил я.

– У тебя нет никаких шансов, – продолжал он.

– Ты так думаешь?

Охранник кивнул.

– Мы получили приказ стрелять на поражение.

– В меня?

Он снова кивнул.

– Кто получил?

– Все.

– Это приказ Ксавье?

Охранник опять кивнул. Пощупал рукой разбитый нос.

– И этот приказ будут выполнять? – спросил я.

– Можешь не сомневаться.

– А ты?

– Наверное, нет.

– Обещаешь?

– Наверное, да.

– Ну хорошо, – сказал я.

Я колебался, гадая, не задать ли охраннику пару вопросов. Вероятно, он окажется упрямым. Но я предположил, что смогу выбить из него все интересующие меня ответы. Впрочем, в конце концов я пришел к заключению, что эти ответы меня мало волнуют. Какая мне по большому счету разница, сколько в доме человек – двенадцать или пятнадцать и чем именно они вооружены? *Стрелять на поражение. Они или я.* Поэтому я просто отступил в сторону, пытаясь придумать, как мне быть с охранником, но тут он сам принял за меня решение, нарушив свое слово. Оторвавшись от пола, охранник совершил бросок в направлении пистолета, лежавшего на диване. Я перехватил его мощным ударом левой в горло. Удар получился на славу, очень удачным. Но только не для охранника. Я проломил ему гортань. Охранник рухнул на пол, задыхаясь. Все произошло относительно быстро. Около полутора минут. Я ничем не мог ему помочь. Я не врач.

С минуту я стоял совершенно неподвижно. Затем надел рубашку, вылез в окно, подобрал ружья, пиджак и плащ, залез в домик и посмотрел через внутреннее окно на особняк.

– Проклятье! – выругался я, отводя взгляд.

«Кадиллак» стоял перед крыльцом. Значит, Элиот не смог уехать. Как и Элизабет, Ричард и кухарка. То есть в заварушку будут втянуты трое случайных людей. Значит, мне будет в сто раз труднее. А то, что мне предстояло осуществить, изначально было чертовски трудным.

Я снова выглянул в окно. Рядом с «кадиллаком» стоял черный «линкольн». Чуть дальше – два темно-синих джипа. Фургона службы доставки не было. Возможно, он стоял за домом, у двери кухни. Возможно, он должен был приехать позже. А может быть, он вообще не приедет. Может быть, никакого торжественного ужина не будет. Может быть, я ошибся и безнадежно все испортил.

Щурясь от яркого света на стене, я всмотрелся в полумрак вокруг особняка. Не увидел охранника у крыльца. С другой стороны, на улице было холодно и сыро, и любой разумный человек устроился бы в прихожей у окна. Никого я не увидел и в окне комнаты Дьюка. Однако оно было открыто, как я его и оставил. И предположительно НСВ по-прежнему висел на цепи.

Я снова посмотрел на машины у входа. В «линкольне» могли приехать четверо. В каждом джипе по семь человек. Итого максимум

восемнадцать человек. С другой стороны, быть может, в машинах приехали только трое водителей. Быть может, я совершенно ошибся.

Есть только один способ выяснить это.

И это было самым сложным. Мне нужно было пересечь освещенное пространство. Я подумал было о том, чтобы найти рубильник и отключить прожектора. Но это сразу же предупредит тех, кто находится в особняке. Через пять секунд после того, как свет погаснет, из дома позвонят по внутреннему телефону охраннику и спросят, в чем дело. А охранник не сможет ответить, потому что он мертв. И хотя я окажусь в кромешной темноте, на меня будут пристально смотреть человек пятнадцать, а то и больше. Конечно, от большинства из них я смогу ускользнуть. Однако вся проблема заключалась в том, чтобы знать, от кого ускользать, а кого хватать. Потому что я был совершенно уверен: если сегодня упущу Куина, больше никогда его не увижу.

Поэтому я оставил яркую иллюминацию. У меня были два варианта. Один состоял в том, чтобы побежать напрямую к особняку. Это уменьшит время, в течение которого я буду находиться на освещенном пространстве. Однако мне придется двигаться быстро, а быстрое движение привлекает взгляд. Второй вариант заключался в том, чтобы пройти вдоль стены до самого океана. Шестьдесят ярдов, медленно. Это будет настоящим мучением. И все же, вероятно, так будет лучше.

Потому что прожектора установлены на стене сверху и направлены в стороны. Между самой стеной и краем светового луча есть тоннель темноты. Узкий треугольник. Мне придется ползти по нему вдоль основания стены. Медленно. В зоне поражения НСВ.

Я приоткрыл внутреннюю дверь. На самом домике освещения не было. Оно начиналось в двадцати футах справа от меня, где стена домика переходила в стену ограды. Выйдя за дверь, я пригнулся. Повернулся на девяносто градусов и стал искать взглядом свой тоннель. Он был там, где я и предполагал. Шириной меньше трех футов на уровне земли. И он не был совершенно темным. В него проникали отсветы от земли, лучи неправильно выставленных прожекторов, отблески от задней части ламп. Наверное, полумрак моего тоннеля был чем-то средним между ослепительным светом и кромешной темнотой.

Опустившись на колени, я прополз вперед и закрыл за собой дверь. Взял в руки по «Средству убеждения» и распластался на животе, прижимаясь правым плечом к основанию стены. Я ждал достаточно долго для того, чтобы тот, кто мог случайно заметить открывшуюся дверь, потерял всякий интерес. Затем я пополз. Медленно.

Я прополз футов десять. Снова остановился. Мгновенно застыл на месте. С дороги донесся шум приближающейся машины. Не седан. Что-то

более крупное. Возможно, еще один джип. Я развернулся. Прополз обратно к двери. Приподнялся на колени, открыл дверь, скользнул в домик и выпрямился. Положил «Средства убеждения» на стул и достал из кармана «беретту». Из-за ворот слышалось глухое ворчание мощного восьмицилиндрового двигателя.

Пора принимать решение. Тот, кто находится за воротами, ждет охранника. И десять против одного, этот кто-то сразу поймет, что я не тот, кто надо. Поэтому я решил, что мне пора прекратить ползать. Все равно придется начинать шуметь. Перестрелять тех, кто приехал, захватить их машину и быстро домчаться до особняка, прежде чем пулеметчик успеет опомниться. Ну а дальше попытаться воспользоваться начавшейся суматохой.

Я снова подошел к внутренней двери. Снял «беретту» с предохранителя и набрал полную грудь воздуха. У меня было преимущество первого хода. Мне было точно известно, что я собираюсь делать. Всем остальным придется уже отвечать на мои действия. А на это уйдут лишние секунды.

И тут я вспомнил про видеокамеру на столбе. Монитор системы наблюдения. Я мог посмотреть, с чем именно мне придется иметь дело. Сосчитать головы. «Предупрежден – вооружен». Я шагнул к монитору. Картинка была серой и мутной. На ней был белый крытый фургон. Сбоку надпись. «Кист и Мейден, доставка продуктов». Я выдохнул. Эти люди вряд ли знают охранника в лицо. Я убрал «беретту» в карман. Снял пиджак и плащ. Стащил с трупа джинсовую куртку и натянул ее на себя. Она оказалась тесноватой, и на ней была кровь, но выглядело все достаточно убедительно. Я вышел из двери, стараясь держаться спиной к особняку и казаться ниже на пару дюймов. Подошел к воротам. Поднял задвижку кулаком, как это делал Поли. Распахнул ворота. Белый фургон, въехав, остановился рядом со мной. В кабине двое. Оба в смокингах. Еще два случайных человека. Тот, что сидел справа, опустил стекло.

– Куда? – спросил он.

– Направо за дом, – сказал я. – Дверь на кухню сзади.

Стекло поднялось. Фургон проехал мимо. Я махнул рукой. Закрыл ворота. Вернулся в домик и стал следить за фургоном из окна. Он проехал к особняку, а на кругу повернул направо. Свет фар скользнул по «кадиллаку», «линкольну» и двум джипам, вспыхнули красные огоньки стоп-сигналов, после чего фургон скрылся из виду.

Я подождал две минуты, усилием воли призывая темноту. Затем переоделся в свою одежду и взял «Средства убеждения». Приоткрыл дверь, выполз на улицу, закрыл дверь за собой и распластался на земле. Прижался плечом к стене и снова медленно пополз вперед, отворачивая

лицо от особняка. Подо мной была галька, и маленькие камешки впивались мне в локти и колени. Но я чувствовал только неприятный холодок спиной. Она была обращена к оружию, способному каждую секунду выпускать двенадцать полудюймовых пуль. Как знать, быть может, как раз сейчас какой-нибудь тип кладет руки на рукоятки. Я надеялся, первая очередь пройдет мимо цели. Очень надеялся. Я рассчитывал на то, что первая очередь пройдет ниже или выше. После чего я сразу же вскочу на ноги и, петляя, побегу в темноту, прежде чем пулеметчик успеет опомниться.

Дюйм за дюймом я полз вперед. Десять ярдов. Пятнадцать. Двадцать. Я двигался очень медленно, надеясь на то, что в полумраке я кажусь неясной тенью. Мне приходилось постоянно сдерживать непреодолимое желание вскочить и побежать. У меня колотилось сердце. Несмотря на холод, я вспотел. Ветер с моря налетал на стену и, стекая вниз, пытался выкатить меня на яркий свет.

Я не останавливался. Преодолел половину пути. Тридцать ярдов позади, тридцать осталось. У меня болели локти. Я поднимал «Средства убеждения» над землей, и вся их тяжесть приходилась мне на руки. Я остановился, чтобы передохнуть. Просто вжался в землю, стараясь притвориться камнем. Повернув голову, я рискнул бросить взгляд в сторону дома. Там все было тихо. Я оглянулся назад. Посмотрел вперед. *Точка, откуда уже нет возврата назад.* Я пополз дальше, заставляя себя двигаться медленно. Чем ближе оставалось до конца стены, тем сильнее зудела моя спина. Я учащенно дышал. Меня охватывала паника. Кипящий в жилах адреналин вопил: «Беги! Беги!» Шумно дыша, я усилием воли заставлял руки и ноги двигаться согласованно. *Медленно.* Когда до конца стены осталось ярдов десять, у меня появилась надежда, что мне все же удастся сделать это. Я остановился. Набрал в грудь воздуха. Пополз дальше. Почва стала понижаться, и я последовал за уклоном. Добрался до воды. Ощутил под собой скользкий ил. На меня накатывались небольшие волны, обдававшие брызгами. Повернувшись на девяносто градусов налево, я остановился. Сейчас я находился на краю поля зрения наблюдателя, но мне требовалось преодолеть тридцать футов яркого света. Я решил отказаться от медлительности. Опустив голову, я выпрямился и побежал что есть силы.

Секунды четыре я был освещен так ярко, как никогда до этого. Мне показалось, прошло четыре жизни. Я был ослеплен. Достигнув темноты, я рухнул на землю и прислушался. Не услышал ничего, кроме шума разбушевавшегося моря. Не увидел ничего, кроме красных кругов перед глазами. Проковыляв еще десять шагов по скалам, я остановился. Оглянулся. *Получилось.* Я улыбнулся в темноте. *Куин, я иду за тобой.*

Глава 15

Десять лет назад мне пришлось ждать его восемнадцать часов. Я ни на секунду не усомнился в том, что он придет. Я просто сидел в кресле, положив на колени «ругер», и ждал. Я не заснул. Ни разу не сомкнул глаз. Просто сидел. Всю ночь. Все следующее утро. Полдень приблизился и миновал. Я сидел и ждал Куина.

Он приехал ровно в два часа дня. С дороги донесся шум машины, сбавляющей скорость. Я встал, держась подальше от окна, и увидел, как к дому сворачивает красный «понтиак», взятый напрокат. Через лобовое стекло я отчетливо разглядел Куина. Свежий, опрятный. Аккуратно расчесанные волосы. Голубая рубашка с распахнутым воротом. Куин улыбался. Машина проехала за дом и, прошуршав гравием, остановилась у кухни. Я вышел в коридор. Прижался к стене рядом с дверью на кухню.

Я услышал, как в замке повернулся ключ. Распахнулась дверь. Протестующе завизжали петли. Куин оставил дверь открытой. Снаружи доносился шум двигателя, работающего на холостых оборотах. Куин его не заглушил. Значит, он не собирался здесь задерживаться. Я услышал шаги по линолеуму кухни. Быстрые, легкие, уверенные. Поступь человека, знающего о том, что он ведет игру по-крупному, и уверенного в близком выигрыше. Куин шагнул в дверь. Я ударил его локтем в висок.

Он рухнул на пол навзничь, и я зажал ему горло. Отложил «ругер» и обыскал его. Он был без оружия. Я убрал руку, Куин поднял голову, но я швырнул его назад ударом каблука под подбородок. Куин брякнулся затылком об пол, и его глаза вылезли из орбит. Пройдя на кухню, я закрыл входную дверь. Вернулся в коридор и, схватив Куина за запястья, протащил в гостиную. Опустил на пол и похлопал по щекам. Направил «ругер» ему в лицо и стал ждать, когда он придет в себя.

Его глаза, открывшись, сначала сфокусировались на пистолете, затем на мне. Я был в форме, со знаками отличия, нашивками и всей прочей мишурой, так что Куин сразу же понял, кто я такой и почему здесь.

– Подождите, – сказал он.

– Зачем?

– Вы совершаете ошибку.

– Вот как?

– Вы все не так поняли.

– Разве?

Он кивнул.

– Они были продажными.

– Кто?

– Фраскони и Коль.

– Правда?

Куин снова кивнул.

– А затем он попытался ее обмануть.

– Как?

– Мне можно сесть?

Я покачал головой, не убирая пистолет.

– Нет.

– Я проводил одну операцию, – быстро заговорил Куин. – Работал вместе с государственным департаментом. Мы проверяли посольства недружественных стран.

– А что насчет девочки Горовского?

Он нетерпеливо тряхнул головой.

– Идиот, с этой чертовой девчонкой ничего не произошло. Горовский должен был играть свою роль, только и всего. Все было подстроено. На тот случай, если его будут проверять. К таким вещам мы готовимся досконально. Вдруг у кого-то возникнут подозрения и он начнет копать глубже. Мы позаботились обо всем. За нами могли вести слежку.

– Что насчет Фраскони и Коль?

– Они знали свое дело. Вышли на меня довольно быстро. Решили, что я преступник. Что меня очень обрадовало. Это означало, что я играю свою роль так, как надо. Затем все пошло наперекосяк. Фраскони и Коль обратились ко мне и предложили затормозить расследование, если я им заплачу. Сказали, что это даст мне время покинуть страну. Они думали, я намереваюсь это сделать. Тогда я решил, а почему бы им не подыграть? Ибо кто может знать наперед, какая рыба попадется в сети? А чем ее больше, тем веселее, разве не так? Поэтому я сделал все так, как они просили.

Я молчал.

– Расследование продвигалось медленно, не так ли? – заметил Куин. – Не сомневаюсь, вы обратили на это внимание. Оно тянулось неделя за неделей. Очень медленно.

Медленно, как улитка.

– Затем настало вчера, – продолжал он. – Я схватил за шкирку сирийцев, ливанцев и иранцев. Настал черед иракцев, а это уже была крупная рыба. Поэтому я решил заодно схватить за шкирку и ваших ребят. Они приехали ко мне за последней выплатой. Сумма должна была быть большой. Но Фраскони захотел забрать себе все. Он ударил меня по голове. Я потерял сознание, а когда очнулся, увидел, что Фраскони уже расправился с Коль. Это был настоящий сумасшедший, поверьте. У меня в ящике письменного стола лежал пистолет, и я убил Фраскони.

– Почему вы обратились в бегство?

– Потому что я испугался. Я всю жизнь прослужил в Пентагоне. Ни разу в жизни не видел кровь. И я не знал, сколько ваших еще замешано в этом деле. Возможно, Фраскони и Коль были не одни.

Фраскони и Коль.

– Вы оказались на высоте, – одобрительно заметил Куин. – Вы приехали прямо сюда.

Я кивнул, вспоминая восьмистраничную биографию, составленную безукоризненным почерком Коль. *Профессия родителей, дом, где вырос.*

– Кому это пришло в голову? – спросил я.

– Первому? Разумеется, Фраскони. Он же был старшим по званию.

– Как ее звали?

У него в глазах мелькнула искорка страха.

– Коль.

Я снова кивнул. Коль отправилась производить арест в парадной форме. Черная полоска с фамилией на правой стороне груди. «Коль». Как требует устав: «Полоска с фамилией женщины-военнослужащего располагается горизонтально справа на расстоянии от одного до двух дюймов от верхней пуговицы мундира, в зависимости от индивидуальных особенностей фигуры». Куин прочитал фамилию, как только Коль вошла в дверь.

– А имя?

Куин задумался.

– Не помню, – признался он.

– А как звали Фраскони?

«Полоска с фамилией мужчины-военнослужащего располагается по центру клапана правого нагрудного кармана на одинаковом расстоянии от шва и пуговицы».

– Не помню.

– А вы попробуйте.

– Я не смогу вспомнить. Это ведь ничего не значащая мелочь.

– Три из десяти. Тройка.

– Что?

– Ваша общая оценка – тройка. Очень плохой результат.

– Вы о чем?

– Ваш отец работал на железной дороге, – медленно произнес я. – Мать сидела дома. Ваше полное имя – Фрэнсис Ксавье Куин.

– Ну и что?

– Так расследование не ведут, – объяснил я. – Собираясь схватить кого-то за шкирку, узнаёшь об этом человеке все. Вы вели игру с двумя нашими сотрудниками в течение нескольких недель и так и не узнали, как их зовут? Не удосужились заглянуть в их личные дела? Не сделали никаких записей? Не составили донесений?

Куин промолчал.

– Кроме того, у Фраскони никогда в жизни не было собственной мысли, – продолжал я. – Он делал только то, что ему говорили. Ни один человек, знавший этих людей, не сказал бы «Фраскони и Коль». Они были Коль и Фраскони. Ты завяз в грязи по самые уши, а этих ребят ты увидел только тогда, когда они пришли за тобой. И ты убил их.

Куин доказал правоту моих слов, бросившись на меня. Я был готов к этому. Боец он оказался никудышный. Я сбил его с ног, ударив гораздо сильнее, чем требовалось. Когда я загружал его в багажник его собственной машины, он еще был без сознания. Не пришел в себя и тогда, когда около заброшенного сарая я перегружал его в багажник своей машины. Проехав на юг по шоссе 101, я свернул направо, к Тихому океану. Остановился на площадке, усыпанной щебнем. Оттуда открывался величественный вид. Было около трех часов дня, ярко светило солнце, и океан был ослепительно синий. Площадка была огорожена металлическим заборчиком высотой по колено, за ней еще на пол-ярда продолжался щебень, после чего следовал длинный вертикальный обрыв к самому берегу. Дорога была пустынной. Одна машина в пару минут. Основной транспортный поток следовал по шоссе.

Открыв багажник, я тотчас же с силой захлопнул его на тот случай, если Куин уже очухался и собирался напасть на меня. Но он едва пришел в себя. Вытащив из багажника, я поставил его на ватные ноги и заставил идти. Дал ему возможность минуту полюбоваться океаном, пока сам проверял, нет ли поблизости случайных свидетелей. Вокруг не было никого. Тогда я развернул Куина лицом к себе. Отошел на пять шагов.

– Ее звали Доминик, – сказал я.

И выстрелил в него. Два выстрела в голову и один в грудь. Я ожидал, он упадет вперед на щебень, после чего я собирался подойти к нему и сделать четвертый выстрел в упор в глаз, а затем сбросить труп в океан. Но Куин, шатаясь, отступил назад, споткнулся об ограждение, не удержал равновесие и, скользнув плечом по последнему полуярду Америки, сорвался с обрыва. Ухватившись за ограждение рукой, я перевесился и заглянул вниз. Увидел, что Куин упал на скалы. Прибой сомкнулся над ним. Больше я его не видел. Я ждал больше минуты. В конце концов решил: «Две пули в голову, одна в сердце, падение с высоты ста двадцати футов в океан – у него нет никаких шансов выжить».

Я подобрал стреляные гильзы.

– Десять – восемнадцать, Доми. Задание выполнено, – сказал я и направился к машине.

Десять лет спустя стемнело очень быстро. Мне пришлось пробираться по скалам к гаражу в полной темноте. Море вздымалось и разбивалось справа от меня. Ветер дул мне в лицо. Я не ожидал встретить кого-либо на улице. Особенно здесь, за домом. Поэтому я двигался быстро, вскинув голову, держа наготове «Средства убеждения». «Куин, я иду за тобой».

Обогнув гараж, я увидел у двери кухни фургон доставки продуктов. Он стоял там же, куда поставил «линкольн» Харли, чтобы выгрузить из багажника труп горничной Бека. Двери грузового отсека были открыты, и двое мужчин в смокингах спешили на кухню и обратно, разгружая машину. Металлодетектор на двери вежливо пищал каждый раз, когда они проносили блюда в фольге. Я хотел есть. Воздух был наполнен ароматом еды. Мужчины в смокингах низко пригибали головы, спасаясь от ветра. Они не замечали ничего вокруг, поглощенные своим делом. Но я все равно обошел их на почтительном удалении, по самой границе скал. Перепрыгнув расселину Харли, я двинулся дальше.

Отойдя от фургона с продуктами как можно дальше, я быстро пересек открытое место и приблизился к дому с противоположной от кухни стороны. Я был в приподнятом настроении. Чувствовал себя бесшумным и невидимым. Своего рода первозданной силой, вышедшей из пучины. Остановившись, я прикинул, где должны быть окна обеденного зала. В

них горел свет. Я приблизился к стене вплотную и рискнул заглянуть внутрь.

Первым, кого я увидел, был Куин. Одетый в черный костюм, он стоял, поднимая в руке бокал. Его волосы стали совершенно седыми. На лбу розовели маленькие шрамы. Куин немного ссутулился. Пополнел. Постарел на десять лет.

Рядом с ним стоял Бек. На нем тоже был темный костюм. В руке он держал бокал. Плечом к плечу со своим боссом. Напротив них стояли три араба. Маленького роста, с черными, словно намасленными волосами. Арабы были в европейской одежде. Костюмы из ткани под акулью кожу, светло-серые и голубые. Арабы тоже держали бокалы.

У них за спиной стояли Ричард и Элизабет Беки, беседуя друг с другом. В целом получился свободный фуршет рядом с огромным обеденным столом, накрытым на восемнадцать персон. Обстановка была очень торжественная. Перед каждым стулом стояло по три бокала и столько тарелок, что их хватило бы на целую неделю. Кухарка суетилась по залу с подносом с напитками. Я различил высокие фужеры с шампанским и массивные стаканчики с виски. На кухарке были темная юбка и белая блузка. На предстоящем ужине ей отвели роль официантки. Возможно, ее кулинарный опыт не распространялся на ближневосточную кухню.

Терезы Даниэль я не увидел. Быть может, ее заставят вылезти из торта позже. Все остальные присутствующие были мужчины. Трое. Предположительно лучшие ребята Куина. Странная троица. Совершенно не похожие друг на друга громилы. Угрюмые, свирепые лица. Но вероятно, не более опасные, чем Энджел Долл или Харли.

Итак, стол накрыт на восемнадцать персон, но гостей всего десять. Восемь отсутствующих. Дьюк, Энджел Долл, Харли и Эмили Смит – это будет четверо. Тот тип, которого оставили в домике привратника вместо Поли, предположительно пятый. Таким образом, оставалось еще трое. Вероятно, один у входа, один в окне комнаты Дьюка и один с Терезой Даниэль.

Я стоял у окна, внимательно изучая находящихся в зале. Мне неоднократно приходилось бывать на торжественных вечеринках и официальных ужинах. В зависимости от места службы они могут играть большую роль в общественной жизни на военной базе. Я прикинул, что эти люди пробудут в зале минимум четыре часа, отлучаясь только в туалет. Говорил в основном Куин, все время смотря в глаза поочередно каждому из трех арабов. Он был центром притяжения. Улыбался, жестикулировал, смеялся. Внешне походил на человека, ведущего игру по-крупному и уверенного в близком выигрыше. Однако это было не так. Ужин на восемнадцать персон превратился в ужин для десятерых, потому что я по-прежнему оставался в деле.

Пригнувшись, я направился к кухне. Опустился на колени, стянул плащ и оставил «Средства убеждения» завернутыми в него так, чтобы можно было снова легко их найти. Затем я встал и прошел прямо на кухню. Металлодетектор пискнул на лежащую у меня в кармане «беретту». Ребята из службы доставки возились с чем-то завернутым в алюминиевую фольгу. Я кивнул им с видом человека, живущего здесь, и вышел в коридор. Мои шаги по толстому ковру оставались неслышными. Из обеденного зала доносился громкий гомон оживленной вечеринки. Я увидел человека, дежурившего у входной двери. Он стоял спиной ко мне и смотрел в окно, опираясь плечом на стену оконного проема. От света прожекторов на стене у него над головой сиял голубоватый ореол. Я подошел прямо к нему. *Стрелять на поражение. Они или я.* Помедлив мгновение, я шагнул вперед и обхватил правой рукой горло охранника под самым подбородком. Прижал сжатую в кулак левую руку ему к затылку. Одновременно дернул правую руку вверх и назад, а левую вниз и вперед, ломая шею у четвертого позвонка. Охранник обмяк у меня в руках, и я, подхватив под мышки, оттащил его в комнату Элизабет Бек и бросил на диван. На столике до сих пор лежал раскрытый «Доктор Живаго».

Один готов.

Закрыв дверь комнаты, я направился к лестнице. Быстро и бесшумно поднялся на второй этаж. Остановился перед комнатой Дьюка. Элиот лежал распростертый на полу. Мертвый. На спине. Его куртка была распахнута, а в рубашке, ставшей твердой от засохшей крови, зияли многочисленные пулевые отверстия. Ковер под ним стал ржаво-бурым. Переступив через тело, я заглянул в комнату. Сразу же понял, почему Элиот погиб. НСВ заклинило. Должно быть, переговорив по телефону с Даффи, Элиот побежал вниз и вдруг увидел приближающуюся вереницу машин. Вернулся к крупнокалиберному пулемету. Нажал на гашетку, но патрон перекосило. Пулемет был старый, превратившийся в груду железа. Теперь механик разобрал его на полу и стоял перед ним на коленях, пытаясь починить механизм подачи ленты. Он был полностью поглощен своей работой. Не увидел меня. Не услышал моих шагов.

Стрелять на поражение. Они или я.

Двое готовы.

Я повалил труп на пулемет. Торчащий из-под него ствол казался третьей рукой. Я выглянул в окно. Над стеной по-прежнему горел слепящий свет. Я сверился с часами. Из отведенного мне часа прошло ровно тридцать минут.

Я спустился вниз. Подобно призраку скользнул по коридору до двери в подвал. Внизу горел свет. Я спустился по лестнице. Прошел через тренажерный зал. Мимо стиральной машины. Достал из кармана

«беретту». Снял ее с предохранителя. Держа пистолет перед собой, завернул за угол и направился прямо к двум запертым комнатам. Одна из них сейчас пустовала; дверь была распахнута настежь. Другая дверь была закрыта, и перед ней на стуле сидел тощий юнец. Он увидел меня, и его глаза округлились от страха. Нижняя челюсть отвисла. Изо рта не вырвалось ни звука. Я решил, что с этой стороны мне бояться нечего. Наверное, это был Трой, компьютерный взломщик.

– Если хочешь жить, молчи, – сказал я.

Парень молчал.

– Ты Трой?

Он молча кивнул.

– Отлично, Трой.

Я прикинул, что мы должны были находиться прямо под обеденным залом. Мне не хотелось рисковать, стреляя из пистолета в каменном подвале под ногами у всех. Поэтому я убрал «беретту» в карман и, схватив парня за шею, дважды ударил его головой о стену, отчего он погрузился в глубокий сон. Возможно, я проломил ему череп, а может быть, и нет. Если честно, мне было все равно. Именно он с помощью своей клавиатуры убил горничную.

Трое готовы.

В кармане парня я нашел ключ. Отпер замок, распахнул дверь и увидел Терезу Даниэль, сидящую на матрасе. Обернувшись, она посмотрела на меня. Тереза выглядел

а в точности так же, как на тех фотографиях, что показывала мне Даффи в мотеле утром дня номер одиннадцать. Похоже, она находилась в полном здравии. Волосы были вымыты и уложены. На ней было девственно-белоснежное платье. Белое нижнее белье и белые туфли. Голубые глаза и бледная кожа. Она напоминала весталку, которую собираются принести в жертву.

Я неуверенно остановился в дверях. Я не мог предсказать, какой окажется реакция Терезы. Несомненно, она уже догадалась, зачем нужна своим похитителям. А меня она не знает. Для нее я один из них, пришедший затем, чтобы вести ее к алтарю. И не надо забывать о том, что она является хорошо подготовленным и обученным сотрудником федерального правоохранительного ведомства. Если я предложу Терезе пойти со мной, она, возможно, окажет сопротивление. Вероятно, она уже давно готовится к этому и только выжидает удобного момента. А мне не хотелось поднимать шум. Пока что не хотелось.

Но затем я еще раз посмотрел Терезе Даниэль в глаза. Один зрачок был огромный. Другой сжался в крохотную точку. Она сидела совершенно неподвижно, не произнося ни звука. Обмякшая и завороженная. Я понял, что ее накачали наркотиками. Наверное, чем-то мудреным. Как называется излюбленное средство начинающих насильников? «Рогипнол»? «Рофинол»? Я точно не помнил. В этой области я не был силен. Наверняка это знал Элиот. И знают Даффи с Виллануэвой. Этот препарат делает людей пассивными, безвольными и послушными. Под его воздействием они беспрекословно ложатся на кровать и выполняют все, что им скажут.

– Тереза! – шепотом окликнул я.

Она ничего не ответила.

– С вами все в порядке? – спросил я.

Она кивнула:

– Все замечательно.

– Вы сможете идти?

– Да.

– Идемте со мной.

Тереза встала. На ногах она держалась нетвердо. Видимо, это объяснялось тем, что у нее ослабли мышцы. Она провела в заточении девять недель.

– Сюда, – указал я.

Тереза не двинулась с места. Я протянул руку. Она ее взяла. Ее кожа была сухой и теплой.

– Пойдем, – сказал я. – Не смотрите на того, кто лежит на полу.

Мы вышли из камеры, и я на минуту отпустил Терезу. Втащил в камеру бесчувственного Троя, закрыл дверь и запер ее на замок. Снова взял Терезу за руку и повел ее к лестнице. Она была совершенно покорна. Смотрела прямо перед собой и шла следом за мной. Завернув за угол, мы прошли мимо стиральной машины. Мимо тренажерного зала. Тереза держала меня за руку так, словно мы были влюбленной парочкой. На ней было шелковое платье с кружевами. Я чувствовал себя так, словно направляюсь на выпускной бал. Держась за руки, мы подошли к лестнице. Поднялись наверх.

– Подождите здесь, – сказал я. – Никуда без меня не ходите, хорошо?

– Хорошо, – прошептала Тереза.

– И не произносите ни звука, хорошо?

– Не буду.

Оставив ее на верхней ступеньке, опирающуюся на перила, освещенную голой лампочкой под потолком, я закрыл перед ней дверь. Осторожно осмотрел коридор и направился на кухню. Там по-прежнему возились ребята из службы доставки.

– Это вы Кист и Мейден? – спросил я.

Тот, что стоял ближе ко мне, кивнул.

– Пол Кист, – представился он.

– Крис Мейден, – сказал второй.

– Пол, мне нужно переставить ваш фургон, – сказал я.

– Почему?

– Потому что он стоит на дороге.

Пол Кист удивленно посмотрел на меня.

– Вы же сами велели поставить его там.

– Поставить, но не оставлять.

Пожав плечами, он подошел к столу и взял ключи.

– Как скажете.

Взяв ключи, я вышел на улицу и заглянул в кузов фургона. Вдоль стен с обеих сторон были металлические полки. Для подносов с продуктами. Между ними оставался узкий проход. Окон не было. То, что нужно. Оставив задние двери открытыми, я сел за руль и завел двигатель. Сдал назад до круга перед крыльцом, развернулся и подъехал задом к дверям кухни. Теперь фургон смотрел в нужную сторону. Я заглушил двигатель, оставив ключи в замке зажигания. Вернулся на кухню. Металлодетектор пискнул.

– Что будет на ужин? – спросил я.

– Люля-кебаб из баранины, – сказал Мейден. – С рисом, кускусом и пюре из нута. На закуску голубцы из виноградных листьев. На десерт баклава. С кофе.

– Это блюда ливийской кухни?

– Арабской. На Востоке это едят везде.

– В свое время я покупал все это за один доллар. А вы берете пятьдесят пять.

– Где? Здесь, в Портленде?

– В Бейруте, – сказал я.

Выйдя в коридор, я осмотрелся по сторонам. Все тихо. Открыл дверь, ведущую в подвал. Тереза Даниэль ждала меня, не двинувшись с места, словно автомат. Я протянул руку.

– Пошли.

Она вышла ко мне. Я закрыл за ней дверь. Провел ее на кухню. Кист и Мейден удивленно уставились на нас. Не обращая на них внимания, я вывел Терезу через черный вход. Подвел к фургону. Она дрожала от холода. Я помог ей забраться в кузов.

– Теперь ждите меня здесь, – сказал я. – Сидите тихо. Хорошо?

Она молча кивнула.

– Я закрою дверь, – продолжал я.

Тереза снова кивнула.

– Скоро я вас отсюда выпущу.

– Спасибо, – наконец нарушила она молчание.

Закрыв двери фургона, я вернулся на кухню. Остановился и прислушался. Из обеденного зала доносился гул голосов. Все по-прежнему звучало совершенно нормально.

– Когда они начнут? – спросил я.

– Через двадцать минут, – ответил Мейден. – Когда закончат аперитивы. Между прочим, в пятьдесят пять долларов входит шампанское.

– Ладно, не обижайтесь.

Я взглянул на часы. Прошло сорок пять минут. Осталось пятнадцать.

Впереди самое главное.

Я вернулся на улицу, на холод. Сел в кабину фургона и завел двигатель. Медленно поехал вперед, обогнул угол особняка, развернулся на кругу, медленно проехал по дорожке. Прочь от дома. К воротам. Выехав на дорогу, я нажал на газ. На большой скорости прошел все повороты. Резко затормозил рядом с «таурусом» Виллануэвы. Выскочил из кабины. Вилллануэва и Даффи бросились мне навстречу.

– Тереза в кузове, – сказал я. – С ней все в порядке, но она по уши накачана наркотиками.

Даффи прыгнула мне на шею, стискивая в объятиях. Вилллануэва распахнул задние двери. Тереза буквально вывалилась ему в руки. Он подхватил ее, словно ребенка. Затем Даффи вырвала у него Терезу, и Вилллануэва, в свою очередь, принялся тискать меня.

– Вам надо отвезти ее в больницу, – сказал я.

– Мы отвезем ее в мотель, – сказала Даффи. – Мы вынуждены действовать как частные лица.

– Ты точно уверена, что так будет лучше?

– С Терезой все будет в порядке, – заверил меня Вилллануэва. – Похоже, ей дали «руфи». Наверное, получили препарат у своих дружков-наркоторговцев. Действует он недолго. Быстро вымывается из системы.

Даффи обнимала Терезу, будто родная сестра. Вилллануэва тискал меня в объятиях.

– Элиот убит, – сказал я.

Это стало холодным душем.

– Как только приедете в мотель, звоните в БАТО, – сказал я. – Если я не позвоню вам раньше.

Они молча посмотрели на меня.

– А сейчас возвращаюсь.

Развернувшись, я поехал назад. Впереди показался особняк. Во всех окнах горел яркий желтоватый свет. Прожектора над стеной в дымке сияли голубоватым заревом. Фургону приходилось бороться со встречным ветром. Я решил, что пора перейти к плану «Б». Куин мой, а об остальных пусть болит голова у БАТО.

Я доехал до дальнего конца круга и сдал задом вдоль особняка. Остановился перед кухней. Вышел из кабины, обогнул дом и отыскал свой плащ. Развернул «Средства убеждения». Надел плащ. Он был мне нужен. Заметно похолодало, а приблизительно через пять минут мне предстояло снова тронуться в путь.

Подойдя к окнам обеденного зала, я заглянул внутрь. Но кто-то опустил шторы. Разумно. На улице бушевала непогода. Обеденный зал будет выглядеть лучше с закрытыми шторами. Более уютно. На полу

восточные ковры, стены обшиты деревом, на льняной скатерти столовое серебро.

Взяв «Средства убеждения», я вернулся на кухню. Металлодетектор пронзительно взвизгнул. На столике выстроились в ряд десять тарелок с голубцами из листьев винограда. Листья казались темными, маслянистыми и жесткими. Я умирал от голода, но не мог позволить себе съесть хотя бы один голубец. С нынешним состоянием моих зубов это было невозможно. Я прикинул, что благодаря Поли мне придется целую неделю питаться одним мороженым.

– Подождите подавать блюда минут пять, хорошо? – сказал я.

Кист и Мейден уставились на ружья.

– Ваши ключи, – сказал я.

Я бросил их на столик рядом с тарелками с голубцами. Они мне больше были не нужны. У меня были ключи, которые дал мне Бек. Я рассчитывал выйти из особняка через парадную дверь и воспользоваться «кадиллаком». Так будет быстрее. И комфортабельнее. Я взял со стола нож. Прорезал им отверстие в правом кармане плаща, такое, чтобы просунуть под подкладку ствол «Средства убеждения». Я убрал в эту импровизированную кобуру ружье, из которого был убит Харли. Взял другое в обе руки. Сделал вдох, набираясь сил. Вышел в коридор. Ошеломленные Кист и Мейден следили за мной. Первым делом надо было проверить туалетную комнату. Нет смысла устраивать представление, если Куина нет в обеденном зале. Но в туалетной комнате было пусто.

Дверь в обеденный зал была закрыта. Еще раз набрав полную грудь воздуха, я пнул дверь ногой, шагнул вперед и выпустил два «Бреннеке» в потолок. Они произвели действие шоковых гранат. Сдвоенный выстрел прогремел оглушительно громко. Вниз посыпался дождь штукатурки и деревянных щепок. Комната заполнилась дымом и пылью. Все присутствующие застыли словно изваяния. Я навел ружье Куину в грудь. В дальних уголках замерли отголоски выстрелов.

– Помнишь меня? – спросил я.

Наступившую тишину разорвал пронзительный крик Элизабет Бек.

Я сделал еще шаг вперед, держа дуло направленным на Куина.

– Помнишь меня? – повторил я.

Одна секунда. Две. Его губы зашевелились.

– Я видел вас в Бостоне, – сказал наконец Куин. – На улице. В субботу вечером. Кажется, две недели назад.

– Даю еще одну попытку, – сказал я.

Его лицо оставалось абсолютно пустым. Он меня не помнил. «Ему поставили диагноз «амнезия», – сказала Даффи. – Что было естественно вследствие травмы. Врачи считали, он действительно мог ничего не помнить о самом несчастном случае и предшествующих двух-трех днях».

– Я Ричер, – сказал я. – Я хочу, чтобы ты меня вспомнил.

Куин беспомощно посмотрел на Бека.

– Ее звали Доминик, – сказал я.

Он снова повернулся ко мне. Уставился, широко раскрыв глаза. Теперь он наконец понял, кто я такой. Его лицо изменилось. Кровь схлынула, уступив место ярости. И страху. Шрамы от пуль 22-го калибра побелели. Я подумал было о том, чтобы выстрелить точно между ними. Сделать это будет весьма не просто.

– Ты действительно надеялся, что я тебя не найду? – спросил я.

– Мы можем поговорить? – произнес Куин таким тоном, словно у него пересохло во рту.

– Нет, – ответил я. – Ты и так уже урвал лишних десять лет.

– Мы здесь все вооружены, – вмешался Бек.

Судя по голосу, он был перепуган. Трое арабов не отрывали от меня глаз. Их маслянисто-черные волосы были обсыпаны крошками штукатурки.

– В таком случае скажите им, чтобы никто не стрелял, – сказал я. – Не нужно напрасных жертв.

Присутствующие начали пятиться от меня. Пыль оседала на стол.

Крупный кусок штукатурки разбил бокал. Двигаясь вместе с толпой, я развернулся, занимая такое положение, чтобы все потенциальные враги собрались в одном углу помещения. При этом я постарался оттеснить Элизабет, Ричарда и кухарку в другой. К окну, где они будут в безопасности. Я говорил исключительно на языке жестов. Повернул плечо и чуть подался вперед, и хотя от большинства гостей меня отделял стол, они послушно пошли туда, куда я показал. Разделились на две группы, восемь и три человека.

– А сейчас всем следует отойти подальше от мистера Ксавье, – сказал я.

Все повиновались, за исключением Бека. Тот остался стоять рядом с Куином. Я удивленно посмотрел на него. И вдруг понял, что Куин держит его за руку, крепко схватив чуть выше локтя, и тянет его к себе. Тянет что есть силы, пытаясь укрыться за живым щитом.

– Эти пули имеют диаметр дюйм, – сказал я, обращаясь к Куину. – До тех пор, пока мне будет виден хоть дюйм твоего тела, это тебе не поможет.

Он ничего не ответил, продолжая тянуть Бека к себе. Тот сопротивлялся. В его глазах появился страх. Шла статическая силовая борьба. Похоже, Куин одерживал в ней верх. Не прошло и десяти секунд, как Бек уже наполовину заслонял его. Левое плечо Бека загородило правое плечо Куина. Оба мужчины дрожали от напряженных усилий. Хотя «Средство убеждения» имело вместо приклада пистолетную рукоятку, я поднес ружье к плечу и тщательно прицелился вдоль ствола.

– Я тебя все равно вижу.

– Не стреляй, – произнес у меня за спиной Ричард Бек.

В его голосе что-то прозвучало.

Я оглянулся. На мгновение повернул голову. Молниеносное движение туда и обратно. В руке у Ричарда была «беретта». Такая же, как та, что лежала у меня в кармане. Она была нацелена мне в голову. Яркий свет люстры отчетливо высвечивал пистолет. Хотя я смотрел на него лишь долю секунды, я успел разглядеть изящную гравировку на затворе. «Пьетро Беретта». Успел разглядеть капельки влаги на смазке и маленькую красную точку, которая показывала, что предохранитель переведен в положение «огонь».

– Убери пистолет, Ричард, – сказал я.

– Не уберу, пока мой отец здесь.

– Куин, отпусти его, – приказал я.

– Не стреляй, Ричер, – повелительным тоном произнес Ричард. – Я выстрелю первым.

К этому времени Куин успел уже почти полностью загородиться Беком.

– Не стреляй, – повторил Ричард.

– Убери пистолет, – снова сказал я.

– Нет.

– Убери.

– Нет.

Я внимательно вслушивался в его голос. Ричард не двигался. Стоял на месте. Мне было точно известно его положение. Был известен угол, на который я должен буду повернуться. Я мысленно прокрутил все в

голове. *Обернуться. Выстрелить. Передернуть затвор. Обернуться. Выстрелить.* Я смогу уложить обоих за секунду с четвертью. Куин не успеет среагировать. Я набрал воздуха.

И тут я представил себе Ричарда. Длинные, всклокоченные волосы, отсутствующее ухо. Тонкие пальцы. Представил себе, как пуля «Бреннеке» попадает в него, сокрушая все на своем пути, своей огромной кинетической энергией разрывая на части его тело. Я не мог это сделать.

– Убери пистолет, – повторил я.

– Нет.

– Пожалуйста!

– Нет.

– Ты помогаешь этому мерзавцу.

– Я помогаю своему отцу.

– Я его не задену.

– Я не могу пойти на такой риск. Он мой отец.

– Элизабет, скажите ему.

– Нет, – послышался ее голос. – Он мой муж.

Патовая ситуация.

Хуже, чем патовая. Потому что я абсолютно ничего не мог сделать. Я не мог выстрелить в Ричарда. Не мог заставить себя сделать это. Следовательно, я не мог выстрелить в Куина. И не мог сказать, что не буду стрелять в Куина, потому что в этом случае восемь человек тотчас же выхватят свое оружие и направят его на меня. Возможно, кого-то из них мне удастся уложить, но рано или поздно кто-то уложит меня. И я не мог отделить Куина от Бека. Не мог заставить Куина отпустить Бека и выйти из зала вместе со мной. Пат.

Пора переходить к плану «В».

– Убери пистолет, Ричард, – сказал я.

И прислушался.

– Нет.

Он не двинулся с места. Я снова мысленно отрепетировал свои действия. *Обернуться. Выстрелить.* Я сделал вдох. Стремительно развернулся и выстрелил, прицелившись на фут правее Ричарда, в окно. Пуля пробила

шторы, попала в раму и вышибла ее. Сделав три прыжка, я нырнул головой вперед в образовавшееся отверстие. Перекатился, освобождаясь от разодранного бархата, поднялся на ноги и побежал. Прямиком к скалам.

Ярдов через двадцать я остановился и обернулся. Ветер трепал обрывки шторы. Толстая ткань громко хлопала в дыре. Сквозь нее пробивался желтоватый свет. За разбитым стеклом были видны столпившиеся у окна фигуры, освещенные сзади. Все двигалось. Шторы, люди. Свет то тускнел, то ярко вспыхивал в такт трепещущимся шторам. Мне вдогонку послышались выстрелы. Стреляли из пистолетов. Сначала из двух, затем из четырех, из пяти. Со всех сторон вокруг меня засвистели пули, выбивавшие из скал искры и уходившие рикошетом. В воздух взлетали каменные осколки. Выстрелы звучали тихо, словно отдаленные глухие хлопки, теряясь в завывании ветра и грохоте волн. Я опустился на колено. Поднял «Средство убеждения». Внезапно стрельба прекратилась. Мой палец застыл на спусковом крючке. Штора исчезла. Кто-то сорвал ее. Мне в лицо хлынул яркий свет. Я разглядел у самого окна Ричарда и Элизабет с выкрученными руками. Остальные толпились у них за спиной. Из-за плеча Ричарда показалось лицо Куина. Он целился в меня.

– Ну-ка, попади в меня теперь! – крикнул он.

Его голос потерялся в вое ветра. У меня за спиной с грохотом разбилась о скалы седьмая волна. Соленые брызги взлетели вверх, и ветер, подхватив их, с силой ударил мне в затылок. За спиной Элизабет я разглядел одного из людей Куина. Лицо женщины было искажено от боли. Громила держал ее за предплечье, пряча голову за ее головой. У него в руке был пистолет. Мелькнула рукоятка другого пистолета, выбившая из рамы застрявшие осколки. Ричарда подтолкнули вперед. Он поставил колено на подоконник. Куин подсадил его. Поднялся сам, прижимаясь к Ричарду.

– Попади в меня теперь! – снова крикнул он.

Сильная рука обвила Элизабет за талию, поднимая ее на подоконник. Элизабет отчаянно отбивалась ногами. Ее опустили на землю и отдернули назад, чтобы обеспечить прикрытие тому, кто находился у нее за спиной. Мне отчетливо было видно белевшее в темноте лицо Элизабет, искаженное от боли. Я подался назад. Из окна продолжали вылезать люди. Они толпились, жались друг к другу, выстраивались клином. На острие клина стояли плечом к плечу Элизабет и Ричард. Клин медленно двинулся в мою сторону. Его движения были некоординированными. Я насчитал пять стволов. Клин неумолимо надвигался. Я пополз назад. Пистолеты снова начали стрелять.

Стрельба велась не на поражение. Она гнала меня назад. Я пятился, считая выстрелы. Пять пистолетов, полные обоймы, всего не меньше семидесяти пяти патронов. Может быть, и больше. А пока что было сделано около двадцати выстрелов. До того как патроны кончатся, еще очень далеко. И огонь велся осмысленно. Это была не беспорядочная пальба. Пули впивались в скалы справа и слева от меня, примерно через пару секунд. На меня словно надвигалась машина. Танк с броней из человеческих тел. Я встал. Попятился назад. Клин приближался.

Ричард был справа, а Элизабет слева. Выбрав громилу справа и сзади от Ричарда, я прицелился. Громила заметил это и подался влево. Клин сжался, превратившись в узкую колонну. Колонна надвигалась на меня. Я не мог стрелять. Только пятился назад, шаг за шагом.

Левой ногой я нащупал край расселины Харли.

Бурлящая вода накатила на ботинок. Грохотали волны. Шуршала галька. Я придвинул правую ногу к левой. Встал на самом краю, удерживая равновесие. Куин торжествующе усмехался. В темноте сверкали его зубы.

– Теперь можешь попрощаться, – крикнул он.

«Постарайтесь остаться в живых и посмотреть, что принесет следующая минута».

Колонна встопорщилась руками. Шесть или семь, потянувшихся вперед, сжимающих пистолеты. Целящихся. Все ждали команды. Я услышал, как у моих ног разбилась седьмая волна. Она окатила мне щиколотки и затекла футов на десять вперед. Застыв на секунду, вода отхлынула назад, безразличная, словно метроном. Я посмотрел на Элизабет и Ричарда. Всмотрелся в их лица. Набрал полную грудь воздуха. Подумал: «Они или я». Отбросив «Средство убеждения», я упал спиной в воду.

Сначала я ощутил шок от холода, а дальше было словно падение с высокой крыши. Только падение не было свободным. Я будто попал в трубу, заполненную ледяной смазкой, в которую меня засасывало под крутым, но постоянным углом. С ускорением. Я перевернулся вверх ногами. Двигался головой вперед. Я упал спиной и какое-то мгновение ничего не чувствовал. Только ледяную воду, попавшую мне в уши, в глаза и в нос. Соль больно ужалила разбитую губу. Я находился в футе от поверхности. И никуда не двигался. Я боялся всплыть. Вынырнуть на поверхность перед громилами. Они наверняка столпились у края расселины, держа под прицелом воду.

Но тут я почувствовал, что у меня встают волосы. Ощущение было очень нежным. Как будто кто-то принялся их расчесывать. Затем я

почувствовал, что меня схватили за голову. Словно большой, сильный человек обхватил мне лицо ладонями и начал тянуть вниз, сначала очень мягко, затем жестче и жестче. Это ощущение распространилось на шею. Казалось, я вытягиваюсь в длину. Затем оно перешло на грудь и плечи. Мои руки, плававшие свободно, вдруг будто выкрутили за голову. А потом я сорвался с крыши. Меня понесло в глубину по пологой кривой, на спине, головой вниз. Я стал быстро набирать скорость. Вскоре уже двигался быстрее, чем при свободном падении. Меня словно увлекал в пучину эластичный шнур.

Я ничего не видел. Не мог даже сказать, открыты ли мои глаза. Холод был настолько оглушающим, а давление на тело таким равномерно сильным, что я даже ничего не чувствовал. Никакой физической силы. Все совершенно плавно. Будто телепортация из фантастического фильма. Перемещение посредством лучевой энергии. Я почувствовал себя жидким. Удлинившимся. Вытянувшимся до тридцати футов при одном дюйме толщины. Повсюду вокруг были непроницаемый мрак и холод. Я задержал дыхание. Полностью расслабился. Откинул голову назад, подставляя темя потоку воды. Вытянул носки ног. Выгнул дугой спину. Как можно дальше вытянул над головой руки. Растопырил пальцы, ощущая струящиеся между ними потоки воды. Меня охватило умиротворение. Я превратился в пулю. Мне понравилось это ощущение.

Вдруг мою грудь сдавила паника, и я понял, что тону. И начал барахтаться. Перевернулся спиной вверх. Течение стащило с меня плащ, запутавшийся вокруг головы. Я сорвал его с себя, вращаясь и кувыркаясь в этой леденящей трубе. Плащ, хлестнув напоследок меня по лицу, уплыл вперед. Я выбрался из пиджака. Он тоже мгновенно исчез. Внезапно я ощутил жгучий холод. Я по-прежнему продолжал быстро погружаться. Вода давила мне на барабанные перепонки. В ушах стоял свист. Я медленно переворачивался, стремительно погружаясь вниз, вращаясь и кувыркаясь, словно завязнув в патоке.

Какова ширина этой трубы? Я не знал. Я принялся отчаянно колотить ногами, стараясь уцепиться руками за воду. Меня будто заглатывали зыбучие пески. Нельзя опускаться вниз. Я барахтался, пытаясь нащупать край. Уговаривал себя: «Сосредоточься. Отыщи край. Двигайся. Сохраняй спокойствие. Пусть тебя утаскивает на пятьдесят футов вниз на каждый фут, на который тебе удается сместиться в сторону». Остановившись на мгновение, я перегруппировался и снова поплыл, но теперь уже правильно, вкладывая в это всю свою силу. Так, будто труба была плоской поверхностью бассейна, а я участвовал в соревновании. Будто победителя ждали на веранде девушка, коктейль и шезлонг.

Сколько времени я провел под водой? Я не знал. Вероятно, секунд пятнадцать. Я могу задерживать дыхание где-то на минуту. «Так что расслабься. Греби что есть силы. Найди край». Край должен быть

обязательно. Не может же весь океан находиться в этом ненормальном движении. Не может, потому что в этом случае вся Португалия оказалась бы под водой. И половина Испании. У меня в ушах ревело от давления воды.

В какую сторону меня тянет? Это не имеет значения. Я просто должен выбраться из течения. Я поплыл вперед. Почувствовал сопротивление потока воды. Невероятно сильное. До этого оно было мягче. Теперь же вода буквально рвала меня назад. Словно недовольная моим решением вернуться. Стиснув зубы, я работал ногами. Мои легкие разрывались, горели. Я выпустил изо рта струйку пузырьков, продолжая работать ногами, цепляясь руками за воду перед собой.

Тридцать секунд. Я начинал тонуть. И я сознавал это. Силы покидали меня. В легких ничего не осталось. Давление воды сокрушило мне грудь. Надо мной был целый миллиард тонн воды. Мое лицо скривилось от боли. В ушах стоял оглушительный рев. Желудок завязался узлом. Левое плечо горело в том месте, где ударил Поли. Я мысленно услышал голос Харли: «Назад никто не возвращался». Я что есть силы колотил ногами.

Сорок секунд. Я не продвинулся ни на дюйм. Меня увлекало в пучину. На самое дно. Я колотил ногами. Цеплялся руками. *Пятьдесят секунд.* В ушах усиливался свист. Голова раскалывалась. Губы прижало к зубам. Внезапно меня обуяла злость. Куину удалось выбраться из океана. А чем я хуже его?

Я продолжал отчаянно работать ногами. *Прошла целая минута.* Замерзшие пальцы начали неметь. Глаза пылали. *Прошло больше минуты.* Я молотил руками и ногами, прокладывая себе дорогу через поток воды. Сражался словно одержимый. И вдруг я ощутил перемену в течении. Я нашел край! Мне показалось, я ухватился за телеграфный столб, высунувшись из окна курьерского поезда. Я пробился сквозь кожу трубы, и новое течение схватило меня за руки, ударило по голове, закружило, и я вдруг закувыркался вверх тормашками в неподвижной, прозрачной и ледяной воде.

«А теперь думай. Где верх?» Собрав всю волю до последней капли, я перестал барахтаться. Свободно завис в воде, пытаясь определить, куда меня поднимает естественная плавучесть. Я никуда не двигался. Мои легкие были совершенно пусты. Я стиснул губы. Делать вдох нельзя! У меня была нулевая плавучесть. Я никуда не двигался. Неподвижно завис в воде, в кубической миле черного океана. Я открыл глаза. Огляделся вокруг. Посмотрел вверх, вниз, по сторонам, извиваясь и крутя головой. Ничего не увидел. Я словно попал в открытый космос. Вокруг был только кромешный мрак. Ни одного лучика света. «Назад никто не возвращался».

Я ощутил слабое давление на грудь. Но не на спину. Значит, я висел в воде лицом вниз, практически неподвижно, медленно всплывая вперед спиной. Я постарался сосредоточиться. Зафиксировал это ощущение в сознании. Определил свое положение. Выгнул спину. Вытянул руки вперед, к поверхности. Выбросил ноги вниз. «Пошел! Только не дыши!»

Я как безумный заработал ногами, совершая огромные гребки руками и стиснув губы. *У меня нет воздуха.* Я развернул лицо так, чтобы первым на поверхность воды вырвался мой рот. Как далеко еще плыть? Надо мной расстилалась сплошная чернота. В ней не было ничего. Я погрузился на целую милю. *У меня совсем нет воздуха.* Я понял, что умру. Разжал губы. В рот хлынула вода. Я глотнул ее в легкие и закашлялся, упрямо продолжая молотить ногами. Перед глазами у меня поплыли багровые круги. Голова гудела. Меня словно колотила лихорадка. Я весь горел. И тотчас же замерзал. Затем мне показалось, что я укутан в толстое пуховое одеяло. Очень мягкое. Я перестал что-либо чувствовать.

И тогда я перестал барахтаться, потому что понял, что мне не выплыть. Поэтому я открыл рот, чтобы сделать вдох. Хлебнул соленую воду. Мою грудь схватила судорога, и я закашлял, выплевывая воду. Еще пару раз втянул ее в себя и исторг обратно. Я дышал чистой водой. Я снова принялся работать ногами. Сделал все, что мог. Один последний гребок. Я вложил в него все силы. Затем закрыл глаза и застыл неподвижно, дыша холодной водой.

Через полсекунды я вынырнул на поверхность. Прикосновение воздуха к моим щекам оказалось нежнее ласк возлюбленной. Я открыл рот, моя грудь судорожно сжалась, извергая фонтан воды, и я жадно глотнул воздух. После чего я забарахтался как сумасшедший, пытаясь подставить лицо сладкому холодному кислороду. Я просто работал руками и ногами и дышал, всасывая воздух и выдыхая его, кашляя и отфыркиваясь.

Я развел руки в стороны, поднял ноги на поверхность и откинул голову назад, широко раскрыв рот. Моя грудь поднималась и опускалась, поднималась и опускалась, наполнялась и опустошалась. Она двигалась невероятно быстро. Я чувствовал себя безмерно уставшим. И умиротворенным. Мое сознание было затуманенным. В мозгу не осталось кислорода. Целую минуту я пролежал в воде, только дыша. Мое зрение прояснилось. Я увидел над собой облака. Сознание тоже начало проясняться. Я продолжал дышать. Вдох, выдох, вдох, выдох, стиснув губы, шумно, сопя словно паровоз. У меня начала болеть голова. Перевернувшись на живот, я огляделся по сторонам, ища горизонт. Ничего не увидел. Я поднимался и опускался на высоких волнах. Вверх и вниз, вверх и вниз, футов на десять – пятнадцать. Я заработал ногами,

подгадывая так, чтобы следующая волна подняла меня на гребень. Посмотрел вперед. Ничего не увидел и снова провалился во впадину.

Я не имел понятия, где нахожусь. Развернувшись на девяносто градусов, я поднялся на гребень следующей волны и посмотрел вправо. Быть может, где-то рядом есть лодка. Лодок не было. Не было вообще ничего. Я был один посреди Атлантики. Меня куда-то несло. «Назад никто не возвращался».

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, я поднялся на гребень и посмотрел влево. Ничего. Провалившись вниз, я дождался следующей волны, поднялся вверх и посмотрел назад.

Я находился в ста ярдах от берега.

Я смог разглядеть особняк. Освещенные окна. Стену. Ослепительное сияние прожекторов. Я натянул рубашку на плечи. Промокшая насквозь, она была тяжелой. Набрав полную грудь воздуха, я перевернулся на живот и поплыл.

Сто ярдов. Любой приличный спортсмен-олимпиец проплывет сто ярдов за сорок пять секунд. Любой приличный пловец из университетской команды уложится на такой дистанции в минуту. Мне потребовалось почти пятнадцать минут. Начался отлив. Меня все время тащило назад. Мне казалось, я по-прежнему тону. И все же наконец я нащупал ногами дно, обхватил руками гладкий камень, покрытый холодным илом, и крепко уцепился за него. Волнение не утихало. Огромные волны обрушивались на меня, швыряя лицом на гранит, размеренные, словно маятник. Мне было все равно. Я упивался ударами волн. Всеми до одного. Я успел влюбиться в камень.

Целую минуту я отдыхал, держась за него, затем побрел вдоль стены гаража, низко пригнувшись, по пояс в воде. Потом пополз на четвереньках. Перекатился на спину. Уставился в небо. «Теперь один вернулся, Харли».

Набегавшие волны доходили мне до пояса. Я отполз на спине так, чтобы они доходили только до колен. Перевернулся на живот. Вытянулся, прижимаясь лицом к камню. Мне казалось, меня раздуло. Я замерз. До мозга костей. Мой плащ остался в море. Пиджак остался в море. «Средства убеждения» остались в море. «Беретта» осталась в море.

Я встал. Вода стекала с меня струями. Шатаясь, я сделал пару шагов. Мысленно услышал слова Леона Гарбера: «То, что тебя не убило, лишь делает тебя сильнее». Гарбер считал, что это изречение принадлежало Джону Кеннеди. На самом деле оно принадлежало Фридриху Ницше, но только он вместо слова «убило» употребил «уничтожило». «То, что нас

не уничтожило, делает нас сильнее». Проковыляв еще два шага, я прислонился к стене внутреннего дворика, после чего исторгнул из себя около галлона соленой воды. Тогда мне немного полегчало. Я помахал руками и поочередно подрыгал ногами, восстанавливая кровообращение. Затем пригладил мокрые волосы и сделал несколько медленных вдохов и выдохов. Меня очень беспокоил кашель. Мое горло болело и горело от холода и соли.

Я прошел вдоль стены и завернул за угол. Отыскал свой тайник и последний раз наведался в него. «Куин, я иду за тобой».

Мои часы еще шли. Они показали, что мой час уже давно истек. Даффи должна была позвонить в БАТО еще двадцать минут назад. Однако Бюро откликнется не сразу. Вряд ли в портлендском отделении есть оперативная служба. Вероятно, ближайшим местом будет Бостон. Откуда была прислана горничная. Так что времени у меня было достаточно.

Фургон исчез. Судя по всему, ужин был отменен. Но остальные машины стояли на месте. «Кадиллак», «линкольн», два джипа. В доме восемь врагов. Плюс Элизабет и кухарка. Я не знал, к какой категории отнести Ричарда.

Я шел, прижимаясь к стене особняка, и заглядывал в каждое окно. Кухарка находилась на кухне. Мыла посуду. Кист и Мейден оставили все продукты. Нырнув под окном, я пошел дальше. В обеденном зале царил разгром. Ворвавшийся в разбитое окно сквозняк смел со стола скатерть, расшвыряв посуду и приборы. В углах ветер намел дюны из штукатурки. В потолке зияли две дыры. Вероятно, такие же были в потолке комнаты над залом, а может быть, и в потолке комнаты третьего этажа. Возможно, «Бреннеке» пробили крышу и устремились к луне.

В комнате, в которой я играл в русскую рулетку, находились трое ливийцев и трое людей Куина. Они сидели за дубовым столом и ничего не делали. У них на лицах еще были видны отголоски шока. Но все уже начинали понемногу успокаиваться. Никто не собирался никуда уезжать. Нырнув под окном, я пошел дальше. Добрался до комнаты Элизабет Бек. Она была там. Вместе с Ричардом. Труп убрали. Элизабет сидела на диване и что-то быстро говорила. Я не мог разобрать слов, но Ричард слушал мать внимательно. Я пошел дальше.

Бек и Куин находились в комнате Бека. Куин сидел в красном кресле, а Бек стоял перед шкафчиком с пистолетами-пулеметами. Бек был бледен как полотно, угрюм и зол. Куин казался полностью довольным собой. В руке он держал жирную незажженную сигару. Покрутив ее большим и указательным пальцами, Куин поднес кончик к ножику.

Описав полный круг, я вернулся к кухне. Вошел в дом. Без звука. Металлодетектор молчал. Кухарка не услышала моих шагов. Я набросился на нее сзади. Зажал рукой рот и подтащил к столу. После того, что сделал Ричард, я больше не хотел рисковать. Достав из ящика льняное полотенце, я сделал из него кляп. Другим связал кухарке руки. Еще одним – щиколотки. Оставил кухарку сидящей в неуютной позе у мойки. Взяв четвертое полотенце, я положил его в карман. Затем вышел в коридор.

В доме было тихо. Едва слышно доносился голос Элизабет Бек. Дверь в ее комнату была открыта. Больше я ничего не услышал. Я быстро прошел к двери в логово Бека. Открыл ее. Шагнул внутрь. Закрыл дверь за собой.

Меня встретило сизое марево табачного дыма. Куин только что раскурил сигару. Мне показалось, он над чем-то смеялся. Увидев меня, Куин потрясенно застыл. Бек тоже был в шоке. Бледные и испуганные, они не отрывали от меня глаз.

– Я вернулся, – сказал я.

У Бека отвисла челюсть. Я нанес ему «сигаретный тычок». Захлопнув рот, Бек дернул головой, закатил глаза и повалился на настеленные в три слоя ковры. Удар получился приличным, и все же это был не лучший мой удар. В конце концов его сын спас ему жизнь. Если бы я не обессилел так от плавания в ледяной воде, я смог бы убить Бека одним ударом.

Вскочив из кресла, Куин метнулся ко мне. Он бросил сигару и сунул руку в карман. Я ударил его в солнечное сплетение. Судорожно ахнув, он согнулся пополам и упал на колени. Ударив по голове, я швырнул его на пол животом вниз. Поставил колено между лопатками.

– Нет, – задыхаясь, выдавил Куин. – Пожалуйста!

Я положил левую ладонь ему на затылок. Достал из ботинка долото и, приставив к уху, воткнул в голову, медленно, дюйм за дюймом. Куин умер еще до того, как долото вошло наполовину, но я давил до тех пор, пока оно не погрузилось по самую рукоятку. Я оставил его торчащим из уха. Достал из кармана полотенце, вытер им рукоятку и накрыл лицо. После чего устало поднялся на ноги.

– Десять – восемнадцать, Доми, – тихо произнес я.

Я придавил каблуком горящую сигару. Достал у Бека из кармана ключи и бесшумно вышел в коридор. Вернулся на кухню. Кухарка проводила меня взглядом. Я обогнул особняк. Сел в «кадиллак». Завел двигатель и поехал на запад.

Мне потребовалось тридцать минут на то, чтобы добраться до мотеля Даффи. Даффи и Виллануэва сидели в комнате вместе с Терезой Джастис. Теперь она уже больше не была Терезой Даниэль. И она больше не была одета как кукла. На ней был халат. Она вымылась под душем. Тереза быстро приходила в себя. Бледная и изможденная, она тем не менее уже была похожа на человека. На федерального агента. Тереза в ужасе уставилась на меня. Сначала я подумал, она приняла меня не за того. Она видела меня в подвале. Наверное, она решила, что я один из людей Куина.

Но затем я увидел себя в зеркало на двери гардероба и понял, в чем дело. Я насквозь промок с головы до ног. Меня трясло и колотило. Моя кожа была мертвенно-бледной. Рассеченная губа распухла и посинела. Волны, колотившие меня о скалы, оставили на лице свежие синяки. В волосах застряли водоросли, а рубашка была перепачкана илом.

– Я упал в море, – сказал я.

Все молчали.

– Я приму душ, – продолжал я. – Мне нужна всего пара минут. Вы связались с БАТО?

Даффи кивнула.

– Группа захвата уже в пути. Портлендская полиция оцепила склад. С минуты на минуту будет перекрыта дорога к особняку. Ты успел выбраться как раз вовремя.

– А разве я там вообще когда-нибудь бывал?

Виллануэва покачал головой.

– Тебя вообще не существует в природе. И уж мы определенно с тобой никогда не встречались.

– Спасибо, – поблагодарил я.

– Старая школа.

После душа мне полегчало. И выглядеть я тоже стал лучше. Но у меня не было одежды. Виллануэва одолжил мне свою. Она оказалась мне чуть коротковата, зато широка в плечах. Я спрятал ее под старым дождевиком. Плотно запахнул его, потому что до сих пор никак не мог согреться. Принесли пиццу. Мы умирали от голода. После соленой морской воды мне страшно хотелось пить. Мы поели. Я не мог кусать зажаренную корку пиццы. Мне приходилось губами втягивать в рот

начинку. Через час Тереза Джастис отправилась спать. Она пожала мне руку. Попрощалась очень вежливо. Она понятия не имела, кто я такой.

– «Руфи» начисто стирает память о самых последних событиях, – объяснил Вилλануэва.

Затем мы заговорили о деле. Даффи попала в страшную переделку. Ей предстоял настоящий кошмар. В незаконной операции она потеряла трех агентов. И спасение Терезы нельзя было рассматривать как успех. Потому что, для начала, Тереза не должна была находиться там, откуда ее спасли.

– Уходите с работы, – предложил я. – Переходите в БАТО. Вы только что преподнесли им на блюдечке отличный результат.

– Пожалуй, я уйду на пенсию, – сказал Вилλануэва. – Я уже старый, и с меня достаточно.

– А я не могу уйти, – сказала Даффи.

Вечером перед арестом в ресторане Доминик Коль спросила меня:

– Почему ты этим занимаешься?

Я не совсем понял, что она имела в виду.

– Ты хочешь сказать, почему я пригласил тебя на ужин?

– Нет, почему ты служишь в военной полиции? Ты ведь мог бы пойти куда угодно. В войска специального назначения, в разведку, в десантники – куда только захотел бы.

– Как и ты.

– Согласна. Но я знаю, почему я этим занимаюсь. И хочу узнать, почему этим занимаешься ты.

Впервые в жизни меня спрашивали об этом.

– Потому что я всегда хотел стать полицейским, – ответил я. – Но судьбой мне было назначено идти в армию. Семейные традиции. У меня не было выбора. Вот я и стал военным полицейским.

– Это не ответ. Почему ты хотел стать полицейским?

Я пожал плечами.

– Ну, наверное, это у меня в натуре. Полицейские следят за тем, чтобы все было как нужно.

– Что всё?

– Они заботятся о людях. Заботятся о маленьком человеке.

– И в этом все дело? В маленьком человеке?

Я покачал головой.

– Не совсем. На самом деле мне нет никакого дела до маленького человека. Я просто ненавижу большого человека. Ненавижу самодовольных людей, считающих, что им все сойдет с рук.

– В таком случае ты добиваешься правильных результатов, исходя из ошибочных мотивов.

Я кивнул.

– Но я стараюсь делать то, что нужно. По-моему, мотивы не так уж важны. В любом случае, мне нравится видеть торжество справедливости.

– И мне тоже, – сказала Коль. – Я тоже стараюсь делать то, что нужно. Несмотря на то, что все нас ненавидят и никто нам не помогает и нас не благодарит. По-моему, в конечном счете главное – делать то, что нужно. Разве не так?

– Ты сделала то, что нужно? – спросил я десять лет спустя.

Даффи кивнула.

– Никаких сомнений?

– Нет.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

– В таком случае успокойся, – сказал я. – Это лучшее, на что только можно надеяться. Никто нам не помогает и нас не благодарит.

Она помолчала.

– А ты сделал то, что нужно?

– Без вопросов, – подтвердил я.

На том мы и порешили. Даффи устроила Терезу Джастис в ту комнату, которую прежде занимал Элиот. Виллануэва остался у себя, а мне пришлось идти к Даффи. Похоже, она чувствовала себя неловко по поводу своих слов насчет того, что мы вели себя не так, как подобает профессионалам. Я никак не мог определить, то ли Даффи хочет подкрепить свое заявление, то ли дезавуировать его.

– Не паникуй, – успокоил ее я. – Я слишком устал.

И на этот раз я делом доказал справедливость своих слов. Хотя нельзя сказать, что я не старался. Мы начали. Даффи ясно дала понять, что намеревается дезавуировать свое предыдущее заявление. Дала ясно понять, что лучше сказать «да», чем «нет». Я был очень этому рад, потому что она мне нравилась. И мы начали. Мы разделись и легли вместе в кровать, и, насколько я запомнил, я поцеловал Даффи с такой силой, что у меня заболел рот. Но больше в моей памяти ничего не осталось. Я заснул. Заснул мертвым сном. Проспал одиннадцать часов подряд. Когда я проснулся, в номере никого не было. Даффи, Виллануэва и Тереза Даниэль уехали навстречу тому, что приготовило для них будущее. Я остался один с ворохом воспоминаний. Был уже полдень. Сквозь шторы пробивался солнечный свет. Одежда Вилланурэвы исчезла со спинки стула. Вместо нее лежал полиэтиленовый пакет. Внутри два комплекта дешевой одежды. Бросив взгляд, я пришел к выводу, что она будет мне впору. Сьюзен Даффи прекрасно определяет размеры одежды. Один комплект был на теплую погоду. Один на холодную. Даффи не знала, в какую сторону я направлюсь. Поэтому предусмотрела все возможности. Она была очень практичная женщина. Я пришел к выводу, что буду по ней скучать. Какое-то время.

Я оделся легко. Оставил одежду на холодную погоду в мотеле. Я решил воспользоваться «кадиллаком» Бека. Доехать на нем по шоссе I-95 до стоянки под Кеннебанком. И оставить там. Оттуда без труда можно будет уехать на юг. В самые разные места. I-95 ведет до самого Майами.

Примечания

1

Четвертая поправка к Конституции США, принятая в 1791 году, провозглашает неприкосновенность личности, жилища, бумаг и имущества.

2

Ревир Пол (1735–1818) – участник Войны за независимость, бостонский активист организации «Сыны свободы». Прославился тем, что в ночь на 18 апреля 1775 года принес в г. Лексингтон, где находились восставшие ополченцы, весть о готовящемся нападении англичан.

3

Условное обозначение лица мужского пола, чье имя неизвестно или не оглашается по каким-либо причинам.

4

Пистолет самозарядный малогабаритный.

5

J u s t i c e – правосудие (*англ.*).

6

Созвучно с new town – новый город (*англ.*).

7

Джонс Кейси – легендарный машинист железной дороги, в 1900 году ценой своей жизни предотвратил железнодорожную катастрофу.

8

Вторая поправка к Конституции США гарантирует право граждан на хранение и ношение оружия.